

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс*Пи
Научный журнал

P
HILOSOPHY -
ФИЛОСОФИЯ

P
OLITICAL SCIENCE -
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА

P
AST & PRESENT -
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ

P
UBLIC RELATIONS -
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ

P
HILOLOGY -
ФИЛОЛОГИЯ

№ 2-3 (15-16) 2014

Выпуск подготовлен при поддержке гранта РГНФ
№14-13-66501 «Международная конференция
Soft power: теория, ресурсы, дискурс», 2014 г.

DISCOURSE-P
ДИСКУРС*ПИ

IPL INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL DEPARTMENT • 1988

**Институт философии и права
Уральского отделения
Российской Академии наук**

ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
ДИСКУРС*ПИ
Екатеринбург – 2014

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ
«ДИСКУРС-ПИ»
№ 2–3 (15–16) 2014

Учредитель
Уральское отделение Российской академии наук
Институт философии и права УрО РАН

Издатель
Издательский Дом «Дискурс-Пи»

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-54425 от 10.06.2013 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций

Рукописи рецензируются
Требования к рукописям научных статей,
представляемых для публикации
в научном журнале «Дискурс-Пи»,
размещены в конце выпуска

**Материалы направляйте
на адрес редакции**
620990, г. Екатеринбург,
ул. Софьи Ковалевской, 16,
Институт философии и права УрО РАН
Телефон: +7 (912) 632-96-99
E-mail: ruskova_mail@mail.ru;
dipi@nm.ru

**Все выпуски журнала
размещаются на сайте**
www.madipi.ru

**При перепечатке ссылки на журнал
обязательны**

**Редакция рекомендует авторам
придерживаться стилистики
научного дискурса**

DISCOURSE-P
Дискурс-Пи
Научный журнал

PHILOSOPHY – ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE – ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT – ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS – СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILOLOGY – ФИЛОЛОГИЯ

DISCOURSE-P
Дискурс-Пи
Научный журнал

PHILOSOPHY – ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE – ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT – ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS – СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILOLOGY – ФИЛОЛОГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

О. Ф. Русакова – доктор политических наук, профессор

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Л. М. Андрихина – д. ф. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Е. Г. Дьякова – д. полит. н. (г. Екатеринбург, Россия)
Ю. Г. Ершов – д. ф. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
С. Г. Зырянов – д. полит. н., профессор (г. Челябинск, Россия)
К. В. Киселев – к. ф. н., доцент (г. Екатеринбург, Россия)
Е. А. Кожемякин – д. ф. н., профессор (г. Белгород, Россия)
Н. А. Комлева – д. полит. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
О. В. Коркунова – д. ф. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
В. О. Лобовиков – д. ф. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
В. С. Мартыянов – к. полит. н., доцент (г. Екатеринбург, Россия)
С. В. Мошкин – д. полит. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
К. С. Романова – к. ф. н., доцент (г. Екатеринбург, Россия)
В. М. Русаков – д. ф. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
О. Г. Скворцов – к. филол. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
А. В. Сперанский – д. и. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Д. Л. Стровский – д. пол. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Е. М. Олову – зав. науч. библиотекой Института философии и права УрО РАН (г. Екатеринбург, Россия)
А. Д. Трахтенберг – к. полит. н., доцент (г. Екатеринбург, Россия)
И. Б. Фан – д. полит. н., доцент (г. Екатеринбург, Россия)
Л. Г. Фишман – д. полит. н. (г. Екатеринбург, Россия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

В. В. Алексеев – академик РАН, д. и. н. (г. Екатеринбург, Россия)
Е. Т. Артемов – д. и. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
В. Г. Богомяков – д. ф. н., профессор (г. Тюмень, Россия)
М. В. Ильин – д. полит. н., профессор (г. Москва, Россия)
А. Д. Королев – гл. уч. секретарь РФО, к. ф. н. (г. Москва, Россия)
К. Н. Любутин – д. ф. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
М. А. Малышев – профессор Автономного университета штата Мехико (Толука, Мексика)
О. Ю. Малинова – д. ф. н., профессор (г. Москва, Россия)
А. В. Перцев – д. ф. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
В. И. Разумов – д. ф. н., профессор (г. Омск, Россия)
В. Н. Руденко – член-корреспондент РАН, д. ю. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Ю. К. Саранчин – д. ф. н., профессор (г. Екатеринбург, Россия)
Л. Н. Синельникова – д. филол. н., профессор (г. Луганск, Украина)
Е. А. Степанова – д. ф. н., доцент (г. Екатеринбург, Россия)
Л. Н. Тимофеева – д. полит. н., профессор (г. Москва, Россия)
В. Е. Хвощев – к. и. н., профессор (г. Челябинск, Россия)
М. А. Фадеичева – д. полит. н., доцент (г. Екатеринбург, Россия)
А. Н. Чумаков – первый вице-президент РФО, д. ф. н., профессор (г. Москва, Россия)

СЕКРЕТАРИАТ

Е. Г. Грибовод – ответственный секретарь
Р. А. Зайнетдинова – к. ф. н., секретарь-координатор

DISCOURSE-P
ДИСКУРС-ПИ

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
ДИСКУРС-ПИ

Предисловие главного редактора

О.Ф. Русакова
Мягкая сила в зеркале российского и мирового опыта 10

Геополитика

В.М. Русаков, Ю.К. Саранчин
Геополитика: от политической планиметрии к политической стереометрии..... 12

Персона

И.Б. Фан
Между двух культур: жизненный путь и вехи творчества бывшего преподавателя философского факультета УрГУ

Интервью с М.А. Малышевым 19

Тропы метода

А.Г. Волков
Совершенствование номинации как способ усиления дискурсивной позиции субъекта политического дискурса 30

Конференц-зал

Международная конференция SOFT POWER: ТЕОРИЯ, РЕСУРСЫ, ДИСКУРС

Доклады

Российские ресурсы soft power: история и современность

Н.В. Бряник
Права человека как инструмент мягкой силы 39

Т.А. Яшкова
Суверенитет или интеграция: soft power на постсоветском пространстве..... 46

И.В. Юрченко, Р.А. Фатхуллина
Дискурс безопасности и защиты национально-государственных интересов России в условиях вызовов информационной войны и политики североатлантического глобализма 51

О.Ф. Русакова, В.М. Русаков
Реализация технологий «мягкой силы» во внешней политике России 58

В.В. Егоров
Образно-ментальный мир советского человека как мягкая сила воспроизводства политического строя общества 66

Е.Г. Маклашова, И.С. Астахова
Этничность и идентичность: соотношение и особенности формирования в условиях национального субъекта РФ 73

Е.О. Негров
Механизмы реализации soft power в пограничном регионе: анализ региональных дискурсивных практик в Северо-Западном федеральном округе 79

А.В. Бочаров
Потенциал soft power в политическом концепте «Русский мир»: предпосылки и перспективы исследований 85

К.Ю. Королева
Социально обеспечительные стратегии в системе социальной защиты современной России: испытание заботой..... 92

Е.С. Панталеенко
Современные аспекты в проблематизации идентичности..... 96

М.Ю. Предеина
Российская экспансия в зеркале идеологических форм. К постановке проблемы..... 99

Т.Н. Рогачева
Политический имидж как инструмент «мягкой власти» современных политиков..... 103

Е.А. Агеева
Объективная необходимость и субъективные факторы формирования национальной идентичности..... 106

Е.В. Жеребцова
Развитие профессиональной мобильности будущих специалистов: Практический инструментарий «мягкой силы» государства 110

Т.Н. Носова
Soft power России в зеркале социологического опроса..... 113

Национально-государственные и региональные стратегические модели soft power

О.М. Хауер-Тюкаркина
Строительство нового старого света: soft power в политике Европейского союза 117

А.Г. Иванов
Канадский опыт формирования имиджа страны и строительства институтов soft power 123

К.К. Фурсов
«Мягкая», «жесткая» и «умная» сила в политическом дискурсе международного кризиса вокруг Украины..... 129

Е.Д. Кочнева
Япония как мировой лидер продвижения Soft Power 134

Е.Р. Шакиров
Мягкая сила Японии 141

Р.Р. Мухамедярова
Стратегия мягкой силы Франции 146

Д.А. Супруненко
Soft power в Великобритании 152

И.С. Бесценный
Soft Power США 158

О.И. Антоничев
Концепция «Мягкой силы» во внешней политике Бразилии 166

В.О. Жидков
Элементы южнокорейской мягкой силы..... 172

Д.Д. Гуляев
Мягкая сила Индии 178

Е.В. Глухова
Политика Soft Power в Швейцарской конфедерации 182

А.Е. Ловкова
Мягкая сила Австрии..... 184

Е.Р. Хайрутдинова
Норвегия – страна северной сказки и мягкой силы 196

А.Ю. Щербаков
Символические границы макрорегиональной идентичности: уральский случай 202

К.В. Киселев
К вопросу об идентичности Свердловской области 206

SCIENTIFIC JOURNAL
«DISCOURSE-P»
№ 2–3 (15–16) 2014

Founded by
Ural Department of Russian Academy of Sciences
Institute of Philosophy and Law

Publisher
Publishing House «Discourse-P»

Certificate of Registration
ПИ № ФС77-54425 of 10.06.2013

EDITOR-IN-CHIEF
O.F. Rusakova – Doctor of Political Sciences, Professor

EDITORIAL BOARD

L.M. Andriuhina – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
E.G. Djakova – Dr.Sc. (Political Science) (Ekaterinburg, Russia)
J.G. Ershov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
S.G. Zyryanov – Dr.Sc. (Political Science), Professor (Chelyabinsk, Russia)
K.V. Kiselev – Cand.Sc. (Philosophy), Associate Professor (Ekaterinburg, Russia)
E.A. Kozhemjakin – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Belgorod, Russia)
N.A. Komleva – Dr.Sc. (Political Science), Professor (Ekaterinburg, Russia)
O.V. Korkunova – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
V.O. Lobovikov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
V.S. Martjanov – Cand.Sc. (Political Science), Associate Professor (Ekaterinburg, Russia)
S.V. Moshkin – Dr.Sc. (Political Science), Professor (Ekaterinburg, Russia)
K.S. Romanova – Cand.Sc. (Philosophy), Associate Professor (Ekaterinburg, Russia)
V.M. Rusakov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
O.G. Skvortsov – Cand.Sc. (Philology), Professor (Ekaterinburg, Russia)
A.V. Speransky – Dr.Sc. (History), Professor (Ekaterinburg, Russia)
D.L. Strovsky – Dr.Sc. (Political Science), Professor (Ekaterinburg, Russia)
E.M. Olovu – manager of Science Library, Ural Department of RAS, Institute of Philosophy and Law (Ekaterinburg, Russia)
A.D. Trahtenberg – Cand.Sc. (Political Science), Associate Professor (Ekaterinburg, Russia)
I.B. Fan – Dr.Sc. (Political Science), Associate Professor (Ekaterinburg, Russia)
L.G. Fishman – Dr.Sc. (Political Science) (Ekaterinburg, Russia)

EDITORIAL COUNCIL

V.V. Alekseev – Member of RAS, Dr.Sc. (History), Professor (Ekaterinburg, Russia)
E.T. Artemov – Dr.Sc. (History), Professor (Ekaterinburg, Russia)
V.G. Bogomyakov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
M.V. Iljin – Dr.Sc. (Political Science), Professor (Moscow, Russia)
A.D. Korolev – Chief Secretary of RPS, Cand.Sc. (Philosophy) (Moscow, Russia)
K.N. Ljubutin – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
M.A. Malyshev – Professor of Independent University of State of Mexico City (Toluca, Mexico)
O.J. Malinova – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Moscow, Russia)
A.V. Pertsev – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
V.I. Razumov – Dr.Sc. (Philosophy), Professor, (Omsk, Russia)
V.N. Rudenko – Corr. – Member of RAS, Dr.Sc. (Law), Professor (Ekaterinburg, Russia)
J.K. Saranchin – Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Ekaterinburg, Russia)
L.N. Sinelnikova – Dr.Sc. (Philology), Professor (Lugansk, Ukraine)
E.A. Stepanova – Dr.Sc. (Philosophy), Associate Professor (Ekaterinburg, Russia)
L.N. Timofeeva – Dr.Sc. (Political Science), Professor (Moscow, Russia)
V.E. Hvoshchev – Cand.Sc. (History), Professor (Chelyabinsk, Russia)
M.A. Fadeicheva – Dr.Sc. (Political Science), Associate Professor (Ekaterinburg, Russia)
A.N. Chumakov – First Vice-President of RPS, Dr.Sc. (Philosophy), Professor (Moscow, Russia)

SECRETARY

E.G. Gribovod – Executive Secretary
R.A. Zajnetdinova – Cand.Sc. (Philosophy), Secretary-coordinator

DISCOURSE-P
ДИСКУРС-ПИ

ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
ДИСКУРС-ПИ

Editor's Preface

O.F. Rusakova
Soft Power in a Mirror of the Russian and World Experience..... 10

Geopolitics

V.M. Rusakov, J.K. Saranchin
Geopolitics: From Political Planimetry to Political Stereometry 12

Person

I.B. Fan
Between Two Cultures: A Course of Life and Marks of Creativity of the Former Teacher of Philosophical Faculty of UStU

Interview with M.A. Malyshev 19

Tropes of Method

A.G. Volkov
Nomination Perfection as the Way of Strengthening of the Discursive Position of the Subject of the Political Discourse 30

Conference Chamber

International Conference SOFT POWER: THEORY, RESOURCES, DISCOURSE

Reports

The Russian Resources of Soft Power: History and the Present

N.V. Bryanic
Human Rights as an Instrument of Soft Power..... 39

T.A. Yashkova
The Sovereignty or Integration: Soft Power on the Post-Soviet Territory 46

I.V. Yurchenko, R.A. Fatkhulina
Discourse of Security and Protection of the National Interests of Russia in the Context of the Challenges of Information Warfare and Politics of Globalization of the North Atlantic 51

O.F. Rusakova, V.M. Rusakov
Realization of Technologies of Soft Power in Foreign Policy of Russia..... 58

V.V. Egorov
Figuratively-Mental World of the Soviet Person as Soft Power of Reproduction of the Political System of the Society 66

E.G. Maklashova, I.S. Astakhova
Ethnicity and Identity: Features of Formation in Conditions of Ethnic Russian Republic 73

E.O. Negrov
Realization of Mechanisms of Soft Power in a Boundary Region: The Analysis of the Regional Discursive Practices in Northwest Federal District..... 79

A.V. Bocharov
Potential of Soft Power in a Political Concept «Russian World»: Prerequisites and Prospects of Researches 85

K.Y. Korolyova
Social Welfare Strategies in the Russian Social Security System: The Test of Care 92

K.S. Pantileyenko
Modern Aspects in Problematization of Identity 96

M.Y. Predeina
Russian Expansion in the Mirror of Ideological Forms 99

T.N. Rogacheva
Political Image as the Tool of the Soft Power of Modern Politicians..... 103

E.A. Ageeva
Objective Necessity and Subjective Factors of Formation of National Identity 106

E.V. Zherebtsova
Developing Professional Mobility of University Students: Practical Soft Power Tools..... 110

T.N. Nosova
Soft Power of Russia in the Mirror of Sociological Survey 113

The National-State and Regional Strategic Models of Soft Power

O.M. Hauer-Tyukarkina
Construction of the New «Old World»: Soft Power in the EU Politics 117

A.G. Ivanov
Canadian Experience of Forming the Image of the Country and Building the Institutions of Soft Power 123

K.K. Fursov
«Soft», «Hard» and «Smart» Power in Political Discourse of International Crisis around Ukraine..... 129

E.D. Kochneva
Japan as a World Leader Promoting Soft Power..... 134

E.R. Shakirov
Soft Power of Japan 141

R.R. Mukhamediarova
France's Soft Power Strategy 146

D.A. Suprunenko
Soft Power in Great Britain..... 152

I.S. Bestsenyi
Soft Power of USA..... 158

O.I. Antonichev
The Concept of «Soft Power» in Foreign Policy of Brazil..... 166

V.O. Zhidkov
Elements of South Korean Soft Power 172

D.D. Guljar
Soft Power of India 178

E.V. Gluhova
Policy of Soft Power in the Swiss Confederation 182

A.E. Lovkova
Soft power of Austria 184

E.R. Hayrutdinova
Norway – The Country of the Northern Fairy Tale and Soft Power..... 196

A.Y. Scherbakov
Symbolic Boundaries of a Macro Regional Identity: Ural Case..... 202

R.V. Kiselev
To The Question on Identity of Sverdlovsk Region..... 206

МЯГКАЯ СИЛА В ЗЕРКАЛЕ РОССИЙСКОГО И МИРОВОГО ОПЫТА

Русакова Ольга Фредовна

Институт философии и права,
Уральское отделение Российской академии наук,
зав. отделом философии, доктор политических
наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Дорогие читатели!

В представленных номерах нашего журнала мы продолжаем публиковать доклады Первой Международной конференции «Soft power: теория, ресурсы, дискурс». Тематически доклады объединены в две большие группы. Одна группа докладов идет под общей тематикой «Российские ресурсы soft power: история и современность». В ней Вы найдете работы, посвященные как общим концептуальным аспектам исследования мягкой силы (доклады *Н. В. Бряник, Е. С. Панталеенко*), так и конкретным вопросам развития в России ресурсов мягкой силы (доклады *Т. А. Яиковой, О. Ф. Русаковой, В. М. Русакова, Е. О. Негрова, А. В. Бочарова*).

Часть авторов посвятила свои работы проблемам формирования идентичности и внутри-

политическим аспектам реализации стратегии soft power в разные периоды истории страны (доклады *Е. Г. Маклашовой, И. С. Астаховой, В. В. Егорова, Е. А. Агеевой, Т. Н. Рогачевой*).

Актуальным проблемам возрастания роли мягкой силы в обеспечении национальной безопасности и суверенитета страны посвящены доклады *Т. Ф. Яиковой, И. В. Юрченко, Р. А. Фатхуллиной*. Некоторые социальные аспекты использования инструментов soft power нашли свое отражение в работах *К. Ю. Королевой, Е. В. Жеребцовой*. С одним из первых студенческих опытов проведения социологического исследования мягкой силы России знакомит нас статья *Т. Н. Носовой*.

Другая группа докладов объединена в тематический блок под названием «Национально-государственные и региональные стратегические модели soft power». В нем представлены доклады, посвященные опыту конкретных государств в области разработки собственных концепция мягкой силы, а также их опыту применения на практике инструментов мягкого влияния, главным образом, во внешнеполитической сфере. В числе стран, чей опыт применения мягкой силы, по мнению авторов статей, заслуживает большого исследовательского внимания – страны Европейского Союза (доклады *О. М. Хауер-Тюкаркиной, Р. Р. Мухамедяровой, Д. А. Супруненко, А. А. Бесединой*); страны Северной Америки (доклады *А. Г. Иванова, И. С. Бесценного*). Предметом специального рассмотрения стали национальные модели soft power Японии (доклады *Е. Д. Кочневой, Е. Р. Шакирова*), Турции (статья *А. С. Исакова*), Украины (статья *К. К. Фурсова*), а также ряда других стран.

Уважаемые читатели!

В настоящем сдвоенном выпуске журнала Вы сможете познакомиться с научной

биографией и глубокими мировоззренческими размышлениями выдающегося российского философа, ученого с мировым именем, проживающего в Мексике, *Михаила Алексеевича Малышева*. Наш журнал неоднократно публиковал интереснейшие статьи и афоризмы *Михаила Алексеевича. М. А. Малышев* всегда принимает активнейшее участие во многих научных проектах Международной Академии Дискурса-Исследований (МАДИ), будучи одним из первых ее академиков.

Интервью с профессором-исследователем Автономного университета Штата Мехико, кандидатом философских наук *М. А. Малышевым* провела наш постоянный автор, руководитель рубрики «Персона», доктор политических наук, доцент *И. Б. Фан*.

Кроме того, в рубрике «Геополитика» мы публикуем статью *В. М. Русакова* и *Ю. К. Саранчина*, посвященную анализу реформирования содержания основных категорий геополитики (линии, границы, сферы, суверенитет) в процессе глобализации и усложнения системы международных отношений, геополитическая планиметрия и стереометрия. Авторы показывают своеобразие, преимущества и недостатки оборонительной и наступательной позиций.

В рубрике «Тропы метода» читатель сможет познакомиться со статьей нашего коллеги с Украины, доктора философских наук *А. Г. Волкова*, посвященной методу исправления имен как средству совершенствования политического дискурса.

SOFT POWER IN A MIRROR OF THE RUSSIAN AND WORLD EXPERIENCE

Rusakova Olga Fredovna,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Department of Russian Academy of Sciences,
head of philosophy division,
doctor of political sciences, full professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

ГЕОПОЛИТИКА: ОТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ПЛАНИМЕТРИИ К ПОЛИТИЧЕСКОЙ СТЕРЕОМЕТРИИ

Русаков Василий Матвеевич,

Институт международных связей,
зав. кафедрой философии и культурологии,
доктор философских наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

Саранчин Юрий Константинович,

Уральский государственный экономический университет,
доктор философских наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия

Аннотация

Анализируется переформатирование содержания основных категорий геополитики (линии, границы, сферы, суверенитет) в процессе глобализации и усложнения системы международных отношений, геополитическая планиметрия и стереометрия.

Ключевые слова:

граница, суверенитет, геополитика, международное право.

Геополитика как область политической науки изначально уделяет значительное внимание разнообразной политической геометрии – линиям и фигурам, маркирующим территории и области земной поверхности, на которых реализуются различные властные отношения. Географический детерминизм, оказавший существенное влияние на происхождение геополитики, неизбежно акцентировал этот «землеописательный» аспект (в глубине которого находилось архетипическое ядро с плоской Землей, «стоящей на черепахах»).

В политической науке и практике с древних времен до наших дней большое внимание

уделялось проведению различных *линий*: от древнеримских «лимесов» [3], русской «засечной черты», до линий Дюрана (1893), Гинденбурга (1916–1917), Фоша (1919), Керзона (1919), Мажино (1929–1934), Маннергейма (1920–30 гг.), Сталина и Молотова, и т. п.

Параллельно формировалось и институционализировалось (возможно, еще более древнее, архаичное) представление о *линии-стене* (вале): Адрианов вал, Антонинов вал, вал Чингисхана, Великая китайская стена, Берлинская стена, Марокканская стена, Израильско-арабская стена, стены на границе США и Мексики, Северной и Южной Кореи и т. д.

В геополитике особое место занимают линии государственных границ [1; 2; 3; 5]. Но традиционные представления о границах как линиях на плоскости пришлось значительно изменить – уже в начале XX в. с появлением авиации остро встал вопрос о границах воздушного пространства всякого государства. Современный ФЗ РФ «О государственной границе» это четко фиксирует: Государственная граница – линия и *проходящая по этой линии вертикальная плоскость*, определяющая пределы государственной территории (суши, вод, недр и воздушного пространства) страны, то есть пространственный предел действия государственного суверенитета [15].

Линии, отделяющие сухопутную территорию одного государства от сопредельной территории другого государства, являются государственной границей на суше. Линии, отделяющие территориальные воды от вод открытого моря, то есть линии внешнего предела территориальных вод, а также линии, разграничивающие территориальные воды между двумя соседними государствами, являются морскими государственными границами. В межгосударственной практике известны орографические, геометрические и географические государственные границы. Орографическая граница – линия, проведенная по естественным рубежам с учётом рельефа местности, в основном по горному водоразделу и руслу рек. Но также существует «геометрическая граница», которая пересекает местность без учёта её рельефа (миная населённые пункты) [9].

Будучи идеальными предметами, эти линии обладают свойствами идеальных объектов: географические линии проходят через определённые географические координаты (могут совпадать с параллелью или меридианом). На политической карте мира хорошо видны географические границы, проведенные по параллелям и меридианам, они встречаются в Африке и Америке – где они устанавливались государствами-метрополиями для колоний: около 42% всей длины сухопутных границ в Африке проведены по параллелям, меридианам и равноудаленным линиям – без какого-либо учета социальных реалий. Это, несомненно, говорит о сохраняющемся высоком конфликтном по-

тенциале границ в Африке – 37% границ были навязаны африканцам британскими и французскими колониальными властями [8; 9].

Некоторые особенности политической геометрии имеет международно-правовой режим арктических районов открытого моря (Северный Ледовитый океан). Канада, Россия, США и другие страны разделили его на «полярные сектора». Все земли и острова в пределах «полярных секторов», ледяные поля у берега входят в состав государственных территорий этих стран. «Полярный сектор» – пространство, основанием которого является северная граница государства, вершиной – Северный полюс, а боковыми границами – меридианы. В то же время следует отметить необычность политической геометрии в особом международно-правовом режиме, установленном в Антарктиде по договору 1959 г.: здесь принципиально отсутствуют какие-либо разграничительные линии – материк полностью демилитаризован и открыт для научных исследований всех стран [9].

Американский политолог Н. Спайкмен в 1940 году в работе «Geography of Peace» [4] в противовес «Хартленду» Маккиндера [16] ввел понятие «Римленд» (англ. *Rimland* – «Дуговая земля»). Спайкмен назвал дугу (от англ. *rim* – дуга) прибрежной полосы, окружающей Хартленд с запада, юга и юго-востока. В отличие от Маккиндера, Спайкмен полагал, что именно эта земля имеет решающее стратегическое значение для контроля над Евразией. Можно было бы пожать плечами – мало ли какие линии чертят теоретики, – но на основе теории Спайкмена Соединённые Штаты расположили вокруг Советского Союза целую сеть военных баз дугой от Средиземноморья до Индокитая во время Холодной войны. С другой стороны, мы видим, как последовательно воплощается хорошо известное положение Х. Маккиндера сегодня: «Кто контролирует Восточную Европу, тот командует Хартлендом; кто контролирует Хартленд, тот командует Мировым островом (то есть Евразией и Африкой); кто контролирует Мировой остров, тот командует миром» [17].

Вообще, пристрастие к «дугам» весьма характерно для американской геополитики: З. Бжезинский испещрил глобус «дугами нестабильности» для обоснования давних идей

о вызовах и угрозах американским интересам, прочерчиваемым подобной геометрией [6].

Однако, будучи идеальным объектом, не принадлежащим к вещественной реальности, они обладают достоинством действительности, которая разнообразно опредмечивается соответствующими пограничными знаками, стенами, разметкой и социальными институтами.

XX-ый век внес вклад в переход от традиционной политической планиметрии – к политической стереометрии. И прежде всего это было связано с процессом начавшейся глобализации. Усложнение системы международных отношений неизбежно модифицировало геополитические представления и властно требовало перехода от «плоскостного» воззрения – к пространственному. Вводятся пространственные категории: политические «сферы», «оси», «блоки». Стала все более очевидной тенденция – по мере углубления, проникновения во все более широкие и глубокие слои и сферы существования Земли, человеческое общество и политика неизбежно переходят от планиметрии – к стереометрии. И это не просто метафорические рассуждения о «сферах влияния» и «пространствах силы», а самая что ни на есть злободневная практика новых разграничений, только теперь уже не на плоскости, а в глубине земных недр и мирового океана, в воздушном пространстве и далее – в космосе. Ведь воображаемая плоскость, проходящая по линии государственной границы перпендикулярно земной поверхности, служит границей воздушного пространства соответствующего государства [15; 12].

В конце 1960-х годов инициаторами установления «экономических зон» выступили латиноамериканские государства. К середине 1980-х годов их примеру последовали почти все другие государства мира, в том числе наша страна. На экономические зоны ныне приходится 40% площади Мирового океана, в т. ч. районы, дающие 96% мирового вылова рыбы [10]. Экономические зоны – это районы акватории мирового океана, прочерчиваемые за пределами территориальных вод, – шириной около 200 морских миль, в которых приморское государство осуществляет суверенные права

на разведку и разработку минеральных ресурсов, проведение научных исследований, лов рыбы (зоны национальной юрисдикции на ресурсы), а другие страны пользуются свободой судоходства и имеют доступ к излишкам допустимого улова (по Конвенции ООН по морскому праву) [9; 10].

Но это было лишь началом новой тенденции проведения новых разграничительных линий, пространств, сфер: следующим этапом стал выход политических регуляторов на *континентальный шельф*. В соответствии с Конвенцией ООН по морскому праву 1982 г. под континентальным шельфом понимается «морское дно и недра подводных районов, простирающихся за пределы территориальных вод государства на всем протяжении естественного продолжения его сухопутной территории до внешней границы подводной окраины материка или на расстояние 200 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориальных вод, когда внешняя граница подводной окраины материка не простирается на такое расстояние» [10]. При этом внешняя граница континентального шельфа не может находиться далее 100 морских миль от 200-метровой изобаты (линии одинаковых глубин) и не должна проходить далее 350 морских миль от исходных линий, от которых отмеряется ширина территориальных вод. Нашей стране был выделен участок в центральной, приэкваториальной части Тихого океана (площадью около 75 тыс. км²) для проведения поисково-разведочных работ на дне океана.

Не менее сложный характер имеют проблемы политико-правового регулирования воздушного пространства [12]. Дело в том, что воздушное пространство юридически не однородно. Во-первых, часть его, расположенная над сухопутной и водной территорией государства, включая его территориальное море, является неотъемлемой частью территории, находящейся под суверенитетом государства, где ему принадлежит исключительная юрисдикция в отношении всех находящихся в пределах его территории физических и юридических лиц и иных объединений с должным учетом его соответствующих международных обяза-

тельств. Во-вторых, часть воздушного пространства, расположенная над открытым морем и Антарктикой, является негосударственной, международной территорией со всеми вытекающими отсюда юридическими последствиями.

Основной источник современного воздушного права – Конвенция о международной гражданской авиации 1944 г. (Чикагская конвенция) – содержит определение термина «международное воздушное сообщение» как означающего воздушное сообщение, осуществляемое через воздушное пространство над территорией более чем одного государства (ст. 96) [9; 10].

И, в-третьих, развитие космических транспортных систем и пусковых технологий позволило создавать аэрокосмические объекты, которые могут быть использованы в воздушном и космическом пространстве. В связи с этим возник *вопрос о праве на прохождение этих объектов через воздушное пространство государств*. Речь шла о движении космических аппаратов, в том числе и многоразового использования, на их пути в космос или при возвращении на Землю.

Но правовые режимы воздушного и космического пространства не одинаковы. Воздушное пространство над сухопутной территорией государства и его территориальными водами подпадает под суверенитет этого государства и на него распространяется действие национального законодательства. Космическое пространство используется в интересах всего человечества и его юридический статус регулируется международным правом. Однако вопрос об определении понятия «космическое пространство» не решен [12]. Большинство в Комитете ООН по мирному освоению космического пространства (в том числе и РФ) разделяется точка зрения функциональная – граница воздушного и космического пространства пролегает на высоте 100–110 км. над поверхностью Земли, и дело сводится к характеру используемого космического объекта – спутник ли это, орбитальная станция или аэрокосмический аппарат типа космического «челнока». Но здесь возникает большой спектр неурегулированных проблем: ответственности за возможный ущерб,

спасение терпящих бедствие при возвращении с орбиты и т. п. [11].

Собственно космическое пространство находится за пределами земной территории и его правовой режим пока определяется довольно общими принципами и нормами международного космического права. Но при этом в современном международном праве уже сформировалась новая отрасль со своей политической стереометрией – международное космическое право [12]. Объектом этой отрасли являются: отношения по поводу космического пространства и небесных тел; правовое положение космонавтов, искусственных космических объектов, наземных космических систем; космическая деятельность. Под международным космическим правом понимается отрасль современного международного права, регулирующая отношения между государствами по поводу установления правового режима космического пространства и небесных тел, использования и исследования космического пространства и небесных тел.

Здесь основными источниками международного космического права изначально являются международные договоры: Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 г. (Договор по космосу) [7], Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство, 1968 г. [14], Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г. (Конвенция об ответственности) [11], Конвенция о регистрации объектов, запущенных в космическое пространство, 1975 г. [12], Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г. (Соглашение о Луне) [13], региональные и двусторонние соглашения между государствами, между государствами и международными организациями.

И хотя возникающие сегодня полуанекдотические попытки неких дельцов продавать «участки» на Луне за скромное вознаграждение воспринимаются пока что как курьез, расчи-

таный на незадачливого обывателя, но в 1980 г. гражданин США Деннис Хоуп официально заявил ООН, правительству Соединенных Штатов и Совету министров СССР о своих притязаниях на Луну и планеты Солнечной системы, за исключением Земли. В связи с отсутствием официальных возражений со стороны адресатов, в соответствии принятой в США практикой, он открыл в Интернете посольство Луны на Земле и начал продавать участки лунной поверхности. И хотя данные сделки не имеют никакой легитимности, к 2002 г. было продано более миллиона участков на Луне и около 100 тысяч – на Марсе и Венере. Не будем забывать историю «покупки» о. Манхеттен у индейцев за символическую сотню долларов.

В начале космической эры человечество с трудом могло представить сегодня вполне практическую проблему – использования геостационарной орбиты. «Речь идет о круговой орбите над поверхностью Земли на высоте около 35 870 км, на которой плоскость орбиты спутника параллельна плоскости экватора Земли. Спутник, находящийся на ГСО, постоянно доступен для наземных станций. Всего трех спутников на ГСО достаточно для поддержания глобальной телекоммуникационной сети. Поэтому геостационарная орбита важна для телевидения, связи и метеорологии. ГСО относится к ограниченным природным ресурсам, что порождает споры о справедливости распределения на ней зон размещения спутников и рабочих радиочастот последних» [12]. И чтобы лучше понять остроту этой проблемы, вспомним, что в декабре 1976 г. в столице Колумбии Боготе экваториальные страны (Колумбия, Эквадор, Конго, Индонезия, Кения, Уганда и Заир) приняли декларацию о распространении национального суверенитета этих стран на геостационарную орбиту Земли. Они заявили, что ГСО зависит от гравитационного поля Земли и потому соответствующие сегменты геостационарной орбиты выступают продолжением национальных территорий, над которыми они находятся» [12].

В современной теоретической и практической геополитике политическая геометрия

стремительно эволюционирует от политической планиметрии к политической стереометрии со всеми вытекающими отсюда вызовами и опасностями. Снисходительное и пренебрежительное отношение к этим тенденциям со стороны законодательной и исполнительной власти современной России, крайне запоздалая реакция на перемены, культивирование примитивных мифов о смысле разнообразных «чертежей» и конфигураций границ страны могут обернуться невосполнимыми потерями – политическими, экономическими и пр. Вспомним, как псевдолиберальная элита в 90-е годы беззаботно раздавала обещания вернуть соседним государствам их некие «исконные» территории. Один только разрыв непрерывной линии границы РФ в гряде Курильских островов чреват столь многими прямыми и отдаленными последствиями, что любая погоня за сиюминутной выгодой граничит с преступлением против долговременных национальных интересов страны. А учитывая, что сопредельные государства сегодня «держат за пазухой» не только мечты о «компенсациях» за советский период, но и территориальные претензии, – к политической планиметрии и стереометрии следует относиться со всей серьезностью (планировать, вырабатывать стратегию, обеспечивать).

В геополитический оборот вводятся в качестве праксеологических категории «пояс бросовых земель» («Леналенд»), «дуговая земля» («Римленд»), «Ось мирового зла» и т. п. Особенную опасность приобрели практические попытки воплощения в жизнь идеи об «устарелости» категории суверенитет, о безусловном «примате международного права над национальным». В конце XX и начале XXI вв. в области суверенитета появились новые аспекты, особенно в контексте обсуждения проблем глобализации и нового мирового порядка: все активнее стала обсуждаться тема изменения, «размывания», «исчезновения» суверенитета. В последнее время всё громче говорится об усилении взаимных связей и взаимозависимости между государствами. Далее в принципе логично утверждается, что это ведёт, с одной стороны, к усилению роли различных надна-

циональных органов, которым государства частично делегируют свои суверенные права (пример – Европейский союз), с другой, – к признанию ряда проблем (например, права человека), выходящих за рамки исключительного ведения отдельных государств и подлежащими международному регулированию. Так был провозглашен принцип: «нарушения прав человека не являются внутренним делом». А вот далее пошли уже довольно двусмысленные решения: в 2000 году под эгидой ООН была создана «Международная комиссия по вопросам вмешательства и государственного суверенитета». Обратим внимание – допущение, легитимация «вмешательства» и постановка под вопрос «суверенитета». В своем докладе Комиссией высказывается мнение о том, что в том случае, если государство не способно защитить людей – будь то из-за отсутствия возможностей, либо из-за отсутствия воли, – ответственность переходит к широкому международному сообществу (это вполне может оказаться НАТО, США с союзниками).

Бездумное отношение к регулированию рыночных отношений, погоня за «прибылью» уже сегодня чревата угрозой потери части суверенитета. Речь идет о процессах скупки земель за рубежом, которые сейчас особенно активно проводят компании Китая, Южной Кореи, Японии, Саудовской Аравии и ОАЭ, на очереди – Индия. Китайские компании уже совершили несколько земельных сделок, выкупив права аренды и приобретя в собственность земли в Африке, Центральной Азии, Южной Америке, Юго-Восточной Азии и Бирме.

Освобождение ото льдов Северного морского пути в результате таяния приполярной арктической «шапки» несколько неожиданно для многих обозначилось лихорадочным ажиотажем по поводу превращения его в международную сферу. Не следует пренебрежительно отмахиваться как от досужей риторики от имеющих хождение на Западе идей о том, что Россия не способна справиться со своей огромной территорией, грамотно (экономично, или, например, «экологично») распорядиться своими недрами (дескать, «все равно тупо и бездарно

перекачивает эти богатства на Запад, а деньги оседают в оффшорах»). Экономика и политика «нефтяной трубы», действительно, принципиально не способны ни осмыслить эти угрозы, ни тем более – противопоставить им эффективную защиту национальных интересов страны.

1. Boundaries in Question: New Directions in International Relations / Macmillan J. and Linklater A. (eds). London and New York: Frances Pinter, 1995.
2. Foucher M. Fronts et Frontieres: Un tour du monde geopolitique. Paris: Fayard, 1991.
3. Newman D. The lines that separate: boundaries and borders in political geography // A Companion to Political Geography / Agnew J. and Toal G. eds. Oxford, 2002.
4. Spickmen N. The Geography of the Peace, New York, Harcourt, Brace and Company, 1944.
5. The Geography of Border Landscapes / Rumley D. and Minghi J. eds. Routledge: London, 1991.
6. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 1982.
7. Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, включая Луну и другие небесные тела, 1967 г.
8. Колосов В. Теоретическая лимология: новые подходы // Пространство и время, 2003, т. 1 (№ 3).
9. Колосов В. В., Туровский Р. Ф. Современные государственные границы: новые функции в условиях интеграции и приграничное сотрудничество // Известия РАН. Серия географическая. 1998. № 1.
10. Конвенция ООН по морскому праву 1982 г.
11. Конвенция о международной ответственности за ущерб, причиненный космическими объектами 1972 г.
12. Крутских А. Космос в политическом измерении (<http://www.intertrends.ru/fourteen/002.htm>).
13. Соглашение о деятельности государств на Луне и других небесных телах 1979 г.
14. Соглашение о спасании космонавтов, возвращении космонавтов и возвращении объектов, запущенных в космическое пространство, 1968 г.
15. Федеральный закон Российской Федерации от 1 апреля 1993 г. N 4730-1 г. Москва. «О Государственной границе Российской Федерации» // <http://www.rg.ru/1993/05/04/gosgranica-dok.html>.
16. Х. Маккиндер. Круглая Земля и обретение мира (перев. и коммент. В. Цымбургского) // Журнальный клуб Интелрос, «Космополис» № 16, 2007.
17. Х. Дж. Маккиндер. Демократические идеалы и реальность // <http://www.politstudies.ru/fulltext/2011/2/12.pdf>.

1. Boundaries in Question: New Directions in International Relations / Macmillan J. and Linklater A. (eds). London and New York: Frances Pinter, 1995.
2. Foucher M. Fronts et Frontieres: Un tour du monde geopolitique. Paris: Fayard, 1991.
3. Newman D. The lines that separate: boundaries and borders in political geography // A Companion to Political Geography / Agnew J. and Toal G. eds. Oxford, 2002.

4. Spickmen N. The Geography of the Peace, New York, Harcourt, Brace and Company, 1944.
5. The Geography of Border Landscapes / Rumley D. and Minghi J. eds. Routledge: London, 1991.
6. Bzhezinskij Z. Velikaya shaxmatnaya doska. M., 1982.
7. Dogovor o principax deyatel'nosti gosudarstv po issledovaniyu i ispol'zovaniyu kosmicheskogo prostranstva, vkluchaya Lunu i drugie nebesnye tela, 1967 g.
8. Kolosov V. Teoreticheskaya limologiya: novye podxody // Prostranstvo i vremya, 2003, t. 1 (№ 3).
9. Kolosov V.V., Turovskij R.F. Sovremennye gosudarstvennye granicy: novye funkcii v usloviyax integracii i prigranichnoe sotrudnichestvo // Izvestiya RAN. Seriya geograficheskaya. 1998. № 1.
10. Konvenciya OON po morskomu pravu 1982 g.
11. Konvenciya o mezhdunarodnoj otvetstvennosti za usherb, prichinennyj kosmicheskimi ob'ektami 1972 g.
12. Krutskix A. Kosmos v politicheskom izmerenii (<http://www.intertrends.ru/fourteen/002.htm>).
13. Soglashenie o deyatel'nosti gosudarstv na Lune i drugix nebesnyx telax 1979 g.
14. Soglashenie o spasanii kosmonavtov, vozvrashhenii kosmonavtov i vozvrashhenii ob'ektov, zapushhennyx v kosmicheskoe prostranstvo, 1968 g.
15. Federal'nyj zakon Rossijskoj Federacii ot 1 aprelya 1993 g. N 4730-I g. Moskva. «O Gosudarstvennoj granice Rossijskoj Federacii» // <http://www.rg.ru/1993/05/04/gosgranica-dok.html>.
16. X. Makinder. Kruglaya Zemlya i obretnie mira (perev. i komment. V. Cymburskogo) // Zhurnal'nyj klub Intelros, «Kosmopolis» № 16, 2007.
17. X. Dzh. Makkinder. Demokraticheskie idealy i real'nost' // <http://www.politstudies.ru/fulltext/2011/2/12.pdf>.

UDC 321.01+342.1

GEOPOLITICS: FROM POLITICAL PLANIMETRY TO POLITICAL STEREOMETRY

Rusakov Vasilii Matveevich,

Institute of International Relations,
Head of the Chair of Philosophy and Culturology,
Doctor of Sciences (Philosophy), full professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dipi@nm.ru

Saranchin Yurii Konstantinovich,

Ural state economic university,
PhD, professor,
Yekaterinburg, Russia

Annotation

We analyze the content of the main categories of reformatting geopolitics (lines, borders, the scope of sovereignty) in the process of globalization and the complexity of the system of international relations, geopolitical plane and space geometry.

Key words:

border, sovereignty, geopolitics, international law.

МЕЖДУ ДВУХ КУЛЬТУР: ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И ВЕХИ ТВОРЧЕСТВА БЫВШЕГО ПРЕПОДАВАТЕЛЯ ФИЛОСОФСКОГО ФАКУЛЬТЕТА УРГУ

Интервью с М.А. Малышевым

Интервью подготовила и провела И.Б. Фан

*Михаил Алексеевич Малышев (05.06.1943) – профессор-исследователь Гуманитарного факультета Автономного университета штата Мехико, координатор научного журнала *Ciencia ergo sum* г. Толука (Мексика). Он кандидат философских наук (1971), в 1970–1980-е годы – доцент кафедры истории философии Уральского государственного университета им. А.М. Горького. Михаил Алексеевич является членом национальной системы исследователей Мексика, Московской академии естественных наук, Международной академии дискурс анализа. За многолетнюю работу Михаил Алексеевич был награжден Почетной грамотой Автономного университета штата Мехико как лучший преподаватель факультета, а также ему было присвоено звание Лучшего преподавателя высшей школы Мексика.*

Высокое признание получала деятельность М.А. Малышева в качестве профессора-советника ФПК педагогического университета Гаваны (Куба), профессора-советника Факультета философии и словесности университета Сантьяго де Куба (Куба), Исследователя Центра по рас-

пространению и координации латиноамериканских исследований Национального Автономного университета Мексика, приглашенного профессора Факультета философии и словесности Автономного университета Нового Леона. Михаил Алексеевич участвовал в 70 симпозиумах и конгрессах на национальном и международном уровнях. Он член редколлегии журналов «La Colmena», «Coatepec», «Дискурс-Пи».

*М.А. Малышев автор более 150 научных работ на русском и испанском языках, изданных в России, Мексике, Испании, Германии, Бразилии, США и ряде других стран. Его публикации поражают многообразием жанров – это научные монографии и статьи, книги афоризмов, эссе, переводы (напр., Хосе Ортега-и-Гассет. *Лекции по метафизике*. Екатеринбург, 2000). Среди них и книги, изданные в России: *Человек и мир его переживаний* (Екатеринбург, 2000), *Аффективные переживания и поиски смысла жизни* (Екатеринбург, 2006), *Признание – выражение смысла отношения человека к человеку* (М., 2003) и др.*

Уважаемые читатели, надеемся, что Вы откроете для себя философскую антропологию Михаила Алексеевича Малышева – живую, искреннюю, соединяющую разум и чувства, дающую огромный заряд выстраданного, но тем более глубокого оптимизма и любви к человеку.

– Михаил Алексеевич, расскажите немного о семье, родителях, выборе профессии.

Я родился 5 июня 1943 года в небольшом шахтерском городе Киселевске Кемеровской области в день начала грандиозной битвы на Орловско-Курской дуге. Мой отец, инвалид войны, был механиком, мать – товароведом. Имя мне дала моя тетя в честь своего мужа Михаила, погибшего под Сталинградом. Солдат срочной службы, мой отец перед войной находился в пехотной части на границе с Польшей и вступил в свой первый бой 22 июня 1941 года. Изрядно измотанное в непрерывных оборонительных боях, его подразделение каким-то чудом вышло из окружения, потеряло знамя, было переформировано, а затем влило в одну из сибирских частей, переброшенных на защиту столицы. В белом маскировочном халате, под прикрытием танков отец участвовал в разгроме фашистских войск под Москвой. В начале февраля 1942 года он был тяжело ранен и отправлен на лечение в родной город, где и встретил мою мать, которая работая, одновременно, помогала в уходе за ранеными в госпитале.

В Отечественной войне участвовали десять моих родственников, и половина из них погибла на фронте. Моя тетя, Дарья Семеновна Малышева, в начальные годы войны возглавляла комитет комсомола Уралмашзавода, была одним из организаторов Уральского добровольческого танкового корпуса и в чине майора дошла до Будапешта. По линии отца почти все мои предки были коммунистами. Напротив, моя мать происходила из преследуемой семьи, члены которой до утверждения сталинской Конституции были лишены гражданских прав и возможности обучаться в вузах. Мой дед по материнской линии был выпускником Томского университета, а бабушка закончила Новосибирскую гимназию с золотым крестом. К сожалению, Октябрьская революция, открыв доступ к обучению миллионам неграмот-

ных, одновременно, наложила вето на высшее образование детей непролетарского происхождения, создав, тем самым, благоприятные условия для возникновения полукультурного слоя, «образованщины», склонной к догматизму и начетничеству, составившей костяк административно-идеологической службы сталинского режима. Знаменитые зощенковские и булгаковские персонажи убеждают в том, что неграмотный человек менее опасен, чем полубразованный: первый, в силу своей профессиональной непригодности, мало на что может претендовать, тогда как второй должен все время как-то ловчить и притворяться, скрывать свою некомпетентность или неспособность самостоятельно мыслить за маской демагогии или лакейского правила «держаться и не пущать», которое не мешает ему, однако, исключать себя из правил, как только открывается лазейка для извлечения собственной выгоды. По этому поводу я написал афоризм: «Я – исключение, но к остальным примените всю силу закона. Это исключение себя из закона, призванного подчинить всех без исключения своим предписаниям, почти не знает исключения».

Родители моей семьи негативно относились к Сталину. Мой дед и дядя по материнской линии погибли в застенках Гулага, а старший брат отца провел 18 лет на Колыме и выжил благодаря тому, что работал механиком по ремонту большегрузных автомобилей на знаменитой Колымской трассе. Другой мой дядя, попав в немецкий плен, умер от голода в советском концлагере на территории республики Коми. Я хорошо помню, как зимой 1957 года, после завершения работы XX съезда КПСС, отец вернулся домой с закрытого партийного собрания, сорвал со стены портрет Сталина и разорвал его в мелкие клочки.

Уже в подростковом возрасте я начал остро ощущать «ролевую раздробленность» своей личности: мне казалось, что в школе я – один человек, на улице, в кругу мальчишек, не отличавшихся ангельскими нравами, – другой, в деревне, куда я уезжал на летние каникулы к своему дяде – третий. Наконец, особой сферой моего бытия был мир книг. Едва научившись читать, со временем я превратился в страстного «книгочея», а в 15 лет замахнулся, разумеется, из юношеского тщеславия, на «Науку логики» Гегеля. Текст первого тома мне удалось одолеть только до половины, и я не могу

сказать, что эта утомительная штудия обогатила мой незрелый ум. И, тем не менее, гегелевское искусство оперирования противоположностями, виртуозность перехода одного понятия в другое произвели на меня уже тогда ошеломляющее впечатление. Весьма плодотворным для моего самообразования было чтение художественной литературы, публицистики, журналов «Вопросы литературы» и «Вопросы философии». Толстой, Чехов, Куприн, Шекспир, Диккенс, Бальзак, Белинский, Герцен, Писарев, наряду с Жюлем Верном, Робертом Уэллсом, Джеком Лондоном, служили источником идей и переживаний, питавших мой подростковый ум. Неумное чтение однажды подтолкнуло меня к мысли о «писательстве». Вооружившись ручкой, я уселся за стол и... надолго застыл перед чистым тетрадным листом. С трудом выдавив из себя несколько тощих фраз, я заново перечитал их и в гневе все перечеркнул. Несколько бесплодных попыток завершились суровой констатацией: «твой стиль – неуклюж, а мысли – банальны». Этот беспощадный самоприговор, нанесший удар по уязвленному самолюбию, не прошел для меня бесследно: с тех пор я стал строже относиться к себе, хотя излишний ригоризм нередко сковывал мою потребность в самовыражении.

Закончив среднюю школу и утвердившись в гуманитарном призвании, я мечтал поступить на философский факультет. Но удаленность сибирского города от столицы, робость провинциала, сомнения в собственных силах и боязнь конкуренции с абитуриентами, обладавшими привилегиями при зачислении, отрезвили мою мечту. В конце концов, я остановил свой выбор на историческом факультете Уральского университета. Свое решение я никогда не подвергал сомнению даже в сослагательном наклонении. Память о годах учебы на истфаке и поныне пробуждает во мне образы «хрущевской оттепели», полуголодного, но нестесненного режима жизни, страстных споров со своими сверстниками и какого-то полутаинственного полумистического ожидания наступления светлого будущего. Это «коммунистическая парусия», обещанная Хрущевым на XXI съезде КПСС, уже тогда воспринималась большинством советских граждан как утопия, но одновременно в наших юных головах вертелась и такая мысль: скорее всего

Америку мы через двадцать лет не сумеем догнать, но к концу второго тысячелетия – чем черт только не шутит! Высокие темпы экономического роста, робкие шаги по демократическому обновлению страны, развенчание культа личности Сталина, публикация произведений Солженицына, стремительное обретение государственной независимости колониальными народами, эйфория, вызванная полетом Гагарина и победа кубинской революции, казались тому порукой. Этот исторический оптимизм, вкупе с энергией беззаботной молодости, окрашивал в позитивные тона мою учебу в Уральском университете. Я и поныне испытываю искреннюю благодарность к моим учителям, преподавателям исторического факультета М.Я. Сюзюмову, Н.А. Бортнику, М.А. Поляковской, И.Н. Чемпалову, В.Ф. Геннингу, В.В. Адамову, Г.А. Калугиной, В.И. Шихову, Ю.А. Попову, Т.Н. Дербуковой.

– Что Вы думаете и как переживаете в настоящее время период Вашей работы на философском факультете УрГУ?

Большим событием в моей жизни было, конечно, учреждение философского факультета, где я проработал в общей сложности девятнадцать лет, не считая двух поездок на Кубу в качестве преподавателя-консультанта и в Мексику в амплу стажера-исследователя. Главная заслуга в организации центра философского образования на Урале, несомненно, принадлежала Михаилу Николаевичу Руткевичу и членам возглавляемой им кафедры. Вокруг авторитетной и, вместе с тем, авторитарной личности первого декана собралась большая группа сподвижников, среди которых стоит упомянуть Л.Н. Когана, Л.М. Архангельского, М.Я. Лойфмана, К.Н. Любутина, А.Ф. Еремеева, В.К. Бакшутова, В.Т. Звиревича и вскоре влившихся в преподавательский коллектив Б.В. Емельянова, В.М. Плотникова, Г.П. Орлова, Д.В. Пивоварова. Молодой учебный организм остро нуждался в кадрах, поэтому многие выпускники гуманитарных факультетов, в числе которых был и я, стали аспирантами кафедры философии. Еще будучи студентом истфака, я начал писать курсовые работы под руководством К.Н. Любутина, впоследствии руководителя моей кандидатской диссертации, третьего декана философского факультета, а в те годы молодого энергичного доцента, наделенного недюжинным

чувством юмора. К фигуре «Создателя» (метафора Любутина) философского факультета мое отношение было и остается двойственным. С одной стороны, меня привлекала строгая логика его аргументов, несомненная эрудиция, умение подводить итоги горячим и разноречивым выступлениям членов кафедры, которых он особо не стеснял в свободе выражения. Я отдаю должное и административным заслугам первого декана: умению стимулировать приток на факультет способных студентов и привлекать к преподаванию опытных профессоров и ученых из других академических учреждений. Несомненно, Михаил Николаевич много сделал для становления молодого факультета. Но с другой стороны, я погрешил бы против истины, если бы не отметил его властный характер, деспотический патернализм, нетерпимость к отступлениям от марксистской догмы, скрытую неприязнь к неординарному мышлению более талантливых философов, превосходивших его своей культурой и оригинальностью, что, несомненно, уязвляло его самолюбие и даже, насколько мне известно, побуждало его писать на них разоблачительные доносы. Я хорошо помню тот ажиотаж, который вызвал приезд академика Ф.В. Константинова на «смотрины» кандидатуры нашего декана перед назначением его на высокий пост директора института социологии в Москве. Высокому столичному гостю неожиданно приглянулась Валентина Ивановна Липатникова, которую Михаил Николаевич незадолго до этого назначил своим заместителем. Позже Валя рассказывала мне о своих впечатлениях от встречи с патриархом исторического материализма. Во время своего пребывания в Свердловске высокий гость требовал, чтобы в Обком, Горком, театры и рестораны его сопровождала белокурая статная женщина, с которой ему нравилось прогуливаться под руку. Изнемагая от стыда, вызванного преувеличенной куртуазностью академика и пересудами партийных чиновниц, замдекана не выдержала и попросила своего начальника освободить ее от назойливого ухаживания старого донжуана с замогильным голосом. А Руткевич, перепугавшись за свою карьеру, начал ее умолять: «Валюша, дорогая, я прекрасно понимаю твои чувства, но и ты должна меня понять! Потерпи, голубушка, ведь от мнения Константинова зависит утверждение моей кандидатуры в ЦК».

Другой значительной и неординарной фигурой факультета был, несомненно, Л.Н. Коган, который еще в 1963 году читал нам, студентам историкам, пробный курс по «Научному коммунизму». Содержание его лекций сейчас уже выветрилось из моей головы, но я храню положительные впечатления от встреч с этим талантливым человеком, хохмачом и остроловом, к великому сожалению, растратившему свой творческий ум на схоластические дебаты по поводу несбыточных коммунистических фантазий. Впоследствии судьбы этих двух лидеров резко разошлись. Помню, какое неприятное впечатление произвел на меня выпад М.Н. Руткевича против тогда уже покойного Л.Н. Когана, старого его товарища, который, по словам первого, согласился, я цитирую, «из чисто карьерных соображений» прочитать курс научного коммунизма, что, однако, «не помешало ему после прихода к власти Ельцина публично сжечь свой партбилет». Я полагаю, что в противоречивых фигурах Льва Наумовича и Михаила Николаевича, уже ушедших от нас, по-разному отразились сложные перипетии трагических судеб советской интеллигенции, исковерканных режимом диктатуры пролетариата, которая гораздо в большей мере была диктатурой *над* пролетариатом, а тем более *над* интеллигенцией, даже *над* той ее частью, которая оказалась втянутой в идеологическое обслуживание интересов партократии.

Удивительный парадокс: наша страна семьдесят лет строила социализм, но нравственное сознание его авангарда, партии коммунистов, было ничуть не выше простых моральных норм советских людей, направляемых и ведомых этим «путеводителем» к вершинам светлого будущего. В СССР насчитывалось тогда двадцать миллионов коммунистов, но сколько из них, положив руку на сердце, могли бы утверждать, не боясь покуситься на правду, что они в своем повседневном поведении руководствуются высокими принципами морали, несомненно заложенными в уставе и программе КПСС. Многие ли из них могли бы сказать о себе: я не ворую, не лгу, не завидую своему ближнему, не подсиживаю своих коллег, не беру взяток, не торгую своим служебным положением, стараюсь быть объективным, добросовестным и честным? Этика Канта (которую Ленин ошибочно считал оторванной от жизни)

требует универсализации воли каждого человека. Канта интересует такая ситуация, в которую человек попал бы, если бы его собственная воля обратилась на него и даже против него в качестве универсальной и узаконенной. Если ты коммунист, да еще руководитель, умеешь соотносить свое действие с универсальным законом: не груби своим подчиненным, будь вежливым, не будь самодуром. Разве можно быть требовательным к другим и снисходительным к самому себе? Разве можно преподавать курс философии и быть одновременно демагогом и карьеристом? Если ты хам и деспот, то как ты можешь требовать от других вежливости и терпимости? Категорический императив Канта имеет, на мой взгляд, и дидактический смысл: он предписывает каждому человеку возводить максимум своего действия в универсальную норму и, осознав последствия такого многократно мультиплицированного эффекта, воздержаться от поступков, толкающих его ко злу. Увы, чрезмерная забота о личном благополучии, неспособность поставить себя на место другого, возвести свой индивидуальный мотив в универсальную норму привели к тому, что этический идеал социализма утратил для миллионов трудящихся свою былую привлекательность, был растоптан, испошлен и выродился в демагогическое лицемерие, во взаимоподсигивание, в крысиную борьбу за шкурный интерес, ложный престиж и раздутое самолюбие.

Главный недостаток, налагавший негативную печать на развитие философского факультета, заключался, на мой взгляд, в чрезмерной заидеологизированности всех сфер его деятельности. И что можно было поделать, если сама философия считалась тогда «партийной наукой». Я не буду рассказывать об утомительных и скучных бдениях на факультетских или общеуниверситетских партийных собраниях. Зато гораздо интереснее, с моей точки зрения, проходили заседания кафедры. На них обсуждались тексты диссертаций, готовились доклады, реферировались новые книги, обсуждались учебные планы и программы. Эти встречи были весьма содержательными и духовно обогащали преподавателей и аспирантов; я с удовольствием вспоминаю эти «ассамблеи», проходившие, как правило, в дружеской обстановке, сдобренные чувством юмора. Такая же искренняя доброжелательность царил на демон-

страциях, субботниках, коллективных поездках на совхозные поля, где преподаватели и студенты добросовестно работали в атмосфере взаимного уважения. Другое дело, что советская партийно-административная система цинично злоупотребляла молодежной романтикой. В те годы студенты первых трех курсов в принудительном порядке посылались на колхозные поля, и я тоже, прошедший через это чистилище, могу заверить, что физический труд, санитарные и климатические условия были суровыми, а питание весьма скудным. А к каким гигантским растратам интеллектуального труда приводили подобные мобилизации! Миллионы студентов каждый год теряли как минимум месяц в изнурительных баталиях на сельскохозяйственном фронте. А если к этому добавить военную подготовку старшекурсников, отнимавшую один день в неделю в течение трех семестров, то растрата времени в советских вузах была колоссальной. Неэффективность нашей партийно-бюрократической и экономической системы в семидесятые и восьмидесятые годы и всепроникающий спрут коррупции – «блат», сделавший притчей во языцех. Склеротический режим зашел в глубокий тупик, и действия Горбачева, взявшего курс на осуществление радикальных преобразований, были, на мой взгляд, оправданы уже тем, что зловонный запах, вызванный разложением «живого трупа» «развитого социализма» (диагноз, который пытался поставить еще Ю.В. Андропов в своей знаменитой статье, опубликованной в журнале «Коммунист»), уже не давал никому свободно дышать. Другое дело, что благие намерения последнего генсека КПСС оказались воистину роковыми и замостили дорогу в ад: привели к распаду страны и крушению социалистического строя. Да и был ли этот распавшийся режим социалистическим с точки зрения тех критериев, которые были выработаны классиками марксизма? Увы, сейчас непросто дать однозначный ответ на этот вопрос.

В самый разгар «Перестройки» я отправился на стажировку в Мексику, где меня начали приглашать в различные аудитории для чтения лекций по советским реформам. Основная идея моих выступлений состояла в том, что «Перестройка» – это попытка соединить ценности социализма с принципами демократии. Но, увы, очень быстро и совершенно неожиданно для всех «Перестройка»

выродилась в «Катастрофу», а Советский Союз распался на пятнадцать государств, во многих из которых восторжествовал олигархический капитализм, олицетворяемый именами Березовского и Ходорковского, Коломойского и Ахметова. Мне кажется, что и в мире, и в России до сих пор царит разноречивость в ответе на вопрос о возможности сочетания социализма и демократии. Ответ на него иногда дается в форме непримиримой антитезы: где существует социализм, там невозможна подлинная демократия, а где имеет место быть демократия, там невозможен подлинный социализм. Несомненно, многие человеческие ценности сталкиваются между собой: свобода нередко противоречит равенству, нравственность – счастью, долг – любви, справедливость – выгоде, целесообразность в настоящем – ее отдаленным последствиям в будущем, рынок – государственному регулированию экономики, демократия – социализму, права государства на территориальную целостность – правам народов, населяющих эту территорию, на самоопределение. И, тем не менее, в реальной жизни эти принципы сочетаются и должны соединяться, без чего нормальное человеческое общежитие просто невозможно. Социализм, построенный на принудительном регулировании экономики и идеологизации всех сфер общественной жизни, по моему мнению, столь же односторонен, как уродлив «свободный» никем и ничем не ограниченный капитализм. Сочетание этих антитез – сложное искусство, и механическое внедрение гетерогенного принципа в гомогенную систему может моментально взорвать ее изнутри. Убедительный тому пример – закон о кооперативах и предпринимательской деятельности, внедренный в экономику по инициативе Горбачева в самом начале Перестройки, и послуживший, на мой взгляд, мощным детонатором, взорвавшим фундамент социалистической системы хозяйствования и общественных отношений. Недавно я из любопытства прочитал в википедии биографии русских и украинских мультимиллиардеров и убедился в том, что почти все они – способные, чертовски честолюбивые и прагматичные вплоть до цинизма молодые люди, плоть от плоти советской системы – начали свой стремительный бег к головокружительному обогащению именно с кооперативов, которые затем в форме коммерческих предприятий ста-

ли внедряться почти на всех государственных предприятиях и в партийно-комсомольских структурах. Из омертвевшего социалистического кокона, внезапно вылетел отвратительный вурдалак нуворишей, которые, опираясь на тесные связи в партийно-комсомольско-государственном аппарате и не гнушаясь опорой на криминалитет, с невиданной скоростью «преобразовали» государственную собственность в частно-монополистическую. В годы «Катастрофы» вместо преодоления исторических перекосов тоталитарного социализма произошла деградация и открытое перерождение советского общества. Страна скатывалась к хаосу и дезинтеграции, и только смена власти остановила угрозу утраты Российским государством своего суверенитета, вызванного засильем олигархата.

– Чувствуете ли Вы себя до сих пор советским человеком?

Сейчас, пожалуй, уже нет. Кровавые события на Украине воочию показывают нам, русским, какой огромный ущерб большевики-общечеловеки нанесли коренным интересам русской нации, которая в настоящее время интенсивно переживает процесс консолидации и обретения подлинного национального самосознания. Кстати, с проявлением «укронационализма» я столкнулся еще в годы своей работы преподавателем-консультантом на Кубе. Мне и моим российским товарищам изрядно потрепали нервы наши украинские коллеги. Захватив партийные должности в группе советских обществоведов Гаваны, они всячески притесняли нас, русских, бесконечными мелкими придирками, обвиняли в идеологической невыдержанности и отсутствии бдительности, словом, использовали каждую возможность для развязывания безудержной демагогии с целью держать нас в узде, чтобы, как я подозреваю, скрыть свою профессиональную непригодность. Несмотря на позицию «коммунистической святости», эти «Шариковы» испанский язык никогда серьезно не изучали; главное для них было накопить побольше денег и остаться как можно дольше на хорошо оплачиваемых должностях. Кстати, с кубинскими коллегами и студентами у меня завязались довольно дружеские отношения, чему, наверное, способствовали моя настойчивость в овладении испанским языком и готовность к конкретной по-

вседневной работе. Сейчас я отчетливо понимаю, что если украинский национализм, равно как и национализм других республик, был замаскирован личиной советского образа жизни и коммунистической идеологии, то для русских идентификация с «новой исторической общностью» нередко вела к обезличиванию и к забвению нашей великой культуры и вековых традиций нашей истории.

Я являюсь сторонником непрерывности нашей истории, преемственности, которую коммунистическая идеология, в советском ее обличье, решительно отрицала, культивируя принцип радикальный трансформации «все или ничто», требующий не просто улучшения мира, а уничтожения всех следов его несовершенства. Как бы это ни казалось парадоксальным, но подлинными преемниками советской ментальности, с присущей ей догматизмом и метафизическим методом мышления (в том значении, в каком его употреблял Энгельс), сегодня, на мой взгляд, являются не столько коммунисты, сколько непримиримые оппозиционные либералы типа Немцова, Новодворской или Каспарова. Выступление последнего я имел возможность лицезреть не так давно в Мексике на телевизионном канале CNN. Вслушиваясь в английскую речь советского шахматиста, я поражаюсь его оголтелой ненависти к Путину как исчадию ада, которого он с упорством, достойным лучшего применения, пытался отождествить со всем русским народом. Но подобная безрассудная сатанизация, увы, превращает мир из объемного и многоцветного в плоский и черно-белый, лишает его не только всевозможных оттенков, но и отнимает у самого носителя ненависти возможности к объективному постижению истины. Речь растолстевшего гроссмейстера лишний раз убедила меня в том, что «совковое черно-белое мышление» – детище большевизма, до сих пор держит в плену радикально-либеральных креаклов, не сумевших создать за четверть века существования независимой России ничего стоящего, если не считать жалких подражаний западному авангарду и бесконечного нытья. Я горжусь тем, что моя юность совпала с поколением шестидесятников, которые в послесталинскую оттепель удивили мир своим великим искусством и выдающимися научными достижениями, внесли огромный творческий вклад в развитие культуры нашей многонацио-

нальной страны. Стоит только проделать мысленный эксперимент: поставить имена шестидесятников – Шаламова и Солженицына, Щедрина и Свиридова, Айтматова и Искандера, в один ряд с именами либеральных креаклов – Макаревичем, Шендеровичем, Улицкой или Ксенией Собчак, как нам сразу же станет стыдно за подобное кощунственное сравнение. Я выбрал наугад только несколько имен из созвездия великих творцов, живших и созидавших в один из самых плодотворных периодов нашей многострадальной истории, в эпоху, которую можно, ни сколько не погрешив против истины, поставить в один ряд с могучей русской культурой «Серебряного века».

– Как случилось, что Вы уехали в Мексику? Судя по Вашим публикациям, присвоенным званиям, перечню университетов, в которых Вы работали, в целом Ваша научная и преподавательская деятельность в Мексике оказалась плодотворной. Но и с Россией связь, по-видимому, не разрывалась. Как сложилось Ваше сотрудничество с российскими изданиями?

Как я уже упомянул, в 1988 году меня отправили на стажировку сроком на десять месяцев в Национальный Автономный университет Мексики. Там я завязал дружеские связи с моими зарубежными коллегами, и через три года они оформили мне вызов на международный симпозиум, посвященный 500-летию открытия Америки. Спустя месяц я был приглашен на работу в качестве профессора Автономного Университета штата Мехико. Сравнительно быстро адаптировавшись к культуре и традициям Мексики, я усовершенствовал свой испанский язык, что позволило мне свободно заниматься и преподавательской, и творческой деятельностью. С середины девяностых годов, вскоре после зарождения Интернета, мне удалось возобновить публикации своих работ в России. В настоящее время я сотрудничаю с различными научными изданиями Екатеринбурга и Челябинска. Совместно с кафедрой политологии Южноуральского университета, возглавляемой В.Е. Хвощевым, и координируемым мной академическим корпусом по проблемам современной философии, мы выпустили шесть русско-мексиканских сборников и коллективных монографий, посвященных проблемам дискурсологии. Десять лет тому назад Ольга Фредовна и Василий Матвеевич Русаковы

посетили Мексику и выступили со своими докладами и лекциями, которые я переводил на испанский язык. Без тени ложной скромности, я могу констатировать, что в меру своих сил и возможностей я стараюсь быть полпредом двух культур – русской и мексиканской. Например, в соавторстве с Борисом Владимировичем Емельяновым я опубликовал две книги на испанском языке по истории русской философии. А всего за 23 года моего пребывания в Мексике я перевел с русского на испанский и с испанского на русский язык двадцать статей моих русских и мексиканских коллег. Год тому назад мне удалось пригласить на гуманитарный факультет, где я работаю преподавателем в аспирантуре, моего друга Андрея Федоровича Кофмана, латиноамериканиста, заведующего отделом Института мировой литературы, который прочитал для мексиканских аспирантов курс лекций по истории латиноамериканской культуры, а заодно опубликовал несколько статей в университетском журнале «La Colmena».

Хотелось бы также затронуть и такой деликатный и весьма неоднозначный аспект как русская миграция за рубеж. Иногда нас, специалистов, работающих за пределами страны, упрекают в бегстве из России на трагическом изломе ее истории, обвиняют в том, что наш переезд вызвал утечку мозгов и уменьшил интеллектуальный потенциал страны. Не стану отрицать: определенная доля истины в подобных утверждениях, несомненно, присутствует. Но с другой стороны, миграция за рубеж помогла десяткам тысяч русских специалистов, невостребованных в собственной стране, спастись от деградации и прозябания на грани физического выживания, на которые их обрекла безответственная и антинародная политика президента Ельцина. У подавляющего большинства моих соотечественников, переехавших за рубеж, остались на родине родные и близкие. И по мере укрепления своего финансового положения, они сразу же начали отправлять в Россию денежные переводы. Как и многие зарубежные соотечественники, я тоже старался оказывать посильную материальную помощь своим престарелым родителям, детям и родственникам, очутившимся в отчаянно-трудном положении в девяностых годах прошлого столетия. Без этой финансовой поддержки жизнь миллионов граждан России, несомненно, была бы труднее.

– *Свои философско-антропологические работы Вы посвящаете таким явлениям и понятиям, как аффекты, переживания, любовь, зависть, вина, смысл жизни... Вы не боитесь заглядывать даже в такие травматичные для психики человека сферы, как чувства и память о жизни и отношениях людей в концлагере. Одно из понятий, которому Вы посвятили несколько научных работ – «признание». Это выражение средоточия между личностью и обществом? Не могли бы Вы раскрыть содержание данного понятия.*

Категория «признание» (по-немецки Anerkennung) была впервые отчеканена в *Феноменологии духа* Гегелем. Необходимость в признании выражает коренное антропологическое свойство человека, конституируемое в его отношении к другому человеку, в котором он нуждается не только для обмена благами и услугами, но и для подтверждения собственной значимости. Уже Аристотель пришел к идее о том, что в отличие от богов и животных, как существ самодостаточных, человек по своей биологической конституции является несамодостаточным, а стало быть, его существование нуждается в отношении со своими сородичами. Но для Аристотеля это отношение связано не столько со стремлением к признанию, сколько с необходимостью производства и обмена продуктами для удовлетворения потребностей людей. Только Руссо впервые открыл в отношении человека к человеку потребность *быть принятым во внимание, «социальность» sui generis*, которая отнюдь не сводится к утилитарной расчетливости, равно как и не исчерпывается жаждой обретения славы или престижа. Наоборот, само стремление к удовлетворению самолюбия, резюмирующееся в обладании славой или престижем, может быть понято на базе желания *быть значимым* в глазах других.

Можно предположить, что наше существование лишилось бы важных стимулов или вообще утратило бы всякий смысл, если бы желание отличиться, выделиться, ощутить собственную ценность, заслужить уважение или просто быть полезным другим людям время от времени не появлялось бы в нашем сознании и не проходило бы через наши чувства. Желание быть признанным, разумеется, не исчерпывает всей

нашей жизни, хотя, несомненно, составляет её неотъемлемую часть. Если бы не существовало признания, то исчезли бы важные стимулы, побуждающие нас к реализации наших способностей. Возможно, что исчезли бы тогда алчность, ревность, зависть, злоба и тщеславие. Но можно ли, изъяв из жизни человека стремление быть признанным, одновременно сделать её деятельной, творческой, интенсивной и возвышенной? Трудно дать однозначный ответ на этот вопрос, однако можно утверждать, не боясь ошибиться, что, если бы мы подавили в себе желание быть кем-то во мнении других, если бы мы отреклись от стремления быть принятыми во внимание, то, может быть, мы и продолжали бы жить, но суждения и оценки значимых для нас других людей утратили бы для нас всякую мотивирующую силу, и мы, скорее всего, превратились бы в безродных одиночек, влачащих жалкое существование без всякой цели и смысла. Именно признание делает человека *общественным человеком*. Признать заслуги человека – значит окрылить человека, вдохнуть в него новую жизнь.

Чтобы находиться на высоте признания, его искатель должен быть предусмотрительным: постоянно обогащать свой опыт и свои заслуги. Когда ему приписывают высокие качества, то что-то должно говорить ему изнутри: «за работу, не расслабляйся, не останавливайся на достигнутом, ибо в противном случае тебе грозит потеря доверия». Может быть поэтому в переживании признания, наряду с радостью торжества, иногда присутствует и некоторая доля смущения, ибо, когда мы не уверены в собственных силах и боимся опуститься ниже того, чего от нас ожидают другие, то заранее предвосхищаем стыд, который и побуждает нас не отступать, а прилагать максимум усилий, чтобы удержаться на высоте однажды завоеванного. Чтобы эффективнее осуществлять свое *призвание*, нам необходимо ощущать на своем плече твердую руку поддержки *общественного признания*. Можно сказать, что признание придает становлению незрелой личности прочность и основательность бытия человека умудренного жизненным опытом. Накопленный *капитал признания* ободряет нас, придает нам уверенность и как бы говорит: «ты способен пойти дальше уже достигнутого или, по крайней мере, не растерять однажды завоеванное». Для заслуженного чело-

века его внутренняя мотивация и самоуважение важнее всякого внешнего стимула.

Как бы человек ни был уверен в своих предшествующих достижениях, его преследует озабоченность, связанная с желанием подтвердить или увеличить свои заслуги, для чего он и ищет признания у своих сородичей. Если мы внимательно понаблюдаем за окружающими нас людьми, то вскоре заметим просительный оттенок во взгляде того, кто закончил какое-нибудь дело, завершил какое-либо произведение или просто значительно продвинулся в своей работе: и что? и как? не правда ли хорошо? как бы говорит нам его вопрошающий взгляд. Признание активизирует внутренние возможности человека, заставляет его не удовлетворяться наличным состоянием дел и возвышает над уже достигнутым результатом.

– *Слушая Ваш доклад о сослагательном наклонении как виртуальном дискурсе и при общении с Вами, я подумала, что Вы несколько отличаетесь от многих из нас, обладаете внутренней свободой, в Вашей речи отсутствует какая-то зашоренность, нарочитая наукообразность, в Ваших книгах и выступлениях нет самоцензуры и оглядки на возможную оценку со стороны, нет напряженности... Эта внутренняя свобода – это дар природы или можно ее выработать или выстрадать?*

Что касается внутренней свободы, то это не только дар природы и не только объем присвоенных знаний или наработанных умственных навыков, служащих ее предпосылкой, сколько выход из состояния незрелости, в котором человек находится из-за своей неспособности или недостатка решимости пользоваться собственным умом без чужого руководства. Sapere aude («мужество пользоваться своим разумом») – этот кантовский императив автономии мысли, ставший девизом Просвещения, в полной мере может быть назван и предпосылкой внутренней свободы мысли, вырабатываемой многолетним ее упражнением.

Что касается сослагательного наклонения, то частица «бы» его конституирующая, – это признание необратимости времени, невозможности вернуть или переиначить однажды случившееся и, одновременно, – стремление посмотреть на прошлое глазами настоящего, оценить неизведанные или неиспользованные возможности, которые мы, тогда еще неумудренные достаточным опытом,

не сумели или не смогли распознать, и только теперь с высоты настоящего обретаем возможность составить о них более адекватное суждение. Иногда человек затрачивает огромные усилия на то, чтобы стать тем, кем он является. Но потом он спрашивает себя: а стоило ли? И не перестает терзаться тем, что это сомнение не посетило его до того, как исчезла возможность выбора иной жизненной стези. Сослагательное наклонение может индуцировать процесс переосмысления того, что ранее считалось твердо установленной жизненной аксиомой, но теперь, по прошествии времени, она нас уже больше не удовлетворяет. Сколько времени и сил мы смогли бы сберечь, если бы достаточные основания, определившие наши решения в прошлом, были соразмерны реальным достигнутым результатам. Но, увы, какой бы лучезарной ни казалась нам желанная цель, путь, ведущий к результату, погружен в полумрак, и мы спотыкаемся, бредя к нему навстречу; ибо в зазор, отделяющий наш замысел от его воплощения, нередко вклинивается непредвиденный случай, развенчивающий иллюзию полного торжества намерений нашей воли.

Многие люди, за исключением самодовольных идиотов, редко бывают полностью довольны своей жизнью, а потому жалуются, негодуют, гневаятся, стыдятся и мучаются угрызением совести. В основе всех этих и многих других аффективных переживаний лежит сознание различия между тем, *что мы сделали* и тем, *что мы могли бы сделать*. Если бы не существовало этого различия, то многие эмоции навсегда бы исчезли из нашей психики. Например, в основе дискурса переживания вины лежит сознание необратимости времени и иррациональное стремление переделать или отменить случившееся. Сознание виновного, словно заезженная пластинка, закликивается на том моменте прошлого, который привел его к нежелательному событию и теперь терзает его совесть муками угрызения. Если ностальгия – это сожаление о прошлом, которое сопровождается положительными эмоциями, окрашенными светлой грустью, то, напротив, вина – это сожаление о «проклятом прошлом», которое помимо нашей воли с какой-то невротической навязчивостью вклинивается в настоящее и заслоняет, подобно высокой стене, горизонт

будущего. Это прошлое (с момента свершения рокового проступка до печального настоящего, в котором этот поступок переживается) изолирует субъекта вины не только от будущего, но и от того безмятежного состояния, которое предшествовало этому недолжному событию – предмету его терзаний. Нам кажется, что если бы прошлое было обратимым, то мы могли бы спастись от терзающих нас мук совести, хотя, одновременно, мы понимаем, что никто, ни даже сам всемогущий господь Бог, не смог бы сделать бывшее небывшим и небывшее бывшим. Но с другой стороны, если бы не существовало сослагательного наклонения, то прошлое превратилось бы в мрачное царство фатальной предопределенности, а его агенты – в марионеток, управляемых всемогущим кукловодом. Именно таким прошлое предстает под пером некоторых историков, абсолютизирующих *ставшее*, забывающих о *становлении*, которое вносит в историю *виртуальный драматизм нереализованных возможностей*.

Поэтому для историка важно принять во внимание не только то, что реально произошло, но и то, что могло бы случиться в изучаемый им период, ибо только так он будет располагать возможностью рассматривать историю как взаимодействие и борьбу различных групп, которые, исходя из своих планов и проектов, из своего прошлого (которое было для них настоящим) старались воплотить в будущее то, что для них казалось тогда наиболее целесообразным, оптимальным и справедливым. Историк, который полагает, что можно пренебречь другими альтернативами, которые люди в свое время считали приемлемыми, не способен постичь прошлое таким, каким оно было в действительности. Чтобы понять, что же происходило на самом деле, он также должен представить себе то, чего в реальности не случилось, но *что могло бы произойти* по мнению современников. Это тем более верно, когда реальная развязка наступает неожиданно, как, например, это случилось с началом Перестройки, когда возможность ее трансформации в дикий капитализм никто не мог себе даже и представить до тех пор, пока эта возможность не стала осязаемой реальностью.

– *Кто из предшествующих мыслителей оказал на вас наибольшее влияние?*

Моим философским кумиром, когда я работал над кандидатской диссертацией (на докторскую у меня никогда не хватало ни времени, ни терпения, иначе я бы давно умер от инфаркта, которого, увы, мне так и не удалось избежать), был Джордж Герберт Мид. В то время я много переводил с английского языка, изучал произведения Чарльза Пирса, Джона Дьюи, Уильяма Джеймса, Райта Миллса, Роберта Мертона. После защиты диссертации в 1971 году я увлекся работами этологов, возглавляемых Конрадом Лоренцом и Нико Тинбергом, а также трудами дарвинистов-неоэволюционистов – Эдварда Майра, Джорджа Симпсона, Феодосия Добжанского, синтезировавших теорию эволюции и естественного отбора с основами генетики. Позже, уже на испанском языке, я прочитал основные работы представителей философской антропологии Макса Шелера, Арнольда Гелена, Хельмута Плесснера, Михаэля Ландманна, Ханны Арендт, Хареда Диамонда, основателя социобиологии Эдвард Уилсона. Когда я работал в России и на Кубе, в центр моего внимания попали произведения философов экзистенциалистов: Жана-Поля Сартра, Альберта Камю, Мигеля Унамуно, Хосе Ортега-и-Гассет, Карла Ясперса, Льва Шестова. В Мексике я познакомился с трудами социологов и феноменологов, исследователей внутреннего мира человека: Франческо Альберони, Владимира Янкелевича, Роже Кайлуа, Карла Густава Юнга, Абрахама Маслоу, Эриха Фромма, Эмиля Чорана, Фернандо Саватера. Из отечественных мыслителей значительное влияние на мое философское развитие оказали блестящие работы Эриха Юрьевича

Соловьева, посвященные анализу творческого наследия Мартина Лютера, экзистенциализма, этических и правовых идей Канта.

– *Какие из своих произведений Вы считаете наиболее удавшимися?*

Философская зрелость, в отличие от поэтического дара, наступает довольно поздно, в осеннюю пору жизни, а иногда, как в моем случае, она приходит к началу «зимы». Если я и произвел на свет что-то стоящее, то сделал это в последнее двадцатилетие: между старостью молодости и молодостью старости. Из своих работ, изданных на русском языке, я хотел бы отметить два сборника афоризмов *Приглашение к парадоксу*, *Между нечто и почти ничто* и два сборника эссе: *Человек и мир его переживаний*, *Аффективные переживание и поиски смысла жизни*, выпущенных в свет в Екатеринбурге, а также пару книг: *Афоризм – катарсис мысли* и *Признание – смысл межчеловеческих отношений*, изданных в Москве. За двадцать два года, проведенных в Мексике, я выпустил всего четырнадцать книг афоризмов, эссе, статей, учебных пособий и переводов, а также опубликовал свыше ста журнальных работ на испанском и на русском языках по проблемам человека, его существованию и его внутреннему миру. Помимо Мексики и России мне удалось издать свои эссе и афоризмы в Испании, Германии, Бразилии, Колумбии, Соединенных Штатах, на Кубе и на Тайване. Четыре мои испанские книги вышли в свет вторым изданием.

Материал поступил в редколлегия 15.08.2014 г.

BETWEEN TWO CULTURES: A COURSE OF LIFE AND MARKS OF CREATIVITY OF THE FORMER TEACHER OF PHILOSOPHICAL FACULTY OF USTU

Interview with M.A. Malyshev

Prepared and Conducted by I. B. Fan

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ НОМИНАЦИИ КАК СПОСОБ УСИЛЕНИЯ ДИСКУРСИВНОЙ ПОЗИЦИИ СУБЪЕКТА ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

Волков Александр Григорьевич,

Мелитопольский государственный педагогический университет им. Б. Хмельницкого,
профессор кафедры философии,
доктор философских наук,
г. Мелитополь, Украина
E-mail: alex_seng@list.ru

Аннотация

В статье обосновывается методика исправления имен как средство совершенствования политического дискурса. Показываются своеобразие, преимущества и недостатки оборонительной и наступательной позиций.

Ключевые слова:

дискурсивная позиция, дискурс, номинация, тематизация, трансформация, провоцирование насилия.

Актуальность исследования дискурсивной позиции политического субъекта обусловлена тем, что ее своеобразие и определяет успешность и результативность действий. Ее значимость и роль была раскрыта в работах М. Фуко, который ввел понятие «порядок дискурса», указывающее на генеративный потенциал дискурсивности. Приведем цитату, показывающую, как оно трактуется: «Желание говорит: «Мне не хотелось бы самому входить в этот рискованный порядок дискурса; мне не хотелось бы иметь дела с тем, что есть в нем окончательного и резкого; мне хотелось бы, чтобы он простирался вокруг меня, как спокойная, глубокая и бесконечно открытая прозрачность, где другие отвечали бы на мое ожидание и откуда одна за другой появлялись бы истины; мне же оставалось бы при этом только позволить этому порядку нести себя – подобно некоему счастливому обломку, позволить нести себя в нем и им» [5, с. 50]. Определенный порядок, то есть содержание высказываний, тематизация, форма выражения, характер участия

в коммуникативном взаимодействии и проч., и определяет своеобразие дискурсивной позиции. Наиболее глубоким исследованием, где показано, что она собой представляет, является монография А. А. Шадрина, где предпринимается социально-философский анализ дискурсивности, выявляется своеобразие ее конструирования, показывается каким образом возможно непосредственное самоопределение субъективности [7]. Интерес к управлению трансформацией дискурса в настоящее время возрастает: например, один из последних выпусков журнала «Дискурса-Пи» посвящается анализу дискурса мобильности [3].

Позитивная трансформация политического дискурса предполагает коррекцию номинации или «исправление имен», что говорит об актуальности конфуцианства. Обратим внимание на следующее высказывание Конфуция: «Если имя неправильно, то слово не имеет под собой основания. Следовательно, дело не делается и порядок не соблюдается. Отсюда, – система управления искажена, и люди растеряны» [4,

с. 107]. Необходимость «исправления имен» состоит в наличии неточностей при описании реальности в дискурсе. Они объясняются тем, что основным критерием достоверности высказываний в повседневности является их соответствие переживаниям. Однако следует иметь в виду, что переживание реальности имеет субъективный характер, как следствие, высказанное не соответствует мыслимому. Чтобы в какой-то мере устранить этот недостаток, следует найти онтологические причины этой неудачи. Главной из них является своеобразие дискурсивной позиции, благодаря которой субъект проявляет себя определенным образом. Поиски оптимально продуктивной позиции возможно с помощью «исправления имен», что предполагает критическое отношение к положению себя и другого в мире. Именно таким образом становится возможным приведение политической практики в соответствие с нормами морали.

Значимость формирования дискурсивной позиции объясняется следующим: она вырабатывается в политическом дискурсе в процессе коммуникативного взаимодействия и определяет характер поведения, формирование точки зрения на события, принятие решений, участие в акциях и проч.; дискурсивное действие является первичным по отношению к практическому (акции), поскольку переживание и осмысление реальности определяет проявление воли; своеобразие дискурса отражает состояние политического сознания масс, тем самым совокупность возможных действий (событий), поскольку настроенность определяет характер идентификации.

При совершенствовании номинации следует исходить из рациональной целесообразности, что предполагает выяснение своеобразия дискурсивной позиции, соответственно, целей и намерений, характера используемых средств воздействия, логики и последовательности аргументов и проч. Основное внимание надо сосредоточить на политическом поведении субъекта как «источника» определенного действия, даже если он провозглашает, что не имеет к нему никакого отношения, тем не менее, выступает инициатором, осуществляя его с помощью зависимого другого, который является

исполнителем таких намерений. Именно он рассматривается как обвиняемый, тогда как на самом деле является жертвой дискурсивной манипуляции. Обратим внимание на ошибочное выявление источника опасности, что приводит к тому, что обвинение в агрессии выдвигается зависимому другому, а субъект как настоящий ее виновник оказывается вне поля внимания. Когда непосредственный инициатор политических разрушений остается незамеченным, агрессия не прекращается, а усиливается и разрастается. Поэтому чтобы ее прекратить, обвинение должно быть направлено против того, кто провоцирует агрессию, то есть оно должно быть направлено на ее инициатора, который стремится скрыть свое участие.

Чтобы избежать этого, субъект позиционирует себя в роли «третьей стороны» или независимого эксперта, который приходит на помощь конфликтующим сторонам. Когда принимается такая дискурсивная позиция, то происходит легализация агрессии посредством именованной ее совершающей как «борца за демократию, свободу, справедливость», «сторонника государственности и права» и т. д. Исправление имен направлено на дискредитацию такой неадекватной номинации. Напомним, что другой как агрессор, одновременно, жертва, поскольку является инструментом воли провокатора. Итак, объектом обвинения должен стать субъект как организатор агрессии, в этом случае он наделяется такими именами как «воплощение зла», «провокация насилия» и т. д. Дискурсивное наказание состоит в том, что его разоблачают, обличают, наделяя негативными оценками. При этом происходит разрушение мистификации, раскрывается «подлинное лицо» субъекта, который позиционировал себя как «сторонник мира, свободы и справедливости», на самом же деле является «провокатором военной агрессии», «непосредственным виновником разжигания конфликтов», «ответственным за гибель ни в чем не повинных людей» и проч.

При такой коррекции номинации происходит совершенствование политического дискурса, поскольку он приводится в соответствие с моральными нормами. Обращение

к ним отсылает нас к теории коммуникативного акта Ю. Хабермаса. Обратим внимание на его описание процесса взаимопонимания: «Процессы взаимопонимания нацелены на достижение согласия, которое зависит от рационально мотивированного одобрения содержания того или иного высказывания. Согласие невозможно навязать другой стороне, к нему нельзя обязать соперника, манипулируя им: то, что *является образом* производимого путем внешнего воздействия, нельзя *считать* согласием» [6, с. 202]. Такое согласие, которое возникает между провокатором и исполнителем политического насилия, является мнимым. Это *преступное* согласие, поскольку оно возникает в результате сговора, в котором отвергаются моральные нормы.

Можно также использовать положение этики ответственности Г. Йонаса, которое развивает К.-О. Апель, о необходимости приведения реального коммуникативного сообщества в соответствие идеальному. Последний отмечает необходимость «... реализации сообщества идеальной коммуникации в жизненном мире разнообразных жизненных форм сообществ реальной коммуникации» [1, с. 9]. Это требование исключает необоснованное поклонение самому себе и отрицание других, поскольку идеальное коммуникативное сообщество изначально предполагает равенство субъектов дискурса вне зависимости их своеобразия.

Что представляет собой реальное коммуникативное сообщество, показывается в исследованиях А.Г. Волкова, который выделяет имперский и подданнический, протестный и солидаристский, капиталистический и социалистический субъекты политического дискурса. Одно из проявлений имперского субъекта состоит в том, что он провоцирует подданнического на агрессивные действия, поскольку последний находится в зависимости от него. Как показал исследователь, использование насилия связано с тем, что «... имперский дискурс основывается на создании образа другого как врага...» [2, с. 183]. Обратим внимание, что подданнический субъект становится, одновременно, еще и протестным. Для формирования протестной настроенности имперским субъектом использу-

ется моральная аргументация, то есть она применяется не для совершенствования нравственности, а для обоснования насилия. Возникает следующий вопрос: может ли вообще быть нравственным имперский субъект, учитывая то, что он использует моральную аргументацию для провокации? Чтобы это было возможно, необходима критика занимаемой им дискурсивной позиции. Разоблачение моральной мистификации будет предпосылкой, с одной стороны, выявления «подлинного лица», с другой, – очищения его от нравственной нечистоплотности.

Дискурсивное влияние, как становится очевидным, имеет моральный характер, поэтому предполагает приписывание вины, то есть *обвинение*, и, как результат, наделение негативными качествами, такими, как «злой», «коварный», «преступный», такими именами, как «сепаратист», «террорист» и проч. Предъявление обвинений, в свою очередь, делает необходимым *оправдание*, например, посредством отрицания: «Мы не сепаратисты!», «Мы не террористы», и проч. Как известно, своеобразие морали, в отличие от юридической практики, состоит в том, что в ней отсутствует процесс доказательства присутствия определенных качеств, а содержится обоснование их необходимости при наличии тех или иных онтологических допущений. Именно это является причиной того, что один и тот же поступок может использоваться для иллюстрации проявления противоположных моральных качеств. Каким образом это происходит, зависит от позиции, которую занимает субъект политического дискурса. Ее можно разграничить на *обвинительную* или *оправдательную*, при этом первая имеет *наступательный* и активной характер, а вторая, наоборот, *оборонительной* и пассивный. Преимущество деструктивных политических сил в лице имперского и протестного субъектов состоит в том, что они занимают наступательную дискурсивную позицию, а конструктивные, – например, субъект солидарности, – наоборот, оборонительную, поэтому последний терпит поражение в дискурсивном взаимодействии.

Рассмотрим возможность изменения дискурсивной позиции России в мировой политике посредством совершенствования номинации,

в частности, в ситуации политического кризиса на Украине. В последние десятилетия на Украине реализовался план расширения зоны политического влияния США на Восток, который предполагает разрушение Славянского Мира. Можно предположить, что он является продолжением так называемого «плана З. Бжезинского», результатом воплощения которого был распад СССР. Это стало возможным благодаря использованию обвинительной дискурсивной позиции, которая позволила сформировать протестные настроения.

Таким же образом удалось сформировать образ России как преемника СССР, врага мирового сообщества, захватчика, поработившего украинский народ, использующего насилие для достижения своих политических целей. Одновременно американские спецслужбы целенаправленно формировали националистические настроения, готовили лидеров, активистов, которые «поднимали народные массы на борьбу против Януковича». Они финансировали деятельность украинских неонацистов, содействовали увеличению их материального благосостояния. Были подготовлены такие политические лидеры как Тимошенко, Кличко, Яценюк, Тягнибок и Ярош.

Первым этапом плана дестабилизации политической ситуации в Славянском Мире стала «помаранчевая» революция, целями которой было формирование в политическом сознании образа России как врага украинского народа. Второй этап – это государственный переворот 2014 г., имеющий целью приведение к власти неонацистов, которые «изгоняют» русских с Украины.

Выделим несколько направлений в тематизации украинского политического дискурса, которые были разработаны американскими политтехнологами, благодаря чему США удалось занять доминирующую дискурсивную позицию: «геноцид украинского народа» – тематизация, которая доминировала в период президентства Ющенко – с ее помощью удалось создать образ России как угнетателя украинцев; «защита украинского языка» – посредством которой формировались националистические настроения; «преступления коммунистического

режима» – с ее помощью устранялись патриотические настроения и преемственность поколений; «коррупцированная власть» – тематизация, которая позволила сформировать негативный образ представителей украинской власти.

С помощью первых трех тематизаций сформировались неонацистские настроения в Центральной и Западной Украине. Последняя тематизация позволяла привлечь на сторону националистов представителей различных регионов и национальностей, благодаря чему неонацистский бунт представлялся для мировой общественности как выражение воли украинского народа. На основании вышеизложенного можно определить настоящую политическую ситуацию для Славянского Мира как критическую. Именно поэтому необходимо кардинально изменить дискурсивную позицию России посредством совершенствования номинации.

Попытаемся ответить на вопрос о причине возникновения обозначенной проблемы. В настоящее время Россия переживает период интенсивного развития, поэтому основное внимание сосредоточено на решении внутренних проблем. Именно поэтому без должного внимания остается агрессивная внешняя американская политика, которая направлена на разрушение Славянского Мира. Это является основной причиной того, что Россия терпит поражение в политическом противостоянии с американцами. Последние воплощают в жизнь свои захватнические планы, тогда как официальные представители именуют их «партнерами», что недопустимо в современных политических реалиях. Россия занимает позицию наблюдателя, который «осуждает агрессоров», пытается их «призвать к соблюдению международных норм».

Политическая позиция России имеет характер сдерживания экспансии США, сглаживания ее негативных последствий, поэтому *ее можно определить как оборонительную*. Об этом свидетельствуют длительные переговоры с американскими первыми лицами с целью убеждения прекращения провоцирования военных конфликтов. Такая *политика имеет рефлексивный, то есть «ответный», как следствие, запаздывающий характер*. Она

не предполагает опережение, соответственно, *нейтрализацию агрессивных американских планов*. Россия ограничивается применением дипломатических средств, не использует другие средства политического воздействия, в первую очередь, *формирование общественного мнения мирового сообщества*. Такую политическую позицию можно обозначить также как «выжидательная», о чем свидетельствуют слова В.В. Путина, «украинцы пусть сами решают, как им жить». Не будем забывать, что она сформировалась под влиянием обвинений американцев, которые утверждали, что «Россия вмешивается во внутренние дела Украины», иными словами, она отступила под дискурсивным напором с их стороны.

Отметим основные недостатки российского политического дискурса, а также возможности его коррекции: американцы именуются как «партнеры», что не соответствует действительности, поскольку на самом деле они являются «противниками», «агрессорами», «захватчиками», о чем свидетельствует политическая практика; основное внимание сосредотачивается на действиях «украинских радикалов», «неофашистов», тогда как в центре фокуса дискурса должны быть те, кто их «создал», то есть спецслужбы США; при описании политического поведения американцев, основное внимание должно уделяться «провоцированию фашизма для расширения своего влияния»; обычно при характеристике американской политики «выражается озабоченность нагнетанием агрессии», более же продуктивным будет выражение возмущения по поводу «американской политики войны», «сотням тысяч жертв», создания «украинского неонацистского государства», «американской тоталитарной демократии, которой приносятся в жертву другие народы» и проч.

Назначение совершенствования номинации состоит в *изменении дискурсивной позиции России с оборонительной на наступательную*. Недостаток оборонительной позиции состоит в том, что терпящий насилие не в состоянии защитить себя таким образом от него. Она эффективна только при наличии «добрых» намерений у политических оппонен-

тов. Ее слабость состоит в том, что терпящий насилие не противостоит ему, не предотвращает его, не защищается, а ограничивается только его осуждением. Поэтому существует необходимость отказа от нее и использования ее противоположности, а именно, *наступательной дискурсивной позиции*, которая приведет к увеличению политического влияния в мире, необходимого для предупреждения реализации агрессивных и захватнических планов. Ее конечной целью является нейтрализация политического агрессора, поскольку его действия являются угрозой для мирового сообщества.

Чтобы показать характер изменения дискурсивной позиции, обратимся к содержательной стороне дискурса, которая в наибольшей мере проявляется в тематизации. Можно выделить такие направления тематизации российского политического дискурса: о распространении США неонацизма на Украине и в Евросоюзе; о провоцировании США межнациональных и религиозных конфликтов в мире; о нарушении свободы слова в средствах массовой информации США и Евросоюза; о применении санкций к США. Чтобы показать практическую значимость совершенствования номинации, описание предложенных вариантов тематизации дополним примерами.

1. О распространении США неонацизма на Украине и Евросоюзе. Такая тематизация позволит сформировать протестные настроения в Европе в результате осознания аморальности имперской политики политических чиновников США. Уже сейчас в мировом общественном мнении сформировалось представление, что весь мир оказывается объектом насилия для США. Это представление следует всячески поддерживать и укреплять посредством использования средств массовой коммуникации. Если оно станет доминирующим, то американская администрация вынуждена будет отказаться от осуществления своих агрессивных политических планов. В этой связи актуальна критика политики распространения неонацизма в мире со стороны США, которая позволит сформировать единство той части европейского общества, которая не приемлет насилия. Рано или поздно она вызовет противостояние Евросоюза и США

и не позволит спровоцировать новый политический кризис.

Не совсем оправданным является то, что объектом фокусирования являются первые лица украинской политики. Они не в состоянии ограничить жестокость неонацистов, которые находятся под американским контролем. Главным фокусом дискурсивного воздействия должно быть распространение неонацизма спецслужбами США, тем более, что большинство европейцев обеспокоены расширением его влияния. Осознание преступной деятельности может стать предпосылкой разрыва отношений Евросоюза и США. Учитывая, что подрывная деятельность реализуется в рамках спецслужб НАТО, возникнет осознание необходимости прекращения его деятельности.

Из выступления российского политического лидера: «Сегодня мы поговорим об опасностях в мировой политике. Речь пойдет о расширении неонацизма. Отметим, что он распространяется не произвольно, как это было в Германии в XX столетии, а преднамеренно, со стороны спецслужб США, которые подготавливают боевиков для организации агрессии. В этом состоит политическое преступление администрации и высшего политического руководства США. Мир еще не забыл многомиллионные жертвы II мировой войны, поэтому мы осуждаем эту преступную политическую практику».

Сразу же после возникновения украинского государства были предприняты шаги по распространению неонацизма. Так называемая «оранжевая» революция своей основной целью имела героизацию украинских националистов. Современные их последователи держат под прицелом своих автоматов украинский народ, грабят, захватывают административные здания, поджигают дома и проч. Все это они совершают под руководством американских инструкторов.

Вызывает опасение, что американцы поддерживают неофашистов и в Евросоюзе, что говорит о том, что в скором времени и он окажется их жертвой. Поэтому основное направление политики России состоит в том, чтобы объединиться с Евросоюзом в борьбе

против провоцирования неонацизма со стороны США. Главным шагом в этом направлении является прекращение деятельности НАТО. Нужно сделать все, чтобы Евросоюз вышел из этого блока, поскольку участие в нем направлено против него.

Мировая общественность обеспокоена захватнической политической активностью США. Это государство фактически стало преемником фашистской Германии XX века, поскольку предпринимает шаги для установления мирового господства. Отличие состоит в том, что если немецкие фашисты хотели завоевать господство с помощью прямой военной агрессии, то американцы – посредством распространения неонацизма.

Страх за свое благосостояние, выражение которого можно найти в книге С. Хантингтона «Кто Мы?», подталкивает их ко все новым провокациям. Если Вы посмотрите американские фильмы о II мировой войне, то с удивлением обнаружите, что основной причиной поражения Гитлера стали его ошибки как полководца. Иными словами, они оправдывают фашизм и надеются, что не будут повторять ошибки его лидеров.

Цинизм современной американской политики вызывает негодование у всех народов. Известно, что захватническая политика фашистской Германии привела ее к поражению, к процессам над ее главарями на Нюрнбергском процессе. Кошунство американских политиков состоит в том, что Нюрнбергский трибунал они также превратили в орудие политического насилия. Для этих же целей используется ООН, которая стала послушным инструментом наказания неугодных и непослушных, то есть она превратилась в средство политической господства. У большинства народов есть представление о США как источнике насилия, а к американцам – негативное отношение. Дело за лидерами большинства государств мира, которые должны выразить недоверие США. Пришло время объединить все силы для отпора агрессору».

2. О провоцировании США межнациональных и религиозных конфликтов. Обозначенная тематизация позволяет позиционировать США

как агрессивное государство, которое распространяет политическое насилие в мире. Эта тематизация имеет вспомогательный характер, но она позволяет подтолкнуть европейцев к отказу от союза с американцами. Поэтому тема «американских войн» должна стать основной темой в средствах массовой информации, научных конференций, международных встреч на высшем уровне и проч.

Обратим внимание на тематизацию «европейский выбор Украины», которая доминировала на протяжении двух десятилетий. Она позволила сформировать доверие к Евросоюзу и впоследствии спровоцировать массовые беспорядки на Украине. В противоположность ей, обозначенная тематизация позволит сформировать недоверие к американцам народов всего мира, которое уже имплицитно присутствует, но необходимо сделать его доминирующим. Оно находит свое выражение в следующем лозунге: «Вашингтон должен быть разрушен!» Это уничтожение имеет символический характер, с его помощью устраняется представление о США как миролюбивом государстве.

Из выступления российского политического лидера: «Сегодня мы поговорим о таком негативном политическом явлении, как провоцирование США межнациональных, межэтнических, межрелигиозных конфликтов во всем мире. Безнравственность этой политики очевидна. Отметим, что при этом его лидеры пытаются поучать народы мира как нужно отстаивать свободу слова, демократию и проч. Результатами этой политики являются непрерывные гражданские войны в Афганистане, Ираке и других странах Ближнего Востока и Африке. Они хвалятся так называемой американской демократией, которая на самом деле, если принять во внимание описанные факты агрессии, является тоталитарной. Обратим внимание, что такая демократия предполагает распространение насилия между другими народами. Американцы провозглашают человеческую жизнь как высшую ценность, но это жизнь только американца, но не афганца, иракца и представителей других народов.

Они провоцируют религиозную непримиримость, распространение которой является

причиной многочисленных «американских войн» конца XX – начала XXI столетия. При этом американские лидеры провозглашают, что они предпринимают усилия для сохранения мира, отстаивания свободы и демократии, что является обманом мировой общественности. Исходя из этого, США можно считать политическим преступником, воплощением мирового зла».

3 О нарушении свободы слова в средствах массовой информации США и Евросоюза. Распространение политического влияния на Восток в значительной мере стало возможным благодаря жесткой цензуре в средствах массовой информации США и Евросоюза. Такая «свобода слова» оказывается фикцией, поскольку американцам и европейцам доступна только такая информация, которая разрешается их спецслужбами. Для отстаивания подлинной свободы слова необходимо поддерживать такие западные партии, общественные организации, журналистов, которые в состоянии критически оценивать действия представителей органов власти. Соответственно, следует инициировать проведение расследований, которые в состоянии показать проблемы со свободой слова в США и Евросоюзе.

Из выступления российского политического лидера: «Сегодня мы поговорим о нарушении свободы слова в США и Евросоюзе. На первый взгляд постановка такого вопроса является ошибкой, поскольку именно американцы считают свободу слова высшей ценностью, и отстаивают ее во всем мире, занимают первую строчку в рейтинге стран, в которых она соблюдается. На самом деле требование свободы слова удивительным образом совмещается с ее нарушением. Это становится очевидным, если обратить внимание на то, что в СМИ этих стран допускается только такая информация, которая «одобряется» спецслужбами. Это они делают все, чтобы их народы не знали правды, и для этого извращают истинный ход политических событий. Например, американские спецслужбы готовили украинских националистов более 20 лет для военного переворота, а для мировой общественности они преподносились как активисты, борцы за свободу. Спецслужбы

США являются организаторами политического террора, а это подается как освободительная борьба. Можно ли это считать свободой слова? Конечно, нет!».

4. О применении санкций к США. В настоящее время США оказывает политическое давление на такие народы, которые не признают их как «хозяев» мира. Учитывая угрозу для мировой общественности, которая исходит со стороны этого государства, пришло время применения санкций уже к нему. Рассмотрим несколько возможных санкций, которые имеют политический характер: осуждение агрессивной и захватнической политики распространения неонацизма и провоцирования межрелигиозных конфликтов; организация и проведение расследования преступной деятельности международными организациями; обличение агрессивной политики на дипломатическом уровне посредством нот протеста и др. форм; принятие мер для прекращения практики размещения военных баз на территории иностранных государств; осуждение практики подготовки боевиков в иностранных государствах для провоцирования политических конфликтов; запрещение использования гражданских организаций, используемых для провоцирования политических конфликтов; запрет поставки вооружения для боевиков, которые ведут активные военные действия.

Для оказания политического давления на тех, кто не подчиняется им, США достаточно часто использовали также экономические санкции. Но санкции можно применить и к этому государству. Выделим некоторые из них: понижение курса доллара (евро) с целью его последующего выведения из сферы применения как международной валюты; существенное ограничение деятельности банков, а впоследствии – отказ от их аккредитации; запрещение установления торговых отношений и сделок с фирмами; отказ от использования данных рейтинговых агентств в экономической деятельности; невозможность проведения совместных исследований в сфере технологий, которые могут использоваться для военных целей.

Из выступления российского политического лидера: «Сегодня мы поставим вопрос

о санкциях по отношению к США. На первый взгляд он кажется абсурдным, но, тем не менее, это не так. Это государство в последние десятилетия спровоцировало десятки локальных войн, в которых погибли сотни тысяч людей. Остановить их можно, если применить к ним санкции, в первую очередь экономического плана. Мы понимаем, что для сохранения высокого уровня благосостояния американцы вынуждены провоцировать конфликты во всем мире. Но эти желания имеют эгоистический характер и являются свидетельством тоталитарной демократии, одной из самых отвратительных ее форм.

Напомним лозунг, который звучал много веков назад, в котором выразилось возмущение агрессивной внешней политике: «Вавилон должен быть разрушен!». В современности он трансформируется в следующий: «Вашингтон должен быть разрушен!». Введение санкций еще не предполагает разрушения, но оно является предупреждением как для слишком агрессивных политических деятелей США, так и для американского народа. Они должны понять, что если курс доллара будет низким, они потеряют свое могущество. Если никто не будет вступать с ними в торговые отношения, экономика США рухнет, и граждане станут бедными. Такие санкции не являются самоцелью, а только средством предупреждения».

Выводы: итак, номинация должна определяться не только потребностью выразить переживания, а ориентацией на существенные характеристики субъекта политического дискурса и своеобразие его позиционирования. Предпочтительность изменения оборонительной дискурсивной позиции на наступательную объясняется необходимостью отстаивания принципов мирного сосуществования. Такая трансформация является актуальной, поскольку довольно часто деструктивные политические силы действуют очень активно, а конструктивные – пассивно, что является предпосылкой их поражения в противостоянии. Изменение российской позиции на наступательную возможно посредством совершенствования номинации. Следует иметь в виду уязвимость любого агрессора, которая состоит в моральном оправдании

насилия. Выявление этого несоответствия является предпосылкой ослабления их дискурсивной позиции, несмотря на их экономическое и политическое доминирование.

1. Апель К.-О. Дискурс і відповідальність: проблема переходу до пост конвенціональної моралі [пер. З нім. В.М. Купліна]. – К.: Дух і Літера, 2009. – 430 с.
2. Волков О.Г. Вступ до екзистенціальної прагматики політичного дискурсу. Монографія / О.Г. Волков. – Мелітополь: ТОВ «Видавничий будинок ММД», 2010. – 604 с.
3. Дискурс-Пи: Научный журнал [под. ред. О.Ф. Русаковой]. – Екатеринбург: ИД «Дискурс-Пи», 2013. – Вып. 13. – 156 с.
4. Конфуций. Суждения и беседы. – СПб.: ООО «СЗКЭО «Кристалл», 2004. – 192 с.
5. Фуко М. Порядок дискурса // Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. [пер. с франц.]. – М., Касталь, 1996. – С. 47–96.
6. Хабермас Ю. Моральное сознание и коммуникативное действие / Ю. Хабермас; [пер. с нем. под ред. Д.В. Скляднева, послесл. Б.В. Маркова]. – СПб.: Наука, 2000. – 380 с.
7. Шадрин А.А. Герменевтика смысла социально-философской дискурсивности. – Ижевск: Из-во «Удмуртский университет», 2009. – 142 с.

1. Apel' K.-O. Diskurs i vidpovidal'nist': problema perexodu do post konvencional'noi morali [per. Z nim. V.M. Kuplina]. – K.: Dux i Litera, 2009. – 430 s.
2. Volkov O.G. Vstup do ekzistencial'noi pragmatiki politichnogo diskursu. Monografiya / O.G. Volkov. – Melitopol': TOV «Vidavnichij budinok MMD», 2010. – 604 s.
3. Diskurs-Pi: Nauchnyj zhurnal [pod. red. O.F. Rusakovej]. – Ekaterinburg: ID «Diskurs-Pi», 2013. – Vyp. 13. – 156 s.
4. Konfucij. Suzhdeniya i besedy. – SPb.: OOO «SZKE'O «Kristall», 2004. – 192 s.
5. Fuko M. Poryadok diskursa // Fuko M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. Raboty raznyx let. [per. s franc.]. – M., Kastal', 1996. – S. 47–96.
6. Xabermas Yu. Moral'noe soznanie i kommunikativnoe dejstvie / Yu. Xabermas; [per. s nem. pod red. D.V. Sklyadneva, poslesl. B.V. Markova]. – SPb.: Nauka, 2000. – 380 s.
7. Shadrin A.A. Germenevtika smysla social'no-filosofskoj diskursivnosti. – Izhevsk: Iz-vo «Udmurtskij universitet», 2009. – 142 s.

UDC 321.01+342.1

NOMINATION PERFECTION AS THE WAY OF STRENGTHENING OF THE DISCURSIVE POSITION OF THE SUBJECT OF THE POLITICAL DISCOURSE

Volkov Alexander Grigorevich,

Melitopol State Pedagogical University named after B. Hmel'nitski,
Professor of the Chair of Philosophy,
Doctor of Philosophy,
Melitopol, Ukraine,
E-mail: alex_seng@list.ru

Annotation

The article justifies the technique of correction of names as a mean of perfection of a political discourse. There are shown an originality, advantages and lacks of defensive and offensive positions.

Key words:

discursive position, discourse, nomination, theme-making, transformation, provocation of violence.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ SOFT POWER: ТЕОРИЯ, РЕСУРСЫ, ДИСКУРС

Доклады

Российские ресурсы soft power: история и современность

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА КАК ИНСТРУМЕНТ МЯГКОЙ СИЛЫ

Брянник Надежда Васильевна,

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
департамент философии,
кафедра онтологии и теории познания,
доктор философских наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: vastas07@mail.ru

Аннотация

В статье обосновывается, что данное понятие не представляет с теоретической точки зрения ничего принципиально нового, выступая лишь одним из известных и взаимосвязанных инструментов внутренней и особенно внешней политики ведущих мировых держав.

Ключевые слова:

soft power, трактовки концепта «мягкой силы», внешняя политика, «цветные революции».

Несмотря на то, что словосочетание «мягкая сила» вошло в оборот недавно, вокруг него выстраиваются различные концепты и интерпретации; оно имеет строгий и расширительный смыслы и становится стержнем новомодных политических теорий и практик. Именно политические практики в первую очередь и представляют для нас интерес. С одной стороны, реальная политика – единственный объект, доступный анализу дилетанта в политической сфере, а с другой – сколь бы теоретически нагруженным ни был данный концепт, его истоки все-таки находятся в живой политике.

Политические реалии сближают профессионала и дилетанта – ведь на уровне интуиций также можно достичь взаимопонимания, как и при оперировании строгими смыслами используемых понятий.

Современные события у всякого интересующегося политикой формируют устойчивую интуицию того, что собой представляет «мягкая сила», создавая стойкое ощущение того, что она не отделена непроходимой стеной от того, что называется «жесткой силой». Понятие «сила», какой бы она ни была, означает элемент принуждения, навязывания, стремления к господству,

подавления и подчинения субъекту политики объекта воздействия. В *человеческом* сообществе понятие силы как источника воздействия имеет свое предельное выражение в феномене военной силы. Шлейф возможного, таящегося в мягкой силе, не исключает и состояния войны – скорее, в скрытой форме мягкая сила как раз и включает в себя данное состояние. Тем более что современная цивилизация сотворила столь разнообразные виды войны – от вооруженных до информационно-сетевых противостояний и столкновений, – что есть в них место и связанным с мягкой силой.

При рассмотрении мягкой силы особый интерес представляют *права человека* – сегодня становится все более очевидным, что права человека являются мощным рычагом и регулятором в международной политике. В исследованиях по мягкой силе права человека безоговорочно рассматриваются в качестве ее важнейшего средства; и нередко именно права человека приводят в качестве примера использования мягкой силы. Вместе с тем, права человека (их нарушение) становятся благовидным предлогом и главным аргументом для ведения военных действий, введения политико-экономических санкций и пр. Только последние два десятилетия дают массу тому подтверждений – Ирак, Сирия, Ливия, Украина и мн. др. регионы. В случае с Украиной мы стали свидетелями того, как поспешно сдавал свои президентские полномочия В. Ф. Янукович, дабы не нарушить права на свободу волеизъявления «евромайдановцев».

Права человека как инструмент мягкой силы одновременно демонстрируют нам способность трансформироваться в жесткую силу. Та же Украина явила яркий пример того, как политические силы, незаконно захватившие власть у законно избранного президента (еще в тот момент, когда сами не получили никакой легитимации), вооруженным путем решили пресечь право на свободу волеизъявления (референдумы юго-восточных регионов признаны незаконными) и даже право на родной язык. Оказывается, права человека – это такой инструмент, который позволяет в одной и той же стране, в одно и то же время, одни и те же прин-

ципы, то признавать – то отрицать. Согласно формальной логике, это означает противоречивость (путаницу) в поведении, не допустимую с точки зрения здравого смысла, проще говоря, лицемерие. А с политической точки зрения, это сегодня квалифицируется как «политика двойных стандартов».

Политика двойных стандартов, спекулирующая на правах человека, маскирующая геополитические и экономические интересы под вывеской данного инструмента мягкой силы, раньше или позже оборачивается «цветными» революциями, гражданскими войнами, вооруженными конфликтами и пр.

В этой связи возникает ряд вопросов. *Первый круг вопросов:* Права человека по своей *природе* имеют «лицевую» сторону и «изнанку»? Подаваемые как мягкая сила они *неизбежно* трансформируются в жесткую или военную силу? А, может быть, ситуация последних десятилетий является исключением? *Второй круг:* Права человека – это *декларативная* юридико-политическая категория и ее место лишь в *риторической* обойме политических деятелей? А может быть они являют собой *реально значимый* политико-юридический инструмент, который для своего функционирования требует особых условий и обстоятельств? Тогда что собой представляют эти особые условия и обстоятельства?

Но есть и более *фундаментальный вопрос*, от которого производны вышеприведенные. Суть его можно сформулировать так: когда и как права человека обрели статус регулятора международных отношений, и чем обосновывается *универсальный* характер прав человека? Даже фрагментарный, не систематический, поиск ответа на поставленные вопросы приводит к довольно любопытной картине.

Заложившая основы западноевропейской цивилизации античная культура руководствовалась в государственных и межгосударственных отношениях ценностями, близкими по своему духу тому, что сегодня мы связываем с правами человека. В разных контекстах характеристику данных ценностей можно обнаружить у европейских мыслителей различных эпох. Так, Цицерон высшей ценностью считает спо-

собность людей жить совместно, не разрушая человеческого общежития, но это становится невозможным, «если все мы будем охвачены стремлением грабить ближнего ради своей выгоды и нарушать его интересы, что неминуемо приведет к распаду того, что в высшей степени сообразно с природой, – человеческого общества» [10, с. 129]. Итак, соблюдение интересов частного лица – залог сохранения того или иного сообщества, а совместное существование отвечает самой природе человека.

Уже в этот период защита интересов граждан не остается на уровне благих пожеланий, а обретает правовую форму. У Цицерона это выражено так: «... первая задача справедливости – в том, чтобы никому не наносить вреда, если только тебя на это не вызвали противозаконием» [10, с. 63]. При этом он дает такие пояснения: «Противозакония часто совершаются в связи... с извращением права и в связи с его не в меру тонким, но злостным толкованием. Вот почему выражение «Высший закон – высшее противозаконие» уже стало избитой поговоркой» [10, с. 66]. И здесь возникают ассоциации с современным положением дел: когда во имя (а точнее, под прикрытием) прав человека, которые лежат в основе как международного права, так и конституций суверенных государств, нередко творится высшее беззаконие – убийство детей, мирных жителей и мн. др. По-видимому, не случайно он обращает внимание на то, что часто «печальная действительность скрашивалась мягкостью слова» [10, с. 67]. «Мягкая сила» и «мягкость слова» – словосочетания близкие по смыслу, поскольку им противопоставляется «жесткая сила» и «противозаконие» [10, с. 67]. Уже тогда, осознавая динамику «мягкости» и «жесткости» в сфере политики, Цицерон предостерегает: «Что касается государственных дел, то строже всего надо соблюдать право войны» [10, с. 67].

В межгосударственных отношениях и тогда были претенденты на статус исключительного положения, что являлось оправданием для того, чтобы вершить судьбы других государств в диапазоне от мягкой до жесткой силы, взятой в самом крайнем ее проявлении, – до использования «права войны». Так, на раннем

этапе Античности на исключительный статус претендовали Афины. В «Истории» Фукидида в «Надгробной речи Перикла» это озвучено таким образом: «Для нашего государственного устройства мы не взяли за образец никаких чужеземных установлений. Напротив, мы скорее сами являем пример другим, нежели в чем-нибудь подражаем кому-либо <...>. Город наш – школа всей Эллады... То, что мое утверждение – не пустая похвальба в сегодняшней обстановке, а подлинная правда, доказывается самим могуществом нашего города, достигнутым благодаря нашему жизненному укладу» [9, с. 7–9].

И это достаточно распространенная оценка, которая воспроизводится из столетия в столетие. В XIX ст. в оценках известного английского историка культуры Д. Грота в «Истории Греции», где он пытается объяснить причины возвышения и падения Афин, в пользу этого приводятся такие аргументы: «В политической истории Греции Афинское государство есть самое замечательное из всех явлений... Никакое греческое государство, кроме Афин, не было способно ни организовать такую систему, ни удержать такое множество маленьких общин в состоянии хотя неполного, но правильного, постоянного и целесообразного единства, в особенности при стремлении к политической отдельности» [3, с. 17].

Нас в данном случае интересует не сама по себе история Греции, а межгосударственные связи, влияющие на характер отношений к людям – именно это позволяет судить о том, как складывалось то, что мы сегодня называем правами человека. И подобного рода информация есть. У того же Грота, при постоянных восторженных восклицаниях в адрес Афин, мы находим следующее: «Кровопролития... дают повод упрекнуть афинян в недостатке человеколюбия... Но эти жестокости не имели заметного влияния на падение могущества Афин, хотя в позднейшие времена многие... указывали на них, как на причины падения Афинской республики» [3, с. 16]. А вот еще одна оценка, которая проясняет важные для нас вопросы о том, чем поддерживались межгосударственные взаимоотношения и какое влияние

они оказывали непосредственно на жителей тесно связанных между собой государств: «владычество Афин не было так тяжело... для подданных... Афинское владычество, если оно не внушало особенной преданности к себе большей части граждан подчинившихся ему общин, конечно, также не возбуждало в них всеобщей вражды... Если в качестве преобладающей общины Афинская республика требовала от прочих повиновения, зато она свято исполняла относительно них свои обязанности... И даже если бы афиняне были в высшей степени расположены стеснить свободу мысли и действий в гражданах подчиненных им общин,.. то само существование у них демократического правления с открытым противоборством партий, всеобщей свободой речи и самым разносторонним проявлением энергии в отдельных лицах... возбуждало бы склонность к подобным учреждениям и в подчиненных общинах даже против желания афинян» [3, с. 17–18].

Межгосударственные сношения в рассматриваемую эпоху также были связаны с определенными объединениями, союзами и основывались на договорах. Так, приморские города Эгейского моря и его острова были связаны Делосским союзом, в котором господствующую роль играли Афины. Этот союз позволял избегать иноземного вмешательства. Описание данного договора дает представление о «мягкой силе» времен Античности: «С самого начала этот союз имел характер договора, неразрывно связывающего каждую из общин со всеми остальными. Ни одна из них не имела права ни отделиться от союза, ни отказаться от доставления контингента, назначенного общим собранием, ни принять какие-либо особые меры, несогласные с обязанностями, принятыми относительно союза» [3, с. 11–12]. Нет смысла проводить какие-либо параллели с современным положением дел, со способами соподчинения участников различных союзов и коалиций – они очевидны.

Подводя итог экскурсу в Античность в связи с «мягкой силой» и «правами человека», можно отметить, что там закладывается *прототип* того, что является отличительной чертой современной европейской цивилизации.

Но в прямом смысле слова о правах человека в этот период говорить не приходится. Это отмечают свидетели становления данного феномена в к. XVIII – первой пол. XIX ст. Так, французский писатель и публицист Б. Констан, с одной стороны, отмечает: «Свобода, явившаяся в конце прошлого века, была свободой, заимствованной у античных республик» [7, с. 211], но, с другой, для него очевидно: «то, что мы называем гражданской свободой, большинству античных народов было неизвестно. Все греческие республики за исключением Афин подчиняли индивида почти неограниченной власти общества. То же индивидуальное подчинение мы видим и в Риме в лучшие времена его истории: там граждане были в некоторой степени рабами народа» [7, с. 212].

Гражданская свобода как основа основ прав человека не была признана не только в Античности (и Афины вряд ли здесь являются исключением), но вплоть до XVII–VIII вв. Философское обоснование подобному положению дел дает М. Хайдеггер (и не только он), утверждая, что только в Новое время человек впервые в истории становится субъектом. Это означает, что с этого времени человек занимает господствующее положение в окружающем его мире – он его и творит, и несет за него ответственность.

А что происходит со статусом человека в государственных устройствах нового типа, чем регулируются межгосударственные сношения?

Глубокий и разносторонний мыслитель и политический деятель Германии В.Ф. Гумбольдт, оценивая в данном отношении сложившуюся ситуацию, пишет: «На место системы, которая была рассчитана только на то, чтобы выкачивать из нации как можно больше средств для удовлетворения эгоистического честолюбия и расточительных страстей одного единственного человека, должна придти система, которая имеет своей единственной целью свободу, спокойствие и счастье каждого отдельного человека» [5, с. 185].

Отдельный человек, индивид, становится отправным и одновременно базисным элементом в государственно-правовой системе.

«Практическое стремление к свободе личности в церковном, религиозном, интеллектуальном, а также экономическом и... политическом отношении» [8, с. 210], – как считает заявивший о себе еще в дореволюционной юридической науке В.Ф. Тарановский, – оказывается центром политической жизни государств нового типа.

Историки правовой мысли констатируют формирование в эту эпоху международного права в строгом смысле слова, и оно также было тесно связано с идеей прав человека. Здесь не обойти фигуру Г. Гроция, которого считают его основоположником: «Гроций начертал скрижали действительной политической науки... Он вынужден был выйти за пределы национальных кодексов и сектантских интересов и искать принцип, общий для всего человечества... С этого момента... получалось, что люди и народы, несмотря на все различия, могли жить в мире, обеспечиваемом всеобщим правом» [1, с. 403]. Для самого Гроция «право есть то, что не противоречит справедливости. Противоречит же справедливости то, что противно природе существ, обладающих разумом» [6, с. 81–82]. Тем самым, Гроций саму суть права связывает с человеческой природой и сближает его с нравственными требованиями, что свидетельствовало о его естественно-правовом подходе, которому и обязана идея прав человека. В естественно-правовом подходе акцент делается на т.н. неотъемлемых, неотчуждаемых правах человека, которые выражают человеческую свободу во всех ее многообразных жизненных проявлениях, как то: право на жизнь, собственность, неприкосновенность и достоинство личности, свободу совести, мысли, слова, выбирать своих правителей и т.п.

Идеи таких творцов естественно-правовой доктрины, как, например, Д. Локк, Ш.Л. Монтескье, Т. Пейн, Т. Джефферсон, нашли непосредственное воплощение в правовых документах (соответственно, и в государственно-правовой практике), выражающих наиболее значимые достижения в области прав человека – Билль о правах (1689 г.), Конституция США (1787 г.), француз-

ская Декларация прав человека и гражданина (1789 г.) и др. Эти достижения в правовой жизни, наряду с научно-техническими, заложили основы того, что сегодня называют современным типом цивилизации. Поэтому не случайно некоторые современные исследователи (например, С.С. Алексеев, Е.А. Лукашева) оценивают события, произошедшие в правовой жизни в указанный период, как революцию в праве.

«Человеческое право» становится опорой правового мира, считает Гроций, а в подтверждение приведу важное для него положение: «Право естественное есть предписание здравого разума, коим то или иное действие, в зависимости от его соответствия или противоречия самой разумной природе, признается либо морально позорным, либо морально необходимым; <...> Естественное право... столь незыблемо, что не может быть изменено даже самим Богом... как Бог не может сделать, чтобы дважды два не равнялось четырем, так точно он не может зло по внутреннему смыслу обратить в добро» [6, с. 83–84].

После двух мировых войн человечество в лице, прежде всего, европейских государств выходит к признанию приоритета прав человека в международных отношениях, что и зафиксировано во «Всеобщей декларации прав человека», принятой в 1948 г. ООН.

Признание международных документов по правам человека конкретными государствами одновременно потребовало введения юридических механизмов и средств, гарантирующих их соблюдение и защиту. Именно в этом смысле «естественное право обретает непосредственное юридико-регулятивное значение» в отношении прав человека, что С.С. Алексеев оценивает как «вторую революцию в праве» [2, с. 469, 474].

Творцы нового типа межгосударственных отношений, выстроенного вокруг прав человека, полагали, что на этом основании во внешней политике станет доминировать мягкая сила. Именно так можно интерпретировать одно из положений Гумбольдта, которое он выдвигает, сравнивая новое конституционное устройство Америки, Англии, Франции и Германии. Он пишет: «Можно лишь навер-

няка констатировать... а именно: политическая организация целого составляется из равномерно организованных частей. Только благодаря этому можно... воспрепятствовать тому, чтобы эти части незаконно применяли насилие по отношению друг к другу. Находясь друг с другом в противоречии или... резко разделяясь друг с другом, части целого сливаются в единство, предоставляя личности возможность свободно развития и не слишком затрудняя распоряжение собственностью» [4, с. 196].

Итак, ненасилие, полагающееся на важнейшее средство мягкой силы – права человека, – становится принципом сосуществования европейских государств в новой и новейшей истории.

Остается не проясненным один из заявленных ранее фундаментальных вопросов, а именно: насколько универсальна созданная в Европе в Новое время модель сосуществования?

Любопытные размышления на этот счет можно найти у Гроция, приведем одно из них. Конкретизируя представления о естественном праве он отмечает: «Оно... бывает или правом внутригосударственным, или же правом человеческим в более широком и в более узком смысле по сравнению с внутригосударственным... Право в более широком смысле есть право всех народов или многих из них. Я добавил «многих из них» потому, что, кроме права естественного, называемого также часто правом народов, почти не встречается право, которое было бы обще всем народам. Ибо ведь зачастую в одной части земного шара действует такое право народов, которое не имеет силы в остальной» [6, с. 87]. Удивляешься тому, насколько глубок и одновременно методологически осторожен был Гроций – он осознает, что обнаруженные им правовые закономерности касаются только известных ему европейских и тесно связанных с ними народов. Международное право – это право народов, понятое именно в этом смысле.

Значит, международное право нельзя отождествлять с общечеловеческим, всемирным. Но тогда вокруг такой важнейшей ценности общеевропейского права, как права человека, нельзя выстраивать внешнюю политику, по-

скольку будет нарушен принцип равенства, о котором писал Гумбольдт – части целого (мирового целого) оказываются не равными: одна часть навязывает свои ценности всему миру. А это, по оценке Гумбольдта, насилие. Выходит, права человека, выстраданные долгой историей европейского человечества, превращаются из инструмента мягкой силы в жесткую силу, доходящую до вооруженного подавления государств и регионов, не признающих данную ценность в качестве высшей.

Не вдаваясь в обстоятельное рассмотрение того, а что это за ценности, в которых нет места правам человека, сошлюсь только на один аргумент из исследования О. Шпенглера, в котором проводится сравнительный анализ античного и арабского права. Он считает, что «античное право – это право, созданное гражданами и для граждан. Оно предполагает... государственную форму полиса. Лишь на основе этой базовой формы общественного существования возникает... понятие личности (персоны) как человека в своей целостности тождественного с телом государства, – и далее он поясняет: единичная личность – это тело, принадлежащее фонду полиса» [11, с. 61]. Что касается раннеарабского права, то оно является «правом вероисповедных общин», которое базируется на признании одной-единственной истины и обобщается в «одной юридической личности» – «юридическая личность является коллективным существом, обладающим, как целое, намерениями, принимающим решения и несущим ответственность» [11, с. 70].

То, что было заложено в правовых истоках европейских и арабских культур, не отменено и сегодня, а получило органическое продолжение, поэтому в современном мире сосуществуют разные правовые системы, родственные или радикально отличающиеся.

Наш общий вывод заключается в том, что политические стратегии, каковой на сегодняшний день становится мягкая сила, должны учитывать глобальные обстоятельства существования человечества, как в историческом, так и геополитическом масштабе. При таком подходе, я сомневаюсь, что права человека в том их практическом значении, как они сло-

жились в новой и новейшей истории, будут бесспорно признаны в качестве инструмента мировой политической системы.

1. Акстон Д. История свободы в эпоху христианства // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. (Серия «Общественная мысль: исследования и публикации».) – М.: Наука, 1995. 462 с. С. 393–414.
2. Алексеев С.С. Право: азбука – теория – философия: Опыт комплексного исследования. М.: Статут, 1999. 712 с.
3. Грот Д. Из истории Греции // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. С. 11–19.
4. Гумбольдт В.Ф. Идеи конституционного государственного устройства в связи с новой французской конституцией // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. С. 184–190.
5. Гумбольдт В.Ф. Об учреждении земельных сословных конституций в прусских государствах // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. С. 190–198.
6. История философии права. СПб.: Юридический институт, Санкт-Петербургский университет МВД России, 1998. 640 с.
7. Констан Б. Об узурпации // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. С. 198–249.
8. Тарановский В.Ф. Энциклопедия права. СПб.: Лань, 2000. 553 с.
9. Фукидид. История // О свободе. Антология западноевропейской классической либеральной мысли. С. 6–11.
10. Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях.

М.: Наука, 1975. 245 с.

11. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. 2. Всемирно-исторические перспективы. М.: Мысль, 1998. 606 с.

1. Akton D. Istorija svobody v e'poxu xristianstva // O svobode. Antologiya zapadnoevropejskoj klassicheskoj liberal'noj mysli. (Seriya «Obshhestvennaya mysl': issledovaniya i publikacii».) – M.: Nauka, 1995. 462 s. S. 393–414.
2. Alekseev S.S. Pravo: azbuka – teoriya – filosofiya: Opyt kompleksnogo issledovaniya. M.: Statut, 1999. 712 s.
3. Grot D. Iz istorii Grecii // O svobode. Antologiya zapadnoevropejskoj klassicheskoj liberal'noj mysli. S. 11–19.
4. Gumbol'dt V.F. Idei konstitucionnogo gosudarstvennogo ustrojstva v svyazi s novoj francuzskoj konstituciej // O svobode. Antologiya zapadnoevropejskoj klassicheskoj liberal'noj mysli. S. 184–190.
5. Gumbol'dt V.F. Ob uchrezhdenii zemel'nyx soslovnnyx konstitucij v prusskix gosudarstvax // O svobode. Antologiya zapadnoevropejskoj klassicheskoj liberal'noj mysli. S. 190–198.
6. Istorija filosofii prava. SPb.: Yuridicheskij institut, Sankt-Peterburgskij universitet MVD Rossii, 1998. 640 s.
7. Konstan B. Ob uzurpacii // O svobode. Antologiya zapadnoevropejskoj klassicheskoj liberal'noj mysli. S. 198–249.
8. Taranovskij V. F. E'nciklopediya prava. SPb.: Lan', 2000. 553 s.
9. Fukidid. Istorija // O svobode. Antologiya zapadnoevropejskoj klassicheskoj liberal'noj mysli. S. 6–11.
10. Ciceron. O starosti. O druzhbe. Ob obyazannostyax. M.: Nauka, 1975. 245 s.
11. Shpengler O. Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. 2. Vsemirno-istoricheskie perspektivy. M.: Mysl', 1998. 606 s.

HUMAN RIGHTS AS AN INSTRUMENT OF SOFT POWER

Nadezda Vasiliyva Bryanic,

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin. Ekaterinburg, Department of Philosophy, Doctor of Philosophy, Professor of Ontology and Theory of Knowledge, Ekaterinburg, Russia, E-mail: vastas07@mail.ru

Annotation

The author is set by a question about that, how and when human rights become the instrument of soft force. An idea is conducted that under a protection of human rights soft force is able to be transformed in rigid force and come to the soldiery conflicts. A thesis is called in a question about human rights as universal regulator of international relations.

Key words:

human rights, soft/rigid force, the status of human, State-to-State relations.

СУВЕРЕНИТЕТ ИЛИ ИНТЕГРАЦИЯ: SOFT POWER НА ПОСТСОВЕТСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Яшкова Татьяна Алексеевна,

Институт экономики, управления и права РГГУ,
профессор кафедры государственного и муниципального управления,
профессор кафедры философии и политологии Академии труда и социальных отношений,
вице-президент Академии Геополитических проблем, доктор политических наук,
член Российской ассоциации политической науки,
г. Москва, Россия,
E-mail: yashkova@yandex.ru

Аннотация

Основная тема, затронутая в данном исследовании, – это понятие суверенитета или интеграции как мягкой силы (soft power) на постсоветском пространстве.

В начале работы анализируются понятия суверенитета и интеграции, и автор приходит к заключению, что в становлении любого государственного образования сначала зарождается суверенитет, а затем уже развиваются интеграционные процессы. Далее в данной работе рассматривается такое понятие, как «мягкая сила». Данное понятие ввел в оборот Джозеф Най, профессор Гарвардского университета. По его мнению, мягкая сила (soft power) – это возможность получения желаемого результата путем побуждения другой стороны разделить ваши цели. Данное понятие применимо больше в западной политической мысли, так как западные страны уже живут в интеграционном пространстве, а именно Европейское сообщество, а Российская Федерация и часть стран постсоветского пространства на данном этапе только переходят в стадию интеграционного развития. При этом хотелось бы подчеркнуть, что данное понятие ново, но актуально для Российской Федерации, которая имеет достаточно серьезные ресурсы развития «мягкой силы» на постсоветском пространстве.

Ключевые слова:

мягкая сила, суверенитет, интеграция, постсоветское пространство, интеграционные процессы и развитие.

Анализируя понятия «суверенитет» и «интеграция», хотелось бы выстроить их в логической последовательности, а именно: вначале любое государство задумывается о своей независимости, а затем связывает свое развитие с интеграцией. Отдельно стоит заострить внимание на понятии «мягкой силы».

Теория «мягкой силы», разработанная американским политологом Дж. Наем, стала сегодня самой популярной концепцией, главным инструментарием в системе международных отношений, в стратегии государств, нацеленной на занятие и удержание ведущих, если не господствующих позиций на международной арене. Профессор Гарвардского университета Джозеф Най впервые сформулировал понятие «мягкая сила» в 1990 году в своей работе «Призвание к лидерству: меняющаяся природа американской

силы» [1]. Он рассматривает «мягкую силу» как способность получать желаемый политический результат путем привлекательного побуждения другой стороны принять ваши цели. При этом американский исследователь замечает, что «этого следует добиваться путем облачения своего политического товара (идей, идеологий, инициатив, повесток дня, институтов) в привлекательную для других упаковку, подкрепляя это солидными «призовыми» за сотрудничество, ну, например, расширяя рыночные возможности партнера» [2]. Мягкое могущество, отмечает Най, возникает, когда страна привлекает своей культурой, политическими идеалами и программами. Оно проявляется в привлечении других к сотрудничеству без угроз и поощрений.

Привлекательность внешней политики, согласно Наю, во многом зависит от того, насколько

ко будут всеобъемлющими и перспективными ее цели для всех участников межгосударственных коммуникаций, насколько будут совпадать их ценностные ориентации: «Политика с большей вероятностью будет привлекательной, если она базируется на ценностях, разделяемых другими». В качестве примера политики в стиле soft power Най называет реализацию плана Маршала, в ходе которой «европейцы с радостью приняли американское лидерство».

Следует так же отметить, что технология применения «мягкой силы» была известна в Древнем Китае. В «Книге правителя области Шан» говорится: «Совершенно мудрый, управляя людьми, должен непременно овладеть их умом и сердцами, и тогда он может использовать их силу» [3].

Характеризуя распад Советского Союза и образование независимых государств, имеет смысл остановиться на протекании «цветных революций» на постсоветском пространстве. Их отрицательный опыт на Украине, в Киргизии, а также в других странах весьма наглядно подтверждает высказывание Президента РФ В.В. Путина о том, что «противоправные инструменты «мягкой силы»... используются для взращивания и провоцирования экстремизма, сепаратизма, национализма, манипулирования общественным сознанием, прямого вмешательства во внутреннюю политику суверенных государств...».

Активность «псевдо-НПО», других структур, преследующих при поддержке извне цели дестабилизации обстановки в тех или иных странах, недопустима» [4].

В отношении Российской Федерации существует собственная парадигма использования «мягкой силы». Суть ее выразил Министр иностранных дел РФ С.В. Лавров, который определил «мягкую силу» как «способность воздействовать

на поведение других государств с помощью культурно-цивилизационной, гуманитарно-научной, внешнеполитической и иной привлекательностью своей страны, готовность и умение продвигать позитивную, объединительную повестку дня в международных отношениях. В этих условиях важным фактором обеспечения конкурентоспособности нашей внешней политики и России в целом является вовлечение во внешнеполитический процесс гражданского общества...» [5]. Исходя из вышесказанного, российская «мягкая сила» должна включать в себя следующие черты:

- формирование новой политики государства в вопросах научно-образовательного сотрудничества со странами постсоветского пространства;
- конструирование схем взаимодействия российских политических элит с различными неправительственными общественными организациями на постсоветском пространстве;
- суть различных центров и учебных заведений на постсоветском пространстве по изучению русского языка, русской культуры и русской истории.

Согласно рейтингу «мягкой силы» на сегодняшний день РФ занимает 10-е место, уступая США, Франции, Германии, Великобритании, Канаде, Италии, Японии, Китаю и Индии (Рис. 1).

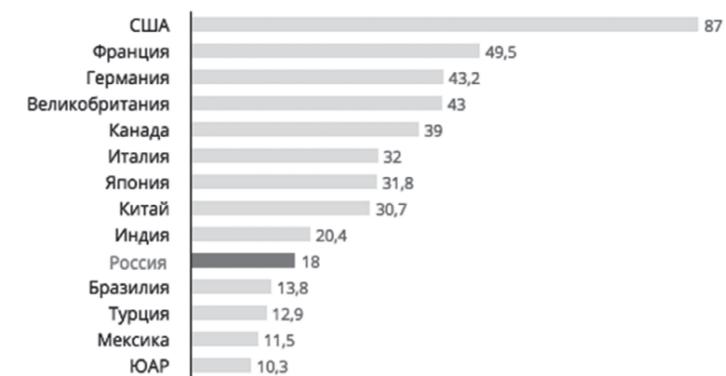

Рисунок – 1 Мировой рейтинг «мягкой силы» на 2014.

При этом рейтинг «мягкой силы» учитывает такие факторы, как туризм, олимпийские медали, миграционные потоки, привлекательную индивидуальность, культуру, политические ценности, институты и стратегии,

которые расцениваются как легитимные или обладающие моральным авторитетом. Индекс мягкой силы рассчитывается по трем критериям: целостность (integrity), глобальная интеграция и имидж [6].

Таким образом, в постмодернистской трактовке политической власти основной акцент делается на том, что в современную эпоху наиболее эффективным способом властвования является гибкая власть, или *soft power*. В отличие от жесткой власти *soft power* не воспринимается в качестве силы, действующей извне. В противоположность «жесткому» способу влияния «мягкая» сила – это способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принуждения и подачек. Мягкая власть – это власть, которая реализуется в форме определенного коммуникативного воздействия, в процессе которого диктуемое властью поведение воспринимается реципиентом как свободный и добровольный выбор, приносящий, к тому же, подвластному субъекту радость и удовольствие.

Соединение традиционных источников власти с коммуникативными методологиями и практиками *soft power* способно обеспечивать подвижность и гибкость современной политической власти.

Идентичность, как «мягкая» сила, которая приводит к сплочению людей в единое социальное целое и выступает одним из мощных властных ресурсов социо-ментального типа. В качестве социо-ментального ресурса идентичность приводит к объединению усилий людей для расширения общественно значимых задач, что в стабильно развивающемся обществе обеспечивает жизнеспособность его политических институтов.

Понимание важности стратегий идентичности в качестве «мягкой» властной мощи заставляет правительство разрабатывать и проводить специальную политику.

Распад Советского Союза привел к появлению на политической карте мира новых государств. Лишившись возможности влиять в прежнем объеме и через прежние механизмы, Российская Федерация, желающая в новых условиях добиваться собственных целей, не может не использовать на постсоветском пространстве механизмы «мягкой силы».

На современном политическом пространстве главной политической единицей является союзное объединение, среди которых можно

выделить Европейский Союз, Организация Американских Государств, Сообщество латиноамериканских и карибских стран. Российская Федерация вместе с Беларуссией и Казахстаном также развиваются по данному направлению.

Отдельно хотелось бы остановиться на новом проекте XXI века – Евразийский Союз (ЕАС).

Под Евразийским союзом подразумевается проект конфедеративного союза государств с единым политическим, экономическим, военным, таможенным, гуманитарным, культурным пространством, предполагаемого к созданию на базе союза Казахстана, России и Беларуси. Союз строится по модели мощного наднационального объединения, способного стать самодостаточным рынком (население которого должно составлять не менее 200–250 миллионов человек) и одним из геополитических «полюсов» современного мира, играющего при этом роль эффективной «связки» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом.

По инициативе В.В. Путина дальнейшая интеграция стран постсоветского пространства, обладающих исторически обусловленными устойчивыми экономическими взаимосвязями и сложившимся характером межгосударственных отношений, будет происходить в рамках Евразийского Союза, планируемого по образцу ЕС. Этот союз будет являться связующим звеном между ЕС и Азиатско-Тихоокеанским регионом – «эффективной «связкой» между Европой и динамичным Азиатско-Тихоокеанским регионом» [5]. Главный стратегический приоритет своего президентства Владимир Путин изложил в статье «Новый интеграционный проект для Евразии – будущее, которое рождается сегодня», опубликованной в «Известиях» в октябре 2011 года.

В ответ на эту статью президент Беларуси А. Лукашенко выразил готовность тесно взаимодействовать с руководством России и Казахстана, чтобы реализовать на практике эту правильную, на взгляд А. Лукашенко, стратегию глубокой интеграции. Он заявил: «Построить такой союз – дело непростое. Ведь достигнув максимально возможного уровня экономической интеграции, мы вплотную подойдем к необходимости создания прочной социально-политической надстройки – с общими ценностями, правовой

системой, жизненными стандартами и ориентирами. Здесь не обойтись без постепенного консенсусного формирования неких наднациональных органов, в том числе, возможно, политических. Допускаем, что в таком случае в практическую плоскость перейдет и вопрос о введении новой единой валюты. Время покажет» [6]. Дискуссию продолжил глава Казахстана Н. Назарбаев [7], в свою очередь поддержавший идею и высказавший свое видение ситуации, выделив следующие важнейшие черты Евразийского Союза как «мегапроекта будущего»:

1) Евразийский Союз должен изначально создаваться как конкурентоспособное глобальное экономическое объединение.

2) Евразийский союз должен формироваться как прочное звено, сцепляющее евроатлантический и азиатский ареалы развития.

3) Евразийский союз должен формироваться как самодостаточное региональное финансовое объединение, которое будет частью новой глобальной валютно-финансовой системы.

4) Добровольный характер объединения.

5) Необходимость широкой общественной поддержки.

По результатам ежегодного исследования ВЦИОМ большинство россиян поддерживают идею создания интеграционного объединения на постсоветском пространстве (48%), как в формате восстановления СССР на добровольной и равноправной основе (23%), так и Таможенного (15%) и Евразийского экономического (10%) союзов [12].

По последним словам В. Путина качественное изменение сотрудничества повысит конкурентоспособность союзных экономик, огромный рынок в 170 миллионов человек станет более эффективным и содержательным.

В ходе встречи, состоявшейся 30 апреля 2014 года в Минске, президент Казахстана Н. Назарбаев уточнил, что остались несогласованными три-четыре вопроса. На его взгляд они преодолимы: «Эти вопросы имеют своё решение, мы можем по ним договориться» [7]. При этом А. Лукашенко отметил, что «Сближения по наиболее чувствительным позициям для каждой из сторон практически не произошло,

в том числе по формированию общего энергетического рынка, либерализации автомобильного транспортного рынка, доступу к газотранспортной системе, правилам субсидирования сельского хозяйства. Стороны постоянно выдвигают новые предложения, которые могут размывать уже имеющиеся договоренности» [8]. «Подписанный договор имеет действительно эпохальное, историческое значение, открывает самые широкие перспективы для развития экономики и повышения благосостояния граждан наших стран», – заявил Путин на церемонии подписания договора в столице Казахстана Астане 30 мая 2014 года [9]. В связи образованием Евразийского экономического союза началась новая эпоха в геополитике.

Итак, можно сделать вывод о наличии развития у России достаточно серьезных ресурсов «мягкой силы» на постсоветском пространстве. При этом происходит существенное увеличение этого ресурсного потенциала при движении с Запада на Восток Центральной Евразии. В то же время, многие из компонентов российской «мягкой силы» имеют «остаточный» характер. Они связаны в большей степени с прошлым, когда были подкреплены как мощью советской пропаганды, так и определенными объективными достижениями коммунистического режима. Несмотря на это имеет место быть недостаточно эффективное использование Российской Федерацией ресурса «мягкой силы», в связи с отсутствием:

- целенаправленной государственной политики в области поддержания положительных и нейтрализации негативных стереотипов;
- формирования имиджа России в новых независимых государствах;
- брендинга и репутационного менеджмента нашей страны.

При этом слабая забота о постоянном подкреплении «мягкой силы» может привести к тому, что она окончательно будет утрачена в течение последующих одного-двух десятилетий.

1. Nye S.J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – New York, 1990.

2. Joff Joseph. «How America Does It» // Foreign Affairs, Vol.76, № 5, September/October 1997. – pp. 13–27.
3. Книга правителя области Шан. М., 1993. С. 195.
4. Путин В.В. Россия и меняющийся мир / Московские новости, 27 февраля 2012 г.
5. Лавров С.В. «Глобальной политике нужны открытость и демократия» // газета «Известия» 24 апреля 2007 года.
6. Ernst & Young: Рынки, обладающие выраженными показателями «мягкой силы», привлекают больше прямых иностранных инвестиций. – Интерфакс. – 2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа URL: <http://www.interfax.ru/pressreleases/txt.asp?id=248000>.
7. <http://www.russianskz.info/frontpage/5619-vossoedinenie-prostranstv-dogovor-o-evraziyskom-ekonomicheskom-soyuze-budet-podpisan-v-mae.html>.
8. <http://www.rg.ru/2014/03/06/novo-ogarevo.html>.
9. <http://inosmi.ru/russia/20140530/220675336.html>.

2. Joff Joseph. «How America Does It» // Foreign Affairs, Vol.76, № 5, September/October 1997. – pp. 13–27.
3. Книга правителя области Шан. М., 1993. С. 195.
4. Putin V. V. Rossiya i menyayushhijya mir / Moskovskie novosti, 27 fevralya 2012 g.
5. Lavrov S. V. «Global'noj politike nuzhny otkrytost' i demokratiya» // gazeta «Izvestiya» 24 aprelya 2007 goda.
6. Ernst & Young: Rynki, obladayushhie vyrazhennymi pokazatelyami «myagkoj sily», privlekayut bol'she pryamyx inostrannyx investicij. – Interfaks. – 2012. – [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa URL: <http://www.interfax.ru/pressreleases/txt.asp?id=248000>.
7. <http://www.russianskz.info/frontpage/5619-vossoedinenie-prostranstv-dogovor-o-evraziyskom-ekonomicheskom-soyuze-budet-podpisan-v-mae.html>.
8. <http://www.rg.ru/2014/03/06/novo-ogarevo.html>.
9. <http://inosmi.ru/russia/20140530/220675336.html>.

1. Nye S.J. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. – New York, 1990.

THE SOVEREIGNTY OR INTEGRATION: SOFT POWER ON THE POST-SOVIET TERRITORY

Yashkova Tatyana Alekseevna,

Russian State Humanitarian University,
Institute of Economics, Management and Law,
Department of Public Administration,
doctor of Political Sciences, professor,
member of the Russian Political Science Association,
vice president of the Academy of Geopolitical Problems,
professor of Philosophy and Political Science,
Academy of Labor and Social Relations,
professor of Philosophy and Political Science,
Moscow, Russia,
E-mail: yashkova@yandex.ru

Annotation

The main topic covered in this research is the notion of sovereignty or integration as soft power on the post-Soviet space.

At the beginning of article the author analyzes the concept of sovereignty and integration. After researching this problem the author makes the conclusion that firstly the sovereignty is born in the formation of any state entity. Then secondly the integration processes develops. Further, we consider such a thing as «soft power» in the article. Joseph Nye, the professor at Harvard University, introduced this concept turnover. According to him soft power means an opportunity to obtain the desired result by encouraging the other hand share your goals. This concept is more applicable in Western political thoughts, because Western countries such as the European Community and the Russian Federation have already lived in the integration space. Some countries of the former Soviet Union are just moving into a stage of integration development at this stage. At the same time I would like to emphasize that this concept is new, but very important for the Russian Federation, because it has huge resources to develop «soft power» in the former post-Soviet space.

Key words:

soft power, sovereignty, integration, post-Soviet space, integration processes and development.

ДИСКУРС БЕЗОПАСНОСТИ И ЗАЩИТЫ НАЦИОНАЛЬНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ РОССИИ В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ И ПОЛИТИКИ СЕВЕРОАТЛАНТИЧЕСКОГО ГЛОБАЛИЗМА

Юрченко Инна Вадимовна,

Кубанский государственный университет,
профессор кафедры политологии и политического управления,
доктор политических наук,
главный научный сотрудник отдела политологии и конфликтологии Института социально-экономических и гуманитарных исследований ЮНЦ РАН,
г. Краснодар, Россия,
E-mail: ivyurchenko@mail.ru

Фатхуллина РуфинаАбдулловна,

Кубанский государственный университет,
магистр политологии,
г. Краснодар, Россия,
E-mail: rufina1971@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы, обусловленные политикой неоглобализма, дается политический анализ факторов, детерминирующих угрозы национальным интересам российского государства, в том числе в информационном пространстве, выделяются факторы, значимые для сохранения ментальной целостности российского суперэтноса.

Ключевые слова:

национальные интересы, политика неоглобализма, дискурс безопасности, конфликт интерпретаций, вызовы информационной войны.

Реалии постиндустриального общества требуют совершенно иного подхода к реагированию на информационные угрозы и диктуют необходимость изменения политической стратегии Российского государства. Утвержденная Президентом РФ В.В. Путиным 9 сентября 2000 г. Доктрина информационной безопасности стала в новой России первым реальным шагом в направлении создания единого правового механизма противодействия информационным угрозам. Как отмечается в Доктрине, «информационная сфера, являясь системообразующим фактором жизни общества, активно влияет

на состояние политической, экономической, оборонной и других составляющих безопасности Российской Федерации. Национальная безопасность Российской Федерации существенным образом зависит от обеспечения информационной безопасности, и в ходе технического прогресса эта зависимость будет возрастать» [8].

К наиболее существенным факторам, оказывающим непосредственное влияние на Россию, как часть мировой системы, можно отнести проблемы глобализации и неоглобализма, выражающиеся в, так называемой,

глобальной стратегии США, представляющей собой политическую и военную доктрину, ориентированную на реализацию идеи американского руководства миром, в том числе и посредством политики с позиции силы. «Стратегия США в области национальной безопасности», принятая в 2002 г., предусматривает возможность нанесения превентивных ударов по базам террористов и странам, где пытаются создать атомную бомбу или другие виды оружия массового уничтожения. При этом США оставляют за собой право действовать в одиночку и по собственной инициативе. Если раньше глобализация рассматривалась как объективный, закономерный процесс развития и формирования новой всемирной взаимозависимой системы отношений между странами и народами на основе взаимосвязи и интеграции во всех сферах общественной жизни, то в настоящее время этот феномен определяется как результат геополитики глобализма, как некая идеологическая доктрина защиты позиций и интересов однополярного мира. Так, процесс расширения НАТО, призванный ослабить Россию и сделать ее более управляемой, когда дело касается ее национальных интересов, является по сути отражением борьбы США за позиции гегемонии на Европейском континенте. Об этом свидетельствуют и государственный переворот на Украине, и начавшаяся после этого гражданская война, в которой администрация США, откровенно поддерживая националистическую, антироссийскую группировку, конструирует и развивает свой «русофобский» проект, имея в долгосрочной перспективе цель ослабления Евросоюза и превращения его в полностью несамостоятельный объект своей идеологии глобализма. Российской Федерации в этом сценарии отводится роль: «империи зла», «главной угрозы западной демократии», «агрессора, аннексирующего суверенные территории» и другие аналогичные конструкции разрушения сложившегося в предыдущие годы паритетного российско-европейского альянса. В информационном пространстве наглядно демонстрируется дискурс вражды по отношению к России, который постепенно перерастает

в открытую конфронтацию. Наиболее негативный тон публикаций наблюдается в польских, литовских, украинских и американских СМИ. Кризис на Украине, как конструируемый проект «специалистов» в области «цветных революций», ярко демонстрирует все угрозы и последствия информационной войны, которая сейчас ведется против России. Политика внешнего управления, проводимая в постперестроечный период, создала благоприятные условия для геополитических игроков, определивших многие регионы России как сферы своих национально-государственных интересов; и обеспечивалось это, во многом, благодаря позициям элит в государствах на постсоветском пространстве по периметру границ Российской Федерации. Резкое ослабление позиций России началось еще с 1990-х гг., когда после распада СССР и политики «шоковой терапии», на фоне упадка экономики, усилились националистические движения сепаратистского толка и ослаблялась обороноспособность государства. Только начиная с XXI в. наметился процесс обновления ключевых властных институтов на принципах укрепления вертикали власти, и постепенно сепаратистские тенденции были приостановлены. Однако не были сняты угрозы деградации государственности, распространения рынков насилия, консолидации антироссийских сил, как во внешнем окружении, так и внутри страны в лице несистемной оппозиции и все еще сохраняющихся опасностей внутреннего раскола и дестабилизации политической системы. В этом смысле положение в различных регионах России – неоднозначное. Внешние угрозы также имеют гетерогенную природу. Но рассматривать национальную и региональную безопасность можно только в комплексе, причем региональную безопасность необходимо определять не только как внутригосударственную, например, как безопасность отдельных субъектов Федерации или федеральных округов, но и в трансграничном пространстве, выходящем за территориальные границы страны.

Информационное противоборство становится все более сложным, тонким и требующим научной проработки во всех его компонентах.

На заседании Совета Безопасности России 22.07.2014 г. В.В. Путин отметил следующее: «попытки «раскачать» общественно-политическую ситуацию, тем или иным способом ослабить Россию, ударить по уязвимым, проблемным местам, безусловно, предпринимаются и будут предприниматься с тем, прежде всего, чтобы сделать нас более податливыми при решении вопросов в интересах других государств на международной арене. Будут использоваться так называемые механизмы в конкурентной борьбе на международной арене: это касается и экономической сферы, и политической. Для этого, в том числе, задействуются возможности специальных служб; используются современные информационные и коммуникационные технологии; каналы зависимых, «карманных» неправительственных организаций; механизмы так называемой мягкой силы. Всё это, видимо, в некоторых странах понимается как демократия. Мы должны адекватно реагировать на эти вызовы. И главное, работать системно. Решать проблемы, которые содержат потенциальные риски для единства нашей страны и общества» [6].

Для современных кризисных явлений характерна все возрастающая непредсказуемость, обусловленная усложнением технологических, информационных, финансовых и политических взаимосвязей и социально-экономических систем: они определяют труднопрогнозируемые новые комбинации параметров риска кризисов и масштабы их последствий.

В настоящее время в приграничных с Россией территориях серьезную угрозу представляет крайний национализм, абсолютизирующий узкоэтническую ментальность, что чревато внутренним расколом и распадом полиэтничной государственности. Политический кризис, переживаемый нашей страной в 1990-е гг., – результат не только внутренних процессов. Главную роль в тех условиях сыграло информационно-психологическое воздействие внешних сил, чьим геополитическим интересам мешал Советский Союз, и не нужна была единая и сильная Россия.

В этих условиях внешних и внутренних угроз, для исторического развития российской государственности, наиболее важное значение приобретает фактор ментальной целостности российского суперэтноса, создание национальной патриотической идеологии как символической системы, «рационально выражающей основные направления общественного развития, декларирующей средства и механизмы самоидентификации общественной системы» [4].

Специфика нынешнего состояния национальной безопасности России состоит, прежде всего, в том, что угрозы жизненно важным интересам личности, общества и государства исходят как изнутри страны, так и извне; и внутренние деструктивные силы представляют для России не меньшую опасность, чем внешние угрозы. Их корни берут начало в периоде перестройки и т. н. «демократизации» нашей страны. Социальная система советского государства отличалась крайней централизованностью, что, в совокупности с жесткостью руководства и административно-командными методами управления, формировало специфику социальных коммуникаций. События начала 1990-х гг., связанные с процессами приватизации государственной собственности, с единовременной либерализацией цен и внешней торговли, т. е. с реформированием экономической системы Российского государства без учета его особенностей, повлекло крайне негативные последствия в большинстве сфер жизнедеятельности. Произошло обвальное падение в промышленности, в хозяйстве страны, что, в свою очередь, привело к дезорганизации экономической системы страны. Кризис 1990-х гг. способствовал увеличению так называемых депрессивных регионов, проникновению криминала во властные структуры, значительно стала набирать обороты теневая экономика. В число неблагоприятных регионов попали Северный Кавказ, Дальний Восток, Крайний Север. Располагая наименьшими возможностями для своего развития, эти регионы стали хорошей почвой для распространения коррупции, сепаратистских настроений и кризиса доверия. Все это представляло большую угрозу для внутренней

безопасности нашей страны и для защиты от иностранного вмешательства, активно формирующего, в свою очередь, систему внешнего управления и ослабления государственного суверенитета. Социально-политические процессы в России протекали на фоне мирового финансово-экономического кризиса.

Нарастающий в мире процесс глобализации рисков требует углубленного изучения природы этого явления, представляющего собой такой тип активного позиционирования в международных отношениях, который, в ситуации трудного выбора оптимальных решений и оценки возможных последствий от их принятия, создает новые источники противоречий и конфликтогенов.

Поэтому необходим анализ и системное моделирование взаимодействия главных сил, находящихся в состоянии противоборства, с учётом их основных ресурсов и тактики поведения, что позволяет определить наиболее вероятные сценарии развития ситуации в определённый промежуток времени и на определённой территории. Конфессиональная, этническая и идеологическая неоднородность, а также микрополитические аспекты дискурса безопасности создавали эффект искаженной коммуникации, который усиливался ориентирами на идеологический плюрализм и социокультурную дифференциацию. Особенно возрастала роль тех интеллектуальных групп в осознании происходящих процессов, которые сами находились в состоянии конфликта интерпретаций, выражающегося в идеологической, мировоззренческой разногласии, и которые, к тому же, подогревались внешними политическими и экономическими игроками, имеющими свой интерес в регионе. На этом фоне в политическом дискурсе актуализировалась тематизация национально-государственных интересов.

Национальный интерес – это осознанные потребности государства, определяемые экономическими и геополитическими отношениями данного государства в данную эпоху, культурно-историческими традициями, необходимостью

обеспечения безопасности, защитой населения от внешней угрозы и внутренних беспорядков, экологических катастроф и т. д. [2].

В соответствии с Концепцией национальной безопасности национальные интересы России – это совокупность сбалансированных интересов личности, общества и государства в экономической, внутривластной, социальной, международной, информационной, военной, пограничной, экологической и других сферах. Они носят долгосрочный характер и определяют основные цели, стратегические и текущие задачи внутренней и внешней политики государства. Национальные интересы обеспечиваются институтами государственной власти, осуществляющими свои функции, в том числе во взаимодействии с действующими на основе Конституции Российской Федерации и законодательства Российской Федерации общественными организациями [10]. Г. Моргентау определяет их как долговременные, жизненно важные для всей нации выражения общности. В таком случае национальные интересы воплощаются в стремлении представителей одной нации к объединению на основе общности культуры, т. е. языка, семейных, религиозных, моральных, этических традиций и обычаев на основе общей политической системы, общей политики.

Национальные интересы Г. Моргентау делил на постоянные и преходящие. Постоянные интересы являются основополагающими и включают в себя: защиту территории, населения, государственных институтов от внешней опасности; развитие внешней торговли; обеспечение роста инвестиций; защиту частного капитала за границей; взаимоотношения с союзниками; выбор внешнего курса. К преходящим национальным интересам, он отнес: интересы выживания нации и государства; безопасность и благосостояние общества; периферийные, локальные интересы [3].

В числе тех, кто ввел термин «национальный интерес» в политический терминологический аппарат и лексику, был французский государственный деятель и историк Адольф

Тьер. Не теряет своей актуальности мысль, высказанная министром иностранных дел Великобритании лордом Пальмерстоном в 1848 г.: «У нас нет вечных союзников и у нас нет постоянных врагов. (Только) наши интересы вечны и постоянны, и наш долг – следовать этим интересам» [1]. Но все же в научный оборот понятие «национальный интерес» прочно вошло лишь в 1930-е гг. Так, в 1935 г. оно было включено в Оксфордскую энциклопедию социальных наук. Приоритет в его разработке принадлежит американским ученым Р. Нибуру и Ч. Бирду [11].

Национальные интересы формируются в соответствии с геополитическими и геоэкономическими параметрами государства, в результате пересечения множества взаимосвязанных, пересекающихся, противоречивых, взаимодополняющих, разнонаправленных структур, предпочтений, опасений и т. д. На их формирование значительное влияние оказывает уровень экономического развития страны, стабильность и легитимность политического режима, национально-культурные традиции государства, а также уровень его престижа в международном сообществе.

Существует значительное количество классификаций национальных интересов. В первую очередь, они различаются как внешние и внутренние, главные и второстепенные, в связи с чем возникает принципиальный вопрос о приоритетности влияния внешних и внутренних интересов на выработку внешнеполитического курса государства.

Главные, или постоянные, внешнеполитические интересы определяются важнейшими геополитическими параметрами и устойчивым внешнеполитическим окружением, а также необходимостью сохранения целостности и единства государства, защитой его экономической и политической независимости.

Второстепенные, или переменные, внешнеполитические интересы носят производный от первых характер, они более переменчивы и мобильны, определяют конкретное содержание внешнеполитической деятельности

на определенных направлениях и при решении конкретных международных проблем. Они могут видоизменяться под влиянием как внутренних, так и внешнеполитических обстоятельств и служат целям достижения главных интересов. Например, с развалом Советского Союза Каспийский регион быстро оказался на геополитическом разломе. По мере того, как Россия отступала с Южного Кавказа, вводя себя в, так называемые, естественные границы, проходящие уже на Северном Кавказе, в регионе Каспия быстро появились новые игроки. США объявили Каспий зоной своих национальных интересов, стали навязывать новым государствам Южного Кавказа различные военные проекты по линии НАТО, усиливать свое экономическое и политическое присутствие [9].

Изменение геополитической обстановки вследствие фундаментальных перемен в различных регионах мира обуславливает формирование новых национальных интересов. Необходимо иметь в виду, что ряд авторов [12] рассматривает понятие «национальный интерес» как «весьма туманное образование», не имеющее отношения к каким-либо критериям национальной безопасности. Реализация национальных интересов, по их мнению, зачастую создает угрозы самому субъекту и может снижать уровень его безопасности. Многие зарубежные аналитики и некоторые оппозиционные политики радикально-либеральных взглядов считают, что сама Россия представляет собой угрозу для Запада и стран ближнего зарубежья. Именно эта точка отсчета определяла направленность политического курса в период осуществления так называемого мобилизационного проекта 90-х годов XX века, приведшего к системному кризису российской государственности и резкому отставанию в социально-экономическом развитии страны.

Концепт «национальные интересы», получающий широкое распространение в политическом дискурсе и определяющий главную политическую повестку дня, понимается как совокупность жизненно важных ценностей, обеспечивающих личности, обществу и го-

сударству условия устойчивого развития, самосохранения и стратегических перспектив благоприятного существования. В условиях вызовов информационной войны и политики североатлантического глобализма необходим эффективный комплекс мер по предотвращению и нейтрализации посягательств на эти интересы, реальных и потенциальных угроз и опасностей. Выбор форм и средств защиты национальных интересов основывается на концепции национальной безопасности, которая служит базой для формирования и проведения определенной политики, а также для разработки стратегии развития страны в ситуации углубляющегося кризиса глобализации.

Таким образом, коренные политические и экономические интересы государств, в современную эпоху остаются главными детерминантами как внутренней, так и внешней политики. Противоречия между политикой, ориентированной на ценности, и политикой, основанной на интересах, традиционно находятся в центре теоретических дискуссий [5]. Но с точки зрения проблем безопасности политику интересов нельзя вести в полном отрыве от ценностных представлений.

Американский политолог Джозеф Най, впервые применивший термин «softpower», в котором отразилось властное измерение политики, основанной на системе ценностей, считал, что «мягкая сила» – это влияние через убеждение, культурную привлекательность, с помощью мирных средств, поэтому она всегда будет сильной стороной политики перед лицом глобальных вызовов [7].

Особенность новых партий, возникших в России в постперестроечный период, во многом, обусловлена усилением значимости языковых форм политического общения в информационном обществе. В этой связи большое значение в партологии, на наш взгляд, приобретает исследование дискурсов, их содержательной сущности, характерной для нынешнего этапа общественного развития. Именно в политических дискурсах актуализировались важнейшие политические стратегии, такие как

демократизация, приватизация, конкурентоспособность, новое политическое мышление, открытое общество и др. В дискурс-анализе представляется важной – интерпретация характера социальных взаимодействий акторов политического процесса, агентов, занимающих различные позиции в рамках социального поля, предлагающих свои стратегии, с учетом имеющихся у них ресурсов и потенциала. Большую значимость имеет признание культурных различий, с одной стороны, и важность единой идентичности российского общества – с другой, что уже присутствует в общественной дискуссии и может стать важнейшим ценностным потенциалом интеграционной политики России.

1. Rubinstein A.Z. America's National Interest in a Post-Cold War World. Mc Grow-Hill, 1994. P. 39.
2. URL: http://mirslouvrei.com/content_pol/NACIONALNYE-INTERESY-1228.html (дата обращения: 29.07.2014).
3. URL: http://rumol.ru/glossary/n/nats_interesy.html (дата обращения: 29.07.2014).
4. Афанасьев И.А., Тихонова С.В. Контурсы российской патриотической идеологии: к проблеме конструирования // Власть. 2007. № 1. С. 65.
5. Бар Э. Стратегические интересы Европы // International politik. 2007. № 2. С. 62–71.
6. Выпуск программы «Время» канала ОРТ от 27.07.2014. 22.15.
7. Джозеф Най. «Мягкая» сила и американо-европейские отношения. // «Свободная мысль-XXI», № 10, 2004.
8. Доктрина информационной безопасности РФ // Российская газета. 2000. 29 сент.
9. Ермолаев Д. На каспийской линии разлома. URL: <http://www.rosvesty.ru/1865/interes/?id=2417&i=2> (дата обращения: 29.07.2014).
10. Концепция национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента РФ от 10.01.2000 № 24. URL: <http://www.rg.ru/oficial/doc/ykazi/conc.htm> (дата обращения 29.07.2014).
11. Панин В.Н. Политический процесс на Ближнем Востоке: влияние России и США: монография. Пятигорск, 2003. С. 36.
12. Хвошев В.Е. и др. Концептуальные проблемы укрепления национальной безопасности России // Мировые процессы, политические конфликты и безопасность. М., 2007. С. 200.

1. Rubinstein A.Z. America's National Interest in a Post-Cold War World. Mc Grow-Hill, 1994. P. 39.
2. URL: http://mirslouvrei.com/content_pol/

- NACIONALNYE-INTERESY-1228.html (дата обращения: 29.07.2014).
3. URL: http://rumol.ru/glossary/n/nats_interesy.html (дата обращения: 29.07.2014).
 4. Afanas'ev I.A., Tixonova S.V. Kontury rossijskoj patrioticheskoj ideologii: k probleme konstruirovaniya // Vlast'. 2007. № 1. S. 65.
 5. Bar E'. Strategicheskie interesy Evropy // International politik. 2007. № 2. S. 62–71.
 6. Vypusk programmy «Vremya» kanala ORT ot 27.07.2014. 22.15.
 7. Dzhozef Naj. «Myagkaya» sila i amerikano-evropejskie otnosheniya. // «Svobodnaya mysl'-XXI», № 10, 2004.
 8. Doktrina informacionnoj bezopasnosti RF // Rossijskaya gazeta. 2000. 29 sent.
 9. Ermolaev D. Na kaspjskoj linii razloma. URL: <http://www.rosvesty.ru/1865/interes/?id=2417&i=2> (дата обращения: 29.07.2014).
 10. Koncepciya nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: utv. Ukazom Prezidenta RF ot 10.01.2000 № 24. URL: <http://www.rg.ru/oficial/doc/ykazi/conc.htm> (дата обращения: 29.07.2014).
 11. Panin V.N. Politicheskij process na Blizhnem Vostoke: vliyanie Rossii i SShA: monografiya. Pyatigorsk, 2003. S. 36.
 12. Xvoshhev V.E. i dr. Konceptual'nye problemy ukrepleniya nacional'noj bezopasnosti Rossii // Mirovye processy, politicheskie konflikty i bezopasnost'. M., 2007. S. 200.

HUMAN RIGHTS AS AN INSTRUMENT OF SOFT POWER

Yurchenko Inna Vadymovna,

Kuban State University,
Division of Politics and Conflict,
professor of political science and political management,
doctor of Political Sciences,
Institute of Socio-Economic and Humanities Research,
Russian Academy of Sciences,
Chief Researcher of Southern Scientific Center,
Krasnodar, Russia,
E-mail: ivyurchenko@mail.ru

Fatkhulina Rufina Abdullovna,

Kuban State University,
master of Political Science,
Krasnodar, Russia,
E-mail: rufina1971@gmail.com

Annotation

To article deals the problems caused by a policy of neoglobalizm, are considered the political analysis of the factors determining threats to national interests of the Russian state, including in an information field is given, factors, significant for preservation of mental integrity of the Russian superethnos are allocated.

Key words:

national interests, policy of neoglobalizm, security discourse, conflict of interpretations, challenges of information warfare, North Atlantic.

РЕАЛИЗАЦИЯ ТЕХНОЛОГИЙ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ РОССИИ*

Русакова Ольга Фредовна,

Институт философии и права,
Уральское отделение Российской академии наук,
заведующая отделом философии,
доктор политических наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Русаков Василий Матвеевич,

Институт международных связей,
заведующий кафедрой философии и культурологии,
доктор философских наук, профессор,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: dipi@nm.ru

Аннотация

В статье раскрывается позиция российского политического истеблишмента относительно понятия и технологий мягкой силы. Дается критический анализ деятельности Россотрудничества в области реализации технологий мягкой силы во внешней политике. Указываются перспективы продвижения русского мира. Большая роль отводится таким феноменам русской культуры, как кухня и баня.

Ключевые слова:

soft power, внешняя политика России, Россотрудничество, имидж, бренд, Украина, русский мир, русская кухня, русская баня.

Впервые в официальном политическом дискурсе России понятие «мягкая сила» было озвучено в выступлении президента В.В. Путина на Советании послов и российских дипломатов 9 июля 2012 года. Под мягкой силой подразумевалось «продвижение своих интересов и подходов путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на ее достижениях не только в материальной, но и духовной культуре и интеллектуальной сфере». Путин отметил, что образ России за рубежом часто оказывается искаженным и не отражает ни реальную ситуацию в стране, ни ее вклад в мировую цивилизацию, науку, культуру, ни в развитие мирных международных отношений. В этой связи встает вопрос о необходимости применения отечественной дипломатией новых технологий и методов внешнеполити-

ческого влияния. «Традиционные, привычные методы международной работы освоены нашей дипломатией достаточно хорошо, если не в совершенстве, но по части использования новых технологий, например, так называемой «мягкой силы», есть над чем подумать», – заявил В.В. Путин [4].

Президент Института национальной стратегии М. Ремизов, комментируя предложение президента применять «мягкую силу» в международной политике, справедливо отметил, что «мягкая сила» является слабым местом в российской международной политике, «потому что образ страны в международном общественном мнении оставляет желать лучшего. Есть какие-то старые ресурсы, связанные с русской культурой, с советским научно-техническим заделом. Но они работают именно в режиме

ретро-стиля, в режиме воспоминаний, а не как актуальный ресурс». По его мнению, нарастить «мягкую силу» можно «только инициировав какие-то действительно интересные амбициозные проекты внутри страны и привлечь к ним внимание» [5].

Из выступлений участников заседания Российского общественного совета по международному сотрудничеству, состоявшегося 31 октября 2012 года в Общественной палате РФ, становится понятно, что общегосударственной концепции «мягкой силы» в России пока не существует. Однако можно говорить о существовании определенной единой позиции членов Общественной палаты относительно интерпретации данного термина. Мягкая сила трактуется, главным образом, как сила, которая занимается овладением умами людей и привлечением их симпатий на свою сторону, симпатий к своей стране, ее культуре, прибегая к таким инструментам, как кинематограф, пропаганда культурных ценностей, произведений искусства, музыки, научных достижений, образовательных программ, то есть «всего, что может создать позитивный и узнаваемый образ страны за рубежом» [8].

Согласно международным рейтингам Россия по многим показателям soft power сегодня уступает аналогичным показателям других стран. В выступлении премьер-министра Российской Федерации Д.А. Медведева на совещании руководителей представительств Россотрудничества за рубежом 3 сентября 2012 г. было отмечено, что Россия находится на 10-м месте по индексу мягкой силы, в то время как по индексу жесткой силы Россия занимает одно из первых мест в мире. Такая диспропорция, по мнению премьер-министра, снижает позитивный имидж страны и ее конкурентоспособность. Среди инструментов soft power, которые бы могли исправить диспропорцию, премьер-министр назвал применение механизмов вовлечения иностранных граждан в культурные обмены и развитие образовательных услуг России на международных рынках. Компенсировать имиджевые потери России,

по мнению Д.А. Медведева, должны центры науки и культуры Россотрудничества, количество которых к 2015 году планируется приблизить к 100. «Мы должны расширять сеть, но, прежде всего, думать о содержании работы, ее формах, делать центры многофункциональными и полезными, – пояснил Медведев. – Критерием эффективности должны быть конкретные показатели – количество людей, вовлеченных в культурный обмен» [8].

Вместе с тем, официальная государственная позиция, направленная на важность применения технологий мягкой силы во внешней политике страны, сопровождается критическим отношением к расширенному применению данных технологий. Более того, реальная практика использования в ряде случаев технологий soft power расценивается как деструктивная и противоправная. В этой связи весьма примечательным является следующий пункт (п. 20) Обновленной Концепции внешней политики Российской Федерации, утвержденной В.В. Путиным 12 февраля 2013 года: «Неотъемлемой составляющей современной международной политики становится «мягкая сила» – комплексный инструментальный решения внешнеполитических задач с опорой на возможности гражданского общества, информационно-коммуникационные, гуманитарные и другие альтернативные классической дипломатии методы и технологии. Вместе с тем, усиление глобальной конкуренции и накопление кризисного потенциала ведут к рискам подчас деструктивного и противоправного использования «мягкой силы» и правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека за рубежом» [3].

В обновленной Концепции внешней политики Российской Федерации отмечается, что в рамках публичной дипломатии и с применени-

* Статья опубликована при поддержке гранта РГНФ № 13-13-66001 «Разработка теоретической модели государственных и региональных ресурсов soft power в современной политической науке». 2013–2014 гг.

ем новых информационно-коммуникационных технологий Россия будет:

- добиваться объективного восприятия ее в мире;
- развивать собственные эффективные средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом;
- обеспечивать усиление позиций российских средств массовой информации в мировом информационном пространстве, предоставляя им необходимую государственную поддержку;
- активно участвовать в международном сотрудничестве в информационной сфере, принимать необходимые меры по отражению информационных угроз ее суверенитету и безопасности [3].

Следует также отметить, что в соответствии с президентским указом «Вопросы Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству» от 8 мая 2013 года Россия внесла изменения в стратегию выделения средств на международные донорские проекты. Теперь вместо многосторонних проектов, которые осуществляются, например, в рамках Всемирного банка, Правительство России будет уделять больше внимания конкретным двусторонним проектам, чтобы участие России в решении проблем иностранного государства было персонализировано [9].

Дипломатический источник газеты «Коммерсантъ» так объяснил логику указа: «...в странах Африки никто не догадывается, что речь идет о донорской помощи из России. Мы финансируем программы по всему миру, без разбора, по усмотрению международных организаций, в которые идут наши деньги. Между тем наши геополитические конкуренты львиную долю средств направляют на адресные двусторонние проекты в важных для себя регионах» [6].

Работы в области разработки российской модели и стратегии мягкой силы в настоящее время ведутся фондом «Русский мир», созданным по Указу Президента России от 21 июня 2007 года, и Федеральным агентством по делам Содружества Независимых Государств, со-

отечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству (Россотрудничество), созданным в сентябре 2008 года.

В одном из своих выступлений Министр иностранных дел России С.В. Лавров заявил: «Русский мир – огромный ресурс укрепления авторитета России в мире, над его сохранением и развитием надо работать активно и целеустремленно, на ежедневной основе. Важно не только распространять русский язык и российскую культуру, но и расширять возможности получения образования на русском языке» [2].

Согласно заявлению руководителя Россотрудничества К. Косачева, «чем в большем числе стран Россия будет иметь свои центры, чем больше стран будет иметь возможность говорить на русском языке, о русской культуре, о русской истории, о русской науке, тем легче будет России занимать подобающие ей позиции в глобальном масштабе» [10]. И далее: «...Наши центры не призваны противодействовать каким-то тенденциям, будь они в зародыше или уже обозначившиеся. Но если не будет культурного присутствия, если не будет связей на духовном уровне между людьми, то никакие усилия политиков, экономистов, таможенников – кого угодно – по созданию дееспособных интеграционных структур не окажутся востребованными» [11].

Большим успехом России в области использования такого инструмента мягкой силы как спорт высоких достижений стала организация и проведение в 2014 г. зимних Олимпийских игр в Сочи. По замечанию политолога О.А. Матвейчева, Олимпиаду стоит рассматривать как «сверхоружие в сфере «soft power», как гигантское событие, которое смотрят миллиарды людей на планете. О нем рассказывают все мировые СМИ. Причем медийный отклик, как это было и в случае с советской Олимпиадой 80-го, растягивается на десятилетия. «Никакие затраты на проведение Игр не могут сравниться с масштабами информационного покрытия получаемого позитивного эффекта. Олимпиада... является кульминацией всплеска положительных эмоций в мировом масштабе. Она дает возможность за-

ставить мир полюбить себя, что сделать очень и очень непросто» [7].

Важно отметить, что недооценка роли инструментов мягкой силы в деле выстраивания тесных контактов между государствами на практике может привести к ослаблению партнерских отношений и к усилению влияния деструктивных сил, формирующих из дружественного государства образ врага. Именно такого рода метаморфоза случилась с политической элитой Украины в последние годы: Россия стала представляться в образе враждебного государства. Формированию резко негативного имиджа России способствовала слабая работа российских дипломатических каналов влияния, работа в области межкультурного обмена, в сфере информационного продвижения общих для России и Украины культурно-исторических ценностей, общей исторической памяти.

В то же самое время, слабостью российской мягкой силы на Украине воспользовались агенты влияния из США и Европейского Союза, которые стали проводить политику усиленного продвижения европейских ценностей и политику присоединения Украины к западным международным организациям. В итоге масштабная атака мягкой силы на украинское общество со стороны стран Запада обернулась победой «Евромайдана» и государственным переворотом, приведшим в итоге к гражданской войне внутри страны и к попыткам изоляции России со стороны Запада.

Иначе говоря, соревнование в области эффективного применения инструментов soft power по отношению к Украине Россия проиграла. К настоящему времени Европейский Союз и США имеют безраздельное влияние на властные структуры Украины за исключением провозглашенных республик на Юго-Востоке страны.

Вместе с тем, провал России в области применения мягкой силы на Украине до сих пор не стал предметом глубокого критического анализа со стороны ответственных государственных структур. Более того, их представители пытаются отвести от себя какие-либо претензии. Так, например, отвечая на вопрос журналиста о том, почему в отношении Украины россий-

ская «мягкая сила» не сработала, руководитель Россотрудничества К. Косачев заявил: «Не скажу, что на Украине не было эффективной работы заинтересованных российских организаций. Здесь все эти годы были и диппредставительства, взаимодействующие в том числе со структурами соотечественников, здесь был наш бизнес, наши субъекты Федерации и не в последнюю очередь здесь были наши центры науки и культуры. Могу сказать, что по линии Россотрудничества мы делали все от нас зависящее в пределах имеющихся ресурсов и нашей компетенции как госоргана, чтобы сохранять уровень российского культурного присутствия на Украине... Однако это несравнимо с тем, что столь долго и планомерно вкладывали в Украину Евросоюз и США, обращаясь с важными – в том числе идеологическими – посылами непосредственно к обществу, к украинским СМИ и НПО, к экспертным кругам, к молодежи в существенно большей степени, чем к властям или бизнес-структурам. Это гигантские ресурсы, затраченные на массивный стратегический сев, который дал свои мощные всходы в виде того же евромайдана» [10].

С гораздо более критической позиции в отношении эффективности использования Россией своих ресурсов soft power в отношении Украины и других государств выступил министр иностранных дел С.В. Лавров: «Необходима существенная перестройка работы с общественностью не только на украинском, но и на всем постсоветском направлении. Рискованно во всем полагаться на очень важные, но все же статичные факторы вроде исторических корней, сохранения русского языка или русских диаспор – сами по себе они еще ничего не гарантируют... Нужны глубокий и трезвый анализ эффективности действий всех без исключения вовлеченных в эту сферу государственных и негосударственных институтов и формирование на основе этого анализа последовательной и долгосрочной работы в общегосударственном масштабе, а не усилиями одних дипломатических или культурных представительств» [1].

Русский мир и Русская кухня. Возьмем русскую кухню. Надо хорошо понимать значение гурман-дискурса в каждой националь-

ной культуре. Это мощная разновидность национально-культурного дискурса, обладающая огромным семиотическим, институциональным, прагматическим и властным потенциалом воздействия. Наиболее мощные национальные кухни, как правило, свое значение обрели именно потому, что впитали в себя разнообразные влияния и переработали, переплавили их. С другой стороны, в такой кухне есть свой «высший» уровень (HD), где собраны все наивысшие достижения и достигается предел разнообразия приготовления блюд и вкусовых изысков, и есть повседневная, сводимая до фастфуда, своего рода «демо-версия». Так обстоит дело с китайской кухней: ее тезис о том, что «нельзя приготовить только луну» вряд ли способствовал широкому распространению. Но ее «демо-версия», несомненно, выгодно отличается от американского фастфуда, всех этих «бургеров», «попкорнов», «чипсов», – граничащего с junk-food.

В русской кухне есть значительный пласт повседневной и в то же время достаточно изысканной еды, не только пригодной для массовых технологий (пельмени, пироги, блины, каши, супы, квасы, настойки, наливки, водки и т. п.), но и лишённые пороков фастфуда.

Благодаря фундаментальному труду В.В. Похлебкина, стали понятны огромные достоинства русской водки в сравнении с виски, джином, граппой, чачей, ракией, коньяками и бренди.

Тезис «Великая страна с великой культурой питается великой кухней» должен и может быть институционализирован открытием самого широкого спектра заведений общепита: от фирменных ресторанов (HD), до русских «ресторанов», «трактиров», «закусочных», «столовых», «буфетов», «рюмочных», «пельменных» и «котлетных» (народная смекалка и предприимчивость здесь не знает границ: уже есть «супошные», «пироговые», «блинные», «чайные» и даже «забегаловки»).

Сегодня существует огромный выбор всевозможных приборов, агрегатов и устройств для приготовления чего угодно. Поэтому главное – сервис, стиль, семантика. Одно дело – роскошная царская или боярская многочасовая

«трапеза» со многими переменами блюд в соответствующих интерьерах, уносящая воображение и вкусовые ощущения посетителя в загадочные дали «прошлого». Другое дело – «народные» варианты, где не только скорость и качество, но и особенные «примочки», которыми как раз всегда славилась русская кухня (рюмочка с малосольным огурчиком или «под селедочку», не просто супчик, а с пирожком, не просто пироги, но с различными «подливками» и т. д.).

Западный рынок отнюдь не «спит и видит» заполучить себе конкурента на своей собственной территории, но при соответствующей государственной поддержке может и должен получить такой сегмент как «русская кухня» (оказание финансовой, юридической помощи, квалифицированными кадрами, материалами).

Огромную роль могли бы сыграть гурмантуры по изыскам русской кухни внутри страны для иностранных туристов и фестивали русской кухни (кухни народов России) в различных странах. Интернет-ресурсы могли бы внести неоценимый вклад в дело пропаганды русской кухни (напрасно было бы искать такой раздел на сайте фонда «Русский мир»). Пропаганда здорового питания и возвращения к природным истокам при помощи русской кухни в противовес фастфуду – на фоне тотального ожирения и распространения диабета, бесконтрольного внедрения всевозможных заменителей и консервантов, ГМО – может быть мощным источником воздействия. Для этнических русских и «советских» русская кухня за рубежом могла бы стать (и таких примеров уже сегодня – огромное количество) мощным источником «подпитывания» своей культурно-этнической идентичности (утоляя даже фантомную тоску по фантомной родине).

Русский мир и Русская баня. Все мы знаем о практически повсеместном распространении финской бани – сауны. Еще немного известно о турецкой бане. В России, которой изначально присуще чувство космического интегралитета или интегральности, старинная любовь к бане

облеклась в любовь к этому суррогату, потому как это не совсем «по любви», а, скорее – по необходимости. Ведь русская баня традиционно должна стоять у речки, у озера, у ручья, в общем – у воды. Русский человек столько всего совершал в бане, кроме занятий прямого назначения – собственно мытья. Об этом, чтобы не ставить около данной статьи узаконенный знак 18+, всех любопытствующих мы отсылаем к соответствующим историческим и современным научным и художественным источникам. В силу чего, до появления коммунального быта и соответствующих ему услуг, баня в ценностно-смысловом аспекте котировалась очень высоко. Еще сегодня, при продаже мизерных парцелл «садовых» участков, можно получить хорошую цену, если у вас на этом участке есть баня.

Не тот «симулякр», в виде «сауны», т. е. тесной кабинки с лавочкой и электрическим ТЭНом, в лучшем случае – прикрытом некими камнями. Но бревенчатый или из бруса сруб, скажем, 2x2 м., с полком, лавкой, дровяной печью и емкостью для кипятка литров на 50–80 и – обязательно! – с «каменкой». В ней-то, фактически, и заключен весь секрет русской бани. Каменка должна быть не просто из «камней» (так, по глупости поступает немало народу, а по дурости даже заменяя их чугунами железяками), а из крупного речного (!) галечника (!), который при «поддавании жару», т. е. обливании его холодной водой из ковшичка – не трескается, не стреляет острыми и раскаленными кусочками и не воняет каким-нибудь газом. Более того – ни в коем случае не следует брать даже обкатанную в реке скалу.

Но таинство русской бани продолжается использованием категорически недоступного и неуместного в сауне предмета – сушеного березового веника. И здесь, в целях соблюдения неумолимых требований строгого научного дискурса, мы переадресуем читателя к многочисленным источникам, хорошо представленным на просторах Интернета: березовые (и иные веники), используемые в русской бане: технологии заготовки и применения. А по существу русского банного дискурса следует обязательно заметить: в масскультуре (сериалы, кинокомедии,

комиксы и проч. анекдоты) имеет хождение множество совершенно антинаучных методов употребления веников (всякие ошпаривания, стегания и истязания, постановки глупых «рекордов»), с которыми данный текст находится в состоянии решительного антагонизма. Сущностное употребление веника (все-таки, желательнее березового) в русской бане уподобляется таинству первого причастия – инициации, а по следствиям – медитации и просветлению. Отсюда достаточно трепетное и технологически выверенное применение веника – от его первоначального замачивания в холодной воде, а потом заваривание в кипятке, до последующего бережного пошлепывания по различным частям иницируемого или самого себя. Здесь, собственно, и проявляется чаще всего дилетантизм профанов.

Мы категорически не согласны с вульгарным толкованием глагола «париться» и сведением его значения к томительному ожиданию в какой-нибудь приемной чиновника какого-нибудь класса. Париться в русской бане – это целая вселенная смыслов, действий, переживаний, обрядов и процедур. Поэтому она обязательно дозируется, ранжируется и перемежается. При значительном просторе и инициативе и творчестве ее участников и даже адептов – все-таки есть целый ряд медицинских, морально-нравственных, технологических и даже пожарно-технических (или, скорее, противопожарных) ограничений, которые следует неукоснительно соблюдать для достижения максимально безопасного и даже лечебного эффекта.

Вот почему «космос» русской бани может и должен составить неременную органическую часть продвижения русского мира в мир вселенский, всечеловеческий. Опыт показывает, что методически правильное ознакомление любого иностранца (от канадского эскимоса до новозеландского маори и африканского бушмена или мексиканского ацтека) с миром русской бани категорически способствует сближению народов, настоящей культурной интеграции, а не поверхностному мультикультурализму, после которого остается только головная боль и чувство недоумения.

Мир русской бани, как всякий сложившийся в результате культурного синтеза мир, органически соединяет в себе достоинства семейной греческой бани (Греческие бани – «лаконикумы») были различного вида: были простые – в круглом помещении посредине делали открытый очаг и окружали его камнями, на которые лили воду для получения пара. Просто греки не знали, что это называется «баня по-черному»), римских терм и турецких бань (хамамов). В силу этого он более гибок, предполагает технологическое и ценностно-смысловое разнообразие, многофункциональность, недоступные для терм, хамамов, саун и даже японских офуро (достаточно заметить, что только в российских банях предписывалось винокурение, начиная с момента ледостава на речках и ручьях).

Более того, при надлежащей организации и обеспечении всепогодные «Русские бани в Париже» могли бы иметь успех, несопоставимый с «Русскими сезонами» Дягилева в Париже. Весь вопрос – в современном и динамичном менеджменте.

Другими словами, направлений и программ продвижения русского мира в Европе и в мире в рамках так называемого (мы просто раньше об этом не знали) проекта «Soft Power» – огромное количество. К великому сожалению, реализация столь престижных, несомненно успешных и прибыльных проектов упирается в невероятную ограниченность, если не сказать больше, чиновничье-бюрократических структур государства российского. Остается уповать: может быть, подать заявку на Президентский грант?

1. Выступление и ответы на вопросы Министра иностранных дел России С.В. Лаврова в рамках «правительственного часа» в Совете Федерации Федерального Собрания Российской Федерации, Москва, 18 декабря 2013 года [Электронный ресурс] / Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. – Режим доступа: http://mid.ru/brp_4.nsf/0/C008A82590A16E7044257C4500393582 (дата обращения: 14.04.2014).

2. Выступление Министра иностранных дел России С.В. Лаврова на юбилейной международной конференции «Россия в мире силы XXI века», приуроченной к 20-летию Совета по внешней и оборонной политике и 10-летию журнала «Россия в глобальной политике», Москва, 1 декабря 2012 года [Электронный ресурс] / Официальный сайт Минис-

стерства иностранных дел РФ. – Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/30011D027DECDBF844257AC7003D39D0 (дата обращения: 29.04.2014).

3. Концепция внешней политики Российской Федерации. Утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 12 февраля 2013 г. [Электронный ресурс] / Официальный сайт Министерства иностранных дел РФ. – Режим доступа: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 04.05.2014).

4. Мягкая сила Владимира Путина [Электронный ресурс] / Независимая газета. – 10 июля 2012 г. – Режим доступа: http://www.ng.ru/world/2012-07-10/1_putin.html (дата обращения: 11.05.2014).

5. «Мягкая сила» во внешней политике РФ – величина практически отсутствующая [Электронный ресурс] / Electorat.info. – 15 февраля 2013. – Режим доступа: <http://www.electorat.info/blog/6599.html> (дата обращения: 22.05.2014).

6. «Мягкую силу» снабжают средствами [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. – 05.05.2013. – Режим доступа: <http://www.kommersant.ru/Doc/2204815> (дата обращения: 15.05.2014).

7. Матвейчев, О.А. «Сверхоружие» в области «мягкой силы» [Электронный ресурс] / О.А. Матвейчев // Независимая газета. – 10.02.2014. – Режим доступа: http://www.ng.ru/economics/2014-02-10/2_weapon.html (дата обращения: 17.05.2014).

8. России нужна «мягкая сила». Выступления участников заседания Российского общественного совета по международному сотрудничеству 31 октября 2012 г. [Электронный ресурс] // Российская газета. – 01.11.2012. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2012/11/01/sila-site.html> (дата обращения: 25.04.2014).

9. Россотрудничество является элементом «мягкой силы». Интервью с А.Г. Чесноковым [Электронный ресурс] // Радио «Голос России». – 26 марта 2012. Режим доступа: http://rus.ru/radio_broadcast/65446337/69631929 (дата обращения: 22.05.2014).

10. Указ Президента РФ от 8 мая 2013 г. № 476 «Вопросы Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству» [Электронный ресурс] – ИА «ГАРАНТ». – Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70273802/> (дата обращения: 17.05.2014).

11. Что мешает России улучшать свой имидж за рубежом? Интервью с К. Косачевым [Электронный ресурс] // Официальный сайт НП «Российский совет по международным делам». – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3288#top (дата обращения: 20.04.2014).

1. Vystuplenie i otvety na voprosy Ministra inostrannykh del Rossii S.V. Lavrova v ramkakh «pravitel'stvennogo chasa» v Sovete Federacii Federal'nogo Sobraniya Rossijskoj Federacii, Moskva, 18 dekabrya 2013 goda [E'lektronnyj resurs] / Oficial'nyj sayt Ministerstva inostrannykh del RF. – Rezhim dostupa: http://mid.ru/brp_4.nsf/0/C008A82590A16E7044257C4500393582 (дата обращения: 14.04.2014).

2. Vystuplenie Ministra inostrannykh del Rossii S.V. Lavrova na yubilejnoj mezhdunarodnoj konferencii «Rossiya v mire sily XXI veka», priurochennoj k 20-letiyu Soveta po vneshnej i oboronnoj politike i 10-letiyu zhurnala «Rossiya v global'noj politike», Moskva, 1 dekabrya 2012 goda

[E'lektronnyj resurs] / Oficial'nyj sayt Ministerstva inostrannykh del RF. – Rezhim dostupa: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/30011D027DECDBF844257AC7003D39D0 (дата обращения: 29.04.2014).

3. Konceptciya vneshnej politiki Rossijskoj Federacii. Utverzhdena Prezidentom Rossijskoj Federacii V.V. Putinyam 12 fevralya 2013 g. [E'lektronnyj resurs] / Oficial'nyj sayt Ministerstva inostrannykh del RF. – Rezhim dostupa: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7F (дата обращения: 04.05.2014).

4. Myagkaya sila Vladimira Putina [E'lektronnyj resurs] / Nezavisimaya gazeta. – 10 iyulya 2012 g. – Rezhim dostupa: http://www.ng.ru/world/2012-07-10/1_putin.html (дата обращения: 11.05.2014).

5. «Myagkaya sila» vo vneshnej politike RF – velichina prakticheski otsutstvuyushaya [E'lektronnyj resurs] / Electorat.info. – 15 fevralya 2013. – Rezhim dostupa: <http://www.electorat.info/blog/6599.html> (дата обращения: 22.05.2014).

6. «Myagkuyu silu» snabzhayut sredstvami [E'lektronnyj resurs] // Kommersant. – 05.05.2013. – Rezhim dostupa: <http://www.kommersant.ru/Doc/2204815> (дата обращения: 15.05.2014).

7. Matvejchev, O.A. «Sverxoruzhie» v oblasti «myagkoj sily» [E'lektronnyj resurs] / O.A. Matvejchev // Nezavisimaya gazeta. – 10.02.2014. – Rezhim dostupa: http://www.ng.ru/economics/2014-02-10/2_weapon.html (дата обращения: 17.05.2014).

economics/2014-02-10/2_weapon.html (дата обращения: 17.05.2014).

8. Rossii nuzhna «myagkaya sila». Vystupleniya uchastnikov zasedaniya Rossijskogo obshhestvennogo soveta po mezhdunarodnomu sotrudnichestvu 31 oktyabrya 2012 g. [E'lektronnyj resurs] // Rossijskaya gazeta. – 01.11.2012. – Rezhim dostupa: <http://www.rg.ru/2012/11/01/sila-site.html> (дата обращения: 25.04.2014).

9. Rossotrudnichestvo yavlyetsya e'lementom «myagkoj sily». Interv'yu s A.G. Chesnokovym [E'lektronnyj resurs] // Radio «Golos Rossii». – 26 marta 2012. Rezhim dostupa: http://rus.ru/radio_broadcast/65446337/69631929 (дата обращения: 22.05.2014).

10. Ukaz Prezidenta RF ot 8 maya 2013 g. № 476 «Voprosy Federal'nogo agentstva po delam Sodruzhestva Nezavisimykh Gosudarstv, sootchestvennikov, prozhivayushhix za rubezhom, i po mezhdunarodnomu gumanitarnomu sotrudnichestvu» [E'lektronnyj resurs] – IA «GARANT». – Rezhim dostupa: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70273802/> (дата обращения: 17.05.2014).

11. Chto meshaet Rossii uluchshat' svoj imidzh za rubezhom? Interv'yu s K. Kosachevym [E'lektronnyj resurs] // Oficial'nyj sayt NP «Rossijskij sovet po mezhdunarodnym delam». – Rezhim dostupa: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=3288#top (дата обращения: 20.04.2014).

REALIZATION OF TECHNOLOGIES OF SOFT POWER IN FOREIGN POLICY OF RUSSIA

Rusakova Olga Fredovna,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
head of philosophy division, doctor of Political Sciences, full professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: rusakova_mail@mail.ru

Rusakov Vasili Matveyevich,

Institute of International Relations,
Head of the Department of Philosophy and Cultural Studies,
Doctor of Philosophy, Professor,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: dipi@nm.ru

Annotation

The article reveals the position of the Russian political establishment on the concept and technology of soft power. A critical analysis of activity of Rossotrudnichestvo is given in the implementation of technologies of soft power in the foreign policy. Prospects of advancement of Russian world are specified. A big role play phenomena of Russian culture as cuisine and a bath.

Key words:

soft power, foreign policy of Russia, Rossotrudnichestvo, image, brand, Ukraine, Russian world, Russian cuisine, Russian bath.

ОБРАЗНО-МЕНТАЛЬНЫЙ МИР СОВЕТСКОГО ЧЕЛОВЕКА КАК МЯГКАЯ СИЛА ВОСПРОИЗВОДСТВА ПОЛИТИЧЕСКОГО СТРОЯ ОБЩЕСТВА

Егоров Вадим Владимирович,

Уральский государственный экономический университет,
кафедра философии,
доктор философских наук,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: philos@usue.ru

Аннотация

Образ жизни российского, советского или иного общества выражается в обликах, ликах его среды, образах культуры и внутреннего мира людей. Возникают своего рода голограммы общественной жизни, рождаются свои культурные коды. Радикальные смены общественной системы провоцируют и слом культурных кодов, что порождает в обществе дальнейшие драматические последствия.

Ключевые слова:

ментальный мир, культурный код, образ жизни, советское общество, политический строй, soft power.

Говоря о «мягкой силе» политического, идеологического влияния власти или оппозиции, внешних или внутренних структур в укреплении или ниспровержении определенного строя, режима, нельзя оставить вне поля зрения наглядно-чувственные образы, образно-ментальный мир общества, живущих и действующих в нем людей. Творческий потенциал и действенная сила наглядных образов искусства, масс-медиа, рекламы и т. д. требуют сегодня в означенном ракурсе пристального исследовательского внимания. Конечно, не потому, что важнее этого проблем не существует, а потому, что в протяженной череде судьбоносных факторов истории, отечественной главным образом, данный фактор, мы предполагаем, занимает далеко не последнее место.

В начале третьего тысячелетия, современный западный мир заговорил о «визуальном измерении» цивилизации и вызываемой этим грядущей «новой чувственности», что, по нашему мнению, открывает в перспективе обширное проблемное поле и не только филозофам или политологам. Пока, однако, о «визу-

альном измерении» цивилизации как картине мира и локомотиве «новой чувственности» вслед за известным канадским поп-философом Маршаллом Маклюэном говорится лишь в контексте неуклонного развития видеосистем и массовых коммуникаций [1]. Конечно, в «эру телевидения и видео», YouTube это очень актуально, интересно. Однако все же недостаточно, поскольку мир экрана, видеосистем и эта проблематика не в состоянии вместить в себя полноту как внешнего, так и внутреннего «аудиовизуального» жизненного мира человека даже в самых характерных и типичных проявлениях, тем более, если речь пойдет о целом обществе, человечестве на протяжении событийно насыщенной эпохи.

Образ – это «субъективный феномен, формирующийся в процессе предметно-практической чувственной и мыслительной активности и представляющий собой результат целостного, интегрального отражения окружающей действительности» [2, с. 124]. Пусть так и есть, но, принимая данное и ему подобные определения, считаем в то же время важным

избежать однозначной локализации образов в сфере сознания, когда «не выходя из пространства... мозга» [2, с. 125] они отрываются от реального пространства окружающего нас мира. В непосредственном контакте человека с разнообразием окружающего мира образы предметов и явлений как бы с ними слиты, объемлют и отчасти содержательно «пропитывают» их. Для субъекта такой образ оказывается расположен как в его сознании, так и в физическом пространстве, где на данный момент находится отражаемый объект. Как нам представляется, многие виды человеческой деятельности, например архитектура, туризм, основываются именно на этом. И, казалось бы, этого никто не отрицает. Однако вновь и вновь, согласно логике исследований, подразумевается, что образы есть нечто однозначно пребывающее в головах и сердцах людей. Исключением выступают, пожалуй, только образы, воплощенные в произведениях искусства.

Конечно, мы помним и чтим К. Маркса: «...Идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [3]. Но ведь в этом высказывании Марксу важно было подчеркнуть источник идеального, материалистическое понимание его посюсторонности. Да, будучи идеальными, образы есть продукт сознания. Но при этом благодаря возможностям сознания и явленности, выразительности самой материи, они при контактах субъекта с объективным миром могут существовать как в голове и сердце человека, так и в определенном смысле вокруг него, дистанцированно, на отлете. Так возникают и «имеют место» идеальные «вплетения» в материальное пространство. Отсюда появляется и своего рода пространство идеальное, материальным субстратом которого являются как мозг и вся телесность человека, так и сам предметный мир. Полагаем, данное идеальное пространство помогает и новым образам лучше открываться людям, получать живой обзор в пространстве материальном, «удерживаясь» на своих материальных прообразах и распространяясь в сферу «чистых» представлений. Образы, утвердившиеся в нас, способны зада-

вать прочтение окружающему миру, картинам природы и общественной жизни. В этом смысле с определенным допущением уместно говорить об образах, явленных субъекту извне. Иначе нивелируется и сама интериоризация образов внешнего мира как исследовательская и практическая проблема. Что есть проникновение образов окружающего мира в сознание субъекта, если они и так есть элементы сознания? Если между ними и сознанием нет никакой дистанции? Как вообще эти воздействующие извне образы в одних случаях закрепляются во внутреннем мире человека, а в других не вызывают отклика или категорически отторгаются?

Пожалуй, всякий образ есть «бытие выразительное». Это термин А.Ф. Лосева, который отмечал, что выразительное бытие «есть всегда синтез двух планов, одного – наиболее внешнего, очевидного и другого – внутреннего, осмысляющего и подразумеваемого... Мы имеем тут нечто, но созерцаем его не просто как такое, а захватываем еще и нечто иное, так что первое оказывается... намеком на второе, выражением его» [4]. Здесь и «внешний образ жизни» общества, в какой-то степени выносящий на поверхность последнего информацию о специфике данного жизнеустройства, уже достоин серьезного научного анализа закономерностей и роли в общественно-политических и социокультурных процессах. Однако сказать, что выразительный характер образа проявляется в том, что при возникновении и развитии его в сочетании с явленной субъекту внешней стороной происходит выражение предполагаемых (или уже известных) внутренних черт объекта, недостаточно. Это отнюдь не исчерпывает всего эйдетического потенциала, стоящего за понятиями «образ» или даже «образ жизни». В образной выразительности может фигурально обретать свой облик и объект, первоначально обозрению не поддающийся. И смыслы, предпочтения, перспективы подчас выявляют себя через образ. Предумышленно или случайно, спонтанно.

Преобразуясь в разновидности художественного образа, символа, имиджа и т.п., определенный образ жизни предстает для чле-

нов данного общества как средство познания и обустройства общественной жизни, как система ценностей, культурный код, как средство политической и прочей пропаганды. Поэтому для лучшего понимания событий, действующих лиц той или иной исторической эпохи необходимо постижение данной социальной действительности и социальных ожиданий в ракурсе реализации наглядно-образного их выражения.

Взаимодействие утверждавшегося в обществе политического строя с самим обликом общества, образами его художественной культуры и духовной среды особенно сильно и наглядно проявилось именно в нашей стране, а также в странах бывшей социалистической системы в советскую эпоху и современный период.

Беспрецедентные исторические потрясения, воплотившие собой великую надежду одной части населения и трагедию другой ее части, придали советскому общественному облику, образам формировавшейся материальной и духовной культуры социума особую яркость и остроту. Противоположной по направленности, но отчасти сходный, аналогичный по своей тектонике и драматизму исторический этап переживает наше общество и вместе с ним фактически все экс-соцстраны в настоящее время.

Говоря метафорически, образный мир наступающей эпохи как некий эйдос, мелос возникает, подобно космосу, из вихревых потоков мирового хаоса, и роль человеческого творческого фактора здесь необычайно велика. Удержать и развить, одеть в алгоритмы и конкретные образы-облики, в художественные образы эти объективные и интерсубъективные импульсы новой жизни, не упустить в дальнейшем уже найденного – вот задача провозвестников и последователей, приверженцев эпохи, при их участии перерастающей в определенный образ жизни. При активном участии художественной культуры, ее крупнейших мастеров формируется внешний и внутренне сокровенный мир общества.

Грандиозный революционный переворот в общественно-политическом и экономическом жизнеустройстве нашей страны актуализировал в сознании миллионов соотечественников и со-

чувствующих за рубежом спонтанное стремление в контексте наступающего исторического времени предвосхитить принципиально новый способ социальной жизни в его наглядной панораме, эстетико-пластических и символических формах.

Взаимоотношения идеологического и эстетического могут быть не столь искусственными и дисгармоничными, как это представляется в настоящее время. Некогда советская власть посвоему даже изящно стимулировала творчество тех деятелей культуры и искусства, эстетические пристрастия которых внешне напоминали тональность повествующей о грядущем счастье страны и мира господствующей идеологии. Вдохновенная окрыленность новизной для рода человеческого начавшейся впервые в нашем обществе исторической эпохи и величием ее как простора вековой мечты народной стала исходным пунктом зарождения и содержательного насыщения художественных образов советского искусства. Многим хотелось «сказку сделать былью». И в этом дерзновенном порыве в ходе революционного переустройства общества устремления мастеров искусства и советской власти стали постепенно совпадать.

Важнейшей эстетической, идейной доминантой массового сознания в советском обществе явились живописно-музыкальные образы, причем не только патетического плана. Громогласная поэтика гимнов и ораторий, марши энтузиастов, физкультурников, танкистов не могли лишь в этих бодрых ритмах, плакатном стиле воспитывать советского человека. Как глоток воздуха еще в преддверии новой жизни потребовалась наша советская лирика, способная прихлынуть к сердцу теплой волной, подступить комком к горлу и наполнить нас то светлой грустью, то ослепительной радостью на фоне сыновней благодарности к родной стране. Наглядно-чувственные образы оказывают на менталитет, как способ чувствования, стиль мышления, миропереживания членов общества, весьма сильное влияние.

Императивный смысл сообщения, с нашей точки зрения, нельзя донести до аудитории в совершенно готовом, неизменном виде.

А значит, он должен возникнуть у аудитории самостоятельно. Если эмоции, придающие тому или иному сообщению действительность и убедительность, можно только вызвать, то для этого должна быть создана ситуация на уровне предметности, через предметность, пусть хотя бы и воображаемая. Так выявляется потенциал искусства, художественного образа в трансляции императивов на аудиторию. И усвоение художественного образа, сюжета побуждает аудиторию к усвоению императива, стоящего за ними. Причем императивность здесь способна проявляться в виде некоей сверхпредметности, сверхдостоверности изображаемого, не обязательно при этом буквально верно отражая действительность, реальную предметность и достоверность. Возможно и такое построение предметности в искусстве, когда интерес аудитории к произведению возникает как раз благодаря фантастичности, сказочности образов и сюжетных линий. Так или иначе, состояние самой действительности и ее интерпретация в произведениях искусства могут серьезно противоречить друг другу, но при этом аудитория нередко принимает именно точку зрения произведений, находя на основании локальных реальных фактов подтверждение занятой ею позиции. И поскольку художественный образ способен, с одной стороны, выражать сущность больше, чем иная единичность и конкретность, а с другой, будучи относительно самостоятельным в выражении этой сущности, содержать произвольные ее трактовки, постольку в идеологизированном обществе искусство, духовная культура часто могут быть использованы как средство пропаганды. Такая роль предполагает, конечно, и интерпретацию в соответствующем виде идеологических императивов с целью придать им наглядность и привлекательность. Однако советское искусство обрело свою «самость» лишь тогда, когда в его произведениях был, наконец, достигнут эффект непрямого действия. Когда наряду с идейно-политически направленной тематикой (разворачивающейся в сюжете) на многомиллионную аудиторию страны и мира воздействовала и вся остальная составляющая образности в ее оригинальном,

самобытном виде. Тематика произведений, эмоциональный их настрой со временем отфокусировали свою фактуру или, если можно так сказать, свою собственную «клеточную структуру» развивающейся в советском искусстве и культуре образности.

Советская эпоха породила свои силуэты, колориты, пластику и формы, изоморфные этому модели чувствования, расширенно воспроизводившие импульсы общественного поведения. Возникают почти неуловимые черты, не позволяющие перепутать советскую жизнь ни с какой иной. Очертания и формы, сам характер их подачи, побуждая адекватность содержания, переходят с одних предметов и явлений на другие. И эта среда растет и крепнет не только вокруг человека, но проникая в сознание и подсознание людей, становясь их эстетическим кредо, самобытным жизненным миром. Все это выступает скрытым или явным репрезентантом существующего строя и образа жизни. Советская власть стихийно и сознательно приложила большие усилия по превращению вещественной среды, искусства и самой атмосферы общества в эффективное поле общесоциальной «советизации». Но последняя вовсе не сводима к политике, идеологии, хотя включает таковые в качестве составляющих, содержит ассоциации с ними по смежности. Влияние образов искусства, материальной среды происходит как в тематическом, так и эстетическом, стилевом отношении. Избежать такого рода влияния намного сложнее, нежели лобовой пропаганды и собственно идеологической доктрины. Советская эпоха открыла много нового в сенсорном мире человека. Даже негативно относившиеся к советской власти люди часто подпадали под влияние и обаяние последней через искусство и культуру, голограмму жизни в целом. Давая людям стандарты и нормы мироотношения, образный мир культуры не останавливается на этом нормативном уровне, а создает некий код катарсичности в душе членов данного общества. Возникла и окрепла слитая с внешним окружением в единую многоцветную голограмму образов праздничности, повседневности надежды и мечты картина

жизненного мира советских людей. В музыкальном отношении это явило собой своего рода «музыку души», дающую как бы свой камертон всем остальным мелодиям. «Сердцу хочется ласковой песни и хорошей, большой любви». Итак, эпоха способна порождать свою неповторимую материальную среду и духовную атмосферу, узы которой подчас нельзя порвать, не разорвав собственного сердца.

В противоположность позиции О. Шпенглера [5], согласно которой всякая эпоха умирает лишь после того, как ее душа осуществляет полную сумму своих возможностей, исчерпывает свой ресурс, мы берем на себя смелость утверждать, что при наличии некоторых неблагоприятных факторов общественная система или даже целая эпоха может преждевременно погибнуть, сойти с мировой сцены, далеко не исчерпав своих жизненных сил. Так, когда официальная власть, не считаясь с изменившейся в стране и мире обстановкой, искусственно затягивает безальтернативность утвердившейся в данном обществе культурной модели, это дискредитирует культуру и общественный строй, подрывает жизненные силы общественной системы и до срока приводит ее к крушению. С другой стороны, если в условиях идеологической борьбы политический режим редуцирует свою пропаганду лишь до уровня вербальных идеологов, то идейный противник получает серьезный шанс одержать победу в противоборстве. Вообще, временная или окончательная утрата обществом, живущим в определенной парадигме политического строя своей культурной катарсичности, пренебрежение воспроизводством своего собственного «фирменного стиля», является относительно самостоятельным от материальных условий фактором, меняющим судьбу данного общества.

Помимо объективных кризисных процессов (во многом преодолимых), судьбу советского общественного строя последней четверти двадцатого века решило стремление тогдашнего политического руководства сохранить сложившийся культурно-эстетический метастиль, менталитет в качестве монопольной трактовки истины и красоты, заблокировать

распространение неформальной (особенно) молодежной культуры. Так, в частности, несомненной и в итоге дорого стоившей советскому социализму политической ошибкой явилась не только известная лобовая атака на «формализм» со стороны официальных структур власти, но и грубая поддержка данными структурами приверженцев «реалистической» позиции в искусстве. Ведь считаться конформистом даже с точки зрения идейно противной стороны, с «голоса» зарубежного вещания, не хотелось никому. Искренняя поддержка в творческих кругах советской художественно-культурной политики дала не сразу заметную отечественной и мировой общественности, но болезненную «трещину». Пафос общественного служения художника, писателя, композитора, режиссера постепенно редуцировался сознанием и подсознанием в службу, социальный заказ в высоком смысле – в ограничивающий творческое волеизъявление субъекта договор с существующей системой власти и управления. Это сбивало человека-творца с «высокой ноты» искреннего вдохновения и окрыленности социальным идеалом. Что не могло не сказаться в произведениях периода «развитого социализма», в недостаточной впечатляющей силе многочисленных художественных образов. Количественные показатели в советской культуре той поры не смогли компенсировать серьезных упущений качества.

Прежняя опора советской власти на глубинный внутренний мир, менталитет массовой аудитории, весьма успешно реализуемая в нашей стране и других странах социализма, в силу означенных причин уходила в прошлое. Для удержания известной катарсичности, некогда «завораживающей полмира», одного лишь следования определенному культурному алгоритму, найденному ранее метастиллю оказалось недостаточно. Имиджи советского общества, беспрецедентной по масштабу перемен в стране и мире исторической эпохи, со временем инволюционировали в обычные стереотипы. Наряду с прежними, обществу необходимы были новые вдохновляющие наглядные образы. Утилитарное отношение по-

литиков и идеологов к культуре давало о себе знать. Снижение художественно-эстетического уровня советской культурной среды, образов искусства обнажило заидеологизированность, несоответствие их веяниям времени, меняющимся склонностям и вкусам молодежи. И, что в этой связи особенно важно, попытка молодежи заполнить ментальный вакуум продукцией западной молодежной культуры натолкнулась на трактовку данных артефактов как порождений и репрезентантов буржуазного образа жизни. В отличие от «капиталистического мира» Запада, сумевшего обратить молодежную культуру и бунтарский антибуржуазный протест себе на пользу и в коммерческую выгоду, «развитой социализм» в лице тогдашних его руководителей поступил с «точностью до наоборот», вступив в самоубийственную и совсем ненужную политическую конфронтацию с экстравагантным внешним обликом и образами популярной культуры быстротекущего века. Наш отечественный официоз, непосредственно ассоциируя привлекательную для молодежи и некоторой части интеллигенции культуру с идеологией антикоммунизма, оказал последней так или иначе колоссальную помощь, которую во всем ее масштабе на постсоветском пространстве еще предстоит осознать. В дальнейшем данные моменты «мир капитализма» смог осознанно, искусно использовать в идеологической борьбе против «социалистического лагеря». То, что изначально «враждебной буржуазной пропагандой» не являлось, стало ей и действительно заработало на подрыв советского политического и государственного строя. Все это в совокупности с целенаправленным воздействием западной «социологической пропаганды» позволило идеологическим противникам перехватить в противоборстве двух мировых систем инициативу, последствия чего известны.

Происшедшее в конце двадцатого века крушение советской и мировой «коммунистической системы» имеет не только свою образную, ментальную предысторию, но и другие далеко идущие последствия. Политические силы, пришедшие к власти в России начала девяностых,

постарались в разрушении былого словно специально превзойти своих предшественников-антагонистов. Обвальным слом знаков внешнего мира усугубился сломом критериев внутреннего человеческого мироотношения. В прошлое уходят коллективизм, душевная щедрость, способность к состраданию, устремленность к построению прекрасного, справедливого общества. Исчезает нечто, насыщавшее жизнь людей с давних пор, разрушаются привычные ее картины.

В позиции нынешних, как и прежних, ниспровергателей несомненно был и остается свой резон, своя интуитивная подоплека. Свержение прежнего политического строя становится более скорым и необратимым историческим фактом, если в общественном сознании и подсознании удастся осуществить слом некоего образно-ментального станового хребта, культурного кода общества. Однако ничего общего с демократией этот процесс не имеет и в принципе иметь не может. Неужели у нас возможна лишь такая демократия? Нельзя вести людей из «наследия старого режима» [6], уничтожая их человечность. К тому же, потеряв ментальную основу, люди склонны становиться потенциальной ударной силой гражданских войн, крупных социальных столкновений. Таким образом, будучи следствием нетерпимости взявших власть политических сил к противникам, насильственный слом распространенных в обществе культурно-эстетических алгоритмов и способов мироощущения провоцирует новый уровень столкновения, общесоциального взрыва.

Несмотря на произошедший в конце XX – начале XXI веков слом, в нашем обществе, однако, все еще сохраняются духовные, ментальные константы, которые сплачивают сограждан сильнее, чем разделяет их принадлежность к противоположным политическим лагерям. В России это есть, на Украине – уже нет. И уж если в обществе утверждается принципиально новый строй и образ жизни, то рожденный этим новый алгоритм культуры, способ мироощущения, мировосприятия должен быть способен превзойти старое, но не утратившее доброй памяти народа.

В настоящее время наряду с понятиями «экономическая безопасность России», «продовольственная безопасность страны» необходимо введение в оборот понятия «ментальная безопасность». Оно должно означать отнюдь не «железный занавес» от какого-либо нежелательного, духовного, культурного влияния на наших сограждан, а защиту на государственном уровне менталитета, жизненного мира членов общества, включая и культурно-эстетические, нравственные ценности предшествующей эпохи, от акций глумления в их адрес. Никому сегодня не должно возбраняться провозглашать те или иные ценности и перспективы как лучшие, приоритетные для общества, но культурный геноцид на Украине или в России и мире наступившего третьего тысячелетия является совершенно недопустимым. В связи с этим необходимо выработать целый комплекс мер по оптимизации существующего положения, использования катарсического потенциала наглядных образов на изменение, оздоровление состояния менталитета наших сограждан и, благодаря соответствующим мерам, – влияния

на развитие или нейтрализацию происходящих в российском обществе процессов. От решения этого вопроса многое зависит в будущем нашей страны.

1. McLuhan M. The brain and the media // J. Commun. 1998.
2. Гримак Л.П. Магия биополя. М.: Республика, 1994. С. 124.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. С. 21.
4. Лосев А.Ф. Диалектика мифа // Опыты: Лит. – филос. сборник. М., 1990. С. 147–148.
5. См.: Шпенглер О. Закат Европы. Т. 1. М., 1993. С. 264 и др.
6. Егоров В.В. Наглядные образы в менталитете общества, Екатеринбург, 2000. С. 273.

1. McLuhan M. The brain and the media // J. Commun. 1998.
2. Grimak L.P. Magiya biopolya. M.: Respublika, 1994. S. 124.
3. Marks K., E'ngel's F. Soch. T. 23. S. 21.
4. Losev A.F. Dialektika mifa // Opyty: Lit. – filos. sbornik. M., 1990. S. 147–148.
5. Sm.: Shpengler O. Zakat Evropy. T. 1. M., 1993. S. 264 i dr.
6. Egorov V.V. Naglyadnye obrazy v mentalitete obshhestva, Ekaterinburg, 2000. S. 273.

FIGURATIVELY-MENTAL WORLD OF THE SOVIET PERSON AS SOFT POWER OF REPRODUCTION OF THE POLITICAL SYSTEM OF THE SOCIETY

Egorov Vadim Vladimirovich,

Ural state economic university,
Department of philosophy,
doctor of philosophical sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: philos@usue.ru

Annotation

The way of life of Russian, Soviet or other society is expressed in shapes, faces of its environment, images of culture and inner world of people. Arise some kind of holograms of a social life, the cultural codes are born. Radical changes of public system provoke also demolition of cultural codes that generates the further drama consequences in a society.

Key words:

mental world, cultural code, way of life, the Soviet society, political system, soft power.

ЭТНИЧНОСТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ: СООТНОШЕНИЕ И ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ В УСЛОВИЯХ НАЦИОНАЛЬНОГО СУБЪЕКТА РФ

Маклашова Елена Гавриловна,

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
научный сотрудник, кандидат политических наук,
г. Якутск, Россия,
E-mail: maklashova@mail.ru

Астахова Ирина Сергеевна,

Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН,
Младший научный сотрудник,
г. Якутск, Россия,
E-mail: irasta@list.ru

Аннотация

В статье рассматриваются проблемы соотношения гражданской, территориальной и этнической идентичности населения, проживающего в национально-государственном субъекте РФ. Работа основана на результатах социологических исследований в трех из пяти арктических районов Якутии.

Ключевые слова:

этничность, территориальная идентичность, гражданственность, национальный субъект.

Изучению проблем идентификации общества и индивидуума, формирования идентичности посвящено огромное количество работ. Можно констатировать, что в фокусе внимания находятся такие измерения как: национальная (гражданская) идентичность, этническая, территориальная, локальная; также выделяют коллективную идентичность, и, как частный пример, российскую идентичность. В этой связи, в потоке научной информации уже выстраивается некая система идентичности, с выделением факторов влияния, что позволяет подтвердить тезис о многозначности и подвижности идентичности. С усложнением общественной жизни, социальных ролей, идентичность становится основным и важным параметром для определения спектра общества во всех его проявлениях: политическом, культурном, социальном пространствах. В целом, под идентичностью, начиная с Э. Эриксона, принято понимать состояние самоощущения. Человеку присущи разные виды идентичности,

которые сугубо индивидуальны и зависят как от объективных, так и субъективных факторов.

Наше внимание сконцентрировано на взаимодействии в рамках следующей системы идентичности: этническая, гражданская и территориальная идентификации.

В России, как пишет В.С. Малахов, существует господство этнонационалистических отношений, которое обусловлено институциональными факторами, с одной стороны политическое пространство структурировалось по этническому признаку, с другой стороны, этническая идентичность индивидов закреплялась в документах [7]. Российская версия мультикультурализма, во имя сохранения культурного многообразия, стремится не только зафиксировать в неподвижности культурные феномены, но и закрепить принадлежность индивида к его «исходной» этнической группе [11].

Действительно, эти моменты имеют место быть в России и оказывают сильное влияние

на формирование идентичности у населения. Таким образом, можно предположить, что идентичность в российском политическом пространстве носит тернарный характер, выражающийся в наличии этнической, гражданской (российской) и территориальной идентичностей. Более того, практика организации политического пространства в стране усложняет систему восприятия территории. В этой связи, территориальная идентичность в России также имеет свою структуру и особенности. Так, в частности, исходя из национально-территориальных и географических особенностей республики Саха (Якутия), территориальная идентичность включает локальную (отождествление индивидуумов с территорией проживания, основанной исходя из географических и ментальных рамок и, в нашем случае, соотносимой с Севером и Арктикой) и региональную (отождествление себя с жителем республики) идентификации.

Наше исследование – попытка пополнить новыми научными данными феномен идентичности в условиях этнофедерализма в России. Однако заметим, что этнофедерализм – это лишь одна сторона проблемы политико-демократического развития страны, другая – регионализм, в основу которой положены территориальные притязания.

Насколько такая система идентичности существенна для многонационального общества, как она ранжируется в условиях национального государственного субъекта РФ? Эти вопросы мы попытаемся раскрыть в данной статье.

Методология и методы. Прежде чем приступить к основной части, кратко охарактеризуем методологию нашего исследования. Говоря об этничности, мы придерживаемся мнения, что в современных условиях эти феномены относятся к разряду конструируемых понятий, позволивших перейти к новому уровню развития государства и общества. В этой связи, методология базируется на воззрениях Б. Андерсона, Т. Лукмана и П. Бергера, В. Тишкова [1; 2; 10].

Основу работы составляет количественный метод социологического исследования – анкетирование. Сегодня количественный метод становится мало используемым в практике социологических исследований. Тем не менее, при соблюдении методики, количественные методы в академической науке представляют

ся наиболее валидными и репрезентативными. Социологическое исследование охватило население от 18 лет и старше. Выборка половозрастная. Характеристика выборки:

	Арктические районы Якутии (в %)
Пол	
Мужской	47,6
Женский	52,4
Возраст	
18–22	12,8
23–34	28,4
35–44	22,8
45–54	18,8
55–64	11,6
65 и старше	5,6
Национальность	
Русский	15,9
Саха	49,1
КМНС	27,8
Другой национальности	4,4
Смешанной национальности	2,8
Образование	
Неполное среднее	7,1
Среднее	17,6
Среднее спец.	31,1
Неполное высшее	9,6
Высшее	34,6
Семейное положение	
Холост	26,3
Разведен	8,3
Овдовевший	8,3
Женат	48,9
Гражданский брак	8,3
Уроженцы населенного пункта	62,6
Социальный слой	
Очень бедные	3,6
Бедные	11,5
Ниже среднего	23,3
Средний слой	33,8
Выше среднего	15,4
Богатые	12,5
Общее количество опрошенных	321 человек

Говоря об идентичности мы, прежде всего, имеем в виду коллективную идентичность, причем не как унифицированную единую модель, а как многообразную, подвижную систему.

Остроту исследованию придают политико-территориальные рамки, куда вошли три из пяти арктических районов (Усть-Янский, Анабарский и Аллаиховский) Якутии – модельного объекта, являющегося национально-территориальным, государственным образованием, субъектом в составе многонационального федеративного государства,

где наиболее ярко и концентрированно должен проявляться тернарный характер российской идентичности. Более того, выделение и изучение идентичности только в арктических районах Якутии обусловлено следующими особенностями:

1) географическими и природно-климатическими (арктические районы Якутии являются труднодоступными и удаленными от центра, с более суровыми природно-климатическими условиями);

2) политическими (районы имеют стратегическое значение, как в экономическом и геополитическом плане, так и в сфере национальной безопасности);

3) административно-управленческими (данные три арктических района являются административными единицами Республики Саха (Якутия), в то же время законодательно отнесены к особой Арктической зоне Российской Федерации);

4) социальными (низкий уровень качества жизни при высоких транспортных расходах и розничных ценах, высокий уровень социальных проблем);

5) демографическими (низкая плотность заселения, высокий уровень миграции, высокая концентрация проживания представителей коренных малочисленных народов Севера (далее КМНС)).

К вопросу о гражданской, территориальной и этнической идентичности. В целом, совершенно поддерживая точку зрения А.В. Головнева, считаем, что «этничность... – постоянно генерируемое явление,.. представляется самой естественной и доступной (вслед за брачно-родственной) социальностью, поскольку в ней реализуется общность понимания и доверия» [3]. Тогда как проявление региональной идентичности, как считает Л.М. Дробижина, можно рассматривать как форму психологического протеста против всеобщей унификации, которая является закономерным явлением в условиях модерна и постмодерна [6].

Для установления особенностей современных этносоциальных процессов в обществе в условиях национального субъекта РФ значимым является изучение соотношения гражданской, территориальной и этнической идентичности у населения Севера Якутии.

Опираясь на научно разработанные курсы и тезисы в сфере изучения этничности [4; 5; 9] и исходя из позиций опрошенных, мы установили следующую двумерную модель измерения этнической идентичности, имеющей место быть в сознании населения Севера Якутии (Рисунок 1).

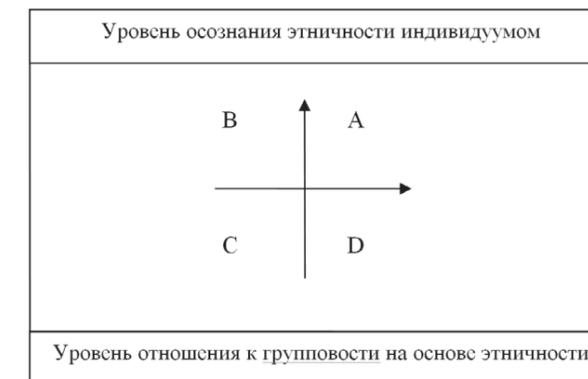

Рисунок – 1 Модель этнической идентичности (по результатам анализа анкетных данных).

А – этноконсерваторы. У человека преобладает чувство осознания своей этнической идентичности и важности этнической групповости (49,4% опрошенных).

В – этнолибералы. Человек, считающий себя носителем определенных качеств этнической группы, но, в публичной практике, отказывающийся, ввиду различных причин (убеждений, влияния внешних факторов, например, глобализации) от необходимости разделения на этнические группы (17,9% опрошенных).

С – этноиндифферентные. По сути, эта группа состоит из маргиналов и космополитов, людей, так или иначе полагающих, что этническая идентификация в современных социальных реалиях не важна (22,1% опрошенных).

Д – этноструктуралисты. В данную группу входят индивидуумы, считающие важным разделение общества на этнические сообщества, но над осознанием своей индивидуальной этнической идентичности они редко задумываются (10,6% опрошенных).

Гражданская и территориальная идентичности были определены в рамках градации «очень важно», «важно» и «не важно». Данная градация введена для возможности сопоставления результатов с исследованиями, проведенными

ми ранее Институтом гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН. Но в данной работе мы посчитали, что более показательным для определения соотношения идентичностей является использование результатов по градации «очень важно» и «неважно», которые оказались весьма неординарными и специфическими. Тем более что около половины (47,7%) опрошенных выбрали именно эти два варианта.

Опрошенным было предложено отождествить себя по степени важности как:

- представитель своего этноса (этническая идентичность);
- житель республики Саха (Якутия) (региональная идентичность);
- северянин, житель Арктики (локальная идентичность);
- гражданин России (гражданская идентичность);
- гражданин мира (космополитическая идентичность).

Безусловно, что большее количество ответов (49%) набрано по варианту ответа «важно». Ранжируем данные исключительно по количеству выбравших тот или иной вариант ответа:

- «очень важно». Ранжирование позиций по данному варианту ответа показывает следующее: 1) северянин; 2) житель республики; 3) гражданин России;
- «важно»: 1) гражданин России; 2) представитель своего этноса; 2) северянин;
- не важным для населения, в первую очередь, осознавать себя гражданином мира.

Таким образом, данный анализ нам не проясняет цельную картину идентичности населения Севера Якутии, свидетельствуя лишь о подвижности самой системы и сознания индивидуумов.

В этой связи, сопоставим данные ответов «очень важно» и «не важно» в каждой группе, выделенной нами по уровню этнической идентификации. В результате анализа выявлено, что:

– Для *этноконсерваторов* характерен приоритет этнического над региональным и, тем более, гражданским отождествлением. Локальная идентичность имеет слабое проявление. К этой категории, в своем большинстве, причислили себя якуты и представители коренных малочисленных народов.

– Для *этнолибералов* характерна система идентичности, основанная на первичности осознания своей локальности, затем гражданской и только потом республиканской идентичности. Показательным для этой группы является снижение значимости этничности перед такими уровнями, как территориальная и гражданская идентичность, хотя эта группа указала на значимость для себя и осознания своей этнической принадлежности.

– Для *этноиндифферентно настроенной группы* значимость этнической идентичности также снижена. Эта группа показывает высокий уровень гражданственности и, в тоже время, локальности. На третьем месте в системе идентичности данной группы – региональная идентификация и космополитизм, которые находятся в конкурентной зависимости. Отметим, что в эту группу вошло основное большинство – 40%, опрошенных русского населения и 55% респондентов «смешанной национальности». Это предваряет следующий вывод, что гражданская идентичность остается близким чувством прежде всего для русского населения. Тем самым, с одной стороны, они подчеркивают свою значимость в созидании единства российского мира, с другой, вероятно, – некоторую тождественность в понимании «русский» и «российский». Это также актуально для людей с множественной идентичностью, определивших себя как представители «смешанной национальности», причем здесь высокий уровень гражданственности обусловлен, скорее всего, влиянием примордиальных подходов в обществе, не позволяющих принять возможность совмещения индивидуумом нескольких культур.

– Для *этноструктуралистов* очень важным является осознание своей локальности. Гражданские чувства не выступают как «очень важные» и притупляются под давлением значимости этничности и регионализма.

Заключение. Таким образом, основываясь на результатах социологического исследования, можно заключить, что на систему идентичности оказывает влияние как этническая принадлежность, так и особенность структурирования индивидуумом системы общества. Так, для лиц, у которых доминируют этнические корни и (или) воззрения, что в современном обществе человеку

просто необходимо чувствовать себя частью национальной группы, важность этнической принадлежности первично.

Более того, несмотря на национальность респондентов, проживающих на Севере Якутии, для многих из них оказывается важно локальное отождествление (Я – северянин, житель Арктики). Территориальная идентичность, прежде всего локальная, выступает механизмом сплоченности и авангардом унификации. Кроме того, напрашивается вывод, что локальная идентичность имеет отрицательную корреляцию с этничностью. Но стоит заметить, что при этническом срезе именно представители КМНС высоко оценили значение для них локальной идентичности [8]. Тут, по нашему мнению, в силу вступает практика конструирования взгляда, обращенного на генеалогию ныне живущего на ней населения, «глубина «укорененности» которого является обоснованием исторического права на... территорию. «Этническая территория» считается необходимым условием для воспроизводства больших и малых народов и для полноценного развития «человека-этнофора» [11]. Так, для якутов важным является региональная идентичность (Я – житель РС(Я)) [8]. Таким образом, локальность имеет двойственный характер, который выражается в проявлении: прав на территорию, считающейся местом исконного проживания коренных этносов; регионализма, выступающего близкой «одновременно пространственно-географической, исторической и культурной» идентичностью [11].

Показательно подтверждается, что «национально-гражданская идентичность сейчас – это отражение привыкания населения к новому государству, его очертаниям и месту в мире. Идентичность эта еще очень противоречива» [5]. Однако, как пишет Л.М. Дробижина, для доминирующей части населения национально-гражданская и этническая идентичность совмещаются, причем совмещаются и в позитивной части, когда становятся ресурсом активной позиции в жизни и деятельности установках, и в негативной, когда подпитывают враждебность к окружающему миру и поиски врага [5].

Как нам кажется, в северных районах Якутии, вследствие географической «оторванности», культурного симбиоза, многонациональ-

ного состава и сложной системой регионально-административного управления, у населения происходит совмещение этнической и территориальной (главным образом, локальной) идентичности, которые, по их мнению, являются более приемлемыми и адекватными в таких специфических условиях.

В целях поддержания социальной и политической стабильности на фоне развитого национального самосознания и территориального отождествления, для усиления чувства гражданственности, на наш взгляд, необходима выработка единых идей развития, более глубокая ретрансляция политической и культурной идеологии в России, что, безусловно, связано с усилением социально-экономических позиций страны.

1. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма [Электронный ресурс] // Библиотека Гумер. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/anders/ (дата обращения: 10.05.2014).
2. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://socioline.ru/pages/p-berger-t-lukman-sotsialnoekonstruirovanierealnosti_svoobodnyj (дата обращения: 01.06.2014).
3. Головнев А.В. Этничность и идентичность на Урале [Электронный ресурс] // Этнографическое бюро. – URL: http://ethnobs.ru/library/237/_aview_b19645 (дата обращения: 15.06.2014).
4. Гусарова Н.В. Психология профессионального образования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://de.ifmo.ru/--books/0062/index.htm>, свободный (дата обращения: 15.06.2014).
5. Дробижина Л.М. Национально-гражданская и этническая идентичность: проблемы позитивной совместимости [Электронный ресурс] // Институт социологии РАН. Публикации. – URL: <http://www.isras.ru/files/File/publ/year-2008/Nacionalno-grajdanskaya%20i%20etnicheskaya%20identichnost.pdf> (дата обращения: 21.11.13).
6. Дробижина: региональная идентичность – это проект унификации [Электронный ресурс] // РИА-НОВОСТИ. – URL: <http://ria.ru/interview/20110416.html> (дата обращения: 19.06.2014).
7. Малахов В.С. Этнические проблемы в современном политическом и правовом дискурсе [Электронный ресурс] // Институт философии РАН. Публикации В.С. Малахова. – URL: <http://iph.ras.ru/uplfile/histpol/biblio/etno-probl.pdf> (дата обращения: 25.05.2014).
8. Осипова О.В., Маклашова Е.Г. Полевой материал: 1) Усть-Янский улус (район) РС(Я), 2013 г.; 2) Анабарский улус (район) РС(Я) 2013 г.; 3) Аллаиховский улус (район) РС(Я), 2013 г.
9. Прохода В.А., Рязанцев В.В. Этническая идентичность населения Республик России (Карелия, Татарстан, Якутия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://svciom.ru/fileadmin/monitoring/83/s11-126_Jornal_Monitoring83.pdf (дата обращения: 22.12.2013).
10. Тишков В.А. Российский народ [Электронный ре-

сурс]. – Режим доступа: http://valerytishkov.ru/engine/documents/rus_narod.pdf, свободный (дата обращения: 01.07.2013).

11. Филиппова Е. «Этническая» или «региональная» идентичность? [Электронный ресурс] // Экспертная сеть по исследованию идентичности. – URL: http://identityworld.ru/load/kategorii/stati/filippova_e_i_ehtnicheskaja_ili_regionalnaja_identichnost/2-1-0-232 (дата обращения: 20.06.2014).

1. Anderson B. Voobrazhaemye soobshhestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostraneni nacionalizma [E'lektronnyj resurs] // Biblioteka Gumer. – URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Sociolog/anders/ (дата обращения: 10.05.2014).

2. Berger P., Lukman T. Social'noe konstruirovaniye real'nosti [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://socioline.ru/pages/p-berger-t-lukman-sotsialnoekonstruirovaniye-realnosti_svbodnyj (дата обращения: 01.06.2014).

3. Golovnev A.V. E'tnichnost' i identichnost' na Urale [E'lektronnyj resurs] // E'tnograficheskoe byuro. – URL: http://ethnobs.ru/library/237/_aview_b19645 (дата обращения: 15.06.2014).

4. Gusarova N.V. Psixologiya professional'nogo obrazovaniya [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: <http://de.ifmo.ru/--books/0062/index.htm>, свободный (дата обращения: 15.06.2014).

5. Drobizheva L.M. Nacional'no-grazhdanskaya i e'tnicheskaya identichnost': problemy pozitivnoj sovместимости

[E'lektronnyj resurs] // Institut sociologii RAN. Publikacii. – URL: <http://www.isras.ru/files/File/publ/year-2008/Nacionalno-grajdanskaya%20i%20etnicheskaya%20identichnost.pdf> (дата обращения: 21.11.13).

6. Drobizheva: regional'naya identichnost' – e'to protest unifikacii [E'lektronnyj resurs] // RIANOVOSTI. – URL: <http://ria.ru/interview/20110416.html> (дата обращения: 19.06.2014).

7. Malaxov V.S. E'tnicheskie problemy v sovremennom politicheskom i pravovom diskurse [E'lektronnyj resurs] // Institut filosofii RAN. Publikacii V.S. Malaxova. – URL: <http://iph.ras.ru/upfile/histpol/biblio/etno-probl.pdf> (дата обращения: 25.05.2014).

8. Osipova O.V., Maklashova E.G. Polevoj material: 1) Ust'-Yanskij ulus (rajon) RS(Ya), 2013 g.; 2) Anabarskij ulus (rajon) RS(Ya) 2013 g.; 3) Allaixovskij ulus (rajon) RS(Ya), 2013 g.

9. Proxoda V.A., Ryazancev V.V. E'tnicheskaya identichnost' naseleniya Respublik Rossii (Kareliya, Tatarstan, Yakutiya) [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://wciom.ru/fileadmin/monitoring/83/s11-126_Jornal_Monitoring83.pdf (дата обращения: 22.12.2013).

10. Tishkov V.A. Rossijskij narod [E'lektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: http://valerytishkov.ru/engine/documents/rus_narod.pdf, свободный (дата обращения: 01.07.2013).

11. Filippova E. «E'tnicheskaya» ili «regional'naya» identichnost'? [E'lektronnyj resurs] // E'kspertnaya set' po issledovaniyu identichnosti. – URL: http://identityworld.ru/load/kategorii/stati/filippova_e_i_ehtnicheskaja_ili_regionalnaja_identichnost/2-1-0-232 (дата обращения: 20.06.2014).

ETHNICITY AND IDENTITY: FEATURES OF FORMATION IN CONDITIONS OF ETHNIC RUSSIAN REPUBLIC

Maklashova Elena Gavrilovna,

Institute of humanitarian researches and Problems of the small people of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, The scientific employee, the candidate of political sciences, Yakutsk, Russia, E-mail: maklashova@mail.ru

Astakhova Irina Sergeevna,

Institute of humanitarian researches and Problems of the small people of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Science, The younger scientific employee, Yakutsk, Russia, E-mail: irasta@list.ru

Annotation

The article deals with the problems of combining of civil (national), territorial and ethnic identity of a population, which live in ethnic Russian republic. The work is based on the results of sociological research in three of five Arctic regions of Yakutia.

Key words:

ethnicity, territorial identity, civil (national) identity, population of ethnic Russian republic.

МЕХАНИЗМЫ РЕАЛИЗАЦИИ SOFT POWER В ПОГРАНИЧНОМ РЕГИОНЕ: АНАЛИЗ РЕГИОНАЛЬНЫХ ДИСКУРСИВНЫХ ПРАКТИК В СЕВЕРО-ЗАПАДНОМ ФЕДЕРАЛЬНОМ ОКРУГЕ

Негров Евгений Олегович,

Санкт-Петербургский государственный университет, доцент кафедры политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии, кандидат политических наук, Санкт-Петербург, Россия, E-mail: negrov2001@mail.ru

Аннотация

В статье раскрываются особенности официального политического дискурса современной России как инструмента soft power. Автор исследует эволюцию политического языка российской элиты. Эмпирической базой исследования являются контентные СМИ регионов Северо-Западного федерального округа.

Ключевые слова:

дискурсивные практики, soft power, официальный политический дискурс, политическая элита, дискурс СМИ.

Данный доклад является результатом текущего исследования, проводимого в части приграничных регионов Северо-Западного федерального округа (Республика Карелия, Ленинградская, Мурманская и Псковская области) в 2012–2014 гг., целью которого является исследование механизмов реализации soft power как в рамках международного сотрудничества, так и в ходе проводимой внутренней политики, учитывающей международный аспект.

Так как основным объектом исследования выступают дискурсивные практики процесса реализации soft power, первый тезис посвящен дефиниции самого понятия дискурсивных практик и рядоположенных конструкторов.

Политический дискурс в целом в контексте исследования определяется автором как текст, отображающий политическую и идеологическую практику какого-то государства, отдельных партий и течений в определенную эпоху. Процесс осуществления политического дискурса понимается как актуальное использование языка в социально-политической сфере общения и, шире, в публичной сфере общения.

Принадлежность текста к числу политических определяется как его тематикой, так и его местом в системе политической коммуникации. Такое понимание «политического языка», как языка, используемого в публичной сфере, учитывает растущее влияние средств массовой коммуникации, развитие новых коммуникационных технологий, расширение процессов глобализации и процесс коммерциализации политической коммуникации [3]. В ходе подобных процессов актуализируется общественное сознание, и политический дискурс, таким образом, отражает политическую ситуацию, а его изучение дает более наглядную картину предпочтений в современном обществе, существенно дополняющую иные способы решения данной задачи, к примеру, социологические исследования. При анализе языка политического дискурса обнаруживается совокупность всех речевых актов, использованных в политических дискуссиях в современном обществе.

Специфика организации публичного пространства в современной России делает релевантным с точки зрения анализа интенций

основных политических акторов только изучение официального и лоялистского политического дискурса, причем на региональном уровне, учитывая финансовый и организационный аспекты функционирования СМИ; провести четкую границу между этими типами дискурса практически невозможно.

Под официальным политическим дискурсом (далее – ОПД), в отличие от просто официального текста, понимается устойчивый набор высказываний на темы важнейших общественных категорий, норм, ценностей и теорий, используемый для публичного объяснения намерений и действий элиты того или иного общества. Определение «публичное» имеет здесь принципиальное значение, поскольку иные, неофициальные высказывания, и труднодоступны, и не являются официальным дискурсом по определению. Лоялистский дискурс, в свою очередь, представляет собой корпус приемов, направленных на легитимацию дискурсивных практик и реальных действий официальной власти в общественно-политическом пространстве [2; 5]. Подчеркнем еще раз, что от идеологии, картины мира, системы взглядов дискурс отличается своей социальной составляющей, а именно подразумеваемым существованием не только носителя (или коммуникатора), но и аудитории. При этом для продуцента дискурса важна не только собственная позиция, но и предполагаемая позиция аудитории. Важнейшей целью как ОПД, так и лоялистского дискурса является воздействие на слушателя, но одновременно изучение таких дискурсов дает возможность аудитории и экспертному сообществу получить представление о самих коммуникаторах.

Специфика современного российского ОПД состоит в следующем [8; 9; 10]. Во-первых, это стремление к полной монополизации важнейшего канала ретрансляции политического дискурса – телевидения. Телевидение как средство массовой информации существует чуть более полувека, однако даже за такой небольшой по историческим меркам промежуток времени оно стало одной из важнейших социальных потребностей человека; ни одно

из ныне действующих средств массовой коммуникации не может соревноваться с телевидением по величине и силе влияния на общественные процессы. Сейчас в России телевидение достигло такого влияния, что политический дискурс уже не только транслируется в его рамках, но и меняется или, по крайней мере, корректируется под его воздействием. Включая телевизор, реципиент постоянно получает на данном канале одну и ту же систему ценностей, норм и представлений, единый дискурс, который зависит от позиции канала. Последствия данного факта сводятся к тому, что «если тебя нет в телевизоре – тебя как бы нет вообще», причем такое положение вещей справедливо как для политических акторов, так и для политических событий, и основные ретрансляторы официального политического дискурса вполне осознали эту поистине огромную роль телевидения.

Во-вторых, официальный политический дискурс в современной России стал, по сути, «вещью в себе». Сегодняшнее политическое пространство распалось на узкий круг лиц, формирующих политическую повестку дня, и всех остальных, причем в числе последних оказалось и экспертное сообщество, в том числе и политологи. Механизм принятия политических решений становится все более непрозрачным для людей, напрямую к нему не причастных, что снижает адекватность традиционных инструментов политологических исследований, основанных на анализе публичной политики. Более того, сегодняшняя ситуация привела к такому неожиданному последствию, как проблема интерпретации интенций ОПД. Небольшое количество адресантов такого дискурса, входящее в состав высшей политической элиты страны, сталкивается с тем, что его адресаты, то есть, в первую очередь, те, кто по долгу службы должен реализовывать эти интенции, – среднее и низшее звено исполнительной власти (и только потом – представители общества) – интерпретируют их высказывания, основываясь на своем представлении о тактических и стратегических задачах, стоящих за исполнением того или иного решения, что

в условиях непрозрачности и непубличности описываемых процессов приводит зачастую к непрогнозируемым заранее последствиям.

Третья особенность современного ОПД – его сильная зависимость от конечного адресата. Помимо инструментальной функции, связанной с борьбой за власть и набора зависящих от нее признаков, ОПД призван также формировать повестку дня внутри элиты, определяя основные тренды текущего политического процесса. Причем в данном случае понятие элиты выходит за рамки политики, поскольку это определение важно и для остальных социальных групп, менее подверженных примитивным манипуляционным технологиям, – интеллигенции, общественных деятелей, ученых, представителей бизнес-элиты и т. д. В связи с данным фактом нам представляется целесообразным ввести не встречаемое ранее в научной литературе понятие электорально значимого большинства (далее – ЭЗБ) применительно к адресатам ОПД, преимущественной целью которого является манипулятивная стратегия. Данный термин отражает реальную ситуацию, при которой основная задача ОПД сводится к донесению позиции политической элиты до ЭЗБ, обеспечивающего легитимность власти, причем большинства, ограниченного в своем доступе к информации и вынужденного пользоваться только предложенными официальным дискурсом каналами трансляции (конечно, данное положение выглядит несколько теоретически и нуждается в дальнейших специальных исследованиях с эмпирическим содержанием, чтобы четко ограничить границы таких каналов). Именно поэтому телевидение, благодаря своим качествам, является основным каналом трансляции для ЭЗБ, в отличие от печатных средств массовой информации, которые не имеют такого охвата аудитории.

В-четвертых, необходимо сказать о необходимости оценки эффективности усилий ОПД, т. е. о соответствии результатов тем задачам, которые ставит перед собой политическая элита страны. Многие события, связанные со вступлением России в электоральный цикл 2011–2012 гг. и последовавшие за этим дей-

ствия, имеющие свое отражение в текущем политическом процессе, заставляют серьезно задуматься о самой природе эффективности через призму понятий легальности и легитимности власти. В рамках данного исследования эти понятия рассматриваются с точки зрения массового политического поведения, в соответствии с которой легальность – это процедура, соответствующая закону и принятым правовым нормам, а легитимность – наличие не столь очевидно фиксируемого согласия управляемых на определенное насилие над собой, т. е. возможность акторам совершать действия, которые не оспариваются никем из тех, кто теоретически имеет право и возможности эти действия оспорить.

Специфика современной российской ситуации состоит еще и в том, что официальный политический дискурс в современной России стал, по сути, «вещью в себе». Сегодняшнее политическое пространство распалось на узкий круг лиц, формирующих политическую повестку дня, и всех остальных, причем в числе последних оказалось и экспертное сообщество. Механизм принятия политических решений становится все более недоступным для людей, напрямую к нему не причастных, и, таким образом, усиливается неадекватность традиционных инструментов политологических исследований, основанных на анализе публичной политики. Более того, сегодняшняя ситуация привела к такому неожиданному и крайне нуждающемуся в своем описании последствию, как проблема интерпретации интенций официального политического дискурса, проявляемому, в том числе, и в такой, казалось бы, аполитичной теме, как потребление, чему, собственно, и посвящена эмпирическая часть исследования. Небольшое количество адресантов такого дискурса, входящее в состав высшей политической элиты страны, сталкивается с тем, что его адресаты, то есть, в первую очередь, те, кто по долгу службы должен реализовывать эти интенции, – среднее и низшее звено исполнительной власти (и только потом представители общества) интерпретируют их, основываясь на своем представлении о так-

тических и стратегических задачах, стоящих за исполнением того или иного решения, что в условиях непрозрачности и непубличности описываемых процессов приводит зачастую к непрогнозируемым заранее последствиям. Так как ЭЗБ ограничено в своем доступе к информации и вынуждено или вполне осознанно желает пользоваться только предложенными официальным дискурсом каналами трансляции, именно такое большинство, на наш взгляд, является наиболее благодарной аудиторией с точки зрения применения различного рода манипулятивных технологий.

Очевидно, что в современной России невозможно говорить о едином дискурсивном пространстве. Публичная сфера крайне фрагментирована, у каждого из сегментов российского общества – свои СМК, свои СМИ, свой дискурс, очень немного тем, вокруг которых можно было бы обнаружить консенсус. Однако с политологической точки зрения наибольший интерес представляют именно медиа, выполняющие две, казалось бы, взаимоисключающие функции: с одной стороны, обслуживающие электорально значимое большинство, с другой, имеющие в качестве основного адресата ту самую номенклатуру уровня исполнения решений!

Существует и еще одна проблема, вытекающая из несоответствия слов и действий основных продуцентов ОПД: нынешняя политическая элита четко осознает, что «язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли», поэтому можно зафиксировать, начиная от самых высших представителей власти и заканчивая ее рядовыми представителями, противоположные суждения по одним и тем же вопросам. Решить эти проблемы и призваны методы дискурс-анализа, направленные на «выживание» скрытой информации, стоящей за тем или иным текстом, раскрытие истинных мотивов и интенций адресантов дискурса и, как следствие, определение истинной «повестки дня» политической элиты. И именно здесь на первый план выходит лоялистский дискурс, с одной стороны четко следующий в фарватере официального политического дискурса,

а, с другой, чувствуя себя намного более свободным – как в стиле и тезаурусе, так и в тех фундаментальных предпосылках, строящихся на классическом разделении свой/чужой, из которых идут его основные интенции, касающиеся текущей политической повестки дня.

Необходимо отметить и трансформацию политических функций СМИ в ходе социально-экономических реформ в стране, результатом чего можно считать изменение границ и конфигурации пространства политического дискурса в медиасфере. В начале 1990-х годов российская пресса была одним из активных организаторов публичного дискурса, предоставляя слово всем субъектам политического пространства и предавая гласности их позиции, благодаря чему вырабатывалось новое знание о целях и способах дальнейшего взаимодействия. В настоящий момент количество субъектов политического дискурса в медиасфере резко сократилось, и политическое «посредничество» СМИ «больше похоже на деятельность торгового агента, заинтересованного в выгодной сделке и получении соответствующего денежного вознаграждения» [4, с. 84]. Собственно же язык российского политического дискурса также претерпел плавную эволюцию – от (в полную противоположность советскому) чрезвычайной подвижности, которая характеризовалась тем, что большинство лексики в политических статьях и выступлениях публичных деятелей имело определенную эмоциональную окраску, а в любом тексте было ярко выражено авторское начало, тесно связанное с ценностными ориентирами в обществе, до почти возвращения к «суконному языку» советского времени.

Эмпирической базой практических выводов исследования является анализ контента следующих средств массовой информации:

- Республика Карелия – общественно-политическая газета «Карелия» (учредители Правительство РК, Законодательное собрание РК) и литературно-художественный и общественно-политический журнал «Север» (финансовая зависимость от Правительства РК, организационно связан с Союзом писателей России);

- Ленинградская область – телевизионные сюжеты пресс-центра «Вуокса» (муниципальное образование «Светогорское городское поселение» Выборгского района ЛО), сетевое издание «газета Вести он-лайн» и муниципальная газета «Выборг»;

- Мурманская область – газета «Вечерний Мурманск» (учредители Администрация города и трудовой коллектив редакции) и программа «Вести-Мурманск. События недели» ГТРК «Мурман»;

- Псковская область – общественно-политическая газета «Псковская провинция», районная газета Пыталовского района «Наша жизнь» и районная газета Себежского района «Призыв».

Результаты проводящегося исследования должны подтвердить или опровергнуть некоторые предварительные гипотезы, а также показать механизмы реализации soft power в конкретных случаях и послужить основой для обобщений.

В заключение отметим, что т.к. фиксируемые нами тенденции являются, преимущественно, теми интенциями, которыми руководствуется среднее звено политической элиты в своей повседневной практике, то для дальнейшего развития политического дискурса в нашем Отечестве весьма важно не только его изменение на высших уровнях трансляции, но и соответствующие процессы на среднем уровне, в том числе и на уровне самих средств массовой информации. Запрос на такие изменения существует и сверху – от политической элиты, озабоченной улучшением имиджа страны, и снизу – от представителей слабо развитого, но все же существующего гражданского общества, озабоченного своей неспособностью как бы то ни было влиять на формирование текущей повестки дня. Именно в этом обоюдном желании многих частей нашего общества кроется, пусть и не великий, но все же не равный нулю, шанс на развитие политического дискурса в соответствии с общепринятыми демократическими нормами и реальное движение российского общества в сторону модернизационного развития.

В самом конце исследования полагаем необходимым сказать о том, что само поле политической дискурсологии представляется весьма и весьма перспективным для изучения общественно-политической ситуации в России, так как сегодня все более очевидным становится ограниченная применимость классического политологического инструментария для исследования реальной российской политики. Как справедливо указывает российский исследователь Л. Бляхер, политолог все более оказывается в положении «просвещенного», но не «посвященного» в реальные условия принятия политических решений [1]. Для того чтобы мнение политолога-наблюдателя имело право на существование именно как мнение эксперта, а не «одного из миллионов», наблюдающих за видимыми проявлениями политики, и возникает необходимость в выработке нового аппарата описания политики, фиксации новых пространств, где принятие политических решений еще можно зафиксировать. И здесь возможности анализа политического дискурса могут сыграть весьма важную роль.

1. Бляхер Л.Е. Новые пространства политики и способы их изучения // Новости РАПН. 2006. – № 6 (25).
2. Вязовик Т.П. Роль публичной сферы в распространении консервативно-охранительного дискурса начала XIX века // Гражданское общество в России. – 2011. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Vyazovik_role.pdf.
3. Гаврилова М.В. Лингвистический анализ политического дискурса // Политический анализ. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2003. Вып. 3.
4. Дзялошинский И.М. Роль СМИ в организации диалога власти и общества // Роль СМИ в формировании гражданского общества. М., 2006. – С. 84–86.
5. Мирошников М.Ю. Российская политическая ментальность и дискурс идентичности // Дискурс-Пи, вып. 5. – Екатеринбург, 2005. – С. 78–82.
6. Негров Е.О. Интенции «антиоранжевого» дискурса в ходе думской и президентской кампаний 2011–2012 гг. // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК, т. 8, № 2. – СПб, 2012. – С. 35–57 [Негров, 2012а].
7. Негров Е.О. Лоялистский политический дискурс в современной России: сотрудничество или конфронтация? // Власть, бизнес, гражданское общество в условиях модернизации России: институты, стратегии и практики политического сотрудничества: Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. Москва, 22–23 ноября 2013 г. / ред.-сост. О.В. Гаман-Голутвина, С.В. Патрушев, Л.В. Сморгун, Л.Н. Тимофеева. – М.: РИЦ МГТУ им. М.А. Шолохова, 2013. – 279 с. – С. 171–173.

8. Негров Е.О. Публичная политика в ходе электро-ального цикла 2011–2012 гг.: Стратегии охранительного политического дискурса // Символическая политика: Сборник научных трудов / РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел политической науки; отв. ред. Малинова О.Ю. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М., 2012. – 334 с. – С. 202–221 [Негров, 2012б].

9. Негров Е.О. Современный охранительный дискурс: анализ сетевых стратегий // Сетевые ресурсы и практики в публичной политике: материалы Всероссийской конференции молодых политологов 8–11 октября 2012 г. – Краснодар: Просвещение Юг, 2012. – 245 с. – С. 135–139 [Негров, 2012в].

10. Нежданов Д.В. Особенности становления современного политического дискурса: значение метафорического терминотворчества // Вопросы управления, вып. 4 (17). – Екатеринбург, 2011. – С. 14–26.

1. Blyaxer L.E. Novye prostranstva politiki i sposoby izucheniya // Novosti RAN. 2006. – № 6 (25).

2. Vyazovik T.P. Rol' publichnoy sfery v rasprostraneni konservativno-oxranitel'nogo diskursa nachala XIX veka // Grazhdanskoe obshhestvo v Rossii. – 2011. – URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Vyazovik_role.pdf.

3. Gavrilova M.V. Lingvisticheskij analiz politicheskogo diskursa // Politicheskij analiz. SPb.: Izd-vo SPbGU, 2003. Вып. 3.

4. Dzyaloshinskij I.M. Rol' SMI v organizacii dialoga vlasti i obshhestva // Rol' SMI v formirovanii grazhdanskogo obshhestva. M., 2006. – С. 84–86.

5. Miroshnikov M.Yu. Rossijskaya politicheskaya

mental'nost' i diskurs identichnosti // Diskurs-Pi, vyp. 5. – Ekaterinburg, 2005. – С. 78–82.

6. Negrov E.O. Intencii «antioranzhevo» diskursa v ходе dumskoj i prezidentskoj kampanij 2011–2012 gg. // Politicheskaya e'kspertiza: POLITE'KS, t. 8, № 2. – SPb, 2012. – С. 35–57 [Negrov, 2012a].

7. Negrov E.O. Loyalistskij politicheskij diskurs v sovremennoj Rossii: sotrudnichestvo ili konfrontaciya? // Vlast', biznes, grazhdanskoe obshhestvo v usloviyax modernizacii Rossii: instituty, strategii i praktiki politicheskogo sotrudnichestva: Materialy Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem. Moskva, 22–23 noyabrya 2013 g. / red.-sost. O.V. Gaman-Golutvina, S.V. Patrushev, L.V. Smorgunov, L.N. Timofeeva. – М.: RIC MGGU im. M.A. Sholoxova, 2013. – 279 с. – С. 171–173.

8. Negrov E.O. Publichnaya politika v ходе e'lektoral'nogo cikla 2011–2012 gg.: Strategii oxranitel'nogo politicheskogo diskursa // Simvolicheskaya politika: Sbornik nauchnyx trudov / РАН. ИНИОН. Центр социальных научно-информационных исследований. Отдел политической науки; отв. ред. Малинова О.Ю. – Вып. 1: Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. – М., 2012. – 334 с. – С. 202–221 [Негров, 2012б].

9. Negrov E.O. Sovremennyy oxranitel'nyj diskurs: analiz setevyx strategij // Setevye resursy i praktiki v publichnoj politike: materialy Vserossijskoj konferencii molodyx politologov 8–11 oktyabrya 2012 g. – Краснодар: Prosveshhenie Yug, 2012. – 245 с. – С. 135–139 [Негров, 2012в].

10. Nezhdanov D.V. Osobennosti stanovleniya sovremennogo politicheskogo diskursa: znachenie metaforicheskogo terminotvorchestva // Voprosy upravleniya, vyp. 4 (17). – Ekaterinburg, 2011. – С. 14–26.

REALIZATION OF MECHANISMS OF SOFT POWER IN A BOUNDARY REGION: THE ANALYSIS OF THE REGIONAL DISCURSIVE PRACTICES IN NORTHWEST FEDERAL DISTRICT

Negrov Evgenie Olegovich,

The St.-Petersburg state university,
The senior lecturer of chair of political institutes and applied political researches,
Political science faculty,
candidate of political sciences,
St.-Petersburg,
E-mail: negrov2001@mail.ru

Annotation

The article describes the features of the official political discourse in modern Russia as a tool of soft power. The author explores the evolution of the political language of the Russian elite. Empirical basis of the study are the contents of the media of the North-West Federal District.

Key words:

discursive practices, soft power, the official political discourse, the political elite, media discourse.

ПОТЕНЦИАЛ SOFT POWER В ПОЛИТИЧЕСКОМ КОНЦЕПТЕ «РУССКИЙ МИР»: ПРЕДПОСЫЛКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЙ

Бочаров Алексей Васильевич,

Медиа-холдинг «Регионы России»,
директор департамента,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: alexboc@bk.ru

Аннотация

В статье А.В. Бочарова «Потенциал soft power в политическом концепте «Русский мир»: предпосылки и перспективы исследований» представлены актуальные вопросы научного познания ключевого компонента российской «мягкой силы» – концепта «Русский мир». В статье характеризуется роль русского языка, взаимосвязь «Русского мира» с soft power Китая. Освещены оценки российского концепта интеллигентами США и Западной Европы и вопросы институционализации «Русского мира».

Ключевые слова:

русский мир, soft power, русский язык, Китай, США, Западная Европа, институционализация.

С момента первых теоретических упоминаний феномена soft power в научном и публицистическом сообществах укоренилось отождествление данного понятия с Североамериканским (максимум, с Североатлантическим) геополитическим регионом как центром обоснования и практического применения политики «мягкой силы» (в исследованиях встречаются и другие варианты перевода на русский язык: мягкая мощь, гибкая сила, мягкая власть и прочие, под которыми понимается способность изменять поведение других акторов без принуждения или подкупа [5]).

Происхождение данного направления, предназначенного для внешнеполитической сферы, не подвергается дискуссии: авторство большинства соответствующих теоретических концепций принадлежит академическим кругам США [20, с. 23]. Преимущественно западные истоки имеют и смежные направления политической науки и практики, ориентированные на изучение и применение рекламных, маркетинговых, развлекательных компонентов «мягкой силы» и неразрывно связанные с фило-

софской традицией постмодерна и феноменами культуры общества массового потребления [12, с. 57, 59].

Только десять лет назад проявила себя тенденция пространственной демонополизации распространения взглядов и методов soft power в мире, когда о нетрадиционных методах усиления внешнеполитического влияния («создания потенциала нематериального воздействия на другие страны» [8, с. 144]) официально объявили власти КНР. В Сеуле в 2004 году открыт первый институт Конфуция, с которого началась глобальная реализация китайской версии soft power – «гармоничного мира», живущего по правилам «золотой середины» [4, с. 43] (вскоре были оглашены планы довести к 2020 году число носителей китайского языка как иностранного до 100 млн. человек [25], к этому же сроку должен быть открыт тысячный по счету институт Конфуция). Помимо доминировавшей прежде академической среды США, политическая стратегия soft power теперь стала постоянным объектом исследований ученых Китая, Южной Кореи и Японии [24].

На роль заимствованного евразийского аналога того политологического направления, которое разрабатывается в США с 1980-х годов и впервые получило конкретные очертания как *soft power* в работах профессора Джозефа Ная [27], отчасти претендует концепт «Русский мир» (автор настоящей статьи предлагает исходить из определения ученого, д. филол. н. А. П. Бабушкина, считавшего концепт «дискретной, содержательной единицей коллективного сознания, отражающей предмет реального или идеального мира и хранимой в национальной памяти носителей языка в вербально обозначенном виде» [2, с. 53]). Публицистические и философские искания обоснований «Русского мира» продолжают не одно десятилетие, прототипам и прообразам данного понятия посвящены труды И. А. Ильина, Н. А. Бердяева, Н. О. Лосского и П. А. Сорокина. Так, последний сделал «попытку выделить отличительные черты русской нации как социокультурной системы, являющейся частью мирового сообщества». По его мнению «совокупность основных черт русской нации включает ее сравнительно длительное существование, огромную жизнеспособность, замечательное упорство, выдающуюся готовность ее представителей идти на жертвы во имя выживания и самосохранения нации, а также необычайное территориальное, демографическое, политическое, социальное и культурное развитие в течение ее исторической жизни» [18, с. 33]. В этом «фундаментальном» ряду целесообразен сегодняшний поиск и конструирование привлекательных образов-соблазнов, без которых реализация отечественной *soft power* в принципе невозможна.

Что касается современного понимания явления «Русский мир», то, по наблюдению члена-корреспондента РАН В. А. Тишкова, «в академическом плане речь идет о феномене российской диаспоры, актуализировавшейся в нашей жизни с эпохой горбачевской либерализации и с открытием России для внешнего мира и внешнего мира для России» [17, с. 21], когда начала проявляться социальная и поли-

тическая рефлексия по вопросам российской и русской идентичности. Как отметил отечественный американист, д. пол. н. И. А. Зевелев, «после распада Советского Союза миллионы людей, считающих себя русскими, оказались разделены политическими границами. Впервые на протяжении своей многовековой истории и не по своей воле они стали гражданами (или лицами без гражданства) нескольких соседних стран», возник дискурс о «разделенном народе» [6], глубоким исследованиям которого посвящены, в частности, работы Р. Э. Бараш из Института социологии РАН [3, с. 124–154].

В этой связи горизонт научного поиска методологий российского *soft power* и «Русского мира» как интеграционного проекта в очередной раз должен быть связан с дискурс-анализом гуманитарных практик и технологий *soft power* Китая, имеющего значительный опыт в преодолении воздействия «мягкой силы» Запада. Как замечает один из основоположников отечественной школы дискурсологии, д. пол. н. О. Ф. Русакова, именно произошедшим ранее ослаблением советской «мягкой силы» «китайские исследователи объясняют распад Советского Союза», который «в конце XX века оказался под мощным влиянием «мягкой» силы Запада и не смог противостоять ему посредством собственных инструментов *soft power*» [13, с. 253].

Колоссальная социальная значимость всесторонних исследований концепта «Русский мир» обусловлена также тем, что по некоторым данным «российская диаспора в мире в начале XXI века превысила 25 млн. человек и заняла по численности второе место после китайской» [9, с. 167]. Распространение и поддержка русского языка, развитие интереса к русскому языку за рубежом само по себе рассматривается в качестве ключевого элемента *soft power*, как минимум, на постсоветском пространстве [3, с. 152; 9, с. 170]. Следующий прогрессивный этап становления «мягкой силы» «Русского мира» образует концепция русского двуязычия, в соответствии с которой русский язык «остается языком идентичности, плюс владе-

ние любым из мировых языков коммуникации автоматически даст России стратегический шанс и тактическое преимущество в борьбе за пространство смыслов» [11, с. 189].

Кроме того, мощнейший импульс к актуализации исследований проекта «Русский мир» получен в результате недавних событий 2014 года: «русской весны» в Крыму (ненадлежащего вхождения полуострова в состав России, хотя и с помощью «вежливых людей» в военной форме) и трагических военных столкновений на юго-востоке Украины. Юго-восток активно позиционируется как значимая часть «так называемого широкого русского мира» [10], которая в значительном количестве медийных источников стала устойчиво именоваться Новороссией, «воскреснув из информационного небытия» [16].

Еще один аспект функционирования концепта «Русский мир», нуждающийся в более глубоком изучении, лежит во взаимодействии данной теоретической и политико-практической модели с другими дискурсивно-самостоятельными составляющими российской *soft power*. Речь идет, например, о дискурсе ближнего зарубежья, идее поддержки соотечественников, актуальном проекте Евразийского Союза [1] или гораздо более широких дискурсах патриотизма или национализма.

В правящем и интеллектуальном истеблишменте Запада, в основном, господствуют скептические настроения относительно российской вариации *soft power* и «Русского мира» в частности. С одной стороны, накоплен некоторый теоретический опыт осознания права «русской цивилизации» на «широкие уровни цивилизационной идентичности», продемонстрированный американским политологом и социологом С. Ф. Хантингтоном [19, с. 193]. С другой стороны, в русле практической политики преобладают нарочитое игнорирование и критика наднациональных целей России как средоточия «Русского мира», сопряженные с упрощенным антисоветизмом и персонализацией «негативных» событий с личностью президента Российской Федерации В. В. Путина.

Например, в изданной в июне 2014 года книге мемуаров бывшего государственного секретаря США Х. Клинтон «Hard Choices» («Сложные решения») отдельное внимание уделено характеристике актуальной роли России (глава 11 «Russia: Reset and Regression» – «Россия: Перезагрузка и Регресс»). И хотя бывшая глава внешнеполитического ведомства, чьи карьерные устремления простираются на должность следующего президента в 2016 году, не упоминает понятие «Русский мир» буквально, но ревностное отношение к нему отчетливо прослеживается в употреблении таких не нуждающихся в переводе явлений и событий, как «Russian expansionism» [21, p. 211, 229, 236, 239, 244–245, 503], «re-Sovietization» [21, p. 239, 241–242, 245] и «invasion of Crimea» [21, p. 212, 227, 230, 236, 239–242, 363]. Из логики Х. Клинтон проистекает вполне американизированный вывод о том, что «Русский мир», основанный на «подавлении внутреннего инакомыслия» [21, p. 245], не является консолидирующим политическим концептом. Напротив: «агрессивный образ «Великой России» нервирует соседей и вызывает неприятные воспоминания о советском экспансионизме» [21, p. 229]. Созвучные и подробно обоснованные суждения обнаруживаем в актуальной статье директора Программы нераспространения ядерного оружия в Восточной Азии Дж. Льюиса (James Martin Center for Nonproliferation Studies, США) для журнала «Foreign Policy»: автор утверждает, что «импульс Кремля контролировать население внутри страны теперь распространяется наружу – на соседей за пределами России» [26].

В западноевропейском интеллектуальном сообществе столь ожесточенные позиции встречаются реже, чем в США, но общая тональность разнится мало. Британский автор Ангус Роксборо (его перу принадлежит труд «Сильный лидер: Владимир Путин и борьба за Россию» – одна из пяти лучших книг о В. В. Путине, по версии профессора истории из Принстонского университета Стивена Коткина) в своей работе в апреле 2014 года для

журнала «New Republic» подчеркивает возрастающую популярность концепции «Русского мира», но считает это «лишь маленьким шагом от национализма к шовинизму, в связи с кризисом на Украине глубоко побежавшему по российским венам» [28]. Штеффен Добберт из немецкого издания «Die Zeit» называет «Русский мир» «боевым понятием», посредством которого Москва показывает, что Россия чувствует себя ответственной за россиян, которые (еще) живут не в России»; присоединение Крыма является «аннексией-захватом одним государством части другого впервые в Европе после Второй мировой войны; а фонд «Русский мир» – это «инструмент пропаганды Путина», который нельзя ставить в один ряд, например, с другим общеизвестным каналом европейской soft power – Институтом Сервантеса [22].

Концепт «Русский мир» вызывает настоящий интерес исследователей и в странах бывшего СССР. Так, проблематика «soft power по-русски» представлена в работах известного литовского политолога из Вильнюсского университета Нериюса Малюкявичюса, который полагает, что «Россия запоздало пользуется такими понятиями, поскольку в странах Запада эта концепция давно вышла из оборота», «и в академическом, и во внешнеполитическом дискурсе разговоры о «мягкой силе» были популярны лет десять назад». Вместе с тем, указанный эксперт допускает «рейтинг» эффективности отдельных содержательных компонентов российской soft power: это «идеология антифашизма (притягательна для европейцев), идея суверенной демократии (притягательна для евразийских политических элит) и идея «Русского мира». Наименьшая притягательность последнего, согласно позиции исследователя из Литвы, предопределена исключительно региональным (постсоветским) и этноцентричным наполнением концепта [1]. Словно в противовес, другие авторы постсоветского пространства, анализирующие феномены и потенциал российской soft power, предупреждают о необходимости организации «коммуникативных внедиаспоральных функций» во избежание изоляции «Русского

мира» [14, с. 18–19]. Помимо вышеназванного владения русским языком, в качестве внедиаспоральных признаков принадлежности к «Русскому миру» могут рассматриваться: знание русской культуры и принятие ее ценностей, чувство сопричастности к русской истории, а также индивидуальная самоидентификация с широким русским миром.

Наблюдаемое антагонистическое отношение к России внешних акторов soft power, действующих на политической карте мира, нецелесообразно воспринимать как долговременный, «тектонический» процесс противостояния с «Русским миром», иначе будет велик риск искажения, излишней политизации и примитивизации, ангажированности научных исследований. На начальном этапе формирования, например, китайской модели «мягкой силы» ее апологеты также признавали дефицит культурно-ресурсной базы и другие дисбалансы, препятствующие быстрому успеху проекта soft power от КНР [25] и имели дело с распространением извне мифологии отрицательных смыслов о Китае: «китайской угрозе» и «крахе Китая» [23]. Перед тем, как достигнуть существенных результатов на пути к «гармоничному обаянию» зарубежного мира, китайским специалистам приходилось и приходится противостоять идеологическим провокациям, развенчивая навязываемые мифы об «угрожающей опасности» Поднебесной; в результате чего «теория китайской угрозы» постепенно теряет популярность на Западе [4, с. 45–46].

Особое исследовательское направление формируют вопросы институционализации «Русского мира» – как формальной, так и неформальной. Если неформальная институционализация осуществлялась и в предыдущий период по мере самоорганизации российских и пророссийских диаспор, то становление формальных институтов «Русского мира» активно происходит в последние годы, благодаря целенаправленной политике государства.

В этом аспекте Россия, восстанавливающая внешнеполитический потенциал, делает свои первые шаги в реализации стратегии soft

power: в 2002 году создан Совет по русскому языку при правительстве РФ, в 2003 году зарегистрирован Международный Совет российских соотечественников, указом президента РФ от 21 июня 2007 года образован упоминаемый выше фонд «Русский мир» [9, с. 169], действуют специальное самостоятельное ведомство – Россотрудничество (на месте прежнего внутриведомственного Росзарубежцентра при МИД РФ) и номинально-неправительственные организации. Кроме того, увеличивает охват аудитории англоязычный телеканал Russia Today (российский аналог Al Jazeera, France24, китайского CCTV и др.), в российских вузах растет число иностранных студентов. Изложенное целесообразно дополнить вопросами развития программ культурного и делового обмена на уровне публичной и низовой дипломатии [5]. Автор настоящей статьи намеренно избегает попыток анализа институциональной роли Русской Православной Церкви в продвижении концепта «Русский мир» в силу особой специфики религиозной проблематики и неоднозначности дискуссионных оценок о допустимых границах клерикализации soft power, вместе с тем, признавая, что значение РПЦ в российской политике «мягкой силы» полноправно формирует предметное поле обособленного научно-философского поиска.

В целом концепт «Русский мир», представленный как человеческий и интеллектуальный капитал, семантически и семиотически несет в себе преимущества конструирования позитивных смыслов и образов, по сравнению с устаревающей парадигмой константы враждебности России и Запада, предполагающей оборонительно-защитный контент идеологической повестки. Несмотря на то, что ряд исследователей предпочитает мыслить о роли России в мире категориями противоборства [7], по мнению автора данной статьи изоляционистская ментальность и дуальная модель миропонимания «агрессор – жертва» существенно ограничивают прогрессивные возможности страны в эпоху soft power.

В резюмирующей части отметим, что концепт «Русский мир» представляет со-

бой системообразующую часть и духовное, исторически детерминированное основание российской «мягкой власти». Изучение этого феномена не представляется возможным без сопоставления и конструктивного заимствования методологий soft power Китая, а также без исследования актуальных полярных взглядов и воззрений на концепт «Русский мир» со стороны североамериканского и западноевропейского интеллектуальных сообществ и позиций авторов в границах постсоветского пространства. Особого внимания в изучении трендов и тенденций «Русского мира» заслуживают институты, функционирование которых организационно-практически оплодотворяет рассматриваемый концепт.

1. Амелюшкин К. Политолог: Россия запоздала со своей концепцией «мягкой силы» [Электронный ресурс] // DELFI (Балтия). 16.01.2013. URL: <http://ru.delfi.lt/news/politics/politolog-rossiya-zapozdala-so-svoej-koncepciej-myagkoj-sily.d?id=60446577> (дата обращения: 20.04.2014).

2. Бабушкин А.П. Типы концептов в лексико-фразеологической семантике языка / А.П. Бабушкин // Воронеж: Изд-во Воронежского гос. ун-та. 1996. 104 с.

3. Бараш Р.Э. Явление разделенных этнонациональных групп: политологический анализ / Р.Э. Бараш // Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2010. p. 188.

4. Борох О.Н., Ломанов А.В. Скромное обаяние Китая / О.Н. Борох, А.В. Ломанов // Pro et Contra: Журнал российской внутренней и внешней политики. 2007. № 6 (39). С. 41–60.

5. Долинский А.В. Практические вопросы оптимизации российской публичной дипломатии / А.В. Долинский [Электронный ресурс] // Фонд «Русский мир». Информационный портал. 16.03.2010. URL: <http://www.russkiymir.ru/analytics/tables/news/119896/> (дата обращения: 01.07.2014).

6. Зевелев И.А. Границы русского мира / И.А. Зевелев [Электронный ресурс] // The Smart Power Journal. 03.07.2014. URL: <http://smartpowerjournal.ru/030714/> (дата обращения: 10.07.2014).

7. Карякин В.В. Хаосомятеж – символ наступившей эпохи / В.В. Карякин [Электронный ресурс] // Национальная оборона. 2013. Март. URL: <http://www.oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2013/0306/095110313/detail.shtml> (дата обращения: 10.05.2014).

8. Ломанов А.В. Гармония превыше всего / А.В. Ломанов // Россия в глобальной политике. 2007. № 6. С. 132–145.

9. Пивовар Е.И. Русский язык и русский мир как факторы социокультурного диалога на постсоветском пространстве / Е.И. Пивовар // Гуманитарные чтения РГГУ – 2010. Пленарное заседание «Диалог культур и партнерство цивилизаций: формирование глобальной культуры». М., 2010. С. 167–170.

10. Путин В.В. Выступление на совещании постоян-

ных послов и представителей России / В.В. Путин [Электронный ресурс]. Президент России. Официальный сайт. 01.07.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/46131> (дата обращения: 10.07.2014).

11. Россия и «Русский мир»: контуры российской политики в отношении соотечественников на постсоветском пространстве / Под ред. Шмелева Б.А., Мухина Я.Б., Омарова З.М. М.: Аванглион. 2009. 265 с.

12. Русакова О.Ф. Дискурс современной политической философии: становление новой концептуальной сферы / О.Ф. Русакова // Научные ведомости Луганского национального университета им. Тараса Шевченко. Серия «Филологические науки». 2013. № 1 (37). С. 56–72.

13. Русакова О.Ф. «Мягкая» сила стран Азии / О.Ф. Русакова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 2, Гуманитарные науки. 2012. № 4 (108). С. 250–258.

14. Скринник В.М. Россия и зарубежные соотечественники: проблемы консолидации и интеграции в новых геополитических условиях / В.М. Скринник. Бишкек. Изд-во Кыргызско-Российского Славянского ун-та. 2008. 432 с.

15. Столетов О.В. Тренды трансформации властных отношений в мировой политике: smart power? / О.В. Столетов // Полис. Политические исследования. 2009. № 4. С. 173–178.

16. Ткачев Ю. Новороссия: упущенные шансы Украины / Ю. Ткачев // [Электронный ресурс]. Таймер. 03.07.2014. URL: http://timer.od.ua/minds/novorossiya_upuschnie_shansi_ukraini_535.html (дата обращения: 06.07.2014).

17. Тишков В.А. Русский мир: смысл и стратегии / В.А. Тишков // Стратегия России. 2007. № 7. С. 21–38.

18. Фархутдинова Ф.Ф. Такое простое и понятное слово русский // Вестник совета по русскому языку при главе администрации Ивановской области. Иваново, 2003. № 2/3. С. 21–33.

19. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон // М.: Изд-во АСТ. 2003. 603 с.

20. Харкевич М.В. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции / М.В. Харкевич // Вестник МГИМО-Университета. 2014. № 2 (35). С. 22–29.

21. Clinton H.R. Hard Choices / H.R. Clinton // New York: Simon & Schuster. 2014. 635 p.

22. Dobbert V.S. Darauf einen Wodka! / V.S. Dobbert [Электронный ресурс] // Die Zeit. 26.05.2014. URL: <http://www.zeit.de/2014/22/russki-mir-kulturinstitut-in-hamburg/komplettansicht> (дата обращения: 20.06.2014).

23. Gordon G. Chang. The coming collapse of China / G. Chang Gordon // Random House. New York. 2001. 346 p.

24. Holik Gregory G. Paper Tiger? Chinese Soft power in East Asia / Gregory G. Holik // Political Science Quarterly. – Vol. 126, Number 2, Summer 2011. – Pp. 223–254.

25. Letian P. Confucius Institute: promoting language, culture and friendliness / P. Letian [Электронный ресурс] // Xinhua News Agency. 02.10.2006. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2006-10/02/content_5521722.htm (дата обращения: 08.07.2014).

26. Lewis J. The Sources of Putin's Conduct / J. Lewis [Электронный ресурс] // Foreign Policy. 15.07.2014. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2014/07/15/sources_putin_conduct_kremlin_cold_war_arms (дата обращения: 17.07.2014).

27. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J.S. Nye // New York: Public Affairs, 2004. 191 p.

28. Roxburgh A. The Mood in Moscow Has Gone From Nationalist to Chauvinist / A. Roxburgh [Электронный ресурс] // The New Republic. 04.04.2014. URL: <http://www.newrepublic.com/article/117278/chauvinism-rise-russia> (дата обращения: 30.06.2014).

1. Amelyushkin K. Politolog: Rossiya zapozdala so svoej koncepciej «myagkoj sily» [E'lektronnyj resurs] // DELFI (Baltija). 16.01.2013. URL: <http://ru.delfi.lt/news/politics/politolog-rossiya-zapozdala-so-svoej-koncepciej-myagkoj-sily.d?id=60446577> (дата обращения: 20.04.2014).

2. Babushkin A.P. Tipy konceptov v leksiko-frazeologicheskoj semantike yazyka / A.P. Babushkin // Voronezh: Izd-vo Voronezhskogo gos. un-ta. 1996. 104 s.

3. Barash R.E'. Yavlenie razdelenykh e'tnonacional'nykh grupp: politologicheskij analiz / R.E'. Barash // Saarbrücken: LAP Lambert Academic Publishing, 2010. p. 188.

4. Borox O.N., Lomanov A.V. Skromnoe obayanie Kitaya / O.N. Borox, A.V. Lomanov // Pro et Contra: Zhurnal rossijskoj vnutrennej i vneshnej politiki. 2007. № 6 (39). С. 41–60.

5. Dolinskij A.V. Prakticheskie voprosy optimizacii rossijskoj publichnoj diplomatii / A.V. Dolinskij [E'lektronnyj resurs] // Fond «Russkij mir». Informacionnyj portal. 16.03.2010. URL: <http://www.russkiimir.ru/analytics/tables/news/119896/> (дата обращения: 01.07.2014).

6. Zevelev I.A. Granicy russkogo mira / I.A. Zevelev [E'lektronnyj resurs] // The Smart Power Journal. 03.07.2014. URL: <http://smartpowerjournal.ru/030714/> (дата обращения: 10.07.2014).

7. Karyakin V.V. Haosomyatezh – simvol nastupivshej e'poxi / V.V. Karyakin [E'lektronnyj resurs] // Nacional'naya oborona. 2013. Mart. URL: <http://www.oborona.ru/includes/periodics/geopolitics/2013/0306/095110313/detail.shtml> (дата обращения: 10.05.2014).

8. Lomanov A.V. Garmoniya prevyshe vsego / A.V. Lomanov // Rossiya v global'noj politike. 2007. № 6. С. 132–145.

9. Pivovarov E.I. Russkij yazyk i russkij mir kak faktory sociokul'turnogo dialoga na postsovetском prostranstve / E.I. Pivovarov // Gumanitarnye chteniya RGGU – 2010. Plenarnoe zasedanie «Dialog kul'tur i partnerstvo civilizacij: formirovanie global'noj kul'tury». М., 2010. С. 167–170.

10. Putin V.V. Vystuplenie na soveshhanii postoyannykh poslov i predstavitelej Rossii / V.V. Putin [E'lektronnyj resurs]. Prezident Rossii. Oficial'nyj sajt. 01.07.2014. URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/46131> (дата обращения: 10.07.2014).

11. Rossiya i «Russkij mir»: kontury rossijskoj politiki v otnoshenii sootchestvennikov na postsovetском prostranstve / Pod red. Shmeleva B.A., Muxina Ya.B., Omarova Z.M. М.: Avanglion. 2009. 265 s.

12. Rusakova O.F. Diskurs sovremennoj politicheskoi filosofii: stanovlenie novoj konceptual'noj sfery / O.F. Rusakova // Nauchnye vedomosti Luganskogo nacional'nogo universiteta im. Tarasa Shevchenko. Seriya «Filologicheskie nauki». 2013. № 1 (37). С. 56–72.

13. Rusakova O.F. «Myagkaya» sila stran Azii / O.F. Rusakova // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 2, Gumanitarnye nauki. 2012. № 4 (108). С. 250–258.

14. Skrinnik V.M. Rossiya i zarubezhnye

sootchestvenniki: problemy konsolidacii i integracii v novyx geopoliticheskix usloviyax / V.M. Skrinnik. Bishkek. Izd-vo Kyrgyzsko-Rossijskogo Slavyanskogo un-ta. 2008. 432 s.

15. Stoletov O.V. Trendy transformacii vlastnykh otnoshenij v mirovoj politike: smart power? / O.V. Stoletov // Polis. Politicheskie issledovaniya. 2009. № 4. С. 173–178.

16. Tkachev Yu. Novorossiya: upushchennye shansy Ukrainy / Yu. Tkachev // [E'lektronnyj resurs]. Tajmer. 03.07.2014. URL: http://timer.od.ua/minds/novorossiya_upuschnie_shansi_ukraini_535.html (дата обращения: 06.07.2014).

17. Tishkov V.A. Russkij mir: smysl i strategii / V.A. Tishkov // Strategiya Rossii. 2007. № 7. С. 21–38.

18. Farxutdinova F.F. Takoe prostoe i ponyatnoe slovo russkij // Vestnik soveta po russkomu yazyku pri glave administracii Ivanovskoj oblasti. Ivanovo, 2003. № 2/3. С. 21–33.

19. Xantington S. Stolknovenie civilizacij / S. Xantington // М.: Изд-во АСТ. 2003. 603 с.

20. Xarkevich M.V. «Myagkaya sila»: politicheskoe ispol'zovanie nauchnoj koncepcii / M.V. Xarkevich // Vestnik MGIMO-Universiteta. 2014. № 2 (35). С. 22–29.

21. Clinton H.R. Hard Choices / H.R. Clinton // New York: Simon & Schuster. 2014. 635 p.

22. Dobbert V.S. Darauf einen Wodka! / V.S. Dobbert

[E'lektronnyj resurs] // Die Zeit. 26.05.2014. URL: <http://www.zeit.de/2014/22/russki-mir-kulturinstitut-in-hamburg/komplettansicht> (дата обращения: 20.06.2014).

23. Gordon G. Chang. The coming collapse of China / G. Chang Gordon // Random House. New York. 2001. 346 p.

24. Holik Gregory G. Paper Tiger? Chinese Soft power in East Asia / Gregory G. Holik // Political Science Quarterly. – Vol. 126, Number 2, Summer 2011. – Pp. 223–254.

25. Letian P. Confucius Institute: promoting language, culture and friendliness / P. Letian [E'lektronnyj resurs] // Xinhua News Agency. 02.10.2006. URL: http://news.xinhuanet.com/english/2006-10/02/content_5521722.htm (дата обращения: 08.07.2014).

26. Lewis J. The Sources of Putin's Conduct / J. Lewis [E'lektronnyj resurs] // Foreign Policy. 15.07.2014. URL: http://www.foreignpolicy.com/articles/2014/07/15/sources_putin_conduct_kremlin_cold_war_arms (дата обращения: 17.07.2014).

27. Nye J.S. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J.S. Nye // New York: Public Affairs, 2004. 191 p.

28. Roxburgh A. The Mood in Moscow Has Gone From Nationalist to Chauvinist / A. Roxburgh [E'lektronnyj resurs] // The New Republic. 04.04.2014. URL: <http://www.newrepublic.com/article/117278/chauvinism-rise-russia> (дата обращения: 30.06.2014).

POTENTIAL OF SOFT POWER IN A POLITICAL CONCEPT «RUSSIAN WORLD»: PREREQUISITES AND PROSPECTS OF RESEARCHES

Bocharov Aleksei Vasilievich,

Department director of «Regions of Russia» media holding, Ekaterinburg, Russia, E-mail: alexboc@bk.ru

Annotation

This article «Potential of soft power in a political concept «Russian world»: prerequisites and prospects of researches» is written by A.V. Bocharov. All current issues of scientific knowledge a key component of Russia's soft power – the concept of «Russian World». The article characterizes the role of the Russian language, the relationship of the «Russian World» with the soft power of China. Evaluation of the Russian concept by intellectuals from U.S. and Western Europe and issues of institutionalization of «Russian world» are covered.

Key words:

Russian world, soft power, Russian, China, USA, Western Europe, institutionalization.

СОЦИАЛЬНО ОБЕСПЕЧИТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ИСПЫТАНИЕ ЗАБОТОЙ

Королева Ксения Юрьевна,

Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
кандидат философских наук, доцент,
Белгород, Россия,
E-mail: korolyova@bsu.edu.ru

Аннотация

В статье раскрываются теоретико-методологические и нормативные аспекты реформирования системы социальной защиты в России от социально-обеспечительной модели в направлении либерализации.

Ключевые слова:

социальная защита, социальное обеспечение, социальное страхование, социальное обслуживание.

Становление системы социальной защиты в России происходило в условиях глубочайшего социально-экономического кризиса, который сопровождался радикальной трансформацией базовых институтов общества – социальных, экономических, финансовых, политических и правовых. Как известно, плюрализация форм собственности неизбежно повлекла за собой качественные изменения во всех сферах общественной жизни, в том числе социально-трудовой и финансовой. Возникшая новая система экономических отношений потребовала изменения роли государства в системе социальной защиты населения, а также иных, чем при социальном обеспечении советского образца, форм социальной защиты населения, которые могли бы адекватно отвечать на вызовы кризисного реформирования, обеспечить социальную безопасность и стабильность.

Если в странах Западной Европы, США данные системы формировались на протяжении веков, вырастая из частных инициатив, благотворительности, коллективных форм солидарности, корпоративных фондов до государственных программ и негосударственных гражданских инициатив, так что сам рынок способствовал сохранению и институционализации наиболее эффективных форм и методов социальной защиты, в России в силу специфики исторической, социально-экономической си-

туации вся действующая система социальной защиты насаждалась государством сверху, причем в очень сжатые сроки, буквально в течение нескольких лет. Поскольку данная система создавалась на базе модели советского образца, ценности и принципы, лежащие в ее основе, относятся к разным моделям социальной защиты. Пытаясь сохранить социальную стабильность и преодолеть дезинтеграцию общества, реформаторы попытались в одной системе социальной защиты, основанной на дифференцированной модели социальной политики, объединить три разные модели, ориентированные на различные целевые группы.

С учетом социально-адаптационных возможностей для различных социальных групп была взята часть принципов либеральной американской модели, рассчитанной, прежде всего, на приоритетную поддержку беднейших слоев населения и малообеспеченных групп (закон о прожиточном минимуме и пр.). В системе социального страхования в основу легли принципы консервативной модели с целевой группой наемных работников в качестве объекта социальной защиты. Следует отметить условность применения данных принципов, поскольку по-прежнему значительная часть выплат, которые проходят через систему социального страхования, носят не страховой характер и скорее относятся к сфере социального обе-

спечения. Например, отдельные виды выплат можно получить, не внося страховые взносы, да и сами фонды социального страхования являются одним из видов государственных организаций. Если в рыночной страховой модели уплаченные взносы и средства фондов являются собственностью фондов и застрахованных лиц, в нашей стране собственником этих средств является государство, которое иногда позволяет себе изымать и использовать данные средства по собственному усмотрению (как например, в случае со страховыми взносами граждан на накопительную часть пенсии в текущем году). Таким образом, принципы социалистической модели, гарантирующей всем равный уровень социальной защиты, основанной на патернализме и вмешательстве государства во все сферы деятельности граждан, прорастает сквозь все действующие формы социальной защиты населения.

В условиях сильной социально-экономической дифференциации общества, как показал опыт нашей страны, социальное обеспечение по социалистическому образцу выполняет, скорее, поляризующие функции, нежели помогает преодолеть существующие социальные противоречия и согласовать интересы различных групп. Регрессивная шкала налогообложения и взносов на социальное страхование, применяемая в нашей стране, приводит к тому, что самая большая нагрузка ложится на плечи людей со средним достатком, и, фактически, вся система перераспределения доходов в пользу социально уязвимых групп не затрагивает высокодоходные группы населения. Система пенсионного обеспечения крайне неустойчива и несбалансированна, она экономически не побуждает людей участвовать в формировании пенсий, и судорожные попытки «пожарного» реформирования не дают ощутимых результатов, нужны системные меры. Ситуация, когда один с сошкой (работающий и уплачивающий налоги и взносы со всей зарплаты) обеспечивает семерых с ложкой (граждане трудоспособного возраста, официально не оформляющие трудовых отношений) морально изжила себя. Феномен паразитической новации, описанный П. Штомкой и характерный для всех постсоветских обществ, никуда не исчез из социальных

практик. Люди по-прежнему склонны разводить свои личные интересы и интересы государства, что выражается в широко распространенных теневых практиках – уклонении от уплаты налогов и взносов на социальное страхование в том числе. Неудачные попытки сформировать средний класс в нашей стране объясняются, в том числе, и несбалансированной социальной политикой. В результате сложился конгломерат мер социальной защиты, не просто слабо согласующихся между собой, но противоречащих друг другу по ценностям и целям деятельности, что делает систему достаточно дорогой и мало продуктивной, и помимо прочего значительно снижает социальные эффекты от реализуемых мероприятий.

Создать социально привлекательную, интегрирующую различные слои общества стратегию реформирования отрасли социальной защиты пока не удалось. Государственный бюджет не в состоянии нести нагрузку по обеспечению мер социальной защиты самостоятельно. Убедить граждан участвовать в отношениях общественной солидарности (добровольном социальном страховании, дополнительном пенсионном и медицинском страховании) пока тоже не получается в тех объемах, которых требуют современные экономические условия: неоднократно обманутые государством граждане скептически относятся к исходящим от него инициативам. А периодическое использование институтов социальной защиты как инструментов давления на неугодных (например, на шумевшая история с попыткой изъятия детей у правозащитницы Е. С. Чириковой), в условиях несовершенных законодательных инициатив, подрывает доверие граждан к государственным структурам, действующим в сфере социальной защиты. «Забота» становится удушающей и для государства – огромные социальные обязательства замедляют рост экономики, и для граждан, поскольку уравнивающие меры обеспечения укрепляют иждивенческие настроения у социально пассивных категорий населения, и грузом ложатся на тех, кто пытается что-то изменить в своей жизни и жизни других.

В последние годы наблюдаются попытки отхода от патерналистской модели социального обслуживания в направлении либерализации

и «рационализации социальной политики» – сокращения расходов, совершенствования принципов управления, стандартизации деятельности специалистов [4, с. 114]. О следовании данным приоритетам либеральной (в во многих случаях – ультралиберальной) модели социального обслуживания свидетельствуют реформы последних лет, в том числе принятие законов о монетизации льгот, реформа пенсионного обеспечения, социального страхования, новый закон об основах социального обслуживания населения и пр. «Последовательное осуществление политики, базирующейся на указанных ориентирах, предполагает переход к модели «субсидиарного государства», которое обеспечивает перераспределение социальных расходов в пользу самых уязвимых групп населения при одновременном сокращении социальных трансфертов обеспеченным семьям. При таком подходе граждане, обладающие самостоятельными источниками финансирования социальных потребностей, сами, за счет собственных доходов, должны оплачивать практически все расходы по оплате жилья и коммунальных услуг, а также часть расходов на медицинское обслуживание, образование, пенсионное страхование. В перспективе значительную часть социальных благ этой категории граждан следует предоставлять преимущественно на конкурентной основе через предприятия негосударственных форм собственности» [3].

В данной стратегии развития системы социального обслуживания предусматривается постепенное внедрение элементов стандартизации, которые бы устанавливали основные требования к объему и качеству социальных услуг, порядку и условиям их оказания, регламентировали процесс документационного сопровождения предоставления социальных услуг. Так, новый закон «Об основах социального обслуживания населения в Российской Федерации» закладывает основы унифицированного подхода к социальному обслуживанию населения во всех субъектах РФ, конкретизируя базовые понятия и ключевые принципы предоставления социальных услуг, закрепляя требования к предоставлению социальных

услуг, фиксируя права и обязанности сторон, участвующих в социальном обслуживании населения, что делает все механизмы получения социальных услуг более прозрачными.

Деинституционализация социального обслуживания путем модернизации системы социальных услуг в направлении увеличения ее дифференцированности и гибкости структуры подразумевает не только оптимизацию государственных расходов на социальные программы и увеличение их адресности, но и существенное повышение ответственности бизнес-структур, развитие институтов гражданского общества. Законопроектом закладываются нормативно-правовые основы для внедрения программного подхода в систему социального обслуживания населения. Основные субъекты социального обслуживания представлены как государственными институтами социального обслуживания (с учетом изменившегося правового положения бюджетных, автономных и казенных учреждений), так и социально-ориентированными некоммерческими структурами, благотворительными организациями, институтами добровольчества.

Многие исследователи отмечают, что сфера социальных услуг практически не затронута в России рыночным регулированием. А вместе с тем, возможности контрактных общественных организаций, волонтерских структур гораздо больше подходят для узкой специализации на удовлетворении запросов отдельных категорий клиентов социальных служб, нежели ригидные государственные структуры. Министр Т. Голикова еще в 2007 году отмечала в своем докладе, что «настало время уходить от государственной монополии на социальные услуги» [1]. Однако наше государство в очередной раз продемонстрировало непоследовательность проводимых преобразований, поскольку изменения в законодательстве о деятельности негосударственных организаций и некоммерческих организаций, принятые в 2006, в 2010 г., а также новации, предусмотренные в обсуждаемой в 2013 г. концепции проекта закона, регламентирующего деятельность в сфере волонтерства, не способствуют усилению роли общественных организаций

в данной сфере и не делают их деятельность более привлекательной с точки зрения привлечения добровольцев.

Системе социальной защиты «предстоит обеспечить развитие механизмов частно-государственного партнерства, позволяющих объединять средства государства и частных благотворителей, а также привлекать негосударственные организации для совместной разработки и реализации программ сокращения бедности на условиях государственного социального заказа, социальных грантов и в иных формах» [2]. Обновление и развитие законодательной и нормативно-правовой базы по оказанию социальных услуг населению одновременно на федеральном и региональном уровнях является одной из первоочередных задач на современном этапе, т. к. оно позволит снизить различия в объеме и качестве услуг в зависимости от региона проживания и расширит правовые возможности управления ресурсами, выделяемыми государством на осуществление обязательств по социальному обслуживанию населения, но вряд ли поможет вернуть доверие граждан и повысить их активность в сотрудничестве с государственными структурами.

1. Доклад Министра здравоохранения и социального

развития России Татьяны Голиковой на расширенном заседании Коллегии Министерства // Основной доклад «Об итогах работы Министерства в 2007 году и задачах на 2008 год» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.minzdravsoc.ru/events/collegiy/10>.

2. Доклад о результатах и основных направлениях деятельности Министерства здравоохранения и социального развития Российской Федерации как субъекта бюджетного планирования на 2011 год и на период до 2013 года [Электронный ресурс]. URL: <http://www.minzdravsoc.ru/docs/mzsr/stat/39>.

3. Основные направления социально-экономической политики правительства Российской Федерации на долгосрочную перспективу (проект) [Электронный ресурс]. URL: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Programs/Government/Gref2000/Gref2000010.htm>.

4. Романов П.В., Смиронова Е.Р., Ярская В.Н., Новый социальный менеджмент и реформы российской социальной политики. Мир России. 2008. Т. 17. № 3. С. 109–131.

1. Doklad Ministra zdravooxraneniya i social'nogo razvitiya Rossii Tat'yany Golikovoy na rasshirennom zasedanii Kollegii Ministerstva // Osnovnoj doklad «Ob itogax raboty Ministerstva v 2007 godu i zadachax na 2008 god» [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.minzdravsoc.ru/events/collegiy/10>.

2. Doklad o rezul'tatax i osnovnyx napravleniyax deyatel'nosti Ministerstva zdravooxraneniya i social'nogo razvitiya Rossijskoj Federacii kak sub'ekta byudzhethnogo planirovaniya na 2011 god i na period do 2013 goda [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.minzdravsoc.ru/docs/mzsr/stat/39>.

3. Osnovnye napravleniya social'no-e'konomicheskoy politiki pravitel'stva Rossijskoj federacii na dolgosrochnuyu perspektivu (proekt) [Elektronnyj resurs]. URL: <http://www.budgetrf.ru/Publications/Programs/Government/Gref2000/Gref2000010.htm>.

4. Romanov P.V., Smironova E.R., Yarskaya V.N., Novyj social'nyj menedzhment i reformy rossijskoj social'noj politiki. Mir Rossii. 2008. T. 17. № 3. S. 109–131.

SOCIAL WELFARE STRATEGIES IN THE RUSSIAN SOCIAL SECURITY SYSTEM: THE TEST OF CARE

Korolyova Ksenia Yurievna,

Belgorod State National Research University,
PhD, associate professor of the social work department,
Belgorod, Russia,
E-mail: korolyova@bsu.edu.ru

Annotation

The article is devoted to the reformation of the social security system in contemporary Russia. It points the shift from the post-soviet social welfare strategy towards the liberal model.

Key words:

social protection, social welfare, social insurance, social service.

СОВРЕМЕННЫЕ АСПЕКТЫ В ПРОБЛЕМАТИЗАЦИИ ИДЕНТИЧНОСТИ

Панталеенко Екатерина Сергеевна,

Днепропетровский национальный университет железнодорожного транспорта имени В. Лазаряна,
преподаватель кафедры иностранных языков,
г. Днепропетровск, Украина,
E-mail: katednepr@gmail.com

Аннотация

В статье в контексте специфики общественного культурного сознания рассматриваются подходы и методологические основания в исследованиях современной идентичности. Особое внимание уделяется способам формирования самости и внутренней сущности человека. Характеризуется так же отношение активности индивида к формированию идентичности.

Ключевые слова:

идентичность, теоретическое осмысление, эвристические подходы, субъект, личность, культурные универсалии.

Тема идентичности выступает одной из наиболее популярных в современной философии, существует необозримое количество авторов и научных школ, сделавших свой вклад в развитие исследовательской проблематики идентичностей. Более того, можно утверждать, что до сих пор *развитие подобных исследований шло весьма успешно*: были предложены эвристические подходы к пониманию идентичности, тематизировались различные аспекты в данной проблематике, которые были недоступны вне строгого научного исследования и т. д. По мере развития исследований идентичности проявились не только их достигнутые цели, но также постепенно стали вырисовываться *контуры их внутренних проблем*: все больше теоретиков стали приходить к пониманию внутренних ограничений такой постановки вопроса, которая была направляющей в этих исследованиях. Речь шла о том, что само понятие идентичности зачастую скрадывало и спутывало смыслы, которые призвано было прояснять и делать понятными. Проблема усугублялась еще и тем, что затруднения с самим термином «идентичность» могут быть распознаны лишь с сугубо теоретической, строго научной точки зрения, в то время как

широкая популярность этого понятия, превосходящая рамки академических исследований, предполагала его наивное, не обремененное критическим анализом, употребление.

Как известно, современная реальность влечёт за собой изменения в интеллектуальном мире, где центральное место занимает *проблема идентичности*. Сегодня намного труднее установить и поддерживать идентичность в рамках жизни, а так же добиваться ее признания другими. Это означает и то, что в условиях многогранности и многомерности современной общественной жизни стало невозможным создание универсальных исчерпывающих описаний и объяснительных моделей понимания идентичности. Тем самым признается, что идентичности в современном типе социальности не могут описываться и изучаться на основе принципов, сложившихся в сфере классического знания, так как они обладают новыми характеристиками, которые не могут быть осмыслены в рамках классического подхода. *Проблематика, интересующая исследователей современности* в этой области, формируется на основе подходов, разрабатываемых в «неклассическом» типе знания. Таким образом, теоретическое осмысление

идентичности (гендерной, личностной и половой) вводится в проблемное поле современного социально-философского знания, отличительными особенностями которого являются интеграция различных областей знания, соединение онтологической и гносеологической проблематики, анализ многогранности и многомерности общественной жизни, признание гетерологической основы общественного бытия, отказ от натуралистического понятийного аппарата и терминологии в понимании идентичности [2].

Как утверждается, история исследований идентичности насчитывает приблизительно 60 лет. Уже на первом этапе артикуляции идентичности можно зафиксировать непроблематизируемое использование соответствующего термина. Так, дальнейшее интенсивное развитие данного направления исследований продемонстрировало, что способы понимания идентичности оказываются зачастую несоизмеримыми. Поэтому само понятие идентичности стало проблемным для использования термином. Доказательством этому является несоизмеримость многообразных теоретических подходов, которые развивают сегодня тему идентичности: аналитическая философия, герменевтика, психоанализ и т. д. – все они не могут быть подведены под единое основание. Теоретическое исследование проблем идентичности показывает, что за этим многообразием стоит не просто «путаница» смыслов. Ряд концепций – таких как конструктивизм, эссенциализм, теория Дж. Котэ, позиция Р. Брубейкера и Ф. Купера – свидетельствует о том, что во всех теориях идентичности можно выделить инвариант, который отсылает к двум понятиям идентичности. Одно из них следует рассматривать в духе аналитической традиции, как аналог философской категории «тождество», – то, что придает субъекту устойчивость. Второе понимается не просто как свойство субъекта, но как его синоним, обозначающий внутреннюю сущность, требующую своего появления в действительности. Более того, очевидно, что развитие теорий идентичности в качестве базовой предпосылки опирается на мнение о том, что термин «идентичность» может адекватно

обозначать внутреннюю сущность субъекта – его самость. Фактически, за последние полвека «идентичность» стала синонимом «самости». При этом также присутствует убеждение, что самость должна представлять собой структуру, тождественную самой себе. Как утверждается, реализация самости соответствует осуществлению тождества (идентичности).

Современная культура посредством масс-медиа предлагает человеку неограниченное количество готовых и постоянно наличных образов себя. Теперь человек может некритично отождествлять себя с предлагаемыми готовыми образами и тем самым формировать тождество с ними, а именно собственную идентичность. Именно поэтому внутреннюю сущность человека, ядро его личности, сегодня удобно обозначать именно как «тождество» или «идентичность». В этом и заключается *«культурное основание» проблематизации идентичности*.

Однако способы формирования самости, которые предлагают в данный момент теории идентичности, как раз и оказываются не совсем подходящими в силу их изначальной зависимости от отмеченных установок в понимании природы субъективности. Способ формирования самости, основанный на отождествлении с образом при центрировании человека на самом себе, следует признать сколь распространенным, столь же и опасным. Так как именно на этом основании происходит элиминирование представления о необходимости активной работы человека по созданию самого себя из культурного пространства. Альтернатива определению самости посредством присвоения наличных в культуре образов заключается не в догматизме, и не в фундаментализме, не в искусственном, а потому и безжизненном создании трансцендентных сфер (дух народа, вечная справедливость), но в имплицировании способов формирования субъекта, которые размыкают его идентификацию на себе, его отождествление с собственным образом. Как утверждает Э. Гидденс: «Ответственность является ключом к действию» [2, с. 21].

Как известно, роль феномена ответственности в генезисе субъективности неоспорима.

При этом ответственный субъект не может замкнуться только лишь на самоидентификации: «процесс упразднения трансцендентального был, возможно, величайшей в истории ошибкой, но он не освобождает нас, в настоящий момент, и впредь до изменения обстоятельств, от необходимости выдвинуть на первое место ответственность за уже происходящее, ход которого нами поддерживается» [1, с. 223]. Несение ответственности предполагает, что человек отвечает за кого-то и *перед* кем-то, что уже замыкает его тождественность с самим собою.

Активность индивида связана с чувственными взаимодействиями человека, тогда как личность участвует в идеальных взаимодействиях культурного характера. Поэтому, можно сказать, что индивид составляет основу человеческой активности в жизненном пространстве, личность является фундаментом человеческой деятельности в культурном пространстве, а их единство – человек есть деятель (субъект) социальных отношений, т.е. внутри социума [3].

В дальнейшем рассматривается создание культурной ситуации, где понимание субъективной природы основано на признании не-

обходимости его тождественной структуры, а также тот факт, что осуществление указанной тождественности может быть произведено за счет присвоения циркулирующих в пространстве культуры образов. Так, в процессе коммуникативного взаимодействия идентичностей на уровне личности определится нормативное воздействие со стороны культуры. Культурные универсалии затронут временную динамику существования человека, её качественный статус и взаимное положение по отношению к другим личностям и культурным объектам.

1. Йонас Г. Принцип ответственности. Опыт этики для технологической цивилизации. М.: Айрис-пресс, 2004. – 480 с.

2. Giddens Anthony Beyond Left and Right the Future of Radical Politics. – Cambridge: Polity Press, 1994. – 276 p.

3. Tajfel H. Social identity & intergroup relations. – Cambridge, Paris, 1982. – 380 p.

1. Jonas G. Princip otvetstvennosti. Opyt e'tiki dlya tehnologicheskoy civilizacii. M.: Ajris-press, 2004. – 480 s.

2. Giddens Anthony Beyond Left and Right the Future of Radical Politics. – Cambridge: Polity Press, 1994. – 276 p.

3. Tajfel H. Social identity & intergroup relations. – Cambridge, Paris, 1982. – 380 p.

MODERN ASPECTS IN PROBLEMATIZATION OF IDENTITY

Pantileyenko Kateryna Sergeevna,

The Dnepropetrovsk national university Railway transportation of a name of V. Lazarjana,
The teacher of chair of foreign languages,
Dnepropetrovsk, Ukraine,
E-mail: katednepr@gmail.com

Annotation

The article discusses approaches and methodological foundation in studies of modern identity in the context of specific social cultural consciousness. The special attention is paid to the methods of forming and internal essence of human. An attitude of activity of individual is characterized similarly toward forming of identity.

Key words:

identity, theoretical comprehension, heuristic approaches, subject, personality, cultural grounds.

РОССИЙСКАЯ ЭКСПАНСИЯ В ЗЕРКАЛЕ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ФОРМ. К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ

Предеина Мария Юрьевна,

Южно-Уральский государственный университет, доцент кафедры философии и социологии,
кандидат философских наук,
г. Челябинск, Россия,
E-mail: predeina_maria@mail.ru

Аннотация

Задача статьи – критика искаженных форм отображения империалистической борьбы в общественном сознании. Метод: марксизм. В статье дан анализ великодержавного национализма (в т.ч. в его советском выражении) в аспекте его порождения отчужденными формами бытия человека.

Ключевые слова:

империализм, национализм, отчуждение, идеологические формы.

Наше время – хотим мы этого или нет – время империализма: «избытка капитала» – капитал освоил национальный рынок, его прибыльные сектора – и борьбы за вывоз капитала – внешние рынки. Присвоение новых рынков – рынков отсталых стран – дает повышение прибыли на капитал, поскольку там – как писал Ленин – «капиталов мало, цена земли невелика, заработная плата низка, сырые материалы дешевы» [2, с. 360]. И, кроме того, человек (рабочий) незащищен, его эксплуатация не ограничена. В таких условиях капитализм проявляет свою сущность в «чистом» виде – создание прибавочной стоимости, уничтожение человека – пример тому катастрофа «Рана Плаза» (комплекса итало-французских швейных фабрик) в Бангладеш [1].

Борьба за рынки в «нормальных» («мирных») условиях не требует выражения в идеологических формах – так, «работа» итало-французского капитала в Бангладеш находится вне сознания европейца [1]. Отклонение от «нормальных» условий – война против местного капитала, борьба со странами-конкурентами – вводит данные процессы в сознание, хотя и в искаженной форме – персонафицированный капитал (капиталист, политик) не признает целью войны прибыль.

Конкретные формы выражения – точнее, искажения – факта раздела мира в сознании зависят от «конкурентной позиции» капитала: по мере усиления капитала растет универсальность его ценностей. США «болеют» за весь мир, их ценности «общечеловеческие»; Франция – за «тех, кого приручила» (Кот-д'Ивуар, ЦАР); Россия – за «русский мир» и «постсоветское пространство». Империализм подчиняет себе ценности и разрушает их: США дискредитирует демократию, Россия – «левые» идеи. Такое присвоение ценностей в империалистической борьбе оборачивается отчуждением ценностей от людей: люди попадают в состояние материальной и духовной нищеты – ценности, став оружием империализма, обращаются против человечества.

Российский империализм в мире «воздушных замков»

Положение России двойственно: она *сильнее* «ближнего зарубежья» как собственник природных ресурсов и *слабее* «западного мира» как «сырьевой придаток». Отсюда двойственность при осознании самой себя: притязание на доминирование в границах «постсоветского пространства» и обоснование этого притязания

в романтическом духе – романтизм восполняет неспособность к экономической конкуренции с Западом.

Отображение империалистической борьбы в идеологических формах – конечно, в искаженном виде – обеспечивает единство общества (при его *объективном* классовом расколе) и притягательность «проекта» для других – тех, кто будет «присоединен». Конкретные формы такого отображения определены полем деятельности, точнее – экспансии. Поэтому при ограниченности данной экспансии «своей» культурой рождается национализм – панславизм, пантюркизм, пангерманизм.

Национализм объединяет «свое» общество и назначает сторонников в «чужих» обществах по принципу крови или происхождения – к примеру, «русскоговорящий». В этом движении национализм поднимается «над» классами – иначе объединение невозможно – и ищет осознание самого себя во внеклассовых формах – в романтических преданиях той поры, когда общество было единым. Поэтому, хотя национализм – порождение капитализма, его образы – до (пост) капиталистические: они приходят из родового строя, идеализированных рыцарских времен – Валгалла, Парцифаль, Грааль – или социализма – победа советского народа в ВОВ. Империализм берет от них *форму* – готовность к самопожертвованию, верность долгу – и выхолащивает содержание – к примеру, придает забвению борьбу за социализм. «Пустые» формы он наполняет *любым* (нужным ему) содержанием, в том числе и противоречащим исходному. Отсюда – рационально немислимое, но действительно существующее идеологическое выражение российского империализма через единство великорусского национализма с «советским патриотизмом».

Великорусский национализм и советский патриотизм: видимость синтеза

Текущее отношение великорусского национализма к «советскому патриотизму» – отношение содержания к форме российского империализма.

Великорусский национализм определен *объективными* (внутренними и внешними) противоречиями российской жизни и, как *иллюзорное* средство их разрешения, равно притягателен для власти и обывателя.

Объективно *внутри* российского общества существуют противоречия. Экономическое неравенство, обнаруживающееся в эксплуатации человека, в его отчуждении от труда. То есть в отношении человека к труду как чуждой, принужденной (а не свободной) деятельности. Политическое неравенство как отчуждение государства от общества и человека от государства, сведение свободы к фикции выбора. «Одномерность» человеческого бытия как ощущение себя человеком в животных функциях, в потреблении (но не в труде). Эти противоречия – *еще* до осознания – обнаруживают себя для человека в смутном чувстве неудовлетворенности, протеста.

Осознание данных противоречий (при условии его адекватности) требует их «снятия» в *изменении* «форм общения» – то есть в *практическом* преобразовании действительности.

Последнее для одних чревато потерей власти, а от других требует усилий, сопряженных с риском потери потребления. Поэтому получает распространение *искаженное* отображение противоречий – замена действительных противоречий *внутри* общества как противоречий *между* обществами – между нациями, цивилизациями и т.п. Такое отображение дает обывателю иллюзию единства нации при расколе, силы при бессилии, богатства при бедности – живущий в долг россиянин беспокоится о прибыли «Газпрома» (ведь тот «национальное достояние»), бесправный россиянин защищает неприкосновенность «суверенной демократии», одинокий россиянин переживает о сохранении «традиционных семейных ценностей».

Так как полученное единство *не подлинное*, его поддержание нуждается в чем-то *внешнем* – точнее, в образе *врага*, как в «двухминутках ненависти» Оруэлла. Этим врагом становится украинец, американец, европеец, по отношению к которым *русский* чувствует себя сильнее, богаче, добродетельнее. То есть утверждает себя

и получает эмоциональное возмещение за не-свободу в действительной жизни – без риска для себя выплескивает агрессию в пустоту.

Такое единство, фундированное на антагонизме к другому, не подлежит выражению в адекватной форме – иначе «война всех против всех». Поэтому содержание прячут (стихийно или планомерно) от осознания в противоречащей ему сентиментальной форме. При этом в форме узнаваемой – в форме, вызывающей у *большинства* единообразно-возвышенные чувства. Поиск данной формы идет во взаимодействии власти и общества: власть не навязывает обществу формы, а приспособливает уже имеющиеся под свои потребности.

В этом секрет возрожденной «любви» к советскому прошлому: власть (капиталист) и общество (обыватель) согласились забыть о «коммунистическом проекте» – он равно чужд им – и полюбить «советскую империю» как оправдание геополитических амбиций. Так они «сняли» общечеловеческое – *коммунистическое* – содержание советского прошлого и научились использовать его «мертвую» – но еще притягательную – форму для «освящения» экспансии. Благодаря чему любая критика российского империализма превратилась в кощунство – в неуважение к подвигу советского народа.

Последствия такого синтеза

Точно так же, как советская форма «освящает» великорусский национализм через отсылку к уже несуществующему коммунистическому содержанию, так великорусский национализм дискредитирует это содержание через использование его формы. Причина здесь – в *иллюзии* адекватности формы содержанию, или в *иллюзии* тождества великорусского национализма и коммунизма.

Такая иллюзия может не осознаваться как иллюзия (по крайней мере, в массовом сознании): для «среднестатистического» человека свободная организация невозможна, *любые* отношения для него – отношения господина к рабу. В этой логике *начало* российского империализма есть *продолжение* и *возрождение* советского империализма. Последнее, впрочем, имеет под

собой фактическое основание – недаром Энвер Ходжа называл послевоенный СССР «социал-империалистическим государством» [3, с. 36], «схватив» тем самым противоречие советской действительности. Это-то противоречие и разрешилось в гибели СССР, обнаружив *действительную* невозможность синтеза социализма и империализма.

Социал-империалистическое государство – форма *отрицания* коммунизма *на деле* – воспроизводится в массовом сознании как форма коммунистического государства – притом, что *в понятии* коммунизм «снимает» государство, государство *отмирает* в движении к коммунизму. Такая метаморфоза делает современных «коммунистов» (во всяком случае, на «постсоветском пространстве») государственниками – они приветствуют *укрепление* государства, т.е. укрепление *диктатуры буржуазии* – и отдает защиту человека от государства (= капитала) на откуп либералам, которые не могут пойти дальше прекрасноречивых деклараций, частная собственность (= классовое неравенство) – их принцип. В этих условиях протестное движение *обречено* на поражение: и «левые», и «правые» формы протеста ведут в объятия империализма. Только в первом случае – в объятия российского, во втором – западного.

Заключение

В империалистической борьбе «хороших» нет – все преследуют выгоду *своего* капитала – и многополярность – множественность империалистических блоков – не повышает безопасность мира. Логика этой борьбы не отрицает принцип империализма, она определяет периодическое перераспределение мира сообразно с силами игроков – так, Россия борется не *против* империализма «вообще», а *за* свой «кусочек пирога». Иначе говоря: победа конкретного игрока не меняет сущность мирового порядка – принцип империализма воспроизводится в *любом* случае.

Поэтому *отрицание* империализма «вообще» требует иной не империалистической логики – логики отрицания «своего» империализма. То есть отрицание империализма США – в первую очередь – осуществляется в действиях *самых*

американцев – в протестах против иракской войны, в акциях «Оккупируй Уолл-Стрит!» – отрицание же российского империализма – в первую очередь – осуществляется (или может быть осуществлено) в действиях русских. Именно здесь соединяется патриотизм – защита своих прав и свобод – и интернационализм – признание прав и свобод других.

И, напротив, утверждение «своего» империализма ведет к отрицанию подлинного национального и интернационального интереса. Это наглядно проявляется в отношении к украинскому кризису: ведь *отрицание* права украинского народа на революцию – в России отрицают Майдан как *революцию* – есть *согласие* на сворачивание буржуазно-демократических свобод в России; *согласие* на раскол Украины по «языковому принципу» есть *раскручивание* «спирали» великорусского национализма в России, а, значит, и *стимулирование* украинского национализма – так как последний есть *законмерный* ответ на агрессию великодержавной нации в виде многолетнего шантажа газовой трубой, насмешек над языком и прочего.

Отрицание империализма нуждается в адекватных идеологических (понятийных) формах. Эти формы *уже* «нащупываются» стихийно и обнаруживают себя в таком требовании Майдана и востока Украины, как «Долой

олигархов!»). Но неосознанность данных форм – неосознанность *потенциально* марксистского *ощущения* действительности – *еще* допускает подмену социально-экономических требований националистическими (к примеру, вопросом языка). В итоге «рациональное зерно» народного протеста теряется: в условиях раскола Украины борьба с олигархами отошла на второй план – к радости *всех* олигархов.

Все сказанное актуализирует проблему *присвоения* марксизма – как метода *практического* изменения социальных отношений – посредством теоретической критики, *отрицания* ложных идеологических форм (в т. ч. советских) и во *взаимодействии* с народом.

1. Евроньюс – Режим доступа: <http://ru.euronews.com/2014/04/25/bangladesh-branded-for-life>.

2. Ленин, В.И. Империализм, как высшая стадия капитализма // ПСС, Т. 27. Издание пятое. – М.: Политиздат, 1969 – С. 299–426.

3. Энвер Ходжа. Империализм и революция. – Тирана: «8 Нентори», 1979. – 535 с. (<http://www.enverhoxha.info>).

1. Evron'yus – Rezhim dostupa: <http://ru.euronews.com/2014/04/25/bangladesh-branded-for-life>.

2. Lenin, V.I. Imperializm, kak vysshaya stadiya kapitalizma // PSS, T. 27. Izdanie pyatoe. – M.: Politizdat, 1969 – S. 299–426.

3. E'nver Xodzha. Imperializm i revolyuciya. – Tirana: «8 Nentori», 1979. – 535 s. (<http://www.enverhoxha.info>).

RUSSIAN EXPANSION IN THE MIRROR OF IDEOLOGICAL FORMS

Predeina Maria Yurievna,

South Ural State University,
Associate Professor of Philosophy and Sociology,
Degree: PhD,
Chelyabinsk, Russia,
E-mail: predeina_maria@mail.ru

Annotation

Goal of this article: a critique of distorted forms of display imperialist struggle in the public consciousness. Method: Marxism. The article analyzes the great-power nationalism (including its Soviet forms) in terms of its generation from alienated forms of human existence.

Key words:

imperialism, nationalism, alienation, ideological forms.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ИМИДЖ КАК ИНСТРУМЕНТ «МЯГКОЙ ВЛАСТИ» СОВРЕМЕННЫХ ПОЛИТИКОВ

Рогачева Тамара Николаевна,

Белгородский научно-исследовательский университет,
факультет журналистики,
кафедра коммуникативистики, рекламы и связей с общественностью,
магистрант,
E-mail: rogachevat@mail.ru

Аннотация

В статье дается анализ мягкой силы как инструмента формирования имиджа современных политиков.

Ключевые слова:

политический имидж, мягкая сила, политический деятель, политтехнологии.

С появления в начале 90-х годов прошлого века термина «мягкой силы» прошло уже больше 20 лет. Это же время характеризуется тем, что феномен «мягкой власти» укрепляет свои позиции, как во внешней, так и во внутренней политике государств, становясь если не основным, то незаменимым инструментом для достижения политических целей.

О.Ф. Русакова в своей работе «Дискурс Soft Power во внешней политике» объясняет «мягкую власть» как ту, которая реализуется в форме определенного коммуникативного воздействия, в процессе которого диктуемое властью поведение воспринимается реципиентом как свободный и добровольный выбор, приносящий, к тому же, подвластному субъекту радость и удовольствие [1].

«Soft Power» включает именно тот ключевой момент, который хочет видеть вокруг себя современное цивилизованное общество – свободу выбора. Или, если сказать точнее, иллюзию свободы выбора. Строясь на доверии к себе, «мягкая власть» завоевывает такие позиции, которые диктаторская или тоталитарная политика никогда не достигнет. И ее принципами успешно пользуются современные политики для укрепления своей политической деятельности, в частности – в построении

имиджа и формировании нужного образа в сознании потенциальных избирателей.

Создание имиджа политического деятеля или партии – продуманная многоходовая игра с разными вариациями и комбинациями. PR-специалисты, работающие в сфере политтехнологий, разрабатывают сложнейшие программы по управлению общественным сознанием с целью представить кандидата в наиболее выгодном свете, заставить потенциальных избирателей увидеть в нем «своего» человека и, в конечном итоге, отдать за него свои голоса во время выборов. Создание доверия – основное, чего добиваются политтехнологи. А доверие само по себе является основным ключом «мягкой власти». Завоевав симпатии аудитории, тот или иной политик обеспечивает себе надежную поддержку, и в дальнейшем ему остается лишь не испортить сложившийся образ.

Чтобы максимально эффективно использовать имидж в качестве инструмента «мягкой власти», современный политик должен четко понимать его составляющие, направленные на создание положительного эмоционального отклика у электората.

Наиболее важной характеристикой будущего кандидата является его привлекатель-

ность, начиная от внешних качеств и заканчивая харизмой, при этом нужно учитывать, что, несмотря на некоторый набор общеприемлемых черт для электората, некоторые сегменты аудитории будут иметь свои предпочтения и приоритеты в тех или иных качествах политика. Например, образ бессменного лидера партии ЛДПР В. В. Жириновского имеет такие черты, привлекательные для всей аудитории, как уверенность, харизма, энергичность, верность выбранному политическому курсу и т. д. В то же время для части электората неприятна его эмоциональность, хотя другая часть аудитории считает это бесспорным достоинством.

Еще одна важная черта в конструировании политического имиджа – динамика. Будущий лидер должен быть активным и деятельным, не бояться предлагать неожиданные и смелые идеи, рисовать в своих выступлениях привлекательные перспективы для избирателей.

Одним из важнейших моментов формирования имиджа является преподнесение широкой публике биографических сведений о кандидате. Причем это не обязательно должна быть информация о его карьере, деятельности в политических организациях и т. д. Эффективно будет добавить сведения, касающиеся детства, семьи, успехов в какой-либо творческой деятельности, что обязательно приблизит политика к аудитории и прибавит ему доверия и расположения.

Еще одним фактором, влияющим на уровень доверия к политику, является его готовность взять ответственность за что-либо: за общественность, за народ, за всю страну, в целом принять ответственность за происходящее.

Нужно отметить, что конкретный имидж политического лидера напрямую оказывает влияние на формирование имиджа власти в целом. Электорат отождествляет образ главы государства и политический имидж его страны. На примере российского государства такой процесс выглядит наиболее отчетливо – образ России в глазах зарубежного общества конструируется благодаря ее лидеру В. В. Путину, имидж которого концентрируется вокруг таких черт, как уверенность, твердость, харизматичность.

Если обобщить все эти цели, то мы получим закономерный итог: избиратель хочет видеть в своем кандидате те качества, которые бы ему хотелось иметь самому, он как бы проецирует их на политического деятеля, и чем эти качества ближе избирателю, тем больше доверия будет завоевывать тот или иной политик.

Структура построения политического имиджа зависит от многих социальных факторов – настроений, потребностей, желаний потенциальных избирателей. Успешность политика напрямую зависит от того, насколько его образ вызывает доверие у аудитории. Создание политического имиджа – это скрупулезный процесс, предполагающий детальное изучение психологии той части электората, на поддержку которой рассчитывает тот или иной кандидат.

Формирование политического образа является главной задачей в системе политических технологий. С помощью правильно построенной и продуманной работы PR-специалистов по конструированию образа можно не только вывести политика на лидирующие позиции, но и нейтрализовать конкурентов. Именно с работы над имиджем начинается его деятельность и существование в любых политических структурах.

Имидж создает определенную социально-психологическую установку, определяющую поведение человека по отношению к политическому субъекту. Адресат воспринимает его как результат своих собственных представлений, а не внешнего влияния. Такое свойство имиджа позволяет использовать его в политической рекламе, пропаганде и PR в качестве инструмента для управления сознанием, а также считать его главным инструментом «мягкой власти» в политической коммуникации.

1. О.Ф. Русакова «Дискурс Soft Power в современной политике» // Вестник ЮУрГУ, – № 32 (291). – 2012. – <http://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-soft-power-vo-vneshney-politike>.

1. O.F. Rusakova «Diskurs Soft Power v sovremennoj politike» // Vestnik YuUrGU, – № 32 (291). – 2012. – <http://cyberleninka.ru/article/n/diskurs-soft-power-vo-vneshney-politike>.

POLITICAL IMAGE AS THE TOOL OF THE SOFT POWER OF MODERN POLITICIANS

Rogatchyova Tamara Nikolaevna,

Belgorod research university,
Journalism faculty,
Chair of communication study, advertising and public relations,
magistrant,
E-mail: rogachevat@mail.ru

Annotation

In article the analysis of soft power as a tool of formation of the image of modern politicians is given.

Key words:

political image, soft power, the politician, political technologies.

ОБЪЕКТИВНАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ И СУБЪЕКТИВНЫЕ ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Агеева Екатерина Александровна,

Северо-Кавказский институт-филиал РАНХиГС, заведующий научно-исследовательским центром социально-экономических и политико-правовых исследований, кандидат политических наук, доцент, г. Пятигорск, Россия, E-mail: kay79@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена некоторым аспектам формирования национальной идентичности современных российских граждан. Автор основывается на концептуальных основах теории согражданства, преломляя ее действие в реализации политики консолидации. Уделяется внимание различным факторам и условиям формирования национальной идентичности.

Ключевые слова:

национальная (гражданская) идентичность, идентификация, институциональные условия, патриотическое воспитание.

Общественно-политическая ситуация в государстве всегда обусловлена внешними и внутренними социально-экономическими, политическими, этнонациональными и конфессиональными факторами. Эти факторы, в свою очередь, используются политическими акторами как для укрепления собственных позиций, так и для обеспечения консолидации общества.

Следует отметить, что после кризисных явлений во всех сферах общественной жизни 90-х гг. XX в., в первое десятилетие XXI в. трансляция ведущими политиками России идей и целей консолидации общества на основе общероссийской гражданской идентичности при недостаточности социально-экономических, политических действий и сохраняющейся маргинальности большинства населения не находила отклика в обществе. Можно было наблюдать феномены консолидации на основе этнической и конфессиональной идентичности. Также в бытовом дискурсе заметны аспекты региональной идентичности, но с оттенком противопоставления «свои – чужие», либо с присутствием дискурсивного негатива: «кавказцы», «москальи», «даги» и т. д. При этом в условиях постиндустриального мира, раз-

мывания социально-классовой идентичности у большинства молодых российских граждан возникли проблемы с самоидентификацией как процессом, определением собственного места и роли в обществе, построением жизненной стратегии относительно места жительства, профессии и, следовательно, национальной (гражданской) идентичности.

В настоящей статье для определения терминологической конвенциональности мы придерживаемся следующих позиций:

– понятие этноса мы используем как исторически сложившуюся группу людей, обладающую общими чертами и стабильными особенностями культуры, а также сознанием своего единства и отличия от других подобных образований. При понимании нации мы придерживаемся концепции согражданства. Народ, в свою очередь, согласно Ж.-Ж. Руссо, рассматривается как совокупность активных граждан, объединенных единым прошлым, участвующих в настоящем и заботящихся о будущем, сближающихся, спланивающих в социальном, экономическом и культурном отношениях. В этой связи национальная идентичность рассматривается нами как синоним гражданской;

– сложившиеся в России институты межэтнического взаимодействия, исторический опыт проживания этносов в составе СССР формируют важнейший фактор консолидации. Поддержание и развитие усилиями государства и институтов гражданского общества конструктивных межэтнических отношений, формирующейся системы идей национальной идентичности является условием консолидации современного российского общества;

– идентификация как процесс формирования идентичности находится, в первую очередь, в психологическом поле восприятия человеком собственного «Я». Поэтому значимость здесь приобретают субъективные факторы личности. Вместе с тем, процесс идентификации личности и один из его результатов – формирование национальной (гражданской) идентичности – без социальной среды, геополитических аспектов, общественно-политической конъюнктуры невозможны. Именно поэтому мы рассматриваем идентичность в неразрывной связи с географическими, историко-культурными аспектами, социодинамикой политической и социальной систем, политическим режимом и т. п.

Профессор Москвин Л. Б., используя данные результатов опроса россиян, проведенного Институтом социологии РАН в 2011 году, отмечает, что Россия «разделена» на две неравные части. «Одна из них (*большая*) – традиционная, православная, консервативная, патриотически и антизападно настроенная...», получает информацию по каналам государственного телевидения и радиовещания...», поддерживает нынешнюю власть и считает необходимым сохранить сложившуюся в стране ситуацию... «Вторая Россия» – в основном жители крупных городов, с более высоким уровнем образования, европейски ориентированные» [3, с. 5]. В этом же ключе представлены статьи и аналитические доклады таких российских ученых, как М. В. Ильин, В. К. Левашов В. К., И. М. Бунин и др. [2].

Исходя из глубокой экономической, культурной и политической дифференциации и возникает *объективная необходимость* формирования национальной идентичности. Эта необходимость транслируется и культивируется главой государства, членами Правительства, ведущими политиками и известными общественными дея-

телями. Однозначна и неизменна в этой связи позиция Президента РФ В. В. Путина, высказанная в ходе Послания Федеральному Собранию РФ в 2012 году: «...Попытки провоцировать межэтническую напряжённость, религиозную нетерпимость мы должны рассматривать как вызов единству Российского государства, как угрозу для каждого из нас. Мы не допустим появления в России замкнутых этнических анклавов со своей неформальной юрисдикцией, живущих вне единого правового и культурного поля страны, с вызовом игнорирующих общепринятые нормы, законы и правила...» [4].

В институциональном поле эти обращения и действия подкреплены нормативно-правовой базой и созданными официальными структурами. Начиная с 2011 года, в РФ действуют государственные программы, направленные на патриотическое воспитание граждан Российской Федерации (последняя принята в 2010 году Постановлением Правительства от 5 октября 2010 г. № 795 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2011–2015 гг.») [5]. О важности патриотического воспитания и военно-патриотического воспитания, в частности, упоминается и в Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации [6]. Особого внимания заслуживают Утвержденная Указом Президента в декабре 2012 года Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года и Федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» [7].

Указом Президента РФ в 2012 году в составе Администрации Президента РФ создано Управление Президента Российской Федерации по общественным проектам, которое призвано «информационно-аналитически и организационно обеспечить реализацию конституционных полномочий президента по определению основных направлений государственной политики в области патриотического воспитания» [8].

Задача патриотического воспитания молодежи и формирования гражданственности у подрастающего поколения включена в учебно-воспитательный процесс. Активно привлекаются к этому Дома дружбы, центры на-

циональных культур, национально-культурные автономии, которые объединяют молодых граждан разной этнической принадлежности. Правовой платформой создания условий для развития форм и методов реализации эффективной молодежной политики в субъектах РФ Северо-Кавказского федерального округа выступает Концепция государственной молодежной политики в субъектах РФ, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ [9].

Профессор Аствацатурова М. А. отмечает, что «на современном этапе российская идентичность является важным политическим проектом» и, одновременно «ориентиром гражданского поведения» [1, с. 76].

Таким образом, в России создается комплекс действий, направленных на формирование национальной гражданской идентичности, подкрепленных институциональными и воспитательными условиями, а также субъективными – рациональными и эмоциональными скрепами.

Мировые конфликты последних лет в Ливии, Сирии и особенно на Украине создают условия для укрепления в сознании россиян объективной необходимости национальной идентичности. В политическом дискурсе идентичность приобретает черты способа выживаемости в быстро меняющихся условиях. При этом следует отметить, что появление «образа внешнего врага» формирует лишь временные условия для консолидации общества на основе национальной идентичности, для активизации действий политических акторов, хозяйствующих субъектов, институтов гражданского общества. Фундамент консолидации вряд ли способен укрепиться в этой связи. Так, на смену эмоциональному патриотическому подъему после присоединения Республики Крым и города Севастополя, активной помощи мигрантам с Украины, приходят рациональные мысли о будущем социальном благополучии, которое невозможно без мира и стабильности.

Исходя из вышеизложенного, можно предположить следующее:

– даже при наличии всех существующих факторов и создаваемых политических условий, целостного комплекса консолидации

российского общества на основе национальной идентичности еще не существует. Согласие дифференцированного общества в любом случае зависит от конкретной ситуации;

– развитие по сути либеральной идеи согражданства, формирования единой российской нации возможно преимущественно при двух основных условиях: повышении социально-экономического благосостояния всего общества и при учете мнения больших и малых этносов, групп, при официальном закреплении особенностей их развития, социально-культурных и политических ориентаций;

– при сохранении среди большинства граждан высокой степени недоверия к деятельности органов власти и негативном отношении к проведенным в 90-е гг. реформам, тем не менее, в российском обществе прослеживается возрождение таких ценностей, как патриотизм, взаимопомощь, справедливость, порядок, что связывается и с деятельностью государства, в первую очередь в лице Президента, и с собственными силами;

– в результате в основе политики формирования национальной идентичности будет лежать синтез этатистских и либеральных идей с приоритетом сохранения и развития единого государства и повышением его роли в мировых политических процессах.

1. Аствацатурова М.А. Российская идентичность в Северо-Кавказском регионе: гражданское содержание и полиэтничные формы. Пятигорск, 2012. С 76.

2. Бунин И., Макаренко Б., Макаркин А. Общество изменилось // Ведомости – 2013. – 8 апреля; Левашов В.К. Резервы социополитической консолидации российского общества (XIX этап мониторинга «Как живешь, Россия?») // Социология власти, 2003. № 6; Ильин М.В. Консолидированность политической системы. Аналитический доклад. М., 2009.

3. Москвин Л.Б. Диалог – важнейший инструмент разрешения конфликтных ситуаций // Социально-гуманитарные знания – 2013, № 6. С. 5.

4. Послание Президента РФ Федеральному Собранию в 2012 году. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://kremlin.ru/news/17118>.

5. Постановление Правительства РФ от 5 октября 2010 г. № 795 «О государственной программе «Патриотическое воспитание граждан РФ на 2011–2015 гг.» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/99483/>.

6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 18 декабря 2006 года № 1760-р «Об утверждении Стратегии государственной молодежной политики в Российской Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902020299>.

Федерации [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://docs.cntd.ru/document/902020299>.

7. Указ Президента Российской Федерации от 19 декабря 2012 года № 1666 «О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.minnac.ru/res_ru/0_hfile_1118_1.pdf; Постановление Правительства Российской Федерации от 20 августа 2013 года № 718 «О Федеральной целевой программе «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России (2014–2020 годы)» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160648.

8. Указ Президента Российской Федерации от 20 октября 2012 года № 1416 «О совершенствовании государственной политики в области патриотического воспитания» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.graph.document.kremlin.ru/page.aspx.1630683.

9. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 17 апреля 2012 года № 506-р «Об утверждении Концепции государственной молодежной политики в субъектах Российской Федерации, входящих в Северо-Кавказский федеральный округ, до 2025 года» [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.rg.ru/2012/04/24.

1. Astvacaturova M.A. Rossijskaya identichnost' v Severo-Kavkazskom regione: grazhdanskoe sodержanie i polie'tnichnye formy. Pyatigorsk, 2012. S 76.

2. Bunin I., Makarenko B., Makarkin A. Obshhestvo izmenilos' // Vedomosti – 2013. – 8 aprelya; Levashov V.K. Rezervy sociopoliticheskoy konsolidacii rossijskogo obshhestva (XIX e'tap monitoringa «Kak zhivesh', Rossiya?») // Sociologiya vlasti, 2003. № 6; Il'in M.V. Konsolidirovannost' politicheskoy sistemy. Analiticheskij doklad. M., 2009.

3. Moskvina L.B. Dialog – vazhnejshij instrument razresheniya konfliktnykh situacij // Social'no-gumanitarnye

znaniya – 2013, № 6. S. 5.

4. Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu v 2012 godu. [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://kremlin.ru/news/17118>.

5. Postanovlenie Pravitel'stva RF ot 5 oktyabrya 2010 g. № 795 «O gosudarstvennoj programme «Patrioticheskoe vospitanie grazhdan RF na 2011–2015 gg.» [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/99483/>.

6. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 18 dekabrya 2006 goda № 1760-r «Ob utverzhdenii Strategii gosudarstvennoj molodyozhnoj politiki v Rossijskoj Federacii [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: <http://docs.cntd.ru/document/902020299>.

7. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 19 dekabrya 2012 goda № 1666 «O Strategii gosudarstvennoj nacional'noj politiki Rossijskoj Federacii na period do 2025 goda» [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: www.minnac.ru/res_ru/0_hfile_1118_1.pdf; Postanovlenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 20 avgusta 2013 goda № 718 «O Federal'noj celevoj programme «Ukreplenie edinstva rossijskoj nacii i e'tnokul'turnoe razvitie narodov Rossii (2014–2020 gody)» [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160648.

8. Ukaz Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 20 oktyabrya 2012 goda № 1416 «O sovershenstvovanii gosudarstvennoj politiki v oblasti patrioticheskogo vospitaniya» [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: www.graph.document.kremlin.ru/page.aspx.1630683.

9. Rasporyazhenie Pravitel'stva Rossijskoj Federacii ot 17 aprelya 2012 goda № 506-r «Ob utverzhdenii Konceptii gosudarstvennoj molodezhnoj politiki v sub'ektax Rossijskoj Federacii, vxodyashhix v Severo-Kavkazskij federal'nyj okrug, do 2025 goda» [E'lektronnyj resurs]. Rezhim dostupa: www.rg.ru/2012/04/24.

OBJECTIVE NECESSITY AND SUBJECTIVE FACTORS OF FORMATION OF NATIONAL IDENTITY

Ageeva Ekaterina Alexandrovna,

Head of the Research Centre for Socio-Economic and Political and Legal Studies, The North Caucasus institute-branch of the Russian academy of national economy and public administration at the President of the Russian Federation, PhD in political, E-mail: kay79@yandex.ru

Annotation

The article is devoted to some aspects of the formation of national identity of modern Russian citizens. It is based on the conceptual foundations of the theory of co-citizenship, breaking its action in the implementation of a policy of consolidation. It is focused on different factors and conditions of formation of national identity.

Key words:

national (civic) identity, identification, institutional conditions, patriotic education.

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ МОБИЛЬНОСТИ БУДУЩИХ СПЕЦИАЛИСТОВ: ПРАКТИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ГОСУДАРСТВА

Жеребцова Евгения Валерьевна,

старший преподаватель кафедры русского, иностранных языков и культуры речи, Уральского государственного юридического университета, старший преподаватель кафедры иностранных языков Института философии и права УрО РАН, Екатеринбург, Россия,
E-mail: evgenia.zherebtsova@gmail.com

Аннотация

В данной статье обучение иностранному языку рассматривается как один из ключевых факторов развития профессиональной мобильности будущих специалистов. Интернет-ресурсы становятся современным инструментом повышения качества результатов обучения иностранному языку в системе высшего профессионального образования.

Ключевые слова:

профессиональная мобильность, преподавание иностранного языка, информационные технологии, Интернет-ресурсы.

Понятие soft power («мягкая сила») получило распространение в политических кругах в начале прошлого десятилетия и в широком смысле трактуется как важнейший ресурс внешней политики государства и повышения его статуса в мире. Реализация мягкой силы заключается в способности страны оказывать влияние, опираясь на принципы привлекательности своего образа, симпатии и добровольного участия.

Постепенно стало очевидным, что одним из ключевых инструментов мягкой силы является образование. С одной стороны, именно национальная система образования обязана поставлять государству профессионально подготовленные кадры, способные активно включаться в развитие экономической, политической, социальной и культурной сфер государства и, тем самым, способствовать укреплению государственной мощи. С другой стороны, в условиях интернационализации высшего образования вузы и научно-исследовательские

центры разрабатывают различные программы содействия мобильности студентов, преподавателей и исследователей из разных стран, развивают межвузовское сотрудничество и проведение совместных научных исследований, что не только повышает креативный потенциал страны, но и улучшает её имидж за рубежом.

В связи с этим, одной из приоритетных задач в отечественной системе образования является подготовка такого специалиста, которому необходимо обладать весьма обширными знаниями, быть открытым для обмена опытом, быть способным и готовым достаточно быстро и успешно овладевать новыми технологиями, приобретать недостающие знания и умения, обеспечивающие эффективность профессиональной деятельности [1, с. 8].

С другой стороны, с учётом динамики мировых общественных преобразований сегодня востребованы профессионалы, способные ориентироваться в так называемом международном измерении и налаживать эффективные

профессиональные коммуникации с зарубежными партнёрами. Для реализации подобных задач нынешний выпускник должен отличаться соответствующим уровнем владения иностранным языком. Поэтому совершенствование методов и приёмов обучения иностранному языку в системе высшего профессионального образования является необходимым вкладом в развитие профессиональной мобильности будущих специалистов.

Поиск инновационных средств приводит педагогов к пониманию того, что «нужны деятельностные, практико-ориентированные, рефлексивные формы обучения» [2, с. 5], создающие возможность самостоятельного успешного усвоения новых знаний, умений и компетентностей, включая его организацию. В этом случае задача преподавателя состоит в том, чтобы научить студентов ориентироваться в мире иноязычной информации и интегрировать её в содержание своей профессиональной деятельности.

Для того чтобы организовать и стимулировать активную познавательную деятельность студентов в сфере их профессиональных интересов на иностранном языке, преподаватели кафедры иностранных языков используют в своей деятельности широкий диапазон возможностей Интернета, который кардинальным образом изменил способы доступа к информации и знаниям.

Особенностью привлечения web-ресурсов для организации практических занятий является то, что студентам предлагается не просто изучить какой-либо web-документ, а исследовать web-сайт или даже web-портал образовательного учреждения или научно-исследовательского центра со сложной навигационной структурой и интерактивными сервисами, объединяющий информацию из различных источников. Для того чтобы студенты не заблудились на просторах портала, преподавателю необходимо разработать «путеводитель» с подробными инструкциями, особенно для тех студентов, которые никогда не обращались к информации, выложенной на иностранных сайтах.

В связи с этим возникает вопрос о надёжности и целесообразности обращения к определённому цифровому контенту, используемому в образовательных целях. Поэтому преподаватели разрабатывают для студентов маршруты по готовым и удобным контентам научно-исследовательских и образовательных порталов, зарекомендовавших себя во времени и обладающих следующими характеристиками:

- доступность: информация всегда открыта для пользователей;
- безвозмездность: за передачу данных не взимается плата;
- актуальность и достоверность: информация соответствует текущему моменту времени и отражает реальную деятельность учреждения;
- непрерывность: информация данных ресурсов предоставляется постоянно и обновляется по мере необходимости.

Следует отметить, что вовлечение студентов в реальное иноязычное пространство с помощью виртуального расширяет не только их социокультурные знания, но и помогает выйти на уровень сопоставительного анализа освоения и реализации определённой научной или профессиональной деятельности в разных странах.

Таким образом, грамотная организация работы с иноязычными Интернет-ресурсами стимулирует повышение уровня владения иностранным языком, позволяет будущему специалисту развивать свой профессионально-творческий потенциал, создавать условия для самосовершенствования и самостоятельно определять вектор своего профессионального роста. Повышение уровня иноязычной компетентности открывает будущему специалисту новые возможности участия в международной академической мобильности: стажироваться в зарубежных научных и образовательных центрах, публиковать результаты научных исследований в зарубежных журналах. В перспективе это может вывести его на качественно иной профессиональный уровень. Участвуя в экспорте образовательных услуг, такой

специалист сможет работать в зарубежных вузах или читать лекции, проводить семинары и координировать исследовательскую деятельность иностранных студентов, желающих получить образование в российских университетах. Являясь гражданином России, он будет представлять на международной арене не только себя, но и страну. В связи с чем, от его уровня образования и умения ориентироваться в процессах, происходящих в современном многополярном мире, будет зависеть не только его личный авторитет, но и престиж нашего государства во внешнеполитической сфере.

1. Горюнова, Л.В. Составляющие профессиональной мобильности современного специалиста / Л.В. Горюнова // Естественные и гуманитарные науки: сборник научных работ. – Томск, 2005. № 5.

2. Пахомова, Н.Ю. Метод учебного проекта в образовательном учреждении: Пособие для учителей и студентов педагогических вузов. – 3-е изд., испр. и доп. – М.: АРКТИ, 2008. – 112 с.

1. Goryunova, L.V. Sostavlyayushhie professional'noj mobil'nosti sovremennogo specialista / L.V. Goryunova // Estestvoznaniye i gumanizm: sbornik nauchnykh rabot. – Tomsk, 2005. № 5.

2. Pаxomova, N.Yu. Metod uchebnogo proekta v obrazovatel'nom uchrezhdenii: Posobie dlya uchitelej i studentov pedagogicheskix vuzov. – 3-e izd., ispr. i dop. – M.: ARKTI, 2008. – 112 s.

DEVELOPING PROFESSIONAL MOBILITY OF UNIVERSITY STUDENTS: PRACTICAL SOFT POWER TOOLS

Zherebtsova Evgenia Valerievna,

Institute of philosophy and law,
the Russian Academy of Sciences, Ural branch,
The senior teacher of chair of foreign languages,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: evgenia.zherebtsova@gmail.com

Annotation

The paper deals with foreign language teaching as a key factor of developing the professional mobility of university students. Internet resources are considered a state-of-the-art tool for greater efficiency of foreign language teaching in higher education.

Key words:

professional mobility, foreign language teaching, information technologies, Internet resources.

SOFT POWER РОССИИ В ЗЕРКАЛЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОПРОСА

Носова Татьяна Николаевна,

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Институт социально-политических наук,
магистрант,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: E-mail: nosova-t@list.ru

Аннотация

В статье приводятся результаты социологического опроса зарубежных респондентов (123 человека), осуществленного весной 2014 года. Задача опроса – выявление представлений иностранцев о современном состоянии soft power России. Анализ проводился по пяти параметрам: экономика, культура, дипломатия, политика, военная мощь и положение в мире.

Ключевые слова:

мягкая сила России, социологический опрос, экономическая привлекательность, культура, дипломатия, политика.

В целях выявления существующего на данный момент уровня привлекательности России в современном мире нами весной 2014 г. было проведено методом анкетирования социологическое исследование. Всего в опросе приняло участие сто двадцать три человека из девятнадцати стран мира в возрасте до 25 лет. Анкета, при помощи которой проводился опрос, состояла из нескольких блоков, каждый из которых отражал основные характеристики государства, которые должны быть развиты таким образом, чтобы использование мягкой силы было наиболее эффективным. Таких блоков было выделено пять: экономика, культура, наука, образование; дипломатия; политика; военная мощь и положение в мире, включающее оценку уровня мирового влияния России и Соединенных Штатов.

Ответы, в основном, давались в виде шкалы от 0 до 10, где 0 – это минимальное значение параметра, а 10 – самое большое значение.

Блок 1. Экономика

Самый крупный по объему блок связан с выявлением экономической привлекательности России, ее экономического влияния на мир, включает оценку качества произведенных то-

варов, а также уровень развития российского предпринимательства.

К одной из экономических составляющих относится товарное производство. Опрос показал, что степень признания за рубежом товаров, произведенных в России, довольно высока (средний показатель в интервале от 5 до 7). Качество выпускаемых товаров тоже на уровне среднего (большая часть респондентов определили качество товаров оценкой 5, 6 и 7, ответы от 0 до 5 практически отсутствуют, как и ответы от 8 до 10.

Отдельно отметим важную роль государств в поддержании населения неблагополучных стран. По данному параметру РФ имеет в среднем показатель 6, где 10 обозначает максимально возможную оказываемую помощь.

Блок 2. Культура, наука, образование

Распространение языка является важным инструментом soft power. В анкете был сформулирован вопрос: «Насколько важно изучение русского языка для того, чтобы стать успешным в будущем?». Среди опрошенных высказывались разные мнения. Большинство считает, что пока знание русского языка не дает видимых или боль-

ших преимуществ в дальнейшем продвижении (Рисунок 1).

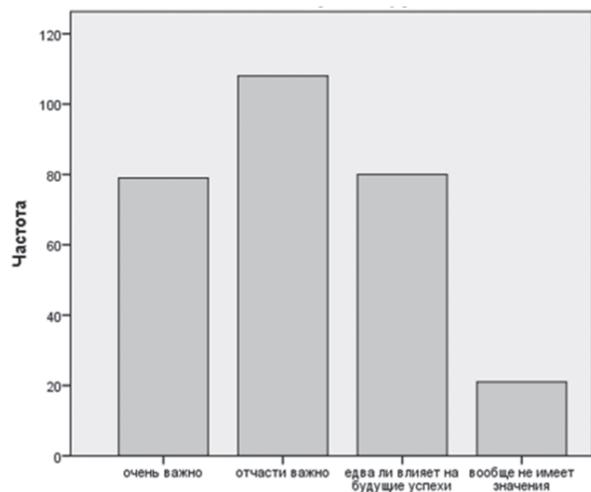

Рисунок – 1 Важность изучения русского языка.

Конкурировать с английским языком русский язык пока не способен.

При ответе на вопрос об уровне образованности россиян подавляющее большинство опрошенных считают, что данный уровень выше среднего. По шкале от 0 до 10, где 10 – самый высокий уровень, чаще всего повторялись ответы 7 и 8. По этому показателю Россия выигрывает у многих своих соперников в других сферах, например, стран, входящих в БРИКС.

Показатель, касающийся наличия передовой науки и технологий в сравнении с закрепившимися лидерами, такими как Япония и США, у России не достаточно высок. Результаты анкетирования показали, что степень развитости науки в стране оценивается чуть выше среднего.

Наличие большого количества высококлассных вузов, безусловно, делает страну гораздо привлекательней, формируя ее потенциальное «мягкое» влияние. По мнению респондентов Россия обладает немалым числом учебных заведений подобной квалификации. Однако на фоне рейтинга лучших университетов мира, расположенных преимущественно в Великобритании и США, ее позиции не впечатляют. Отчасти из-за этого появляются альтернативные рейтинги. В некоторых из них РФ держит первенство. Например, в рейтинге вузов стран СНГ российский МГУ занимает первое место [1].

Отдельной частью культуры того или иного государства, которая более проста для понимания и связана с наиболее известными вещами, произведенными в ней, формирующими определенный ее образ, является массовая культура. Должным образом развитая массовая культура увеличивает узнаваемость государства, упрощает понимание основных ее ценностей. Именно такая культура в противовес элитарной проще распространяется на территории других государств. Проведенное нами исследование дает основание полагать, что Россия на существующий момент обладает довольно высоким уровнем культурной привлекательности, обосновывающим дальнейшее более глубокое изучение отдельных стран, жители которых максимально импонируют российской культуре. По результатам анкетирования к ним мы можем отнести некоторые из стран БРИКС и Юго-Восточной Азии.

Российская культура обладает широкой базой, сложившейся исторически, что нельзя не брать во внимание. Согласно опросу респондентов более 80% считают, что Россия обладает огромнейшим культурным наследием.

В этом же блоке исследовательской работы отметим туристический потенциал России. Опрос выявил довольно высокую туристическую привлекательность России (Рисунок 2).

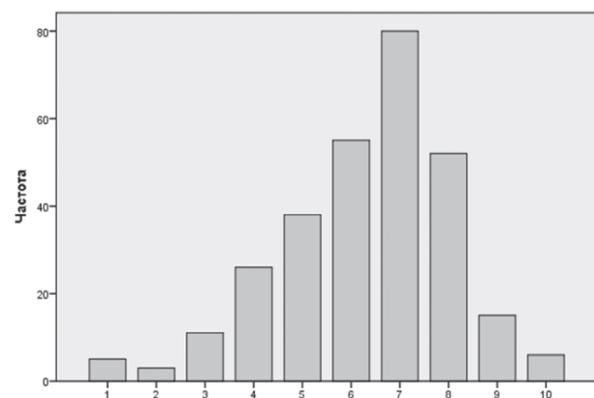

Рисунок – 2 РФ привлекательна для туризма.

Блок 3. Дипломатия

Третий блок посвящен оценке успешности дипломатической деятельности РФ. Опрос показал, что существующий стереотип относительно воинственности нашей страны крепко

укоренился в сознании иностранцев, которые считают, что Россия довольно часто применяет жесткие методы в отношении других государств. Кроме того, результаты исследования показали негативные сдвиги по параметру уважения к суверенитету, где Россия рассматривается в качестве нарушителя целостности других государств. Возможно, такое положение дел сложилось после событий августа 2008 года, когда в результате проигранной российской стороной информационной войны большая часть зарубежных граждан считали РФ агрессором в отношении Грузии во время грузино-осетинского конфликта. Не прибавила нам популярности и ситуация на Украине периода 2014 года, и, отдельно, присоединение к России Крыма. Делая вывод из вышесказанного, иностранные граждане не видят в ближайшее время за Россией роли создателя атмосферы доверия и сотрудничества в мире, что является тормозящим фактором в построении привлекательного образа страны.

Несмотря на общественное мнение относительно России, которое по объективным или субъективным причинам негативное, опрошенные иностранцы не отрицают весомую роль нашей страны в ключевых международных организациях, таких как ООН, Большая двадцатка, БРИКС и др.

Блок 4. Политика

Рассмотрим один из важнейших параметров, касающийся развития политической системы и связанной с нею репутацией государственного управления. За идеальную политическую систему здесь принимается демократическая система, предполагающая наличие развитых гражданских институтов, способных влиять на государственную политику. Зарубежные аналитики часто приходят к выводу о том, что скорейшему развитию России и увеличению ее притягательности среди иностранцев вредит политическая ситуация, сформировавшаяся за последние четырнадцать лет. Исследователи считают, что государство пронизывает все сферы жизни общества, не давая индивидуальности развиваться свободно, а также не предоставляя возможности малому и среднему бизнесу. Европейцы опасаются авторитарных тенденций, существующих в России, поэтому

не так активно ведут с нами совместную деятельность, редко выступают ее инициаторами. Довольно велика доля респондентов, уверенных, что политическая система России себя изжила и практически никак не служит нуждам своего населения. Однако большинством респондентов политическая система России и степень влияния государственных институтов на общество оцениваются на уровне среднего: ответы в интервале от 4 до 6 составляют 80%.

Важнейшей характеристикой любого демократического государства современности Западного типа является признание первостепенной важности индивида по отношению к государству, что закрепляется наличием в Конституции прав и свобод человека. Большинство респондентов считает, что степень соблюдения прав человека в России чуть ниже среднего (Рисунок 3). Это создает определенный барьер в построении дружественных долгосрочных отношений с гражданами, в первую очередь, европейских и североамериканских государств.

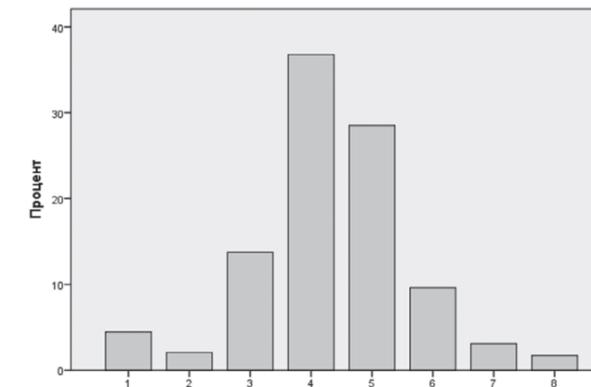

Рисунок – 3 В РФ соблюдаются права человека.

Блок 5. Военная мощь и мировое положение

Традиционно считается, что Россия более всего продвинулась в производстве различного рода высокотехнологичного оружия, в создании и качестве обучения армии. Опрос подтвердил, что стереотип восприятия России как великой военной державы не изжил себя: подавляющее большинство респондентов склонялось в ответах к абсолютным показателям: в шкале от 0 до 10 чаще всего встречаются оценки от 7 до 10.

При ответе на вопрос о влиянии США на мировую политику практически половина участвовавших в опросе человек считает, что влияние Америки на мир за почти полтора десятилетия уменьшилось (Рисунок 4). Подавляющее большинство (80% опрошенных) полагает, что военное присутствие Соединенных Штатов в мире не выполняет функцию стабилизации, а, наоборот, ослабляет существующую стабильность. Что касается России, то порядка 60% опрошенных считают, что в будущем она выйдет на лидирующие позиции в мире. При этом респонденты не будут испытывать чувства напряженности или опасений этому по поводу.

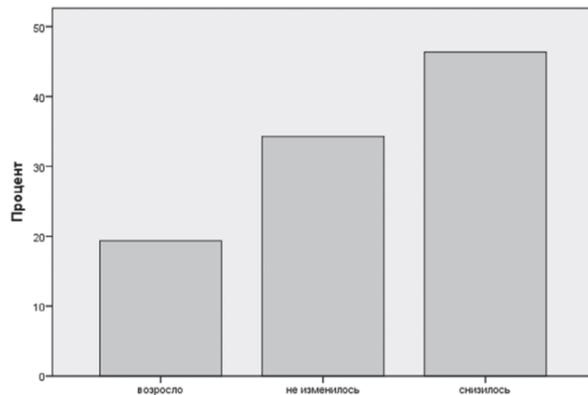

Рисунок – 4 Влияние США на мир за последние 10 лет.

В итоге, мы приходим к выводу о том, что сформировалось некое «усредненное» противоречивое мнение о России по большинству отмеченных параметров. Это объясняется тем, что образ РФ недостаточно раскрыт для иностранцев, а сложившийся и живущий в их сознании стереотипный ряд не дает возможности роста влияния России в мире. Необходима кропотливая многолетняя работа по основным направлениям, включенным в сферу действия Soft Power, которая должна вестись по определенному вектору, заданному национальной концепцией, отличающейся от других, но в то же время привлекательной.

1. Муравьева М. МГУ стал первым в рейтинге вузов стран СНГ [Электронный ресурс] / Муравьева Марина // S&TRF Наука и технологии РФ. URL: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=72573# (дата обращения: 07.05.2014).

1. Murav'eva M. MGU stal pervym v rejtinge vuzov stran SNG [E'lektronnyj resurs] / Murav'eva Marina // S&TRF Nauka i tehnologii RF. URL: http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&d_no=72573# (data obrashheniya: 07.05.2014).

SOFT POWER OF RUSSIA IN THE MIRROR OF SOCIOLOGICAL SURVEY

Nosova Tatyana Nikolaevna,

The Ural federal university named after first President of Russia B.N. Yeltsin, Institute of sociopolitical sciences, master student, Ekaterinburg, Russia, E-mail: nosova-t@list.ru

Annotation

The article presents the results of sociological survey of foreign respondents (123 persons), carried out in spring 2014. The task of the survey was the identification of foreign representations about present state of Russian soft power. The analysis was carried out by five parameters: economy, culture, diplomacy, a policy, military power and position in the world.

Key words:

soft power of Russia, sociological survey, economic attractiveness, culture, diplomacy, policy.

Национально-государственные и региональные стратегические модели soft power

СТРОИТЕЛЬСТВО НОВОГО СТАРОГО СВЕТА: SOFT POWER В ПОЛИТИКЕ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Хауер-Тюкаркина Ольга Михайловна,

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, факультет политологии, кандидат политических наук, г. Москва, Россия, E-mail: olga.tjukarkina@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается сущностная основа «мягкой» силы ЕС как наднационального актора, предлагается авторская классификация основных платформ реализации «мягкой» силы ЕС, делается оценка использования «мягкой» силы в условиях экономического кризиса.

Ключевые слова:

«мягкая» сила, Европейский союз, матрица ценностей ЕС, платформы реализации «мягкой» силы ЕС.

Политические реалии XXI века ставят акторов международных отношений перед необходимостью искать новые пути борьбы за власть в многополярном мире. Использование исключительно средств «жесткой» силы для достижения политических, экономических и прочих целей становится анахронизмом времен «холодной войны». Акторы, желающие занять лидирующие позиции на мировой арене и повысить свой репутационный капитал, давно осознали перспективность инструментов «мягкой» силы и последовательно используют их в своей внешней и внутренней политике.

На чем основывается «мягкая» сила политического актора? Если речь идет о государстве, то источником его «мягкой» силы являются национальная идентичность, символический капитал, репутационный капитал, образ государства. Направление использования «мягкой» силы определяется исходя из национальных интересов

государства. А инструментами реализации потенциала «мягкой» силы могут быть публичная дипломатия, национальный брендинг, внутри- и внешнеполитическая имиджевая политика, культурная дипломатия и пр. [2].

В случае с государством все предельно ясно. *А можно ли говорить о «мягкой» силе ЕС – не унитарного суверенного государства, а наднационального образования, объединяющего в себе 28 автономных государств, каждое из которых обладает уникальной культурой, историей, политической традицией? Существует ли «мягкая» сила ЕС или же под «мягкой» силой ЕС следует понимать «мягкую» силу конкретных государств, которые являются лидирующими с точки зрения оказываемого на политические, экономические и культурные процессы влияния (например, ФРГ, Франция или Великобритания).*

Автор полагает, что, с одной стороны, существует *европейская «мягкая» сила*, которая вклю-

чает в себя опыт конкретных европейских стран и проводимую ими в данной области политику. С другой стороны, существует «мягкая» сила ЕС, оформленная институционально и проводимая от имени всех 28 стран-членов.

Итак, главное различие между европейской «мягкой» силой и «мягкой» силой ЕС состоит в том, кто является ее инициатором и реализатором (конкретное государство или же ЕС как наднациональный орган), а также в поставленных целях (конкретное государство реализует «мягкую» силу, преследуя цель улучшить позиции собственного государства, в то время как ЕС решает задачи общеевропейского масштаба).

Далее встает вопрос, а как ЕС удается сформулировать политику в области «мягкой» силы? Как можно привести к единому знаменателю все особенности стран-членов? Ответ прост: ЕС как наднациональный актор основывался на определенных ценностях, факт соответствия которым является одним из основных условий вхождения государства в состав ЕС. Эти ценности, являющиеся единящей основой, зафиксированы во второй главе Договора о ЕС, дополненного Лиссабонским договором [5]: демократия, права граждан, свобода граждан, солидарность стран-членов, безопасность и пр.

Более того, в Лиссабонском договоре ЕС описывается как единый актор, у которого выстроена консолидированная политика, направленная на продвижение европейских интересов и ценностей во всем мире, при этом уважающая определенную позицию суверенных стран-членов.

Можно утверждать, что политика ЕС изначально основывалась на принципах «мягкой», а не «жесткой» силы, ведь Европейский союз – это самый крупный и удавшийся мирный проект, реализованный после окончания Второй мировой войны. На сегодняшний день ЕС преодолел множество ступеней интеграции, превратившись из экономического сообщества в политическое образование, которое последовательно использует потенциал «мягкой» силы для решения внутри- и внешнеполитических задач.

На чем же основана «мягкая» сила ЕС? Прежде всего, сущность «мягкой» силы составляют идентичностные основы ЕС:

- ЕС – оплот демократии и свободы, защитник прав человека;
- ЕС гарантирует своим членам безопасность и стабильность;
- ЕС способствует развитию стран-членов, выравниванию жизненных и экономических стандартов во всех странах ЕС → *Экономическая и социальная солидарность*;
- ЕС берет на себя ответственность, даже если речь идет о вопросах, не касающихся европейского континента. Например, гуманитарная помощь развивающимся странам и пр. → *Ответственность*;
- ЕС помогает решать глобальные проблемы защиты окружающей среды и продвигает идею о необходимости устойчивого развития → *Создание наследия*;
- ЕС олицетворяет много культур, каждая из которых равноправна. Официальный слоган ЕС – «Единство в разнообразии» → *Мультикультурализм, толерантность*;
- В ЕС производятся разработки в области высоких технологий → *Прогресс*;
- ЕС – это экономический гигант → *Экономический гигант*.

Для реализации потенциала «мягкой» силы у ЕС есть множество платформ, которые автор предлагает классифицировать в зависимости от:

1. качественной характеристики используемой платформы:
 - а) информационная платформа (предоставление, распространение информации);
 - б) событийная платформа (кампании, мероприятия, конференции, акции и пр.);
 - в) организационно-программная платформа (организации, фонды, институты, культурный обмен и пр.);
2. целевой аудитории (кто является реципиентом сообщения):
 - а) внутриевропейская целевая аудитория – непосредственно граждане ЕС;
 - б) внешняя целевая аудитория – страны третьего мира, «мировая общественность»;
 - в) страны-кандидаты на вступление в ЕС; предлагается отдельно выделить данный пункт, так как по отношению к данным странам у ЕС есть особый пакет мер и инструментов «мягкой» силы.

В соответствии с предложенной структурой автор предлагает следующую классификацию основных платформ реализации «мягкой» силы ЕС:

1. А, В, С. Информационные платформы – все целевые аудитории

Телеканал Euronews. Охват аудитории составляет 400 миллионов домов в 155 странах мира. Телеканал основан в 1993 году. В настоящий момент вещание ведется на 13 языках мира. Euronews – один из самых крупных новостных каналов, составляющих конкуренцию таким информационным гигантам как CNN, BBC и Deutsche Welle. Данный проект можно считать одним из самых успешных коммуникационных проектов не только в европейском, но и в мировом масштабе: информационно-познавательная направленность рубрик и передач делает передаваемые сообщения актуальными для различных стран ЕС и мира. Можно полагать, что Euronews стал негласным брендом, у которого сформировалась лояльная зрительская аудитория, постоянно расширяющая свой объем.

Телевизионная межинституциональная информационная служба ЕС Europe by Satellite (EBS). Информационная служба основана в 1995 году и занимается производством теле- и радиоматериалов на 22 языках. Служба предоставляет локальным, региональным и международным СМИ как сырые материалы, так и готовые программы, репортажи и хроники, в которых речь идет о релевантных для ЕС вопросах. Материалы предоставляются бесплатно, и СМИ не нужно приобретать на них права. Основная идея данного сервиса «Мы даем вам картинку и звук, а вы (СМИ) делаете из них историю».

Официальный веб-сайт Европейского союза «Европа» (www.euroa.eu), на котором в краткой и доступной форме рассказывается о принципах работы ЕС, об основных органах и их полномочиях, об основных ценностях ЕС, об истории создания Союза.

Евробарометр – основной инструмент мониторинга общественного мнения о ЕС, проводимой политике и пр.

1. А. Информационные платформы – внутриевропейская целевая аудитория

Телевизионный веб-канал EuroparlTV (European Parliament's Web-television). Цель канала – информирование граждан ЕС об активностях парламента, о происходящих изменениях в ЕС, а также о тех законах, которые влияют на жизнь граждан. Канал начал вещание в 2008 году. Однако деятельность канала вряд ли можно назвать успешной: согласно данным британского издания The Telegraph, ежедневная аудитория канала составляет всего 1 500 зрителей [3] (интересно отметить, что в официальных источниках ЕС данные об охвате аудитории отсутствуют). При этом ежегодный бюджет канала составляет 8 млн. фунтов стерлингов, что вновь заставляет задуматься о рентабельности проекта.

Европейская радио сеть EURANET – объединение международных, национальных и региональных радиовещательных компаний в единый панъевропейский консорциум. Основная коммуникационная стратегия – освещение ключевых событий ЕС не с национальной, а с общеевропейской позиции. Форматы вещания: новости, досье, живые включения и пр. Вещание ведется с 2008 года на 15 европейских радиоканалах в 13 странах ЕС. Охват аудитории – 20 млн. слушателей в день. Данную платформу можно рассматривать как очень эффективную, так как вещание производится на каналах, уже имеющих целевую аудиторию и зарекомендовавших себя. Т.е. ЕС не создает новый радиоканал с «нуля», а использует существующую платформу для продвижения своих посланий.

Странички главных органов ЕС в социальных сетях. Интересно отметить тот факт, что во времена доминирования социальных СМИ, ЕС до сих пор не смог освоить все техники ведения «социальной коммуникации». Гораздо успешнее ЕС работает с традиционными источниками информации. Такое положение дел весьма критично, ведь в настоящий момент ЕС особо стремится создать обратную связь с гражданами и выстроить общеевропейское коммуникационное пространство – европейскую гражданскую общественность. Политикам ЕС необходимо пересмотреть методы ведения коммуникаций в социальных

сетях, сделать их менее официальными и «отстраненными». Например, вместо постов с декларативными видео можно просто вести блог от лица интересного для европейской общественности политика (так называемого opinion leader).

EU Tube – официальная страничка на YouTube, созданная Европейской Комиссией, чтобы загружать социально релевантные видео для просмотра гражданами ЕС. В настоящий момент страничка является «мертвой». Число подписчиков составляет 25 550 пользователей, статистика просмотров подгружаемых видеоматериалов варьируется от 100 до 10 000. Данные показатели свидетельствуют о низкой степени заинтересованности пользователей подгружаемым контентом и о неуспешности реализации коммуникационной стратегии с социальных сетей.

Страничка *European Commission на Facebook*. С момента регистрации странички на Facebook (11 июня 2010) зафиксировано 325 742 подписчика. Посты делаются практически ежедневно. При этом активность подписчиков низка – у каждого поста набирается примерно 100 отметок «нравится» и всего-навсего два-три комментария пользователей. Такая тенденция типична в случае, если посылаемое сообщение не особо интересует пользователей.

2. А. Событийная платформа – внутренняя целевая аудитория

Информационная программа для европейских граждан – PRINCE (Programme prioritaire d'information au citoyen europeen), утвержденная по инициативе Европейского парламента и направленная на повышение степени информированности европейских граждан о текущих процессах и событиях в жизни ЕС. Реализация программы проводилась при тесном сотрудничестве Европейской комиссии, Европейского парламента, Европейского совета и национальных правительств [4].

Основные кампании под эгидой PRINCE:

- Информационная кампания в поддержку единой валюты (начата в 1995 году). Цели: заручиться общественной поддержкой единой валюты, объяснить преимущества единой валюты и подготовить аудиторию к переходу на единую валюту, обеспечить плавный и гармоничный пере-

ход на новую валюту, проинформировать третьи страны о переходе на новую валюту. Инструменты реализации кампании – публикации, конференции, информационные службы для населения. Целевая аудитория кампании – страны ЕС, страны-кандидаты на вступление в ЕС, третьи страны (особое внимание уделялось США и Японии).

- Кампания по информационному сопровождению расширения ЕС – «Расширение: вызов для Европы». Используемые коммуникационные инструменты: форумы, освещение в СМИ, семинары для журналистов, информационный центр в Брюсселе и пр.

- «Дебаты о будущем Европы» (старт кампании – 2001 год) – платформа для обсуждения вопросов о будущем развитии некоторых аспектов жизни ЕС. Цели – стимулировать публичные обсуждения вопросов, связанных с будущим ЕС. Для реализации кампании создан специальный веб-сайт Futurum, в рамках которого проводились дискуссии о будущем ЕС, о перспективах развития и пр.

- Кампания по коммуникационному сопровождению европейской конституции. Основная платформа – веб-сайт «Конституция для Европы». Цели кампании: разъяснения всех конституционных изменений, их выгод для граждан ЕС и пр.

3. А, В, С. Организационно-программная платформа – все целевые аудитории

Образовательные и культурные программы Leonardo Da Vinci, Erasmus, Sokrates, Молодежь в действии и пр.

EUNIC (The European Union National Institutes for Culture) – Объединение институтов культуры стран Европейского союза, осуществляющих образовательные программы за рубежом. Например, членами Объединения являются такие всемирно известные культурные организации, как Институт имени Гете (Германия), Институт Сервантеса (Испания), Британский совет (Великобритания) и пр. Цель работы Объединения – продвижение европейских государств в третьих странах, популяризация европейских языков.

Одной из самых масштабных кампаний стал проект Culture in EU External Relations (Культура ЕС во внешних связях). Согласно данным итогового отчета, культура обладает большим потен-

циалом в плане налаживания отношений с третьими государствами, а также в плане усиления привлекательности и влияния Европы: «Анализ показал, что многие люди по всему миру проявляют большую заинтересованность в развитии культурных связей с Европой. Было определено, что их привлекает в европейской «концепции», в частности, культурное разнообразие Европы, такие фундаментальные ценности, как свобода слова... Европейцам удалось транслировать миру образ своего общего пространства как одного из проявлений культурного творчества и разнообразия» [1].

В отчете также отмечается, что пора начать формирование всемирного культурного гражданства, и предлагается 10 шагов реализации данного проекта. В качестве платформы планируется создать «Европейские творческие центры» в странах с развивающейся экономикой, программы налаживания связей между молодыми предпринимателями, программы обучения управлению в сфере культуры, веб-сайт и пр. Оценка эффективности деятельности запланирована на 2018 год.

3. В. Организационно-программная платформа – внешняя целевая аудитория

Различные организации и департаменты органов ЕС, работающие в третьих странах, деятельность которых направлена на защиту основных ценностей ЕС (свобода прав человека, равенство полов, свобода слова и пр.), а также на оказание реальной поддержки людям, проживающим вне ЕС и находящимся в трудных условиях. Например, ECHO (European Commission's Humanitarian Aid and Civil Protection department) – Департамент Европейской комиссии по гуманитарной помощи и защите граждан и пр. ЕС позиционирует себя как гарант стабильности и активный участник в процессе оказания международной помощи. Так, согласно данным Евробарометра, граждане ЕС проявляют солидарность с жертвами конфликтов в третьих странах и поддерживают политику ЕС, направленную на оказание помощи (79% респондентов). Также во время опроса на спонтанную осведомленность об органах, оказывающих международную помощь, было выяснено, что ЕС и сопутствующие организации и органы (ECHO, Европейская комиссия) находятся на третьем ме-

сте после Красного креста и UNICEF по количеству спонтанных упоминаний респондентами [6].

3. С. Организационно-программная платформа – страны-кандидаты на вступление в ЕС

Программы оказания помощи странам-кандидатам на вступление в ЕС. Например, программы PHARE (Poland and Hungary: Aid for Restructuring of the Economies) – Польша и Венгрия: оказание помощи по реструктуризации экономики, SAPARD (Special Accession Programme for Agriculture and Rural Development) – Специальная программа по развитию сельского хозяйства стран-кандидатов, которые с 2007 года стали называться IPA (Instrument for Pre-Accession Assistance) – Инструмент помощи странам-кандидатам на вход в состав ЕС. С помощью данного инструмента ЕС гарантирует поддержку реформ в странах-кандидатах на вход в ЕС.

Несмотря на обилие различных проектных платформ и на новый курс ЕС в области коммуникационной политики, целью которой является создание «европейской общественной сферы», а также создание позитивного образа ЕС за рубежом (в частности в странах-кандидатах на вступление в ЕС) и установлению партнерских связей, ЕС по-прежнему не всегда воспринимается как единый политический игрок. Мировая общественность скорее подразумевает конкретные государства (Германия, Франция и пр.), но не ЕС, когда речь идет о принятии важных политических решений.

Кроме того, на фоне экономического «невроза» стало аккумулироваться всеобщее недовольство европейскими структурами среди граждан ЕС, вызванное не только жесткими мерами экономии, но и некоторыми факторами, традиционно нивелирующими репутационный капитал ЕС (бюрократизм, непомерные затраты на содержание институтов ЕС, малоэффективность некоторых аспектов политики и пр.). В этих условиях ЕС необходимо продолжать делать ставку на политику «мягкой» силы, которая в сочетании с рациональной и действенной внешней и внутренней политикой поможет укрепить позиции Союза, как среди внешней, так и среди внутренней целевой аудитории.

Сегодня евроскептики делают самые смелые заявления, вплоть до предположения о развале

ЕС. Автор полагает, что такой сценарий маловероятен. ЕС по-прежнему остается влиятельным экономическим и политическим игроком, а начавшиеся изменения в структуре (введение новых должностей и пр.), проводимая политика по усилению европейской интеграции и прочие меры не заставят долго ждать результатов. Экзистенциальный кризис ЕС (как, впрочем, любое кризисное явление) послужил «толчком» к новому этапу европейской интеграции, выходящему за экономические и политические рамки. Речь идет о создании европейского гражданского сообщества, единого европейского коммуникационного пространства, новой европейской идентичности – того, о чем многие не могли подумать даже 20 лет назад. В этих условиях особое место отводится «мягкой» силе, потенциал которой должен быть использован ЕС в полной мере для решения важнейших политических, экономических культурных и прочих задач.

1. Итоговый отчет Culture in EU External Relations. URL: <http://cultureinexternalrelations.eu/wp-content/uploads/2013/05/Exe-Sum-RUS.pdf> (дата обращения 09.07.2014).
2. Хауер-Тюкаркина О. Аспекты формирования внешнеполитической имиджевой стратегии современной ФРГ. Владимир, 2013.
3. Banks M. MEPs call for European Parliament TV channel to be axed // The Telegraph. 10.07.2012. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/eu/9389233/MEPs-call-for-European-Parliament-TV-channel-to-be-axed.html> (дата обращения 15.03.2014).

ния: 15.03.2014).

4. Brüggemann M., Clerck-Sachsse J., Kurpas S. Towards Communication? Study commissioned by the European Parliament Budget Committee. 31 August 2006. URL <http://aei.pitt.edu/11756/1/1405.pdf> (дата обращения: 01.01.2014).
5. Consolidated Version of the Treaty on European Union // Official Journal of the European Union. 26.10.2012. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2012:326:0013:0046:EN:PDF> (дата обращения: 01.01.2014).
6. Special Eurobarometer survey on humanitarian aid: European scare – and endorse the Commission’s mandate. URL http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-10-362_en.htm?locale=enSpecial (дата обращения: 22.07.2014).

1. Itogovyy otchet Culture in EU External Relations. URL: <http://cultureinexternalrelations.eu/wp-content/uploads/2013/05/Exe-Sum-RUS.pdf> (дата обращения 09.07.2014).
2. Xauer-Tyukarkina O. Aspekty formirovaniya vneshnepoliticheskoy imidzhevoj strategii sovremennoj FRG. Vladimir, 2013.
3. Banks M. MEPs call for European Parliament TV channel to be axed // The Telegraph. 10.07.2012. URL: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/eu/9389233/MEPs-call-for-European-Parliament-TV-channel-to-be-axed.html> (дата обращения: 15.03.2014).
4. Brüggemann M., Clerck-Sachsse J., Kurpas S. Towards Communication? Study commissioned by the European Parliament Budget Committee. 31 August 2006. URL <http://aei.pitt.edu/11756/1/1405.pdf> (дата обращения: 01.01.2014).
5. Consolidated Version of the Treaty on European Union // Official Journal of the European Union. 26.10.2012. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:C:2012:326:0013:0046:EN:PDF> (дата обращения: 01.01.2014).
6. Special Eurobarometer survey on humanitarian aid: European scare – and endorse the Commission’s mandate. URL http://europa.eu/rapid/press-release_MEMO-10-362_en.htm?locale=enSpecial (дата обращения: 22.07.2014).

CONSTRUCTION OF THE NEW «OLD WORLD»: SOFT POWER IN THE EU POLITICS

Hauer-Tyukarkina Olga Mihailovna,

Moscow state university named after M. V. Lomonosov,
Department of politology,
Candidate of political sciences,
Moscow, Russia,
E-mail: olga.tjukarkina@mail.ru

Annotation

The article analyses the core basis of the soft power of the EU as a supranational actor. The author proposes a classification of key platforms of EU soft power, makes an estimation of using EU’s soft power during current economic crisis.

Key words:

soft power of the EU, European Union, value matrix of the EU, EU platforms of soft power implementation.

КАНАДСКИЙ ОПЫТ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА СТРАНЫ И СТРОИТЕЛЬСТВА ИНСТИТУТОВ SOFT POWER

Иванов Алексей Геннадьевич,

Магнитогорский государственный технический университет им. Г.И. Носова,
кафедра всеобщей истории,
кандидат исторических наук, доцент,
г. Магнитогорск, Россия,
E-mail: a-ivanov79@mail.ru

Аннотация

Изучение канадского опыта формирования национального имиджа на мировой арене и реализации политики soft power представляется актуальным, прежде всего потому, что маленькой стране, соседствующей с США, с которыми её объединяет английский язык, иллюзорная граница, общий рынок рабочей силы, постоянный обмен товарами и услугами и пр., удалось создать достаточно самобытный образ государства, приверженного мультилатерализму, миротворчеству и защите прав человека.

Ключевые слова:

Канада, имидж страны, мягкая сила, мультилатерализм, миротворчество, концепция «безопасности личности».

В самом начале следует оговориться, что данное сообщение ни в коем случае не претендует на сюжетную завершенность и далеко идущие выводы. Автор видел свою задачу лишь в том, чтобы сформировать общие представления об истории создания современного имиджа страны кленового листа и строительства её институтов «мягкой силы».

Итак, Канада на международной арене занимает место державы среднего ранга. Являясь второй по территории страной мира и обладая достаточно высоким показателем ВВП, она, тем не менее, не может похвастаться многочисленным населением, крупными вооружёнными силами или наличием ядерного оружия. Численность населения Канады не превышает 35 млн. человек, её армия насчитывает около 60 тыс., а в обеспечении безопасности она почти полностью полагается на США. Эти обстоятельства обуславливают предрасположенность страны к использованию механизмов soft power.

Поиски собственного имиджа на мировой арене Оттава активно начинает, по-видимому, после окончания Второй мировой войны. Важно

понимать, это было не простой задачей, поскольку Канаду либо продолжали ассоциировать с Британией, хотя её колониальный статус к этому времени был уже в прошлом, либо считали ещё одним штатом США из-за исторически глубоких экономических, военно-политических и культурных связей между соседями. Исходя из этого, Канаде предстояло сформировать страновой образ, который отличал бы её и от бывшей метрополии, и, особенно, от Соединённых Штатов.

Прежде всего, созданию самобытного позитивного имиджа Канады способствовала успешная внутригосударственная политика. Хорошим примером такой политики служит мультикультурализм, как комплекс мероприятий, нацеленный на поощрение сохранения культурного наследия эмигрантов и этнического многообразия канадского общества [7, с. 111–112]. В рамках этого курса Канада в 1973 г. одной из первых в мире учредила Министерство по делам многокультурности и объявила мультикультурализм официальной политикой, что заметно усилило её привлекательность для переселенцев со всего света в сравнении с США, где, как известно, долгое

время использовали «плавильный котел» для их ассимиляции. Мультикультурализм фактически стал одним из национальных брендов Канады.

Серьезные усилия для формирования имиджа Оттава предпринимала на поле мировой политики, где с самого начала была сделана ставка на мультилатерализм, т. е. участие государства в максимально большом количестве международных организаций, многие из которых, кстати говоря, были созданы при участии самой Канады [3, с. 53]. Её приверженность мультилатерализму, многосторонней дипломатии во многом объясняется тем, что державе среднего ранга проще заявить о себе, озвучить свою позицию и реализовать свои интересы не самостоятельно, а в формате международных структур. Присутствие в многочисленных организациях к тому же позволяло Канаде, в значительной степени зависящей от экспорта, находить новых торговых партнеров и решать экономические задачи. Таким образом, со второй половины XX века за Канадой прочно закрепился образ страны, приверженной многостороннему диалогу, а не односторонним и тем более силовым действиям, которые часто характерны для США.

Анализ показывает, что наиболее активной в создании самобытного имиджа государства и строительстве институтов soft power была либеральная партия, традиционно стремившаяся вывести Канаду из тени США и придать ей собственное лицо в рамках мирового сообщества.

Именно при либералах страна кленового листа впервые громко заявила о себе, когда в 1956 г. в период Суэцкого кризиса Министр иностранных дел Канады Л. Пирсон выступил с предложением сформировать в рамках ООН чрезвычайные силы для физического разъединения воюющих сторон и обеспечения необходимых условий для мирных переговоров [14, р. 8–9]. Так появились «голубые каски», Пирсон в 1957 г. получил Нобелевскую премию мира, а новаторство в урегулировании межгосударственных споров и конфликтов, миротворчество и поддержание мира на долгие годы стали визитной карточкой канадской внешней политики [7, р. 277].

Возглавляя правительство в 1960-е гг., Л. Пирсон уделял серьезное внимание развитию

механизмов soft power. К важнейшим успехам его команды в этой сфере можно отнести создание Отдела международного образования (Canadian Bureau for International Education) в 1966 г. для привлечения талантливой молодежи на обучение, а также проведение в Монреале в год 100-летнего юбилея Канады Всемирной выставки «Экспо-67», благодаря которой весь мир узнал о достижениях этой молодой страны.

Имидж Канады, как государства, придерживающегося своей собственной, независимой от США внешней политики, заметно укрепился при либеральных правительствах П. Э. Трюдо (1968–1979 и 1980–1984 гг.). Стратегия кабинетов Трюдо состояла в стремлении диверсифицировать экономические, политические и культурные связи с Вашингтоном, даже за счет стран, которые рассматривались американцами как враждебные [1, с. 39–45]. Так, Канада в 1970 г., на 9 лет раньше, чем Соединенные Штаты, признала Китайскую Народную Республику и установила с ней дипломатические отношения, заметно активизировала контакты с СССР [16], а также с Кубой. Конечно, подобные шаги не изменили принципиально характер отношений с США, но они заметно подняли авторитет Канады на международной арене.

Сложно переоценить роль правительств Трюдо в строительстве институтов «мягкой силы». Во-первых, в 1968 г. либералы открыли Канадское агентство международного развития (Canadian International Development Agency), которое было призвано координировать финансовую и техническую помощь развивающимся странам [11, р. 14]. Во-вторых, с целью изучения ключевых социально-экономических проблем государств Третьего мира для дальнейшего формирования программ помощи в 1970 г. был учрежден Центр исследований по международному развитию (International Development Research Centre). К слову, создание этих организаций в полной мере отвечало задачам имиджевого позиционирования страны, ведь Канада в данном случае представала в образе ответственного члена мирового сообщества и успешной бывшей колонии, помогающей молодым, недавно освобожденным африканским и азиатским государ-

ствам на пути становления независимости. И, наконец, в-третьих, для распространения знаний о Канаде в мире в 1981 г. правительство открыло Международный совет канадских исследований (International Council for Canadian Studies), чья задача состояла в том, чтобы за счет грантовой поддержки увеличивать ряды канадологов и их публикационную активность.

Очень продуктивным и инновационным с точки зрения реализации механизмов soft power было следующее либеральное правительство Ж. Кретьена (1993–2003), во многом потому, что сама эпоха 1990-х способствовала этому.

Окончание холодной войны вызвало эйфорию и успокоение в западном обществе и, как уже не раз это бывало после завершения глобальных конфликтов, светлую веру в возможность построения мира без войн. После краха СССР ресурсы и инструменты hard power утрачивали былую значимость для общественности, а интерес к развитию международных отношений путем диалога, конструктивного взаимодействия, убеждения заметно возрастал. Напомним, известная книга патриарха теории soft power Дж. Ная появилась в 1991 г. и стала, на наш взгляд, откликом ученого на текущие события [19]. Демократизация в странах Центральной и Восточной Европы, которая привела Ф. Фукуяму к мысли о «конце истории» и грядущем триумфе западной модели, объективные процессы глобализации, обусловившие экономическую взаимозависимость государств, информационная революция, связанная с развитием мобильной связи, компьютеров и интернета, делали мир более однородным и тесным.

В этой атмосфере команда Ж. Кретьена, и прежде всего МИД Канады во главе с Л. Эксуорси, сформулировали проект новой модели международных отношений, главными элементами которой стали два взаимосвязанных концепта – human security и soft power. Первый, по словам экспертов, в духе либерального интернационализма отдавал приоритет международному, а не государственному праву, предлагал считать первостепенным безопасность личности, а не безопасность суверенных государств [18, р. 31–32]. Термин «безопасность личности» трактовался расширительно и включал защиту чело-

века от угрозы голода, эпидемий болезней, экологических катастроф и пр. Такую масштабную задачу планировалось решать усилиями членов всего мирового сообщества, как правительственными структурами, так и общественными, как организациями, так и отдельными людьми [8].

Механизмам soft power в связи с этим отводилась особая роль. Именно многочисленные негосударственные акторы – бизнес-корпорации, СМИ, известные персоны, активисты, неправительственные организации – по мысли Эксуорси и его коллег, используя современные информационные технологии, способны работать там, где деятельность официальных структур затруднительна или менее эффективна, способны мобилизовать общественное мнение в пользу решения той или иной важной проблемы в плоскости human security, к примеру, проблемы бедности, охраны окружающей среды или гражданских свобод [9, р. 9]. Чтобы придать еще большую значимость этим акторам при либералах даже был создан особый формат официальных визитов в зарубежные страны – «Сборная Канады» (Team of Canada), миссия, в которую входили не только премьер-министр, глава дипломатического ведомства, премьер-министры провинций, но и представители деловых кругов, эксперты, деятели науки. Число членов такой миссии порой доходило до 300 человек.

Одним из наиболее ярких примеров практической реализации концепций human security и soft power является так называемый Оттавский процесс.

В рамках данной инициативы Канада в соответствии с теорией human security ставила на повестку дня мирового сообщества проблему, существовавшую долгие годы, но так и не получившую адекватного решения. Речь шла о противопехотных минах, которые, несмотря на все запреты, зафиксированные в международном праве, продолжали применяться в военных конфликтах стран Третьего мира, унося многочисленные человеческие жизни. В октябре 1996 г. канадское правительство организовало международную конференцию по полному запрету производства, хранения, экспорта и применения противопехотных мин. В ней участвовали

представители 50 государств-организаторов и 24 страны-наблюдателя. Эта конференция и положила начало Оттавскому процессу, целью которого стала выработка и подписание в течение одного года договора о запрещении противопехотных мин. Всего за один год усилия стран-членов процесса, собиравшихся на конференции в Вене (февраль 1997 г.), Брюсселе (июль 1997 г.) и Осло (сентябрь 1997 г.), привели к тому, что в декабре 1997 г. на заключительной конференции в Оттаве Договор о запрещении применения, накопления, производства и передачи противопехотных мин и их уничтожении был подписан представителями 122 стран. Всего за четыре месяца документ ратифицировали 40 стран, и он вступил в силу [12, p. 157].

Механизмы и инструменты soft power нашли в Оттавском процессе самое широкое применение. С самого начала к переговорам и разработке проекта договора были привлечены многочисленные неправительственные организации, которые участвовали в них в качестве наблюдателей и имели такой же статус, как и наблюдатели от правительств. Это был первый прецедент участия НПО наряду с руководством государств в международных переговорах по разоруженческой тематике. Неправительственные организации развернули масштабную кампанию за подписание договора. Одни, как Международный Комитет Красного Креста, размещали в СМИ рекламу, фильмы, видео ролики, призывавшие к запрету противопехотных мин. Другие для оказания давления на власти стран, медлившие с подписанием договора, устраивали акции. Например, во время обсуждения проекта документа в парламенте Австрии активисты доставили к зданию законодательного органа шесть тонн тифель, которые символизировали жертвы противопехотных мин. Третьи собирали подписи под Петицией с требованием запрета мин и убеждали мировых знаменитостей подключиться к их кампании [10, p. 493–495]. Деятельность НПО принесла свои плоды, договор в итоге был подписан.

Итак, заслуги правительства Ж. Кретьена в построении имиджа страны и институтов soft power вполне очевидны. В том же направлении,

пусть и с менее впечатляющими результатами, действовал очередной кабинет либералов во главе с П. Мартином (2003–2006). Их наиболее значимым достижением в этой области стало создание в 2005 г. Фонда обеспечения мира и безопасности (Global Peace and Security Fund), цель которого, как следует из официального документа, состояла в «обеспечении финансовых ресурсов для содействия своевременному, эффективному предотвращению конфликтов, антикризисным мерам, миротворческим операциям, защите гражданского населения и стабилизации нестабильных государств в соответствии с приоритетами внешней политики Канады» [15].

В отличие от либералов канадские консерваторы чаще всего проявляли скепсис в отношении эффективности механизмов soft power, предпочитая развивать вооруженные силы и тесные отношения с США как важнейшим союзником и гарантом безопасности страны.

Сегодняшний курс правительства Стивена Харпера – лучшая демонстрация данного подхода. Отталкиваясь от позиции, что политика soft power дорогостоящая, приносит результаты лишь в долгосрочной перспективе, а при ограниченных ресурсах Канады лучше тратить их на повышение обороноспособности и укрепление армии, правящая Прогрессивно-консервативная партия с 2006 г. заметно увеличила военные расходы, модернизировала оборонную стратегию и вооруженные силы, усилила военное присутствие в Арктике [8]. В стремлении завоевать репутацию «самого верного союзника» Соединенных Штатов Америки, консерваторы следовали в фарватере дипломатии Белого Дома и с высоких трибун критиковали деятельность тех международных организаций, в первую очередь ООН, которые «мешали» Вашингтону в реализации его амбициозных планов. Более того, консервативное правительство Харпера вывело Канаду из ряда структур, в частности из Киотского протокола, рассматривавшихся либералами как наиболее ценными для внешнеполитического имиджа страны.

С оправданием необходимости экономии в условиях кризиса консерваторы изменили механизм функционирования ведущих институ-

тов soft power и закрыли ряд важнейших государственных программ. Так, в 2013 г. успешно действовавшее на протяжении последних 45 лет и прежде автономное Канадское Агентство Международного Развития было включено в Министерство иностранных дел, торговли и развития, превратившись в Управление по развитию. Число стран-реципиентов канадской помощи было сокращено до 20, а её бюджет значительно урезан. Одновременно по решению министра иностранных дел была закрыта многолетняя программа внешнеполитического ведомства Канады по поддержке академических исследований и университетских учебных курсов за рубежом (Canadian Studies Program), соответствующие должности в посольствах упразднены, осталась действующей лишь неправительственная организация – Международный совет по канадоведению. Наконец, из-за снижения государственного финансирования Канадская вещательная корпорация прекратила трансляцию программ на ряде иностранных языков, в том числе на русском [5, с. 76–78].

Курс Харпера сегодня вызывает серьезную критику со стороны представителей либеральных кругов, предсказывающих, что с отказом от политики soft power, Канада, которой и так достаточно сложно проявить себя на международной арене, полностью утратит собственное лицо, будет ассоциироваться с США и превратится в маргинального игрока [5, с. 89].

Выводом может служить следующее. Канадский опыт как нельзя лучше показывает, что маленькой стране вполне по силам сформировать самобытный имидж, даже находясь в достаточно специфических условиях соседства с такой супердержавой, как США, с которыми Канаду объединяет английский язык, иллюзорная граница, общий рынок рабочей силы, постоянный обмен товарами и услугами и пр. Наибольших результатов в позиционировании государства средствами soft power достигли либералы, и им в основном принадлежит заслуга в формировании имиджа Канады как страны, приверженной многосторонней дипломатии, миротворчеству и защите прав человека. Интерес канадских либералов к политике soft power, скорее всего,

связан со склонностью либеральных сил вообще к диалогу, коллективному взаимодействию, компромиссному урегулированию международных конфликтов в отличие от консерваторов, чаще признающих силу в качестве главного инструмента решения проблем. По крайней мере, пример консерваторов Канады, почти во всем поддерживающих США и следующих за ними, подтверждает это.

1. Бабаев Э.А. Основные направления внешней политики Канады в 70-е гг. XX века: дис. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2004.
2. Евтихевич Н.С., Израелян Е.В. Концепция «безопасности личности и общества»: канадский подход // Пути к миру и безопасности. 2013. № 1. С. 38–51.
3. Израелян Е.В. Канадский мультилатерализм: прошлое и настоящее // США и Канада: экономика, политика, культура. 2013. № 7. С. 53–66.
4. Израелян Е.В. Права человека во внешней политике Канады // США и Канада: экономика, политика, культура. 2012. № 5. С. 90–100.
5. Израелян Е.В., Соколов В.И. Канада: «мягкая сила» как основа внешней политики державы «среднего ранга» // Вестник международных организаций. 2014. № 2. С. 72–94.
6. Комкова Е.Г. Внешнеполитический курс Канады при правительстве С. Харпера // США и Канада: экономика, политика, культура. 2008. № 11. С. 21–37.
7. Соколов В.И. Канада: поиск национальной идентичности путем создания многокультурного общества // Пространство и время в мировой политике и международных отношениях: материалы 4 Конвента РАМИ. М., 2007. Т. 2. С. 108–114.
8. Axworthy L. Canada and human security: the need for leadership // International Journal. 1997. Vol. 52. № 2. P. 183–196.
9. Axworthy L. Navigating a New World: Canada's Global Future. Toronto, 2003.
10. Ayres J.M. Civil society participation in Canadian foreign policy: expanded consultation in the Chrétien years // Handbook of Canadian Foreign Policy. Lanham, 2006. P. 491–512.
11. Bruneau T. CIDA: the organization of Canadian overseas assistance. Montreal, 1978.
12. Cameron M., Lawson R., Tomlin B. To Walk without Fear: The global movement to ban landmines. Toronto, 1998.
13. Cohen A. Martin's first year on foreign policy – the rhetoric of good intentions // Policy Options. 2005. Vol. 26. № 2. P. 47–50.
14. Dorn W. Canadian Peacekeeping: proud tradition, strong future? // Canadian Foreign Policy. 2005. Vol. 12. № 2. P. 7–32.
15. Evaluation of the Global Peace and Security Fund // Department of Foreign Affairs, Trade and Development. URL: http://www.international.gc.ca/about-a_propos/oig-big/2011/evaluation/gpsf_fpsm11.aspx?lang=eng (дата обращения: 30.06.2014).
16. Farr D. Prime Minister Trudeau's opening to the Soviet Union, 1971 // Nearly Neighbours. Canada and the Soviet Union: from Cold War to Détente and beyond. Kingston, 1989. P. 102–118.
17. Granatstein J.L. Canada and Peacekeeping: Image and Reality // Canadian Foreign Policy: Historical Readings.

Toronto, 1993. P. 276–285.

18. McRae R., Hubert D. Human security and the new diplomacy. Montreal, 2001.

19. Nye Joseph S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1991.

20. Potter E.H. Branding Canada: Projecting Canada's Soft Power Through Public Diplomacy. Montreal, 2009.

1. Babaev E'. A. Osnovnye napravleniya vneshnej politiki Kanady v 70-e gg. XX veka: dis. ... kand. ist. nauk. Krasnoyarsk, 2004.

2. Evtixevich N.S., Israelyan E.V. koncepciya «bezopasnosti lichnosti i obshhestva»: kanadskij podxod // Puti k miru i bezopasnosti. 2013. № 1. S. 38–51.

3. Israelyan E.V. Kanadskij mul'tilateralizm: proshloe i nastoyashhee // SSHa i Kanada: e'konomika, politika, kul'tura. 2013. № 7. S. 53–66.

4. Israelyan E.V. Prava cheloveka vo vneshnej politike Kanady // SSHa i Kanada: e'konomika, politika, kul'tura. 2012. № 5. S. 90–100.

5. Israelyan E.V., Sokolov V.I. Kanada: «myagkaya sila» kak osnova vneshnej politiki derzhavy «srednego ranga» // Vestnik mezhdunarodnyx organizacij. 2014. № 2. S. 72–94.

6. Komkova E.G. Vneshnepoliticheskij kurs Kanady pri pravitel'stve S. Xarpera // SSHa i Kanada: e'konomika, politika, kul'tura. 2008. № 11. S. 21–37.

7. Sokolov V.I. Kanada: poisk nacional'noj identichnosti putem sozdaniya mnogokul'turnogo obshhestva // Prostranstvo i vremya v mirovoj politike i mezhdunarodnyx otnošenij: materialy 4 Konventa RAMI. M., 2007. T. 2. S. 108–114.

9. Axworthy L. Navigating a New World: Canada's Global Future. Toronto, 2003.

10. Ayres J.M. Civil society participation in Canadian foreign policy: expanded consultation in the Chrétien years // Handbook of Canadian Foreign Policy. Lanham, 2006. P. 491–512.

11. Bruneau T. CIDA: the organization of Canadian overseas assistance. Montreal, 1978.

12. Cameron M., Lawson R., Tomlin B. To Walk without Fear: The global movement to ban landmines. Toronto, 1998.

13. Cohen A. Martin's first year on foreign policy – the rhetoric of good intentions // Policy Options. 2005. Vol. 26. № 2. P. 47–50.

14. Dorn W. Canadian Peacekeeping: proud tradition, strong future? // Canadian Foreign Policy. 2005. Vol. 12. № 2. P. 7–32.

15. Evaluation of the Global Peace and Security Fund // Department of Foreign Affairs, Trade and Development. URL: http://www.international.gc.ca/about-a_propos/oig-big/2011/evaluation/gpsf_fpsm11.aspx?lang=eng (data obrashheniya: 30.06.2014).

16. Farr D. Prime Minister Trudeau's opening to the Soviet Union, 1971 // Nearly Neighbours. Canada and the Soviet Union: from Cold War to Détente and beyond. Kingston, 1989. P. 102–118.

17. Granatstein J.L. Canada and Peacekeeping: Image and Reality // Canadian Foreign Policy: Historical Readings. Toronto, 1993. P. 276–285.

18. McRae R., Hubert D. Human security and the new diplomacy. Montreal, 2001.

19. Nye Joseph S. Bound to Lead: The Changing Nature of American Power. New York: Basic Books, 1991.

20. Potter E.H. Branding Canada: Projecting Canada's Soft Power Through Public Diplomacy. Montreal, 2009.

CANADIAN EXPERIENCE OF FORMING THE IMAGE OF THE COUNTRY AND BUILDING THE INSTITUTIONS OF SOFT POWER

Ivanov Alexey Gennad'evich,

Magnitogorsk State Technical University named after G.I. Nosov, associate professor of Department of General History, PhD in History, associate professor, Magnitogorsk, Russia, E-mail: a-ivanov79@mail.ru

Annotation

Studying the Canadian experience of building the national image on the world stage and using policy of soft power seems actual, especially because the small country neighboring to the United States, with which it combines English, the illusory border, the common labor market, the constant exchange of goods and services etc., managed to create the original image of state committed to multilateralism, peacekeeping and human rights.

Key words:

Canada, image of the country, soft power, multilateralism, peace-making, the concept of «human security».

«МЯГКАЯ», «ЖЁСТКАЯ» И «УМНАЯ» СИЛА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ МЕЖДУНАРОДНОГО КРИЗИСА ВОКРУГ УКРАИНЫ

Фурсов Кирилл Константинович,

Южно-Уральский государственный университет, кафедра политологии, г. Челябинск, Россия, E-mail: biathlon91@mail.ru

Аннотация

В статье описывается использование политического дискурса «мягкой», «жёсткой», «умной» силы. Данная схема применяется для обозначения происходящих событий на Украине в ноябре 2013 – мае 2014, а также в международной политике вокруг этих событий. Интегрированное понятие дискурс выводится из метода графосемантического моделирования 27 понятий. В статье анализируется «мягкая» сила украинского национализма, Евромайдана. К «жёсткой» силе политического дискурса будет относиться антагонистический словарь конфликтующих сторон. Международный конфликт привёл к усилению националистического дискурса внутри России. В статье показывается изменение политического дискурса Президента РФ В.В. Путина. Дискурс может использоваться для анализа принятия политических решений путём соединения похожего контекста событий и использованных коммуникативных стратегий. Единственной «умной» силой можно признать присоединение Крыма к России. Вокруг присоединения Крыма также сформировался антагонистический политический словарь.

Ключевые слова:

политический дискурс, мягкая сила, жёсткая сила, умная сила, Крым, Россия, Украина.

События середины февраля 2014 года в Украине послужили источником масштабных перемен в глобальной политике. Основными событиями стали свержение Президента Украины В. Януковича, присоединение Крыма к России, волнения и использования против них вооружённых сил на Востоке Украины. В последнее время дискурсивный подход в политической науке получил широкое распространение, научные книги двух последних лет без него не обходятся. Дискурсивный подход обладает способностью объяснять влияние потоков информации на сознание людей.

По своей сути политический дискурс является конструкцией подходов к пониманию политики и дискурса. Выделяют лингвистический, коммуникативный, когнитивный, семиотический, кратологический, постструктуралистский, комбинированный подходы. В политической науке отдельно используется метод критического дискурс-анализа (КДА).

Само понятие дискурса является крайне разносторонним, что связано с его использованием во многих социальных науках. Отчасти можно согласиться с мнением Н.Д. Арутюновой, что «дискурс – это речь, погружённая в жизнь» [1]. Специфика этого понятия – в его универсальном использовании. Его суть – это наличие связного текста с экстралингвистическими характеристиками. Они подразумевают поведение, жесты, мимику, интонацию и т.д. В рамках проведённого графосемантического анализа 27 понятий дискурса было выведено интегральное понятие дискурса. Подобный метод заключается в отборе всех имеющихся понятий. Они делятся на слова и словосочетания по смыслу. Близкие слова и словосочетания объединяются в поля. Каждое поле является частью понятия дискурс и при этом соотносится с другим полем. Можно создать корреляционную связь между полями. Ключевые поля и связи создадут новое понятие. Понятие дискурс можно выразить, как текст вы-

раженный субъектом в речи, представляющий собой определенное устройство, посредством конструирования определённых видов объектов и пространства, использующий контекст. Специфика этого определения заключается в ограничении некоторых условий. Поэтому дискурс – это текст во всех его субъективных и объективных проявлениях. Это речь, наличие субъекта, когнитивных знаний, мышления, психологии, социальных действий, времени, пространства, коммуникации, смысла.

Среди многообразных теорий дискурса можно выделить теорию критического дискурс-анализа (КДА) Т.А. ван Дейка. Специфика данного метода заключается в структурированности дискурса, выявлении мышления человека через актуальные знания, критическое отношение к знаниям социального и политического большинства, которые ведут к возможности социальных изменений. Политический дискурс используется для анализа идеологии определённой социальной группы, выявлении ангажированных публикаций в СМИ [5, с. 25].

Политика определяется, как борьба субъектов за государственную власть, её сохранение и воспроизводство. Сложнее определить международную политику потому, что борьба идёт не за государственную власть, и между государствами могут образовываться альянсы, подтверждая консенсусную парадигму политики. Более эффективным определением власти в мировой политике является «мягкая», «жесткая» и «умная» сила Д.С. Ная. «Мягкая» сила определяется через соблазнение, привлекательность, аргументацию субъектов власти. «Жесткая» сила использует агрессию, насилие, шантаж, угрозы, санкции. «Умная» сила определяется, как сочетание «мягкой» и «жесткой» силы. Также спецификой умной силы является чёткая цель, перевод ресурсов в эффективный результат, план или стратегия достижения цели и опытное руководство [4, с. 23].

События на Украине в ноябре 2013 – феврале 2014 года можно обозначить, как этап этнического дискурса. Специфика этнического дискурса заключается в его стратегии «мы» – «они». Вышедшие на Майдан протестующие

отличались достаточно сформированным представлением о политической реальности. Оно выражалось в том, что Украина – часть Европы. Поэтому любой вариант исходит из связей и соглашений с ЕС. Украинский Евромайдан можно было назвать целым государством со своими целями, структурами и функциями. Спецификой Евромайдана стала культурная гегемония, которая отразилась в особом политическом словаре. Культурная гегемония А. Грамши выражается в достигнутом уровне согласия со стороны политических лидеров. Для А. Грамши слом власти элит можно было осуществить через культурную гегемонию, т.е. через распространение знаний, книг, брошюр происходит изменение мышления человека путём обыденного повторения сообщений. Разумное мышление переходит к состоянию бессознательной веры. Занимается распространением идей, установлением и подрывом культурной гегемонии интеллигенция [2, с. 47–52]. Это можно квалифицировать как «мягкую» силу. В условиях политического конфликта Евромайдан установил культурную гегемонию через журналистов 5 канала, интернет-канала «Громадське телебачення», Интернет-газеты «Украинская правда». Они распространяли сообщения, которые формировали политический словарь. Ключевыми стали названия «Евромайдан» – собрание митингующих за подписание Соглашения об ассоциации с ЕС, «герои» – участники столкновений с Беркутом, «груши» – коктейли Молотова, названные в честь улицы украинского историка М.Д. Грушевского. Сюда входят понятия структуры «они»: «титушки» – оплаченные участники митингов в поддержку Президента Украины в честь спортсмена В. Титушко, «банда» – негативная характеристика власти [3]. Одна из политических технологий, доставшаяся от наследия бандеровских организаций – это технология воспроизводства героев. Поэтому погибшие на Площади Независимости были названы «небесной сотней», а лозунг украинских националистов стал слоганом Евромайдана – «Слава Украине! Героям слава!». В такой ситуации сформированное сознание вызывает резкое отторжение противоположных точек зрения. Поэтому любые несогласные ис-

ключаются из состава политических участников. С точки зрения М. Фуко, они воспринимаются, как безумцы, а мнение безумцев не учитывается [6, с. 47–96].

Благодаря подобной культурной гегемонии, после свержения Президента Украины В. Януковича, подобный украинский националистический дискурс смог утвердиться среди большинства украинцев. С несогласными использовали «жесткую» силу – подкупали, использовали примитивную угрозу семье, захватывали предприятия, банки, осуществляли нападение на несогласное телевидение. Такую силу нельзя назвать умной потому, что мягкая культурная сила украинского национализма не имеет эффективной стратегии через запугивание и насилие. При этом культурная гегемония украинских СМИ оказывается лёгкой для навязывания мнений о российском вторжении в Юго-Восточную Украину. Так как с точки зрения постструктурализма Э. Лакло и Ш. Муффа дискурс формирует сознание индивида, то не обязательно, чтобы объект объективно существовал, главное, что сознание воспринимает его таким. Несогласные с политикой новых украинских властей представители Донецкой народной республики и отряды самообороны были названы террористами и сепаратистами. Это значит, что Евромайдан воспринимается как победа гражданской свободы и нации над насилием и олигархией, коммунизмом и русскими. Те, кто против унитарной Украины – сепаратисты, те, кто против унитарной Украины с оружием в руках – террористы. Конфронтационное отношение новой власти к своим противникам привело их к захвату административных зданий на востоке страны. Среди них сформировался свой дискурс. «Революция» была объявлена захватом власти, а руководство стало называться «военной хунтой». Конфликт дискурсов социально-политических групп определяет и практическую политику, сопротивление одних и наведение порядка другими.

События на Украине привели к изменению внутреннего дискурса в России. Источником его формирования стали государственные СМИ. В связи с появлением реального врага России,

это позволило использовать его в информационной войне. Ключевым политическим символом России является победа 9 мая, а «Правый сектор» стал наследником бандеровской организации УНА-УНСО. Эти организации выступали на стороне гитлеровских войск. Подобная схема превратила «Правый сектор» во врага России. Со времён Второй мировой войны ключевым правилом дискурсивного конфликта стало протекание его в антагонистическом формате. Против украинских националистов сформировался дискурс российского национализма. В СМИ делается акцент на национальности, В. Путин в эфире прямой линии самостоятельно отобрал вопрос о том, кто такой русский человек. Из его слов звучали понятия «Русский мир», Новороссия. Сближение национализма и государства формирует шовинистический политический режим.

Дискурсивный подход помогает раскрыть ошибки западных разведчиков по поводу присоединения Крыма. Современная разведка использует метод сбора и анализа информации. Сложно предположить, как информация была собрана разведкой США. Основной вывод американской разведки – Россия не будет активизирована в Крыму. Такую силу сложно назвать «умной». Разведка не может не учитывать происходившие в прошлом ситуации. Стоит обратиться к событиям 2008 года, когда осуществлялся конфликт вокруг Абхазии и Южной Осетии. В рамках дискурса Д. Медведева присутствовало три коммуникативных стратегии. Одна из них – стратегия дипломатического шантажа Грузии, выраженная эмоциональной и нецензурной лексикой. Вторая стратегия для Запада – это стратегия урегулирования, завершение политического конфликта, успокоения, мира. Пресс-конференции 2008 года проходили уже после завершения операции, поэтому выработка «плана Медведева-Саркози» отчётливо акцентировалась. А вот третий дискурс – дискурс «экстремальной ситуации» оказался непонятен Западу и фактически был забыт. А он заключается в том, что Россия защитит население от жертв, от этнических чисток. Население территорий имеет право самим определять свою политику [7]. В. Путин в ходе пресс-конференции 4 марта 2014 года ответил на во-

прос журналиста о возможности присоединения Крыма: «Нет, не рассматривается. И я вообще полагаю, что только граждане, проживающие на той или иной территории, в условиях свободы волеизъявления, в условиях безопасности могут и должны определять своё будущее. И если это было позволено, допустим, сделать косоварам, косовским албанцам, если это было позволено сделать вообще во многих частях света, то право нации на самоопределение, закреплённое, насколько мне известно, и в соответствующих документах ООН, никто не отменял. Но мы ни в коем случае не будем провоцировать никого на такие решения и ни в коем случае не будем подогревать такие настроения» [8]. В этом высказывании есть две стратегии: стратегия отказа от Крыма и стратегия самоопределения народа. В прошлый раз Д. Медведев настаивал на мирном желании продолжать диалог, что это стало ключевой коммуникативной стратегией. Но коммуникативная стратегия «экстремальной ситуации» существует. Сложно поспорить, что ситуация на Украине на тот момент не носила экстремальный характер. Стоит обратить внимание на высказывание по поводу распада Украины В. Путина в 2005 году. Он акцентировал внимание на правовом характере развития процесса в Украине в рамках действующей Конституции. В случае нарушения подобной ситуации создаётся угроза раскола и возможность использования Россией стратегии «экстремальной ситуации». Сложив дискурс В. Путина 2005 года и Д. Медведева 2008 года, получаем действия России в Крыму в 2014 году. Это также даёт основания для того, что дискурсивная парадигма позволяет прогнозировать принятие определённых политических решений.

Серьёзные споры в международном сообществе возникли по поводу крымского референдума и действий России. Отталкиваясь от практики, возникли два подхода: один – либеральный, другой – национальный. Проведение референдума без согласия центральной власти Украины и участие российских военных сделало референдум для Запада нелегитимным. Поэтому присоединение Крыма воспринимается, как оккупация, аннексия, интервенция. Здесь акцент делается на принудительном силовом характере

решения проблемы. Его можно отнести к дискурсу «жёсткой» силы. Для тех, кто поддержал присоединение Крыма к России, используется другой термин – воссоединение. Для данного термина предлагается добровольный характер участия граждан в решении данного вопроса. Подобное понятие обозначает привлекательность России для жителей Крыма. Это можно назвать «мягкой» силой. Единственный недостаток – запугивание населения нашествием националистических экстремистов. Противники России и присоединения Крыма обратились к истории. Примеры были взяты из истории нацистской Германии – «аншлюс Австрии» или «мюнхенский сговор». В своём Послании Федеральному собранию В. Путин от 18 марта 2014 года употребил только раз понятия аннексия и интервенция, чтобы опровергнуть их. М. Фуко одним из принципов дискурса назвал исключение понятий [6, с. 47–96]. В. Путин целенаправленно исключал понятия из своего дискурса. Аргумент В. Путина о том, что нельзя назвать аннексией территории события, где не был убит ни один человек. Использование Вооружённых Сил РФ оказалось эффективным. Главная цель – проведение референдума без насилия украинской армии и экстремистских групп, было достигнуто. Поэтому участие России в событиях в Крыму можно назвать «умной» силой.

Таким образом, политический дискурс обладает объяснительной способностью. В рамках внутреннего конфликта на Украине используется дискурсивная стратегия «мы» – «они». Основой борьбы стала культурная гегемония идеологии украинского национализма. СМИ сыграли решающую роль в формировании победы революции и формировании политического конфликта. На фоне этого в России стал усиливаться националистический дискурс. Ошибкой Запада стала опора на коммуникативную стратегию перемирия, формирующей для России стала коммуникативная стратегия «экстремальной ситуации». Из-за Крыма возник конфликт вокруг определения сути явления. На Западе его называют аннексией, оккупацией, в России – воссоединением. В рамках политической элиты и СМИ понятия аннексия, интервенция, оккупация исключаются. В ходе конфликта проявились все три вида силы. «Мягкая» сила проявилась через

культурную гегемонию Евромайдына. «Жёсткая» сила использовалась через попытку подавления сопротивления населения на Востоке Украины. «Умной» силой можно назвать проведение референдума и участие Вооружённых Сил РФ в Крыму. Единственным недостатком в стратегии РФ было отсутствие чёткого продуманного плана, действия происходили по ситуации.

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.
2. Кара-Мурза С.Г. Манипуляция сознанием. – М.: Изд-во Алгоритм, 2000. – 424 с.
3. Крюкова С., Солдатова Э. Прибить вождя // Русский репортёр. – 2013. – № 49 (327). – С. 38–41.
4. Най, С. Джозеф (младший) Будущее власти / С. Джозеф Най, младший; пер. с англ. В.Н. Верченко. – Москва: АСТ, 2014. – 444, [4] с.– (Политика).
5. Тён А. ван Дейк Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер с англ. – М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. – 344 с.
6. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М.: Касталь, 1996. 448 с.
7. Заявления для прессы и ответы на вопросы журналистов по итогам переговоров с Президентом Франции Николя Саркози 12.08.2008 года. Москва. [Электронный ресурс] URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/1072> (дата обращения: 30.06.2013).

8. В. Путин ответил на вопросы журналистов о ситуации на Украине. 4.03.2014, Московская область. [Электронный ресурс] URL: президент.рф/выступления/20366 (дата обращения: 20.04.2014).

1. Arutyunova N.D. Diskurs // Lingvisticheskiy e'nciklopedicheskiy slovar'. M., 1990. S. 136–137.
2. Kara-Murza S.G. Manipulyaciya soznaniem. – M.: Izd-vo Algoritm, 2000. – 424 s.
3. Kryukova S., Soldatova E'. Pribit' vozhdya // Russkij reportyor. – 2013. – № 49 (327). – S. 38–41.
4. Naj, S. Dzhozef (mladshij) Budushhee vlasti / S. Dzhozef Naj, mladshij; per. s angl. V.N. Verchenko. – Moskva: AST, 2014. – 444, [4] s.– (Politika).
5. Tyon A. van Dejk Diskurs i vlast': Reprezentaciya dominirovaniya v yazyke i kommunikacii. Per s angl. – M.: Knizhnyj dom «LIBROKOM», 2013. – 344 s.
6. Fuko M. Volya k istine: po tu storonu znaniya, vlasti i seksual'nosti. M.: Kastal', 1996. 448 s.
7. Zayavleniya dlya pressy i otvety na voprosy zhurnalistov po itogam peregovorov s Prezidentom Francii Nikolya Sarkozi 12.08.2008 goda. Moskva. [E'lektronnyj resurs] URL: <http://www.kremlin.ru/transcripts/1072> (data obrashheniya: 30.06.2013).
8. V. Putin otvetil na voprosy zhurnalistov o situacii na Ukraine. 4.03.2014, Moskovskaya oblast'. [E'lektronnyj resurs] URL: президент.рф/выступления/20366 (data obrashheniya: 20.04.2014).

«SOFT», «HARD» AND «SMART» POWER IN POLITICAL DISCOURSE OF INTERNATIONAL CRISIS AROUND UKRAINE

Fursov Kiril Konstantinovich,

South Ural state university,
Chair of political science,
Chelyabinsk, Russia,
E-mail: biathlon91@mail.ru

Annotation

The article describes the use of political discourse «soft», «hard», «smart» power. This scheme is used to refer to the events taking place in Ukraine in November 2013 – May 2014, as well as in international politics surrounding these events. Integrated concept of discourse derived from the method of graphic-semantic modeling concepts 27. The article analyzes the «soft» power of Ukrainian nationalism European square. By «hard» power of political discourse will treat antagonistic dictionary conflicting parties. International conflict has led to strengthening of the nationalist discourse in Russia. The paper shows the changing political discourse Russian President Vladimir Putin. Discourse analysis can be used for policy-making by combining similar context of events and communication strategies used. The only «smart» power can recognize the Crimea to Russia. Antagonistic political vocabulary formed around the annexation of Crimea.

Key words:

political discourse, «soft» power, «hard» power, «smart» power, Crimea, Russia, Ukraine.

ЯПОНИЯ КАК МИРОВОЙ ЛИДЕР ПРОДВИЖЕНИЯ SOFT POWER

Кочнева Елена Дмитриевна,

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина, Институт социально-политических наук, магистрант, г. Екатеринбург, Россия, E-Mail: lestognij@yandex.ru

Аннотация

Япония – мировой лидер в продвижении «мягкой силы». Япония как страна, отказавшаяся от применения военной силы в решении международных споров, а также редко прибегающая к экономическим методам принуждения (санкциям), естественным образом опирается на мягкую силу. Потенциал ее мягкой силы включает в себя традиционную и современную культуру, модель ведения бизнеса, инновации и другие аспекты. Важным инструментом проецирования мягкой силы является культурная и публичная дипломатия, которые имеют особое значение для понимания политики мягкой силы Японии.

Ключевые слова:

мягкая сила, японская культура, культурная дипломатия, привлекательный образ, национальная идентичность.

«Мягкая сила» имеет в Японии давние традиции. Японское государство оказалось на мировой политической арене в середине XIX века в результате насильственного «открытия» миру со стороны Соединенных Штатов Америки. Япония, вынужденная заключить ряд неравноправных договоров с западными державами, поставила перед собой цель войти на равных в мировое сообщество. Для достижения этой цели ею был взят курс на модернизацию под идеологическим лозунгом вагон-ёсай («японский дух – западная техника»). Речь шла о заимствовании и использовании на японской почве знаний, выработанных на Западе, при сохранении традиционного для японцев образа мышления и мировосприятия. Активизируя контакты с западными державами, Япония использовала средства, которые можно с полным основанием назвать ресурсами «мягкой силы», а именно – поистине уникальные культуру, язык и традиции [14].

Так, по версии английского журнала «Монокль», оценившего «мягкую силу» государств, в 2013 году Япония занимала 5 место, а в 2012 году – 6 место. И, тем не менее, несмотря

на впечатляющие успехи Японии в области продвижения массовой культуры, Японии пока еще не удастся достичь уровня США по силе своего «мягкого» воздействия на другие государства [4].

Немногим более 20 лет назад известный американский политолог Джозеф Най выдвинул весьма популярную в наши дни концепцию «мягкой силы», опирающуюся на три основных ресурса – культуру, политические ценности и внешнюю политику. По мнению Дж. Най, высказанному им в статье «Эффект мягкой силы», в XXI в. мир может претерпеть два типа изменений. Первый – это «перемещение силы» – изменение соотношения сил между государствами, а конкретнее – «переход влияния от Запада к Востоку». Второй тип – «рассеивание силы», что означает «переход силы, будь то на Западе или на Востоке, от государств к негосударственным институтам» [13]. При этом, конкретизируя процесс перемещения силы от Запада к Востоку, американский политолог предсказывает «подъем Азии», выделяя, в первую очередь, большие потенциальные ресурсы «мягкой силы» Японии.

В частности, Дж. Най приводит следующие показатели успехов Японии с точки зрения

ваемого «мягкого» измерения: 1-е место в мире по оказанию помощи развивающимся странам и одно из лидирующих мест по количеству зарегистрированных патентов. 2-е – по продажам книг и музыки, 3-е – по затратам на научные исследования и т. д.

Economic soft power of Japan

Япония является ведущим лидером в области автомобилестроения. В этой стране этот сегмент рынка разделяется среди 11 компаний, но основная доля находится в пяти фирмах. Опросы, проведенные американской ассоциацией J.D. Power and Associates среди 37 тысяч владельцев машин различных марок показали, что самыми надежными трёхлетними автомобилями в США, как и год назад, являются Lexus [2] (см. таблицу 1).

Таблица 1 – Рейтинг самых надежных автомобилей 2013

Место	Марка автомобиля
1 место	Lexus
2 место	Toyota
3 место	Honda
4 место	Audi
5 место	Mazda
6 место	BMW, Mercedes
7 место	Volvo

Стоит отметить, приоритетные места в рейтинге занимают японские марки автомобилей – крупнейшие корпорации мирового уровня создают выигрывающий образ Японии в глазах мира, не говоря уже о его главной отличительной черте, особенно актуальной в развивающемся мире. Это – успешный опыт модернизации страны, достигшей высочайшего уровня экономического развития, сопоставимого с американским и европейским, без ущерба для самобытной японской культуры.

Вопросы гуманитарного реагирования на неполитические кризисы (природные бедствия, техногенные катастрофы, пандемии и пр.) являются составной частью мягкой силы. Так, Европейский союз и Япония будут способствовать обеспечению международной гуманитарной помощи для сирийского населения, в том числе

в неподконтрольных правительству районах. В опубликованном заявлении по итогам состоявшегося в Брюсселе 22-го саммита ЕС-Япония выражена «серьезная озабоченность ухудшением гуманитарной ситуации в Сирии и соседних странах, недопустимым уровнем насилия» [3]. Также Правительство Японии намерено предоставить 83,4 миллиона долларов гуманитарной помощи для стабилизации ситуации в африканском регионе Сахель [6].

Human capital soft power of Japan

Особое внимание японское правительство уделяет образовательным программам, направленным как на молодежь, так и на специалистов. Действуют англоязычные программы для студентов, стажеров-исследователей, стажировки для преподавателей, программа «молодые лидеры», предназначенная для государственных служащих, работников в сфере здравоохранения, промышленных кругов, юриспруденции и т. д., подающих надежды в качестве будущих лидеров азиатских стран, программы магистратуры в японских вузах.

Одновременно развиваются межуниверситетские связи. Например, японские университеты Хосэй, Васэда, Цукуба и другие реализуют программы студенческих обменов с ведущими учебными заведениями региона. В университете Цукуба с сентября 2006 г. действует Международный Центр Средней Азии, где занимаются совместными исследованиями и разработками в области преподавания.

Запуск диалога «Центральная Азия плюс Япония» в 2004 г. способствовал формированию единого подхода к культурному взаимодействию со странами региона. Во-первых, культурные и гуманитарные обмены выделены в самостоятельное направление. Во-вторых, Правительство Японии планирует принять в течение 3 лет 1000 стажеров из Центральной Азии. Используя образовательные программы, Токио работает с молодежью из центральноазиатских стран, формирует новое поколение политической и деловой элиты, знакомое со Страной восходящего солнца, готовое и желающее с ней сотрудничать.

Представляется, что и запуск Интеллектуального диалога в рамках инициа-

тивы «Центральная Азия плюс Япония» можно рассматривать как одно из проявлений политики мягкой силы. С помощью этого диалога Япония вовлекает в работу экспертов, то есть лиц, имеющих влияние на формирование общественного мнения. Таким образом, сочетая работу с молодежью и диалог с представителями элиты, Токио укрепляет мягкую силу в регионе [7].

Активная целенаправленная деятельность Японии по распространению и пропаганде японского языка за рубежом, ставшая долгосрочной целью ее внешней политики, началась с 1970-х годов. Это было связано с тем, что к концу 1960-х годов страна приобрела статус второй экономической державы мира, осознала свою роль и влияние на мировой арене и стала стремиться играть более активную роль в международных делах.

В 1972 г. при Министерстве иностранных дел Японии был создан Японский фонд международных культурных обменов, или Японский фонд (Japan Foundation). Это специализированная организация с бюджетом в 100 млрд. иен (приблизительно, 1 млрд. 250 тыс. долл.), основная цель которой – распространение японского языка и японской культуры за рубежом. После окончания «холодной войны» перед Фондом была поставлена задача – стать одним из «главных проводников политики». В настоящее время Японский фонд является одним из крупнейших культурных инвесторов в мире. В рамках национальной политики он целенаправленно реализует «продуманную стратегию инвестирования в позитивный имидж Японии за рубежом, включая и Россию» [9, с. 51]. В его программном документе подчеркивается: «Чем больше людей в мире изучают японский язык, тем глубже становится их понимание Японии». В целях увеличения числа изучающих японский язык Фонд финансирует проекты в более чем 190 странах мира, в том числе и в России.

По последним данным, полученным в ходе исследований, организованных при содействии Японского фонда, об изучении и распространении японского языка в мире, 3,65 млн. человек изучало японский язык в 133 странах и регионах мира (в это число не вошли те, кто изучал японский язык самостоятельно). Особый акцент при распространении японского языка делается

на молодежь. В XXI веке Япония инициировала глобальный проект «Cool Japan» («Крутая Япония») с целью пропаганды за рубежом среди молодого поколения японского образа жизни и японской молодежной субкультуры (анимэ, манга, поп-музыка, мода, кухня и пр.) [10, с. 116].

Деятельность Японского фонда по пропаганде японского языка за рубежом можно оценивать как вполне успешную. Что побуждает всех заинтересованных изучать японский язык? Прежде всего, непосредственный интерес к самому языку. Такого мнения, судя по последним опросам, придерживается 58,1%. 55,1% опрошенных высказались о желании контактов и общении на японском языке; 50,6% респондентов заявили об интересе к манга и анимэ; 47,4% – к истории и литературе Японии; 42,6% заявили о необходимости изучать японский язык, поскольку хотели бы работать в Японии; 35% – поскольку хотели бы учиться в Японии; 32,9% отметили, что язык способствует пониманию чужой культуры; 31,4% – помогает понять и объяснить действие социальных институтов в стране; 25,6% – язык необходим для изучения социально-экономической и политической ситуации в стране.

Для расширения своего влияния в АТР, прежде всего Восточной и Юго-Восточной Азии, Япония использует активное экономическое взаимодействие, тесные исторические и культурные связи. Подобные устремления не могут не найти своего отражения в политике Японского фонда, который наиболее активно распространяет японский язык именно в данном регионе.

Стремясь повысить свой авторитет в регионе, Япония заявляет о своей готовности играть роль «моста» между странами Запада и Востока, позиционирует себя в качестве «самой западной из азиатских держав».

На первом месте по числу изучающих японский язык в мире находится Южная Корея – 26,4% (964 014). Далее следуют: Китай – 827 171, Индонезия – 716 353, Австралия – 275 710, Тайвань – 247 641 и т. д. По числу институтов японского языка первое место в мире – 25,5% (3 799) – также занимает Южная Корея. А вот по количеству преподавателей японского языка первая строчка в мире – 31,3% (15 613) – принадлежит Китаю.

Несмотря на явный интерес к японскому языку, число изучающих японский язык (официально учтенных) в России находится пока на низкой отметке и составляет всего лишь 0,3% (около 10 000) от общего числа изучающих японский язык в мире [1].

Cultural soft power of Japan

В современной Японии все чаще звучат призывы к более эффективному использованию «мягкой силы» на международной арене. Ставится задача расширить сотрудничество с мировым сообществом на этой основе, отмечается необходимость увеличения инвестиций в развитие такого сотрудничества [8, с. 168]. Япония позиционирует себя, в первую очередь, как миролюбивое государство, в котором доминируют пацифистские настроения. Постоянно подчеркивается приверженность конституции (1947 г.), в статье 9 которой зафиксирован отказ государства от войны «как суверенное право нации, а также от угрозы или применения вооруженной силы как средства разрешения международных споров». Это особенно актуально во взаимоотношениях со странами Восточной и Юго-Восточной Азии, где сильны исторически сложившиеся негативные представления о Японии как о милитаристском государстве, государстве-агрессоре. Выступая за сокращение ядерного оружия в мире, Япония позиционирует себя как неядерная держава и заявляет о своей приверженности «трем неядерным принципам», принятым японским правительством в 1968 г.: не обладать, не производить, не ввозить на свою территорию ядерное оружие. Большое значение в рамках использования «мягкой силы» как инструмента национальной политики в Японии придают Официальной помощи развитию (ОПР – ODA). Это направление своей политики японцы считают одним из успешных. Отмечается, к примеру, что в период 1994–2004 гг. пятая часть общих средств, выделенных в Фонд содействия развитию во всем мире, была внесена Японией.

Безусловно, важным ресурсом «мягкой силы» в Японии считается культурная политика как неотъемлемая часть государственной политики.

Целями японской культурной политики провозглашаются:

- 1) внесение значительного вклада в развитие мировой культуры и цивилизации;
- 2) создание условий для адаптации страны к изменениям, вызванным глобализационными процессами;
- 3) сохранение и продвижение собственной национальной идентичности.

Как отмечается в правительственных кругах Японии, культура не только представляет огромный интерес внутри страны, но и способствует обеспечению национальных интересов за границей [8, с. 168]. Языковой политике как части культурной политики в Японии традиционно придается большое значение. Распространение японского языка за рубежом в рамках этой политики расценивается как важный ресурс «мягкой силы».

Сегодня можно определенно говорить о том, что путь к региональному лидерству лежит, в том числе, через развитие «мягкой силы» стран, поставивших перед собой столь амбициозные цели. Но самый главный ресурс – это глобальное влияние в мире (и прежде всего в азиатских странах) японской поп-культуры, начиная с комиксов-*манга*, анимационных фильмов – *анимэ*, кино, поп-музыки, моды, кухни и т. д. В Токио первыми на Азиатском континенте, правда, с заметным опозданием по сравнению с западными странами, пришли к пониманию и активному использованию «мягкой силы» в качестве мощного инструмента международного влияния. Здесь его трактуют как воздействие на мир с помощью цивилизационной и гуманитарно-культурной деятельности и рассматривают в тесном взаимодействии с культурной дипломатией.

Для разработки ее концептуальной основы в 2004 г. был создан Консультативный совет во главе с профессором университета «Хосэй» Аоки Тамоцу, одной из задач которого стало улучшение имиджа Японии в мире. Следует подчеркнуть, что в Японии традиционный подход к этой проблеме долгие годы базировался на иных принципах, нежели, к примеру, в США [12, с. 57]. Он был основан, главным образом, на экспорте традиционных культурных ценностей, таких как театр Кабуки,

чайная церемония или искусство *икэбана*. Их продвижение во внешний мир было призвано показать историческую значимость Японии и ее многовековой культуры для мирового наследия. Логика такого подхода ясна: понимание Японии возможно только при понимании основ ее истории и культуры, а современный культурный слой – это лишь малая часть культуры, которая в самой большой степени подверглась воздействию различных внешних факторов – как идеологических, так и коммерческих.

Но оказалось, что в нынешних условиях именно современный культурный слой открывает кратчайший путь к завоеванию популярности Японии в мире, возникновению массового интереса к глубинам японской истории и культуры. Вот почему предложенная Консультативным советом концепция делает упор на пропаганду массовой культуры как стартовой позиции для понимания Японии.

Впервые этот курс японского правительства озвучил в серии своих публичных выступлений в 2006 г. тогдашний министр иностранных дел Асо Таро Асо. Впоследствии их основные положения были обобщены в его программной речи «Новый взгляд на культурную дипломатию» (2008 г.). А в 2008 г. уже на посту премьер-министра Японии Асо презентовал «Новую стратегию Японии в условиях современной эпохи», особо выделяя задачу дальнейшего продвижения «мягкой силы» как одного из наиболее перспективных направлений развития страны на ближайшие годы и уделяя при этом особое внимание пропаганде японской поп-культуры.

Члены нынешнего кабинета во главе с Абэ Синдзо, судя по всему, не настроены кардинально менять этот курс, сосредоточив усилия на всесторонней корректировке популярного проекта «Cool Japan» с целью дальнейшего развития основных отраслей японской культурной индустрии – *анимэ*, *манга*, компьютерных игр, моды, кухни и т. д. На это, в частности, указывает вышедшее в 2013 г. распоряжение премьер-министра о создании специальной консультативной группы для разработки нового крупного брендинг-проекта с тем же названием Cool Japan, с помощью которого планируется еще выше поднять уровень популярность

японской культуры в Китае, Франции, США, Индии, Южной Корее и др. странах, а также в разы увеличить приток иностранных туристов в Японию [11].

Методы «мягкой силы» во многом направлены на создание комфортных условий для развития торгово-экономических, культурных, образовательных отношений, а также туризма. Эксперты Country Brand Index 2011–2012 также высоко оценили уровень жизни и возможности для ведения бизнеса в Стране Восходящего Солнца. Япония стала лидером в сфере туризма. К такому выводу пришла компания FutureBrand в рамках своего ежегодного индекса мировых туристических брендов COUNTRY BRAND INDEX. Япония также попала в десятку лучших стран по уровню жизни, а также в категориях «Благоприятно для бизнеса» и «Историческое и культурное наследие», сообщили РИА PrimaMedia в Японской национальной туристической организации.

Составители индекса подчеркнули: «Возможно, это удивительно, но Япония вырвалась на первое место в сфере туризма и отвоевала 5 позиций в категории «Уровень жизни». Япония всегда была сильным туристическим брендом и пользуется невероятной популярностью среди деловых путешественников и отдыхающих. В период с марта по август 2011 года показатели въездного турпотока резко снизились, но по мере приближения к концу года этот спад становится не таким резким (по сравнению с показателями 2010 года)» [5].

И, тем не менее, несмотря на впечатляющие успехи Японии в области продвижения массовой культуры, Японии пока еще не удается достичь уровня США по силе своего «мягкого» воздействия на другие государства.

Прослеживая основные тенденции в развитии «мягкой силы» Японии, Дж. Най говорит о существующих пределах в развитии «мягкой силы» Японии.

Фактором первым и основным ограничителем считают «внутреннюю ориентацию ее культуры на сохранение, консервацию особенностей ее деловой этики и образа жизни. Именно такая внутренняя установка мешает Японии претендовать на более широкое распространение ее влияния в мире» [13].

Фактор второй – военное прошлое Японии, которое до сих пор сохраняет «остаточную подозрительность» в таких странах, как Китай и Корея, усилившуюся после выхода в Японии очередного учебника истории с попытками оправдать агрессивные действия японской военизированной полиции в годы войны и посещения премьер-министром Японии храма Ясукуни, где поклоняются душам воинов, погибших за Японию и императора.

Фактор третий – серьезные демографические проблемы в стране. По прогнозам, к середине века население Японии может сократиться на 30%, если она не привлечет 17 млн. иммигрантов, что остается задачей весьма сложной и практически очень трудно разрешимой для страны, исторически сопротивляющейся иммиграции.

Фактор четвертый – языковой барьер: японский язык, который, несмотря на усилия государственных и частных структур, рискует не получить широкое распространение в мире в обозримом будущем.

Хотя японская «мягкая сила» уступает американской в некоторых областях (например, в использовании Интернета), за рубежом сложился достаточно привлекательный образ Японии и японцев. Результаты исследования общественного мнения показывают, что Япония всегда занимает лидирующие позиции. Благоприятную роль в формировании подобного образа сыграла пацифистская политика, проводимая Токио после окончания войны, хотя в самой стране этот курс вызывает много вопросов. Япония, будучи побежденной страной, быстро восстановилась и приобрела мощь, достаточную даже для того, чтобы успешно конкурировать с США в торгово-экономической сфере.

Японцам удалось сформировать привлекательный образ возрожденного государства – это и есть часть японской «мягкой силы». Японский язык из-за своей сложности не может считаться элементом привлекательности страны, однако культура, искусство, кухня и, конечно, манга – это безусловные инструменты «мягкой силы».

Японские проекты доказали свою эффективность и позволили сформировать позитивный образ страны за рубежом, распространение

современной японской культуры, в том числе ее национальных элементов.

1. Survey on Japanese-Language Education Abroad. [Электронный ресурс]: Официальный сайт The Japan Foundation. Режим доступа: <http://www.jpf.go.jp/e/japanese/survey/result/index.html>.

2. Ежегодный рейтинг надежности автомобилей 2013 года. [Электронный ресурс]: Официальный сайт J.D. Power and Associates. Режим доступа: <http://autos.jdpower.com/ratings/index.htm>.

3. ЕС и Япония будут добиваться доступа гуманитарной помощи населению Сирии / [Электронный ресурс]: Официальный сайт Национальной Швейцарской теле- и радиокорпорации. Режим доступа: <http://www.swissinfo.ch/rus/detail/content.html?cid=38535394>.

4. Исследование мягкой силы, 2012–2013. [Электронный ресурс]: Официальный сайт журнала «Монокл». Режим доступа: <http://monocle.com/film/Affairs/soft-power-survey-2013/>.

5. Мировое лидерство в сфере туризма стало принадлежать Японии. [Электронный ресурс]: Официальный сайт Медиахолдинга PrimaMedia. Режим доступа: <http://primamedia.ru/news/asia/05.01.2012/185968/mirovoe-liderstvo-v-sfere-turizma-stalo-prinadlezhat-yaponii.html>.

6. Япония намерена выделить \$83,4 млн. гуманитарной помощи региону Сахель. [Электронный ресурс]: Официальный сайт Сетевого издания «РИА Новости». Режим доступа: <http://ria.ru/world/20140111/988719643.html#ixzz31ZcDYT9B>.

7. Добринская О. «Мягкая сила Японии» в странах Центральной Азии. [Электронный ресурс]: Официальный сайт Аналитического центра «Разумные решения». Режим доступа: <http://analitika.org/international-affairs/geo/2637-myagkaya-sila-yaponii-v-stranah-centralnoy-azii.html>.

8. Железняк О.Н. Культурная политика Японии на современном этапе // Япония наших дней. № 2 (8), 2011. – М.: ИДВ РАН, 2011. – 168 с. [Электронный ресурс]: Официальный сайт Центра исследований Японии, Институт Дальнего Востока РАН. Режим доступа: <http://japancenter.livejournal.com/756049.html>.

9. Казаков О. По пути «мягкой силы» // Россия в АТР. 2012. № 3 (24), сентябрь 2012. С. 51. [Электронный ресурс]: Официальный сайт Библиотеки Института Дальнего Востока. Режим доступа: http://www.ifes-ras.ru/online-library/book/6-papers/42-ratr_24-kazakov.

10. Катасонова Е.Л. «Япония – новый центр массовой культуры». Глобальные вызовы – японский ответ / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М.: АИРО–XXI. 2008. – С. 116. [Электронный ресурс]: Официальный сайт Центра изучения современной Японии. Режим доступа: http://kulanov.ru/wp-content/uploads/2010/11/japanese_response.pdf.

11. Катасонова Е.Л. Чему России полезно поучиться у Японии. [Электронный ресурс]: Официальный сайт Института востоковедения РАН. Режим доступа: <http://www.ivtan.ru/component/content/article/17-ios-smi/714-ios-smi-febr2014>.

12. Молодяков В.Э. Бренд «Япония»: превращения национальной идеи Глобальные вызовы – японский ответ / Рук. проекта Э.В. Молодякова. – М.: АИРО–XXI. 2008. – С. 57. [Электронный ресурс]: Официальный сайт Центра изучения современной Японии. Режим доступа: http://kulanov.ru/wp-content/uploads/2010/11/japanese_response.pdf.

13. Най Дж.: «Мягкая сила» и американско-европейские отношения. [Электронный ресурс]: Официальный сайт «The

Smart Power Journal». Режим доступа: <http://smartpowerjournal.ru/soft-power/>.

14. Романова И., к. и. н., доцент каф. политологии стран Востока ИСАА МГУ, эксперт РСМД. Японский язык как инструмент «мягкой силы». [Электронный ресурс]: Официальный сайт Российского совета по международным делам. Режим доступа: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1258#top.

1. Survey on Japanese-Language Education Abroad. [Electronic resource]: official website The Japan Foundation. Mode of access: <http://www.jpfe.go.jp/e/japanese/survey/result/index.html>.

2. Annual Car Reliability Ratings 2013. [Electronic resource]: official website JD Power and Associates. Mode of access: <http://autos.jdpower.com/ratings/index.htm>.

3. EU and Japan will seek access of humanitarian aid to Syria / [electronic resource]: Ofitsilny's Swiss National TV and radio. Mode of access: <http://www.swissinfo.ch/rus/detail/content.html?cid=38535394>.

4. Study soft power, 2012–2013. [Electronic resource]: The official website of the magazine «Monocle.» Mode of access: <http://monocle.com/film/Affairs/soft-power-survey-2013/>.

5. Global leadership in the field of tourism was owned by Japan. [Electronic resource]: official website Mediaholding PrimaMedia. Mode of access: <http://primamedia.ru/news/asia/05.01.2012/185968/mirovoe-liderstvo-v-sfere-turizma-staloprindlezhat-yaponii.html>.

6. Japan intends to allocate \$83.4 million of humanitarian assistance to the region Sahel. [Electronic resource]: official website zines «RIA Novosti». Mode of access: <http://ria.ru/world/20140111/988719643.html#ixzz31ZcDYT9B>.

7. Dobrinskaya O. «Soft Power of Japan» in the countries of Central Asia. [Electronic resource]: The official website of the Analytical Center «Reasonable solutions». Mode of access: [http://analitika.org/international-affairs/geo/2637-mygakaya-sila-](http://analitika.org/international-affairs/geo/2637-mygakaya-sila-yaponii-v-stranah-centralnoy-azii.html)

[yaponii-v-stranah-centralnoy-azii.html](http://analitika.org/international-affairs/geo/2637-mygakaya-sila-yaponii-v-stranah-centralnoy-azii.html).

8. Zheleznyak ON. Cultural policy in Japan at the present stage // Japan today. Number 2 (8), 2011. – М.: IFES, 2011. – 168. [Electronic resource]: The official website of Japan Research Center, Institute for Far Eastern Studies. Mode of access: <http://japancenter.livejournal.com/756049.html>.

9. Kazakov A. The path of «soft power» // Russia in the Asia-Pacific region. 2012. № 3 (24), September 2012. С. 51. [Electronic resource]: The official website of the Institute of the Far East Library. Mode of access: http://www.ifes-ras.ru/online-library/book/6-papers/42-ratr_24-kazakov.

10. Katasonova EL. «Japan – the new center of mass culture.» Global Challenges – Japanese response / Ms. EV project Molodyakova. – Moscow: AIRO-XXI. 2008. – S. 116. [Electronic resource]: The official website of the Center study of modern Japan. Mode of access: http://kulanov.ru/wp-content/uploads/2010/11/japanese_response.pdf.

11. Katasonova EL. What Russia is useful to learn from Japan. [Electronic resource]: The official website of the Institute of Oriental Studies. Mode of access: <http://www.ivran.ru/component/content/article/17-ios-smi/714-ios-smi-febr2014>.

12. Molodyakov VE. Brand «Japan»: the transformation of the national idea Global Challenges – Japanese response / Ms. EV project Molodyakova. – Moscow: AIRO-XXI. 2008. – P. 57. [Electronic resource]: The official website of the Center study of modern Japan. Mode of access: http://kulanov.ru/wp-content/uploads/2010/11/japanese_response.pdf.

13. J. Nye, «Soft Power» and US-European relations. [Electronic resource]: official website «The Smart Power Journal». Mode of access: <http://smartpowerjournal.ru/soft-power/>.

14. I. Romanova, Ph.D., Associate Professor of Department. Politics of East IAAS MSU expert INF. Japanese language as an instrument of «soft power.» [Electronic resource]: The official website of the Russian Council on Foreign Affairs. Mode of access: http://russiancouncil.ru/inner/?id_4=1258#top.

JAPAN AS A WORLD LEADER PROMOTING SOFT POWER

Kochneva Elena,

Ural Federal University named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Institute of social-political sciences, undergraduate of political sciences, Ekaterinburg, Russia, E-Mail: lestognij@yandex.ru

Annotation

Japan – the world leader in the promotion of «soft power». Japan as a country, to renounce the use of military force in settling international disputes, and rarely resort to economic methods of coercion (sanctions), naturally relies on soft power. Potential of its soft power includes traditional and contemporary culture, business model, innovation and other aspects. An important tool is the projection of soft power and cultural diplomacy public that are of particular importance for understanding the politics of Japan's soft power.

Key words:

soft power, Japanese culture, cultural diplomacy, attractive image, national identity.

МЯГКАЯ СИЛА ЯПОНИИ

Шакиров Евгений Рафикович,

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Институт искусствоведения и культурологии, магистрант, г. Екатеринбург, Россия, E-mail: nunchaka66@gmail.com

Аннотация

В современном мире государству недостаточно иметь военную мощь для ведения внешней политики и влияния на международной арене. В данной статье рассматривается мягкая сила как инструмент внешней культурной политики на примере Японии.

Ключевые слова:

мягкая сила, культура, образование, культурная политика, «национальный бренд», поп-культура, языковая политика.

В XXI в. каналы воздействия государства на международные процессы и другие страны расширяются. Государства издревле стремились и стремятся использовать как можно более широкий набор средств для достижения своих внешнеполитических целей, подкрепления международных позиций своей страны, создания её позитивного образа за рубежом. Сегодня более важным фактором воздействия, чем военная мощь и обладание ядерным оружием, являются экономический успех, идеологическая убедительность и культурная привлекательность страны [9, с. 8].

Немногим более 20 лет назад известный американский политолог Джозеф Най выдвинул весьма популярную в наши дни концепцию «мягкой силы», опирающуюся на три основных ресурса – культуру, политические ценности и внешнюю политику. По мнению Дж. Най, высказанному им в статье «Эффект мягкой силы», в XXI в. мир может претерпеть два типа изменений. Первый – это «перемещение силы» – изменение соотношения сил между государствами, а конкретнее – «переход влияния от Запада к Востоку». Второй тип – «рассеивание силы», что означает «переход силы, будь то на Западе или на Востоке, от государств к негосударственным институтам». При этом, конкретизируя процесс перемещения силы от Запада к Востоку, американский политолог предсказывает «подъем Азии», выделяя, в первую очередь,

большие потенциальные ресурсы «мягкой силы» Японии.

В рамках данной статьи на примере Японии будет продемонстрирован весь инструментарий «мягкой силы» данной страны.

Япония – древнее, самобытное государство. Первые сведения о японцах содержатся в китайских источниках, относящихся к I в. до н. э. В VIII в. появляются японские хроники, представляющие собой своды мифов и исторических преданий. Согласно японской системе верований – синтоизму, японская нация ведет свое начало от богини солнца Аматэрасу, прямым потомком которой был легендарный император Японии Дзимму (Дзимму-Тэнно), взойшедший на престол «государства Ямато» в 660 г. до н. э. и положивший начало непрерывной династии японских императоров.

Современная Япония расположена на архипелаге, который тянется с севера на юг вдоль восточного побережья Азиатского континента; ее главные острова: Хоккайдо (наименее населенный) – на севере, Хонсю и Сикоку – в центре и Кюсю на юге. Кроме них имеется также более трех тысяч небольших островов. Площадь Японии – около 400 тыс. кв. км, население – 120 миллионов человек [6, с. 2].

Япония является одной из промышленно развитых стран, где можно найти богатую исто-

рию, разнообразные культурные фестивали, отличную кухню, прекрасные сады, величественные пейзажи и захватывающие дух горы, в том числе гору Фудзи – одну из самых узнаваемых мировых вершин. Страна также известна отраслями, выпускающим самую высококачественную продукцию в мире, такую как автомобили и электроника. Национальная психология японцев, как и любой другой этнической общности, формируется под влиянием прошлого опыта и новых веяний, причем прошлое в этом процессе играет исключительно важную роль.

Мягкая сила» имеет в Японии давние традиции. Японское государство оказалось на мировой политической арене в середине XIX века в результате насильственного «открытия» миру со стороны Соединенных Штатов Америки. Япония, вынужденная заключить ряд неравноправных договоров с западными державами, поставила перед собой цель войти на равных в мировое сообщество. Для достижения этой цели ею был взят курс на модернизацию под идеологическим лозунгом вагон-ёсай («японский дух – западная техника»). Речь шла о заимствовании и использовании на японской почве знаний, выработанных на Западе, при сохранении традиционного для японцев образа мышления и мировосприятия. Активизируя контакты с западными державами, Япония использовала средства, которые можно с полным основанием назвать ресурсами «мягкой силы», а именно – поистине уникальные культуру, язык и традиции [8, с. 42].

Начиная с 2010 года журнал «Монокль» публикует международный рейтинг стран с самым высоким уровнем «мягкой силы» (softpower). Результаты исследования дают сравнительный анализ ресурсов «мягкой силы» различных государств. Исследование, надо признать, не дает абсолютную оценку влияния и не предсказывает успех внешней политики того или иного государства. В действительности, некоторые государства, занявшие в рейтинге лидирующие позиции, продолжают уменьшать свою «мягкую силу» посредством принятого политического курса. Но целью данного индекса является придание нового импульса дебатам по поводу важности и актуальности «мягкой силы», а также напоминание дипломатам и политикам, что успешное претворение в жизнь стратегии «мягкой силы»

начинается с четкого аудита имеющихся у них под рукой ее ресурсов.

По результатам ежегодного исследования «мягкой силы» журнала Monocle [3] (№ 69, декабрь-январь 2013/2014) Япония занимает 5 место в рейтинге стран, применяющих стратегию «мягкой силы».

Безусловно, важным ресурсом «мягкой силы» в Японии считается культурная политика как неотъемлемая часть государственной политики. Как отмечается в правительственных кругах Японии, культура не только представляет огромный интерес внутри страны, но и способствует обеспечению национальных интересов за границей. В Японии иногда звучат призывы придать японскому языку статус международного, сделать языком ООН – в противовес английскому языку, ныне господствующему в мире. Существует мнение, что «с приобретением японским языком статуса международного страна может превратиться действительно в великую державу» [1, с. 56].

На первом месте по числу изучающих японский язык в мире находится Южная Корея – 26,4% (964 014). Далее следуют: Китай – 827 171, Индонезия – 716 353, Австралия – 275 710, Тайвань – 247 641 и т.д. По числу институтов японского языка первое место в мире – 25,5% (3 799) – также занимает Южная Корея. А вот по количеству преподавателей японского языка первая строчка в мире – 31,3% (15 613) – принадлежит Китаю [3, с. 34].

Языковой политике как части культурной политики в Японии традиционно придается большое значение. Распространение японского языка за рубежом в рамках этой политики расценивается как важный ресурс «мягкой силы». Активная целенаправленная деятельность Японии по распространению и пропаганде японского языка за рубежом, ставшая долгосрочной целью ее внешней политики, началась с 1970-х годов. Это было связано с тем, что к концу 1960-х годов страна приобрела статус второй экономической державы мира, осознала свою роль и влияние на мировой арене и стала стремиться играть более активную роль в международных делах.

В 1972 г. при Министерстве иностранных дел Японии был создан Японский фонд международных культурных обменов, или Японский фонд (Japan Foundation). Это специализированная

организация с бюджетом в 100 млрд. иен (приблизительно, 1 млрд. 250 тыс. долл.), основная цель которой – распространение японского языка и японской культуры за рубежом. После окончания «холодной войны» перед Фондом была поставлена задача – стать одним из «главных проводников политики японского правительства».

Благодаря, в первую очередь, целенаправленной деятельности Японского фонда, а также некоторых других японских организаций, занятых в сфере языковой политики, все большее число людей в мире приобщается к японскому языку, а, следовательно, и к культуре страны изучаемого языка. Особый акцент при распространении японского языка делается на молодежь. В XXI веке Япония инициировала глобальный проект «Cool Japan» («Крутая Япония») с целью пропаганды за рубежом среди молодого поколения японского образа жизни и японской молодежной субкультуры (аниме, манга, поп-музыка, мода, кухня и пр.) [5, с. 48].

Японская поп-культура (мода, аниме, манга) любима не только в Японии, но и среди молодежи по всему миру. Она выросла и совершенствовалась в повседневной жизни японцев, особенно – японской молодежи, став благодаря этому ещё более богатой и разнообразной.

Азиатское издание журнала Time за 2003 г. приводит цитату Итии Накамура из Media Lab Массачусетского технологического института: «Японское общество превратилось из индустриального в поп-культурное». В том же номере журнала директор Центра прогнозирования компании «Марубэни» Цутому Сугиура пишет, что «за последние 10 лет японский культурный экспорт (доходы от продажи и лицензирования фильмов, анимэ, музыки) вырос в 3 раза и составил 12,5 млрд. долл., в то время как промышленный экспорт увеличился лишь на 20%. Конечно, указанная сумма кажется весьма невысокой, если сравнивать ее с ежемесячными доходами компании Toyota (11 млрд. долл.), однако динамика роста не может не удивлять» [11].

В конце XX века Япония заявила о смелых приоритетах своей внешней политики. Региональное направление было выбрано в качестве главного. В XXI веке Япония стремится к повышению своего международного политического статуса через укрепление позиций в Азиатско-

Тихоокеанском регионе. Для расширения своего влияния в Азиатско-Тихоокеанском регионе, прежде всего в Восточной и Юго-Восточной Азии, она использует активное экономическое взаимодействие, тесные исторические и культурные связи. На усиление воздействия направлены риторические заявления об «общей для стран Азии цивилизационной принадлежности» и «общности судеб» со странами Востока.

Аналитики американского центра The Earth Institute («Институт Земли») создали очередной рейтинг стран мира по уровню счастья населения. При расчёте всемирного индекса счастья используются три показателя: воздействие человека на природу («ecological footprint» / «экологический след»), продолжительность жизни и удовлетворённость жизнью. Чем больше индекс, тем страна затрачивает меньшее количество ресурсов для обеспечения благополучной жизни своих граждан (продолжительность жизни + удовлетворённость своей жизнью). Иначе говоря, всемирный индекс счастья не показывает «счастьевость» граждан той или иной страны, а иллюстрирует эффективность использования природных ресурсов каждой страной мира для того, чтобы человек чувствовал себя счастливым. Самый высокий всемирный индекс счастья имеет Коста-Рика, самый низкий – Зимбабве. В этом рейтинге Япония занимает лишь 45 позицию [11].

Не секрет, что Япония является одной из самых высокоразвитых стран мира, по объему инвестиций в систему образования она занимает второе место [6, с. 7]. Образование в Японии – это культ, поддерживаемый семьей, обществом и государством. С детства японцы постоянно и интенсивно учатся. Сначала – чтобы поступить в престижную школу, затем – чтобы пройти по конкурсу в лучший университет, после – чтобы попасть на работу в уважаемую и процветающую корпорацию. Принятый в Японии принцип «пожизненного найма» дает человеку право только на одну попытку занять достойное место в обществе. Хорошее образование считается гарантией того, что она окажется успешной.

В Японии около 600 университетов, включая 425 частных. Общая численность студентов превышает 2,5 млн. человек. Самыми престижными государственными университетами являются Токийский (основан в 1877 году, имеет

11 факультетов), университет Киото (1897 год, 10 факультетов) и университет в Осаке (1931 год, 10 факультетов). За ними в рейтинге следуют университеты Хоккайдо и Тохоку. Из частных наиболее известны университеты Тюо, Нихон, Васэда, Мэйдзи, Токай и Кансайский университет в Осаке. Кроме них есть значительное количество «карликовых» высших учебных заведений, насчитывающих 200–300 студентов на 1–2 факультетах. По итогам исследования журнала THE World University Rankings 2013–2014, только 5 университетов Японии попали в международные рейтинги лучших вузов мира [2, с. 70].

В Японии хорошо понимают, насколько важна роль «национального бренда» в транслировании национальной культуры. Все чаще бренды становятся средствами, с помощью которых потребители формируют свои мнения о национальной идентичности той или иной страны. В то время как пожилая аудитория потребителей может ассоциировать Японию с самураями, гейшами и горой Фудзи, то первыми ассоциациями у молодого поколения будут, скорее всего, бренды Sony, Nintendo, Pokemon и др. И, тем не менее, сегодня Япония делает особый акцент на пропаганде японской кухни и моды.

24 ноября 2004 г. газета «Майнити» сообщила о формировании Штаба стратегии интеллектуальной собственности Кабинета министров, который обнародовал план создания «бренда Японии» для экспорта изделий японской моды и блюд национальной кухни. Ближайшей задачей объявлена разработка эффективной экспортной торговой марки. Над этим готовы трудиться ведущие дизайнеры, модельеры и кулинары.

Помимо академических экспертов в состав рабочей группы вошли: владелец ресторана национальной кухни «Аоги» Хирохиса Кояма, шеф-повар и владелец Hotelde Mikuni Киёми Микун, руководитель салона дома моды Issey Miyake Нобуюки Ота, художник-модельер Юмико Хара, дизайнер Акира Минагава. Правительство также рассматривает план учреждения особого приза премьер-министра «лучшему повару» [4, с. 86].

С модой, наверное, японцы несколько поторопились, хотя в последние годы японские модельеры сделали решительный шаг в сторону мирового признания: имена Иссэй Миякэ, Эдзи

Ямамото, Рэй Кавакубо и других буквально у всех на устах. Однако речь идет главным образом о дизайнерах, работающих за рубежом (преимущественно в Париже) и для зарубежных покупателей, тогда как в самой Японии в фаворе совершенно иные имена и иные стили. Более того, японская мода за рубежом – это штучные товары, в основном доступные только элите общества, тогда как массовая продукция для внутреннего японского рынка шьется по большей части в Китае, хотя и на японском оборудовании под контролем японским специалистами. При таком положении вещей у Японии, по-видимому, не так много шансов сегодня успешно конкурировать с такими признанными центрами моды, как Франция, Италия и США.

Японской кухне уделяется много внимания в международном сообществе. Японские рестораны популярны во многих странах, европейские повара начинают использовать для основы блюд рыбный бульон «даси», а также японские ингредиенты, такие как репу «гобо», турнепс «кабу» и цитрусовые «юдзу». Японские аналитики ставят задачу вывести японскую кухню лишь на почетное третье место. Стремясь войти в тройку лидеров, японцы вместе с тем прекрасно отдают себе отчет в том, что Франция и Китай уже на протяжении не одного десятилетия удерживают стабильную монополию в этой сфере: создана мировая культура французской и китайской кухни, устои которой трудно подорвать, по крайней мере в ближайшем будущем. Да и такая задача сегодня у японцев не стоит. Они куда более заинтересованы в продвижении вместе с блюдами национальной кухни экспорта японских сельхозпродуктов и рыбы. В декабре 2013 года японская кухня была занесена в список нематериального культурного наследия человечества ЮНЕСКО [11].

Япония с некоторым опозданием пришла к пониманию значения «мягкой силы» в международной политике и стремительными темпами принялась наверстывать упущенные шансы. Для разработки концептуальной основы внешней культурной политики в 2004 г. был создан Совет по содействию культурной дипломатии во главе с профессором Тамоцу Аоки, одной из задач которого стало улучшение имиджа Японии в мире. Руководители Совета после обращения к амери-

канским экспертам решили сосредоточить основные усилия государства на глобализации японской культуры. При этом для Японии вопрос внешнего восприятия страны и ее культуры базируется на совершенно иных принципах, нежели это происходит в других странах. Приоритет национальных культурных ценностей здесь бесспорен, и именно они являются наиболее серьезным «культурным экспортным товаром», которому уделяет внимание государство. Их продвижение во внешний мир, прежде всего, должно показать историческую значимость Японии и ее многовековой культуры для глобального наследия. Это – успешный опыт модернизации страны, достигшей высочайшего уровня экономического развития, сопоставимого с американским и европейским, без ущерба для самобытной японской культуры [5, с. 45–46].

1. Внешняя политика Японии: история и современность. М., 2008. С. 289.
2. Железняк О.Н. Культурная политика Японии на современном этапе // Япония наших дней. 2009. № 2. С. 70.
3. Казаков О. По пути «мягкой силы» // Россия в АТР. 2012. № 3 (24). С. 51.
4. Катасонова Е.Л. Япония: вызов западной цивилизации? // Япония: мифы и реальность. М., 1999. С. 186.
5. Катасонова Е.Л. Япония: поп-дипломатия и поп-культура // Мировая экономика и международные отношения. – 2009. – № 2.
6. Международные рейтинги лучших вузов мира // Times Higher Education, 2013. № 5 (32). С. 64.
7. Рейтинг стран «Мягкая сила» // Monocle. 2013/2014. № 69. С. 9.

8. Система образования в Японии // THE World University Rankings. 2013–2014. № 2 (14).

9. Цунэо А. Выбор между «мягкой» и «жесткой силой» в политике национальной безопасности Японии // Тихоокеанское обозрение: 2008–2009. М., 2010. С. 42.

10. Joseph Nye Jr. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone // Oxford University Press, 2002.

11. Всемирный индекс счастья (Happyplanetindex) URL: <http://newsland.com/news/detail/id/499754/> (дата обращения: 27.05.2014).

1. Vneshnyaya politika Yaponii: istoriya i sovremennost'. M., 2008. С. 289.

2. Zheleznyak O.N. Kul'turnaya politika Yaponii na sovremennom e'tape // Yaponiya nashix dnei. 2009. № 2. С. 70.

3. Kazakov O. Po puti «myagkoj sily» // Rossiya v ATR. 2012. № 3 (24). С. 51.

4. Katasonova E.L. Yaponiya: vyzov zapadnoj civilizacii? // Yaponiya: mify i real'nost'. M., 1999. С. 186.

5. Katasonova E.L. Yaponiya: pop-diplomatiya i pop-kul'tura // Mirovaya e'konomika i mezhdunarodnye otnosheniya. – 2009. – № 2.

6. Mezhdunarodnye rejtingi luchshix vuzov mira // Times Higher Education, 2013. № 5 (32). С. 64.

7. Rejting stran «Myagkaya sila» // Monocle. 2013/2014. № 69. С. 9.

8. Sistema obrazovaniya v Yaponii // THE World University Rankings. 2013–2014. № 2 (14).

9. Cune'o A. Vybor mezhdru «myagkoj» i «zhestkoj siloj» v politike nacional'noj bezopasnosti Yaponii // Tixookeanskoe obozrenie: 2008–2009. М., 2010. С. 42.

10. Joseph Nye Jr. The Paradox of American Power: Why the World's Only Superpower Can't Go It Alone // Oxford University Press, 2002.

11. Vsemirnyj indeks schast'ya (Happyplanetindex) URL: <http://newsland.com/news/detail/id/499754/> (data obrashheniya: 27.05.2014).

SOFT POWER OF JAPAN

Shakirov Evgeny Rafikovich,

Ural Federal University named after the First president of Russia B. N. Eltsin, Institute of Art and Culture, magistrant, Ekaterinburg, Russia, E-mail: nunchaka66@gmail.com

Annotation

In the modern world it isn't enough to state to have military power for maintaining foreign policy and influence on the international scene. This article is devoted to soft power as the tool of foreign cultural policy on the example of Japan is considered.

Key words:

soft power, culture, education, cultural policy, «national brand», pop-culture, language culture.

СТРАТЕГИЯ МЯГКОЙ СИЛЫ ФРАНЦИИ

Мухамедярова Рената Рустамовна,

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Институт социально-политических наук,
магистрант,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: muhamediarovarr@yandex.ru

Аннотация

В статье рассматривается современная французская стратегия культурного влияния, основывающаяся на разветвленной инфраструктуре из 96 Institut française и более чем 300 Alliance française, напрямую подчиняющихся Министерству иностранных дел и расположенных в 161 стране мира. Автор анализирует эволюцию и факторы, вызвавшие изменения во французской стратегии мягкой силы.

Ключевые слова:

мягкая сила, дипломатия влияния, франкофония, образовательный обмен, культурный обмен, новые медиа.

Опыт последних десятилетий убедительно демонстрирует возвышение значимости мягких инструментов силы и влияния в мировой политике – итоги «Арабской весны» и нынешние украинские события – лишнее тому подтверждение. Но и в этом пространстве последнее время уверенно лидируют США, умело комбинируя, так называемые, hard power и soft power в своей политике. Однако прогнозируется, что в скором времени за очевидным экономическим спадом последует и спад международного влияния США. Ответом на вопрос куда сместится мировой полюс силы будет то государство, которое сумеет в полной мере освоить искусство soft power в дополнение к стабильному экономическому росту.

Понятие «мягкой силы» прочно вошло в современный российский лексикон: к нему апеллирует концепция внешней политики РФ 2013 года, а инновационный центр Сколково считает индекс мягкой силы для развивающихся стран, неизменно ставя Россию на третье место после Китая и Индии [13]. Нельзя не отметить, что даже такое минимальное восприятие Россией идеи приносит свои плоды на внешнеполитической арене. Мы впервые ясно услышали голос России в рамках сирийского конфликта, заметно выросла международная положительная оценка после проведения Олимпиады в Сочи (успехам мероприятия и лично В.В. Путина были посвя-

щены обложки американского The Economist, The Washington Time и The New Yorker, к тому же указывающих на возрождающееся имперское величие России и ослабление США и лично позиций Б. Обамы в связи с событиями в Сирии), а кампания по присоединению Крыма к России только зафиксировала значимость и успехи в освоении технологий мягкой силы.

Понятие «soft power» или «мягкой силы» было разработано Д. Наем, в противовес hard power – военному и/или экономическому принуждению, как способность государства оказывать влияние на другие государства, их интересы и поведение в международном политическом и экономической пространстве за счет своей привлекательности [1]. При построении своей аргументации Най апеллирует к международному рангу и богатому опыту Франции в этой сфере. Soft power, или как говорят французы «la puissance douce» – спокойное могущество, по самой своей идее должно опираться, как минимум, на либеральный режим, на развитость, универсальность культуры и мощные средства ее распространения, на научно-техническое превосходство, прогрессивную систему образования, передовую коммуникационную систему, национальную и социальную монолитность общества, а также на политическую волю и умение пользоваться этим могуществом и, как результат, на способность утверждать и отстаивать свою

национальную самобытность и свои законные интересы. По всем этим параметрам Франция, конечно, не в состоянии сегодня соперничать с США, но пока еще обладает достаточным потенциалом и наработанной инфраструктурой, чтобы, как минимум, противостоять американской культурной экспансии.

По мере ослабления сугубо национальной окраски внешней политики Франции, как и некоторых других развитых стран мира, главная стратегия современной французской внешней политики и, следовательно, скрытое или явное стремление к сохранению своего могущества заключается в опоре на многостороннюю дипломатию и европейскую интеграцию. Кроме того, из всех традиционных технологий soft power (экономика, человеческий капитал, культура, дипломатия, политика, образование, бизнес и инновации [15]) Франция делает ставку на культурное измерение могущества и отчасти на образовательный обмен (но только отчасти, потому что все усилия в этой области оборачиваются попаданием лишь двух французских университетов: Высшей нормальной школы (28 место) и Политехнической школы (41 место) в рейтинг ведущих высших учебных заведений мира по версии QS 2013 года [12]). Помимо общекультурной политики, особый акцент на государственном уровне делается на обеспечение конкурентоспособности киноиндустрии, распространении французского языка, гастрономия и мода создают мощный канал влияния через крайне гедонистический концепт «art de vivre»; среди недавних акцентов в культурной политике Кэ д'Орсэ особо отмечается интернет и новые медиа. Функции продвижения французской экономики и товаров (в том числе машиностроения и ВПК) также лежит на региональных культурных институциях – что позволяет наиболее прицельно и сегментированно осуществлять коммуникацию с местным истеблишментом по вопросам межгосударственного и частного экономического сотрудничества.

Най не случайно разрабатывает идею soft power применительно к Франции, культурная политика, равно как и дипломатия – французские изобретения. А именно культурная дипломатия или дипломатия влияния являются основополагающими частями soft power.

Ретроспективный взгляд на «мягкую силу» Франции

Министерство культуры и коммуникации Франции в своей ежегодной брошюре указывает на то, что его административная организация берет свое начало в XVII в. – с созданием в 1654 г. генерального суперинтендантства по управлению королевской недвижимостью. Этот акт служит отправной точкой отсчета в богатой истории французской культурной политики. Как свидетельствуют архивные документы, уже Карл Великий и последующие поколения французских принцев в VIII–XII вв. проявляли заботу о содержании школ, реставрации манускриптов, окружали себя учеными, художниками и артистами – что впоследствии получило название «Ренессанс эпохи Каролингов». Причем культурная политика всегда рассматривалась неотъемлемой частью дипломатии – в XVI веке был подписан договор, способствующий проникновению французского языка на ближний восток, договор о покровительстве местным султанам над христианами. Первые же серьезные попытки культурной дипломатии были связаны с насаждением католичества, когда в XVII веке римская курия признает права на руководство французскими католическими миссиями.

Пик успеха французской soft power приходится на рубеж XVIII–XIX веков. Тогда же происходит освоение Канады, Ливан становится ближневосточным центром французской культуры, таким образом формируется мощное движение франкофонии. В тот период Франция как великая держава, гегемон имела свои колонии и свои сферы влияния в мировом пространстве. Французскую культуру за рубежом насаждали такие видные деятели эпохи, как Жан-Жак Руссо, который в 1743 г. служил секретарем французского посла в Венеции, Вольтер – при дворе Фридриха II в Пруссии, а Дидро в 1773–1775 – при дворе Екатерины II в России. Секретную миссию в Пруссии за три года до Великой французской революции, начавшейся в 1789 году выполнял один из ее вдохновителей граф Мирабо. В 1803 году Шатобриан по приглашению Наполеона работал послом в Берлине, Лондоне и Риме, а в 1823–1824 даже был министром иностранных дел Франции.

На дипломатическом поприще провели часть своей жизни писатели Стендаль и Ламартин. То есть тесная связь между дипломатией и культурой во Франции завязалась еще в до-стопамятные времена и постоянно укреплялась. Неслучайно французский язык уже тогда стал придворным и дипломатическим языком Европы и, следовательно, естественным вектором французской культуры.

Также значимым фактором культурного влияния Франции за рубежом уже тогда было также техническое сотрудничество. В 1899 году французы проложили кабель по дну Китайского моря, наладив тем самым телеграфное сообщение между Малаккой и Кохинхиной вплоть до Японии. В 1908 году Далай-лама попросил Францию установить телеграфную линию с Тибетом.

Одновременно Франция не ослабляла борьбу за сохранение роли французского как языка дипломатии. В 1902 году созданная на основе Гаагской конвенции постоянная палата третейского суда должна была заняться разбирательством спора между США и Мексикой. Узнав, что американцы собираются сделать официальным языком разбирательства английский, посол Франции в Вашингтоне Жюль Камбон направил депешу, испрашивая инструкции для противодействия этому намерению. Последовало согласие Кэ д'Орсэ и вскоре на заседании в Гааге при поддержке Бельгии, Румынии, Дании и некоторых других стран было объявлено, что официальным языком «права и дипломатии» остается французский. Это положение сохранялось вплоть до подписания Версальского договора в 1919 году, который по настоянию Вудро Вильсона был составлен на двух языках. Это стало первым реальным сигналом изменения глобального соотношения интеллектуальных сил в мире.

В целом, этот период характеризуется довольно спонтанным мессианизмом с опорой на латинское происхождение, христианскую сущность, универсализм французского языка и культуры, республиканские идеи Великой Французской Революции, наработки французской академии наук и философов Просвещения. Четкая и систематизированная структура мягко-

го могущества Франции выстраивается значительно позже.

Только в 1920 году декретом президента Пуанкаре Бюро по делам французских школ и благотворительности при министерстве иностранных дел было реформировано и превращено в более мощную Службу французской культурной деятельности в рамках Управления по политическим и торговым делам Кэ д'Орсэ и состояло уже из трех отделов (по междуниверситетским, артистическим обменам и обменам в области искусства). Перед новой Службой была поставлена задача обеспечить интеллектуальную экспансию Франции во внешнем мире. Началось системное создание сети французских лицеев и культурных центров за рубежом, а ассигнуемые государством на эти цели средства в межвоенный период не переставали расти. В 1945 году де Голль реформирует систему soft power и таким образом запускает процесс институционализации системы французской мягкой силы.

Три столпа современной «мягкой силы» Франции

Жозеф де Мэстр в одном из писем в декабре 1809 пишет: «вся французская нация есть не что иное, как широкая пропаганда» [10], подразумевающая глубокую укорененность технологий soft power в культуру французской нации. И правда, французская мягкая сила зиждется на трех условных столпах:

- Великая культура, наука и философия. Полсотни лауреатов Нобелевской премии, Вольтер, Монтескье, Бальзак, Гюго, Камю, Сартр, художники-импрессионисты и т. д. обусловили огромный и неопределимый вклад в мировую культурную копилку и по сей день являются значительными источниками мягкого могущества Франции.

- Уникальная модель политического устройства (идеи Великой Французской Революции, демократии, прав человека, республиканская традиция). Полноценная империя не может существовать без политической идеи «на экспорт», в случае с Францией – это «liberté, égalité, fraternité».

- «Art de vivre» – идеологема альтернативная «американской мечте», обуславливающая ряд типично французских феноменов: высокая гастрономия, высокая мода и т. д.

Функции продвижения всех этих столпов французской мягкой силы лежат на разветвленной сети культурных учреждений по всему миру – более 150 культурных институтов, более тысячи Alliance française, которые проводят 50 000 мероприятий ежегодно [8] – именно они являются проводниками французской культуры а, соответственно, и политики.

Институциональная структура обеспечения «мягкой силы» Франции

Современный вид институционализированная система французской soft power приобрела не сразу. В 1815 года культурные институты за рубежом только начинают формироваться. В 1922 году – бюро по делам французских школ и благотворительности при министерстве иностранных дел было реформировано и превращено в более мощную французскую ассоциацию художественных искусств (AFFA) в рамках Управления по политическим и торговым делам Кэ д'Орсэ и состоит уже из трех отделов (по междуниверситетским, артистическим обменам и обменам в области искусства). Перед новой службой была поставлена задача «обеспечить интеллектуальную экспансию Франции во внешнем мире». Началось системное создание сети французских лицеев и культурных центров за рубежом, а ассигнуемые государством на эти цели средства в межвоенный период не переставали расти. В 2006 году AFFA объединяется с ADPF (ассоциацией по распространению французского мышления) под названием Culture française и в статусе некоммерческой организации, а в 2011 – оформляется единая организация Institut française в юридическом статусе неправительственной организации, что позволило увеличить бюджет до трети от всего бюджета министерства иностранных дел [7]. Тогда же было выделено дополнительных 100 млн. евро [11] под выполнение новых задач, среди которых:

- Увеличить долю французского кино на международном рынке (доля французских

сборов в мировом кинопрокате на 2013 год по данным сервиса kinopoisk.ru составила 2,25%. Безусловным лидером с 75% рынка являются США. Но даже это колебание на уровне 2–3% было достигнуто посредством проведения сбалансированной политики по наращиванию аудиовизуального присутствия: продвижением французского кино за рубежом занимается компания «uniFrance Films». Статистика на сегодняшний день такова, что из 250 производимых ежегодно во Франции фильмов, в среднем 50 попадает на российский рынок. Были и эксперименты с квотированием, но они не увенчались успехом – сразу после Второй мировой войны вводились квоты по количеству экранного времени, дабы не позволить заполнить все экранное время американской продукцией – три недели в квартале были зарезервированы под французское кино, затем они продлились до пяти недель в квартале, а затем и до шести, спустя 4 года их отменили за неэффективностью. С тех пор система основывается на импульсе и поддержке, а не на запрете. Кроме того, Франция активно противостояло созданию зоны свободной торговли между Евросоюзом и США, несмотря на огромный товарооборот и значительные преимущества от подписания договоренностей, опасаясь наплыва американской теле- и кинопродукции, а также проблемы сохранения названий некоторых исконно французских товаров, например игристого вина из провинции Шампань. Вхождение в зону свободной торговли требовало унификации некоторых торговых марок.

- Укрепить французское присутствие в глобальном медиа-пространстве. Причем отдельным пунктом указан акцент на новые медиа – именно они, по задумке нового руководства Кэ д'Орсэ, должны стать локомотивом французской soft power в новом десятилетии. На сегодняшний день крупнейшими медиа являются: радиостанция RFI с 35 млн. слушателей (для сравнения у радиостанции «Голос Америки» – 134 млн.), вещающая на английском, арабском, камбоджийском, китайском, языке хауса, французском, испанском, персидском, португальском, суахили, вьетнамском языках; телеканал France5 – 90 млн. и France24 – 45 млн. зрителей.

• Содействие культурному разнообразию в развивающихся странах.

• Распространение французского языка. Язык является важнейшим фактором культурной дипломатии, и неспроста именно на него Франция в своей внешней политике исторически всегда делала акцент.

Не случайно система французских культурных учреждений за рубежом является самой разветвленной в мире, а ее содержание обошлось французскому государству в более 240 миллионов евро в 2013 году [11]. На конец 2013 года, помимо 154 культурных служб посольств, в ней насчитывалось 144 центра и института культуры и 27 научно-исследовательских центров, к которым следует прибавить 440 французских школ и свыше 1000 отделений *alliance française* в 135 странах, где французский язык изучали более 460 тысяч человек [11].

В своих рейтингах *soft power* *Monocle* [15] из года в год ставит Францию на 3–4 строчку, памятуя о разветвленной сети культурных институтов, развитой модной индустрии – «индустрии люкса» и гастрономии, богатой культуре и имперском прошлом, но факт остается фактом: влияние Франции сегодня стремительно падает. Нынешний президент Ф. Олланд – политик непопулярный и не обладающий достаточной харизмой для продвижения французских интересов и ценностей за рубежом. Кэ д’Орсэ само признает необходимость наращивать темпы своей культурной дипломатии [11] и в качестве векторов роста выбирают *new media* и интернет – в итоге, спустя 3 года после утверждения новой концепции *soft power*, абсолютно все политические и культурные институты Франции, а также основные акторы включены в интернет-пространство и разворачивают серьезную социальную активность, но сегодня этого уже недостаточно.

Франция делает ставку по-прежнему на киноиндустрию, когда новички рейтинга *Monocle* ставят на телеконтент – сериалы, что, как оказалось, куда выгоднее как финансово, так и в плане международного влияния (Дания стабильно раз в год продает ведущим американским телеканалам франшизы на переработку своих «телехитов»). Франция делает ставку на высокое

искусство и индустрию люкса – скандинавы же ставят на дизайн и массовый сегмент аудитории и снова выигрывают. Франция безнадежно устарела в плане выбора секторов для своей культурной дипломатии. Золотой век французской *soft power* давно позади, и сегодня она пожинает плоды наработанной еще в те далекие славные времена инфраструктуры вроде масштабной сети *alliance française* по всему миру.

1. Джозеф С. Най. Мягкая сила. Слагаемые успеха в мировой политике. Нью-Йорк: Паблик афферз. 2004. 192 с.
2. Косенко С. Культура Франции на службе внешней политики // *Обозреватель*. – 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.observer.materik.ru/observer/N10_2013/038_050.pdf.
3. Майкл Б., Хартвелл К., Нуреев Б. «Мягкая сила» – палка о двух концах? // *BRICSmagazine* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bricsmagazine.com/ru/articles/myagkaya-sila-palka-o-dvuh-kontsah>.
4. Смирнова Л. «Мягкая сила» России: как найти «точки входа» в сферу интересов зарубежных аудиторий? // РСМД. – 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/blogs/larisa-smirnova/?id_4=858.
5. Cubertafond B. Voyages autour du declin de la France [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.afri-ct.org/Voyages-autour-du-declin-de-la?lang=fr>.
6. Dehousse R. La France et l'Europe: continuité ou rupture? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.afri-ct.org/La-France-et-l-Europe-continuite?lang=fr>.
7. Dufourmantelle A. Puissance de la douceur. – Paris: Payot, 2013. – 160 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lacauselitteraire.fr/puissance-de-la-douceur-anne-dufourmantelle>.
8. Gouteyron A. Rapport d'information n°428: Quelles réponses apporter à une diplomatie culturelle en crise? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.senat.fr/rap/r07-428/r07-428.html>.
9. HAIZE D., La diplomatie culturelle française: une puissance douce? // *Ceriscope*. – 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ceriscope.sciences-po.fr/puissance/content/part2/la-diplomatie-culturelle-francaise-puissance-douce>.
10. Martel F. Pourquoi la France a perdu la bataille de la diplomatie culturelle // *L'express*. – 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lexpress.fr/actualite/politique/pourquoi-la-france-a-perdu-la-bataille-de-la-diplomatie-culturelle_1061087.htm.
11. Projet de loi de finances pour 2013: Action extérieure de l'État: diplomatie culturelle et d'influence / Besson J., Beaumont R. au nom de la commission des affaires étrangères [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.senat.fr/rap/a12-150-2/a12-150-2.html>.
12. QS World University Rankings 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2013#sorting=rank+region+=+country+=+faculty+=+stars=false+search=>.
13. Rapid-growth markets soft power index spring 2012 / Ernst&Young, Skolkovo [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://emergingmarkets.ey.com/wp-content/uploads/downloads/2012/05/TBF-606-Emerging-markets-soft-power-index-2012_LR.pdf.

[downloads/2012/05/TBF-606-Emerging-markets-soft-power-index-2012_LR.pdf](http://www.senat.fr/rap/r07-428/r07-428.html).

14. Roche J.J. La France et l'universel [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.afri-ct.org/La-France-et-l-universel?lang=fr>.
 15. Soft power survey 2013 // *Monocle* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://monocle.com/film/affaires/soft-power-survey-2013/>.
 16. Xing H. Perceptions exterieures de la politique etrangere de la France: un point de vue chinois [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.afri-ct.org/Perceptions-exterieures-de-la?lang=fr>.
1. Dzhozef S. Naj. Myagkaya sila. Slagaemye uspeha v mirovoj politike. N'yu-Jork: Pablik afferz. 2004. 192 s.
 2. Kosenko S. Kul'tura Francii na sluzhbe vneshnej politiki // *Obozrevatel*. – 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.observer.materik.ru/observer/N10_2013/038_050.pdf.
 3. Majkl B., Xartvell K., Nureev B. «Myagkaya sila» – palka o dvux koncax? // *BRICSmagazine* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://bricsmagazine.com/ru/articles/myagkaya-sila-palka-o-dvuh-kontsah>.
 4. Smirnova L. «Myagkaya sila» Rossii: kak najti «tochki vxoda» v sferu interesov zarubezhnyx auditorij? // RSMD. – 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://russiancouncil.ru/blogs/larisa-smirnova/?id_4=858.
 5. Cubertafond B. Voyages autour du declin de la France [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.afri-ct.org/Voyages-autour-du-declin-de-la?lang=fr>.
 6. Dehousse R. La France et l'Europe: continuité ou rupture? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.afri-ct.org/La-France-et-l-Europe-continuite?lang=fr>.
 7. Dufourmantelle A. Puissance de la douceur. – Paris: Payot, 2013. – 160 p. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.lacauselitteraire.fr/puissance-de-la-douceur-anne-dufourmantelle>.
 8. Gouteyron A. Rapport d'information n°428: Quelles réponses apporter à une diplomatie culturelle en crise? [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.senat.fr/rap/r07-428/r07-428.html>.
 9. HAIZE D., La diplomatie culturelle française: une puissance douce? // *Ceriscope*. – 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ceriscope.sciences-po.fr/puissance/content/part2/la-diplomatie-culturelle-francaise-puissance-douce>.
 10. Martel F. Pourquoi la France a perdu la bataille de la diplomatie culturelle // *L'express*. – 2011 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.lexpress.fr/actualite/politique/pourquoi-la-france-a-perdu-la-bataille-de-la-diplomatie-culturelle_1061087.htm.
 11. Projet de loi de finances pour 2013: Action extérieure de l'État: diplomatie culturelle et d'influence / Besson J., Beaumont R. au nom de la commission des affaires étrangères [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.senat.fr/rap/a12-150-2/a12-150-2.html>.
 12. QS World University Rankings 2013 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.topuniversities.com/university-rankings/world-university-rankings/2013#sorting=rank+region+=+country+=+faculty+=+stars=false+search=>.
 13. Rapid-growth markets soft power index spring 2012 / Ernst&Young, Skolkovo [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://emergingmarkets.ey.com/wp-content/uploads/downloads/2012/05/TBF-606-Emerging-markets-soft-power-index-2012_LR.pdf.
 14. Roche J.J. La France et l'universel [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.afri-ct.org/La-France-et-l-universel?lang=fr>.
 15. Soft power survey 2013 // *Monocle* [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://monocle.com/film/affaires/soft-power-survey-2013/>.
 16. Xing H. Perceptions exterieures de la politique etrangere de la France: un point de vue chinois [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.afri-ct.org/Perceptions-exterieures-de-la?lang=fr>.

FRANCE'S SOFT POWER STRATEGY

Mukhamediarova Renata Rustamovna,

Ural Federal University named after First President of Russia B.N. Yeltsin,
Institute of social-political sciences,
magistrant,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: mukhamediarovarr@yandex.ru

Annotation

The article discusses the France's modern cultural diplomacy strategy. This strategy is based on a the largest cultural network of 96 institutes and more than 300 alliances under contract with the Ministry of Foreign Affairs located in 161 different countries around the world. The author analysis the evolution and factors, inspired changes in France's soft power strategy.

Key words:

soft power, diplomacy of influence, francophone, education exchange, cultural exchange, new media.

SOFT POWER В ВЕЛИКОБРИТАНИИ

Супруненко Дмитрий Андреевич,

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Институт социально-политических наук,
магистрант,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: suprunenkowow@gmail.com

Аннотация

В статье рассматриваются базовые принципы, на которых основывается soft power Великобритании, а также тенденции дальнейшего развития этой области. Автор рассматривает три основных составляющих soft power в Великобритании, анализирует их сильные и слабые стороны, выделяет основные концепции будущего развития soft power.

Ключевые слова:

soft power, Великобритания, культура, образование, английский язык.

Давно прошли времена, когда Великобритания была самой могущественной державой в мире, способной подавлять любое другое государство с помощью силовых методов, таких как блокада, или используя мощь своего флота. Времена hard power Англии остались в прошлом, и сегодня Соединенному Королевству приходится искать новые пути сохранения своего важного мирового положения в современном мире. Нежелание смириться с тем, что Великобритания не может сохранить свои лидирующие позиции с помощью жесткой силы, англичане пошли по-новому, современному пути, который позволил им быть одним из флагманов современного мира без применения hard power. Таким путем стал soft power, благодаря которому Англия сегодня – одна из самых привлекательных и влиятельных стран на всем земном шаре.

Британский журнал Monocle, начиная с 2010 года, ежегодно приводит рейтинг стран с самым высоким уровнем soft power, и Англия традиционно находится в TOP-5 этого списка. В 2011 году, Соединенное Королевство занимало второе место в этом рейтинге [13], в 2012 поднялось на первую строчку [9], и в последнем рейтинге Великобритания снова опустилась на вторую позицию [9]. Исходя из этого рейтинга, отчетливо видно, что Англия обладает очень сильным аппаратом soft power, а, следовательно, имеет огромное влияние на мир. Однако в чем же

заключается данное влияние, и как оно достигло таких колоссальных масштабов – над этими вопросами мы подумаем в этой статье.

English language as an instrument of soft power

Великобритания – страна с колоссальной историей, которая играет не последнюю роль в высоком уровне soft power этого государства. Сами британцы выделяют 3 важнейших фактора своего soft power – это язык, образование и культура [2]. Английский язык давно и прочно стал языком международного общения, отодвинув все другие языки на второй план. Конечно, не малую роль в становлении важности этого языка сыграли США, однако выгоду от распространенности английского языка получает и Великобритания. Так, например, Британский Верховный Комиссар в Индии Джеймс Биван, утверждает, что английский язык – это уникальный источник soft power в Индии [6]. Потому на сегодня существует множество программ по обучению индийских учителей английскому языку с целью распространения его по всей территории Индии; это приведет к тому, что связь между Великобританией и Индией станет сильнее во всех аспектах (особенно Бивана интересует экономический аспект), что даст толчок для развития обоих государств. Из этого примера можно сделать интересное замечание

на тему отношений Великобритании и Индии. Британцы колонизировали Индию с помощью hard power и, в конечном счете, их выдавили оттуда, не желая мириться с захватчиками. Но сегодня, используя инструменты soft power, Соединенное Королевство может наращивать свое влияние на территории Индии, не боясь быть обвиненными в захватнической деятельности и в тоже время соблюдая свои интересы на этой территории. Вместе с тем, английский язык позволяет любому человеку быть ближе к культуре Великобритании, напрямую прикоснуться ко всем важным событиям, происходящим в стране и так же с лёгкостью интегрироваться в Британское общество, зная английский язык. Таким образом, английский язык выделяется как одно из важнейших преимуществ soft power в Соединённом Королевстве, которое позволяет всем остальным аспектам действовать более успешно.

Culture of Great Britain

Важный момент soft power в Великобритании – это культура, которой так славится эта страна. Бывший британский секретарь по делам культуры, спорта и медиа Мария Миллер утверждает, что культура и искусство – это главные движущие силы британской мягкой силы и именно они влияют на положение Соединенного Королевства в современном мире [3]. Действительно, Британская культура уникальна и занимает особое место в мире. Множество великих поэтов, актёров, музыкантов и других деятелей искусств жили в Великобритании и сформировали эту уникальную культуру, которая сегодня привлекает людей по всему миру.

Ежегодно Британские музыканты попадают в мировые музыкальные хит-парады, так, например, 22 музыкальных альбома из Великобритании были признаны № 1 за рубежом, что говорит о влиянии английской музыки в современном мире. Отдельно стоит упомянуть такие музыкальные коллективы как Queen, The Beatles и The Rolling Stones, которые на многие годы дали Великобритании возможность быть флагманами мировой культуры, а также повысили уровень туризма в страну (таким образом, Ливерпуль стал одним из важных туристических центров

Великобритании именно благодаря The Beatles). Также стоит отметить, что американский журнал Rolling Stone поставил The Beatles на первое место в списке Величайших исполнителей всех времен, а продажа медиа контента группы превысило 1 миллиард экземпляров по всему миру [11]. Одновременно с огромным уровнем музыкальной поп-культуры существует и такое понятие, как Британская музыкальная андеграунд-культура, которая ежегодно поставляет не только новых музыкантов, но также и новые музыкальные стили, которые, в свою очередь, распространяются по всему миру, и люди по всей планете готовы осваивать эти стили, чтобы соответствовать новым веяниям. Все это привлекает молодых людей по всему миру и одновременно увеличивает влияние музыкальной культуры Англии по всему миру.

Особняком стоит и литература в Великобритании. Множество писателей, которые оставили след в мировой литературе и которыми зачитываются миллионы по всему миру. Притом, стоит отметить, что британцы очень тщательно следят за тем, чтобы во всем мире знали как их современных авторов, но также и не забывали авторов прошлого. Шекспир, Дефо, Шоу, Мор, Кэрл, Толкин и многие другие – все эти авторы читаемы и продаваемы в современном мире, они показывают нам культуру Соединенного Королевства во всем многообразии и многим прививают любовь к этой стране. Отдельно стоит сказать и о том, что эти авторы постоянно экранизируются, что приносит не малые деньги и еще большую популярность Англии. Отдельно стоит сказать о современных авторах, и тут № 1 является, конечно, Джоан Роулинг, которая произвела фурор в мировой литературе. Романы о Гарри Поттере создали огромную индустрию вокруг этого персонажа, что позволило в очередной раз повысить авторитет Британии силами исключительно культурной soft power. Так же стоит отметить, что некоторые люди считают, что в книгах о Гарри Поттере заключено видение современного мира через сказку, где показываются аналогии с современными политическими обстоятельствами, а, следовательно, и заложены модели поведения, которых нужно придерживаться, чтобы быть на «правильной» стороне [4]. Такая способность использовать музыку/литературу в качестве шаблона для действия и инструмента

soft power присуща Великобритании и успешно используется для того, чтобы привлекать на свою сторону людей по всему миру.

Киноиндустрия Великобритании так же является неотъемлемой частью soft power Англии. Так, например, герой Джеймс Бонд уже давно стал одним из символов Великобритании, а также тот факт, что Бонд – это синоним британца. Помимо больших экранов британцы очень любят поставлять качественный контент на маленькие экраны, ежегодно выпуская более десятка сериалов, транслируемых по всему миру. Из современного стоит отметить новую экранизацию романов Артура Конана Дойла «Шерлок», который приобрел огромную популярность по всему миру, дал новый толчок персонажу Шеролку Холмсу, а также привлек людей к образу современного Лондона, каким его видят герои. Все это, несомненно, сказалось на престиже Великобритании. Еще один момент: данный сериал положил начало моде на пальто, как у главного героя, чем не преминули воспользоваться Британские модельеры.

Мода тоже играет огромную роль. Вспоминая строки Пушкина «как денди лондонский одет», мы видим, что Англия всегда славилась своей модой (одновременно с этим, стоит отметить, что soft power уже тогда играла важную роль). И, действительно, Лондон признается всеми одной из главных модных столиц, а по версии журнала Global Language Monitor в 2011 и 2012 годах Лондон признавался столицей моды, и только в 2013 столица Великобритании уступила место Нью-Йорку [7]. Множество известных марок, модельеров, – все это делает Лондон одним из центров мирового шопинга, а, следовательно, и оказывает влияние на мир.

Ну и одним из наиболее значимых аспектов культурной soft power Великобритании является спорт. Именно Олимпиада 2012 в Лондоне позволила занять Соединенному Королевству первое место в рейтинге Monocle. Специалисты отмечают, что «в этом году в Великобритании были просто фантастические обороты. Это хороший пример, когда важность Олимпийских игр с точки зрения глобального продвижения нельзя отрицать. Люди даже чувствовали себя хорошо под Государственным флагом Соединенного Королевства. На этой стороне Атлантики происходило что-то, и оно сдуло паруса Америки,

которая больше была ориентирована на внутренние дела государства – президентские выборы» [14]. Олимпиада, имела колоссальный успех по всему миру, массовые телетрансляции, освещения во всех медиа, количество туристов в Великобритании увеличилось до 62 млн. человек, – все это сыграло колоссальную роль на имидже Англии, а победа в медальном зачете только укрепила этот триумф.

Однако Олимпиада – это не единственный инструмент спортивного soft power. Ежегодный Уимблдонский турнир по теннису – один из старейших и престижнейших турниров, который так же имеет огромное количество поклонников по всему миру, широкую телетрансляцию, а также там собираются известные люди со всего мира, чтобы посмотреть на лучших теннисистов, соревнующихся друг с другом.

Но, наверное, самым главным является Британский футбол, который давно перешел из разряда игры в нечто похожее на религию. Множество знаменитейших команд, красивые стадионы и звание родины футбола – все это превратилось в мощнейшую индустрию, которая привлекает к себе миллионы зрителей по всему земному шару и дает миллионную прибыль, как за счет продаж трансляций и атрибутики, так и за счет футбольного туризма. Для примера, средняя посещаемость английских футбольных стадионов за сезон составляет 36 тысяч человек или 95,9%, в то же время в такой крупной футбольной лиге, как испанская, средняя посещаемость равна 27 тысячам или 70%. Так же в Англии находится самая популярная в мире команда Manchester United, которую поддерживают в каждом уголке мира (около 660 миллионов фанатов). Стоит учесть, что и права на телетрансляцию этого вида спорта продается по всему миру; например, в сезоне 2012–2013 Англия продала права на трансляцию на сумму 2,206 млрд. евро [15], что более чем в два раза превосходит Италию, занявшую второе место в рейтинге. Британский футбол привлекает крупных инвесторов со всего мира, таких как Роман Абрамович или семья Глейзеров, которые вкладывают деньги в развитие этого вида спорта в Великобритании, тем самым увеличивая его популярность и давая очки влияния для Англии.

Но все это было бы невозможным без Британских СМИ, которые освещают все эти со-

бытия по всему миру, давая возможность каждому желающему ознакомиться с лучшими событиями и новостями Великобритании. Так BBC имеет аудиторию в 241 миллион человек на 32 разных языках [13], а такие журналы, как The Economist и сеть телеканалов SKY, на весь мир славятся своей аналитикой, а также продвижением английских идей в мир. Ежегодно более 580 миллионов людей по всему миру слушают, читают или смотрят Британские СМИ [2].

Ну и, конечно же, неотъемлемой частью британской культурной soft power является Королевская семья. Британская Королевская семья – это символ традиций Великобритании, её постоянства и напоминание былого могущества, потому во всем мире знают Королеву Елизавету II, принцы Чарльза, однако новый подъем интереса к Королевской семье, а вместе с тем и подъем soft power в Британии, вызвала свадьба Принца Уильяма и Кейт Миддлтон. Трансляцию посмотрели около 2 млрд. человек по всему миру, что свидетельствует о том, что почти треть населения планеты интересно посмотреть на Королевскую семью, а также увидеть ряд традиций Великобритании, пейзажи Лондона и многое другое. Вторым моментом, за которым следили во всем мире, – это рождение Принца Джорджа. Рождение этого ребенка вызывало ажиотаж по всему миру, люди делали ставки, следили за новостями, попутно проникаясь различными аспектами жизни Королевской семьи, все это дало небывалый подъем интереса к британской культуре [1].

UK policy

Однако не только на культуре зиждется Британская soft power. Политика в Великобритании тоже вобрала в себя множество элементов этой модели и действует в соответствии с ней. Так, например, важную роль играет Парламент Великобритании. Вместе с Королевской семьей «мать всех парламентов» составляют картину стабильной, демократической страны, любящей и ценящей традиции, готовой действовать на политической арене согласно этим традициям, и во многом вокруг этого и строится политика Великобритании. Но вместе с положительным образом британского Парламента и Королевской

семьи политика Британии еще не может достаточно адаптироваться к концепциям soft power. Несмотря на огромное влияние BBC, его финансирование сокращают в 22 странах. А запуск программы Дэвида Кэмерона «Britain is great» говорит людям скорее о жестких амбициях, отсылая к временам глобальной гегемонии Великобритании, чем к стране, которой можно доверять, на которую следует опираться [10]. Однако, несмотря на эти моменты, в Палате Лордов Великобритании существует специальный комитет, занимающийся вопросами soft power в Британии, именующийся «House of Lords Select Committee on Soft Power and the UK's Influence». Данный комитет занимается анализом использования мягкой силы в продвижении глобального влияния Соединенного Королевства. Впервые комитет был собран 16 мая 2013 года, а второй раз – 28 марта 2014 года. Собрание данного комитета делает ежегодный доклад по ключевым аспектам применения мягкой силы: в каких областях она наращивается, а каким стоит уделить больше внимания. Создание этого комитета свидетельствует о том, что важность soft power понимается правительством страны, и оно готово двигаться в направлении реализации этой концепции.

И, действительно, комитет выработал ряд направлений, в которых следует работать Соединенному Королевству для повышения уровня soft power. Первый момент они отразили на примере Китая, который запланировал к 2020 году открыть 1000 институтов Конфуция по всему миру и уже открыл 327 [10]. Во-вторых, комитет считает, что Великобритании следует пересмотреть свою политику относительно влияния на другие страны с помощью hard power, а также уменьшить роль армии, если не кардинально, то для начала постепенно снижать её влияние, двигаясь в сторону smart power, которая, как считают представители комитета, является более приемлемой и приоритетной альтернативой чистому милитаризму [10]. Лорды считают, что такой подход будет способствовать новому положению Великобритании на международной арене, когда дружелюбное поведение приведет к повышению уровня доверия в мире, а это даст своего рода коридор для влияния со стороны Соединенного Королевства. В качестве примера Лорды говорят о жестком отношении к иммиграционной поли-

тике Британии со стороны СМИ. Претензии к иммиграционной политике оставляют пятно на всем имидже Великобритании, которое не только уменьшает поток туристов, в том числе бизнес-туристов и студентов, но также сказывается на доверии к Соединённому Королевству в диалогах по глобализации [10]. Главной целью комитета Лордов считается создание для Британии особого имиджа страны, которая является мировым арбитром. Такой имидж позволит Великобритании урегулировать конфликты, примирять стороны, решать спорные вопросы, а, следовательно, увеличивать свое влияние и богатство без применения силы.

Одним же из ключевых моментов Британского soft power Лорды считают создание Содружества с Азиатскими и Ближневосточными странами, а также странами Африки, Латинской Америки. Для примера выделяется Южно-Курдистанский регион, диалог с которым и может создать новый толчок для Британии, как дружественного всем государства, готового к диалогу и взаимопомощи [8]. Одним из первых шагов специалисты видят облегчение получения виз для граждан этого региона, что позволит наладить человеческий поток, а, следовательно, улучшить торговые отношения, миграционную политику, увеличить приток студентов в университеты и т. д.

Education of Great Britain

Ну и отдельного внимания заслуживает образование в Великобритании. Ежегодно World University Rankings составляет свой список, и в первой десятке помимо университетов США присутствуют 3 университета Британии. Так, Оксфордский Университет прочно закрепился в топ – 5 [12]. Такие высокие позиции и конкуренция с мировым лидером в области образования – США – показывает качество и важность образования в Соединённом Королевстве, а, следовательно, и «мягкое» влияние феномена образования.

Образование в Великобритании признается по всему миру, недаром множество мировых лидеров заканчивали Британские университеты. Так, например, Манмохан Сингх, Премьер-Министр Индии, оканчивал Кембридж, там же получала

образование и Королева Дании Маргрете II. Также стоит отметить и то, что из 256 ныне живущих лауреатов Нобелевской премии, родившихся не в Великобритании, 34 получали хотя часть своего образования на территории этой страны. Все эти факты в сумме дают Соединённому Королевству огромный приток иностранных студентов со всего мира. В 2012–2013 учебном году в Великобритании в общей сложности училось 425 тысяч иностранных студентов, огромный процент занимали студенты из Китая и Индии [5]. Чаще всего иностранные студенты изучают такие области, как «бизнес и управление», а также «инженерию и технологии», все это говорит о том, что качество образования этих областей, а также общий престиж Британских университетов, дает государству огромный толчок для улучшения своих позиций в области soft power.

Великобритания научилась использовать свой потенциал soft power для создания государства, способного выживать в условиях глобализации, стирания границ. Культурная составляющая Соединённого Королевства создала особые условия, позволяющие сохранять Британцам свою идентичность в современном мире и в тоже время продвигать свое видение мира, свои интересы, позволяет стать тем самым мировым арбитром, который способен решать спорные вопросы между акторами любого уровня. Смешивая такие важные аспекты как язык, культура и образование, Великобритания создала особые условия для себя, как страны, с которой желают иметь деловые отношения по всему миру. Дальнейшая поддержка такого уровня soft power и его развитие, а также правильная корреляция со smart power, позволят Соединённому Королевству сохранять ведущие позиции еще очень долго и не зависеть напрямую от США. Также можно с уверенностью сказать, что в ближайшие несколько лет Британия будет сохранять ведущие позиции в рейтинге Monocle.

1. A New Place In The World: Britain and Soft Power [Электронный ресурс]: <http://www.catch21.co.uk/2013/08/place-world-britain-soft-power>.

2. Contribution to UK soft power [Электронный ресурс]: <http://www.britishcouncil.org/organisation/facts/what-the-british-council-does/contribution-uk-soft-power>.

3. Culture Secretary praises the value of arts and culture to the UK [Электронный ресурс]: <https://www.gov.uk/government/>

[news/culture-and-creativity-the-key-to-our-soft-power-success](http://www.monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2012/).

4. Harry Potter wields «soft power» [Электронный ресурс]: <http://schaefermillennium3.blogspot.ru/2008/02/harry-potter-wields-soft-power.html>.

5. International student statistics: UK higher education [Электронный ресурс]: <http://www.ukcisa.org.uk/Info-for-universities-colleges-scholars/Policy-research-statistics/Research-statistics/International-students-in-UK-HE/>.

6. Language is UK's unique soft power in India [Электронный ресурс]: <http://www.hindustantimes.com/india-news/newdelhi/language-is-uk-s-unique-soft-power-in-india/article1-821855.aspx>.

7. New York Takes Top Global Fashion Capital Title from London, edging past Paris [Электронный ресурс]: <http://www.languagemonitor.com/category/fashion/fashion-capitals/>.

8. Soft power and the UK [Электронный ресурс]: http://www.huffingtonpost.co.uk/gary-kent/soft-power-and-the-uk_b_5067445.html.

9. Soft Power Survey – 2012 [Электронный ресурс]: <http://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2012/>.

10. Soft power: Britain is losing its grip on this key asset [Электронный ресурс]: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/mar/31/soft-power-britain-losing-grip-lords-policy>.

11. The Beatles [Электронный ресурс]: <http://www.rollingstone.com/music/lists/100-greatest-artists-of-all-time-19691231/the-beatles-20110420>.

12. The Times Higher Education World University Rankings [Электронный ресурс]: <http://www.timeshighereducation.co.uk/world-university-rankings/2013-14/world-ranking>.

13. Top 10 Nations with Soft Power [Электронный ресурс]: <http://top10buzz.com/top-ten-nations-with-soft-power/>.

14. Британия – источник мягкой силы [Электронный ресурс]: <http://voprosik.net/britaniya-istochnik-myagkoj-sily/>.

15. Ведущие футбольные лиги Европы выручили от продажи телеправ 5 млрд. евро [Электронный ресурс]: <http://www.vedomosti.ru/sport/news/18663241/veduschie-futbolnye-ligi-evropy-vyruchili-ot-prodazhi>.

1. A New Place In The World: Britain and Soft Power. URL: <http://www.catch21.co.uk/2013/08/place-world-britain-soft-power>.

2. Contribution to UK soft power. URL: <http://www.britishcouncil.org/organisation/facts/what-the-british-council-does/contribution-uk-soft-power>.

3. Culture Secretary praises the value of arts and culture to the UK. URL: <https://www.gov.uk/government/news/culture-and-creativity-the-key-to-our-soft-power-success>.

4. Harry Potter wields «soft power». URL: <http://schaefermillennium3.blogspot.ru/2008/02/harry-potter-wields-soft-power.html>.

5. International student statistics: UK higher education. URL: <http://www.ukcisa.org.uk/Info-for-universities-colleges-scholars/Policy-research-statistics/Research-statistics/International-students-in-UK-HE/>.

6. Language is UK's unique soft power in India. URL: <http://www.hindustantimes.com/india-news/newdelhi/language-is-uk-s-unique-soft-power-in-india/article1-821855.aspx>.

7. New York Takes Top Global Fashion Capital Title from London, edging past Paris. URL: <http://www.languagemonitor.com/category/fashion/fashion-capitals/>.

8. Soft power and the UK. URL: http://www.huffingtonpost.co.uk/gary-kent/soft-power-and-the-uk_b_5067445.html.

9. Soft Power Survey – 2012. URL: <http://monocle.com/film/affairs/soft-power-survey-2012/>.

10. Soft power: Britain is losing its grip on this key asset. URL: <http://www.theguardian.com/commentisfree/2014/mar/31/soft-power-britain-losing-grip-lords-policy>.

11. The Beatles. URL: <http://www.rollingstone.com/music/lists/100-greatest-artists-of-all-time-19691231/the-beatles-20110420>.

12. The Times Higher Education World University Rankings. URL: <http://www.timeshighereducation.co.uk/world-university-rankings/2013-14/world-ranking>.

13. Top 10 Nations with Soft Power. URL: <http://top10buzz.com/top-ten-nations-with-soft-power/>.

14. Britain – a source of soft power. URL: <http://voprosik.net/britaniya-istochnik-myagkoj-sily/>.

15. Leading European football leagues gain from the sale of television rights to 5 billion euros. URL: <http://www.vedomosti.ru/sport/news/18663241/veduschie-futbolnye-ligi-evropy-vyruchili-ot-prodazhi>.

SOFT POWER IN GREAT BRITAIN

Suprunenko Dmitry Andreevich,

Ural Federal University named after the First President of Russia B. N. Yeltsin,
Institute of social-political sciences,
magistrant,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: suprunenkowow@gmail.com

Annotation

This article discusses the basic principles on which base the soft power of Great Britain, as well as trends in the further development of this area. The author considers the three main components of soft power in the UK, analyzes their strengths and weaknesses, and identifies the main concepts of the future development of soft power.

Key words:

soft power, Great Britain, culture, education, English language.

SOFT POWER США

Бесценный Иван Сергеевич,

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Институт социально-политических наук,
магистрант,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: bsc-ivan_serg@mail.ru

Аннотация

Статья содержит анализ политики мягкой силы США. Главная особенность заключается в том, что Соединенные Штаты первыми применили soft power в качестве инструмента в XX веке. В статье рассматривается вклад американских спецслужб, научно-исследовательских сообществ, образования в реализации на практике данной политики.

Ключевые слова:

дигитализация, мягкая сила, «цветные» революции, культурная гегемония.

Значение и роль «мягкой силы», которая использовалась, в том числе, в подготовке крушения советской системы и вплоть до реализации проекта «твиттер-революций» в арабском мире и Майдана 2014 на Украине, постоянно возрастает. Сегодня ни одно даже малозначимое событие в мировой политике не происходит без использования мягкой силы, многократно усиленной новейшими информационными, когнитивными и манипулятивными технологиями. Более того, в современных условиях «мягкая сила» зачастую обеспечивает информационную подготовку, готовит плацдарм для непосредственного военного вмешательства.

Различные способы управления сознанием, методы, формы и средства ненасильственной обработки властных и иных групп известны давно. Об этом писали Н. Макиавелли, Г. Торо и М. Ганди, Т. Лири и Р. Уилсон. Однако появление не столько научной, сколько сугубо практической концепции soft power связано с именем Дж. Ная, профессора Публичной административной школы им. Дж. Кеннеди в Гарвардском университете, члена американской Академии искусств и наук и Дипломатической академии. Его главным достижением стало не только концентрированное и емкое описание природы и значения «мягкой силы», которая сыграла определенную роль в холодной войне,

но и определение возможностей, которые в XXI веке, во время информационных технологий и когнитивных войн, становятся поистине неограниченными.

Сам термин «мягкая сила» был предложен Наем в 1990 году, и лишь спустя 14 лет, в 2004 году; вышла его, пожалуй, самая известная книга – Soft Power: The Means to Success in World Politics (Мягкая сила: Средства достижения успеха в мировой политике). В настоящее время Най активно продолжает свои исследования и формирует повестку «умной власти» для нынешней администрации Белого дома, понимая ее как «способность объединять в различных контекстах жесткие и мягкие ресурсы власти в успешные стратегии» [8].

Теперь собственно о *концепте «мягкой силы»*. Главный смысл soft power заключается в формировании привлекательной власти, т. е. в способности влиять на поведение людей, опосредованно заставляя их делать то, что в ином случае они никогда не сделали бы. Такой властью становится, основываясь не только на убеждении, уговаривании или способности подвигнуть людей сделать что-либо при помощи аргументов, но и на «активах», которые продуцируют ее привлекательность. Достичь этого, по мнению Ная, возможно, используя «власть информации и образов», власть смыслов. Иными словами,

ядро «мягкой силы» – нематериальность, информативность и подвижность.

Человек всегда жил в трех измерениях – в реальном мире, информационном мире и мире символическом. Однако именно в наши дни новые технологии и средства коммуникации оказывают такое мощное воздействие на сознание, что реальные действия и события становятся значимыми только в том случае, когда они представлены в СМИ, то есть становятся свойством виртуального. События как будто и нет в реальной жизни, если о нем не написано или не отражено в Интернете. Это с одной стороны. Важно и то, что современные технологии позволяют достаточно легко манипулировать сознанием больших масс людей, формировать нужные манипулятору символы и образы.

Именно на это опирается «мягкая сила» коллективного Запада, когда работает с сознанием человека, а точнее, человеческих масс посредством информации, знаний и культуры. Воздействие мягкой силы на большие массы людей может быть проделано в довольно короткий период – он, обычно, не превышает нескольких месяцев. В этом случае очень эффективными инструментами soft power являются СМИ, новые социальные медиа, отдельные блогеры и активисты.

В долгосрочной перспективе мягкая сила меньше зависит от риторики, но больше связана с практической работой. В этом случае эффективными методами «мягкой силы» являются: предоставление образовательных услуг, а также развитие наук, основная задача которых заключается в генерации смыслов – теорий и концепций, которые легитимизировали позицию и взгляды государства, проводящего политику мягкой силы. Совокупность данных стратегий позволяет влиять на систему социокультурных фильтров или убеждения конкретного индивида, общества, по отношению к которому применяется данный тип воздействия, заставляя его изменить свое поведение.

Создание «определенного мировоззрения» происходит таким образом. Во-первых, нахождение участников образовательных программ в стране подразумевает ознакомление с политической и экономической моделью, приобщение

к культуре и ценностям. После возвращения домой студенты не просто используют этот опыт. В случае подготовки или принятия различных решений они руководствуются полученными ценностными ориентирами и знаниями.

Во-вторых, конкурсный набор получателей грантов и стипендий подразумевает нахождение наиболее перспективных представителей в различных областях деятельности или научного знания. После прохождения учебы с выпускниками сохраняются контакты в рамках сетевых сообществ, различных исследовательских программ, таким образом государство – экспортер мягкой силы оставляет за собой возможность влиять на зарубежные интеллектуальные группы и использовать их ресурс в собственных интересах. Хорошо известно, что данный подход широко используется США, Великобританией, Китаем. Широко такая практика применялась и в Советском Союзе.

Ресурсная база мягкой силы не ограничивается программами обучения. Soft power использует целый спектр культурных, информационных, разведывательных, сетевых, психологических и других технологий. Все это создает ощущение, которое высказал немецкий издатель Й. Йоффе относительно «мягкой силы» Америки, которая даже более значима, чем ее экономическая или военная мощь. Американская культура, будь она низкого или высокого уровня, проникает повсюду с интенсивностью, которая наблюдалась только во времена Римской империи, но с новой характерной особенностью. Воздействие Рима или Советского Союза в области культуры как бы останавливалось на уровне их военных границ, американская же «мягкая сила» правит империей, где никогда не заходит солнце [12].

Без преувеличения в XXI веке важным инструментом «мягкой силы», придавшим ей динамизм и мобильность, являются современные средства массовых коммуникаций, сокращающие некогда непреодолимые расстояния между материками. Теперь не только возможно формировать мировоззрение общества конкретной страны, организация и проведение государственного переворота не требует непосредственного присутствия заинтересованных групп: свергать неугодные режимы можно дистанционно, по-

средством передачи информации через средства коммуникации в сети. Иными словами, «мягкая сила» в XXI веке становится одним из главных способов борьбы за власть, информацию и ресурсы.

Развитие и значение технологий мягкой силы обусловлено, по большей части, научно-техническим прогрессом, благодаря которому современный человек погружается в киберпространство. В его границах индивидуальная разумная деятельность становится определяющим фактором развития. Дигитализация (перевод информации в цифровую форму) всех сторон жизни и стремительное развитие технологий сети способствуют созданию новой информационной картины мира. При этом появляется следующее противоречие – информационные технологии развиваются значительно быстрее, чем происходит адаптация людей к ним, что обусловлено физиологическими и психологическими особенностями. В результате осознание настоящего места новых технологий в формировании информационного, социального и политического пространств приходит к людям с задержкой, и подобный человек оказывается беззащитным перед создателями и проводниками информационных технологий.

Стратегически мыслящие политики должны понимать сущность и направленность той или иной технологической новинки или целой технологии. Именно поэтому необходимо знать, что сетевые технологии, будучи одним из важнейших ресурсов «мягкой силы», стали самым значимым в XXI веке инструментом борьбы за власть, информацию и ресурсы. Оценка роли и значения соцсетей в формировании настроения масс, создании массовых образов позволяет утверждать, что, во-первых, социальные сети – это когнитивная технология, во-вторых – организационное оружие, а в-третьих – бизнес-продукт. Одним из первых в России на это обратил внимание И.Ю. Сундиев [9]. Оставив в стороне вопросы бизнеса, обратим более пристальное внимание на первые две характеристики.

В 2002 году в книге «Умная толпа» (Smart Mobs) специалист по культурным, социальным и политическим импликациям в медиасферу современности Г. Рейнгольд не только подробно

описал флэшмоб, придавая особое значение новому способу организации социальных связей, структур, но фактически предвосхитил и описал волну новых социальных революций. Он полагал, что флэш-акции (смартмобы) столь мобильны благодаря тому, что их участники используют современные средства коммуникации для самоорганизации. Считается, что идея организовать флэшмоб с использованием Интернета как организационного ресурса пришла создателю первого сайта для форматирования подобных акций FlockSmart.com Р. Зазуэта после знакомства с творчеством Рейнгольда. Сегодня флэшмобы используются довольно широко и формируют совершенно особую реальность [2].

Дело в том, что флэшмобы являются механизмом формирования конкретного поведения в данный момент в данном пространстве. Управляемость «умной толпы» достигается за счет следующих базовых принципов организации. Во-первых, акция заранее готовится через официальные Интернет-сайты, где моберы разрабатывают, предлагают и обсуждают сценарии для акций.

Во-вторых, акция начинается одновременно всеми участниками, но призвана выглядеть как спонтанная – участники должны делать вид, что не знают друг друга. Для этого согласовывается время или назначается специальный человек (маяк), который подает всем сигнал к началу акции. В-третьих, участники акции все делают с самым серьезным видом: флэшмоб должен вызывать недоумение, но не смех. В-четвертых, акции должны быть регулярными, иметь абсурдный характер и не поддаваться логическому объяснению.

При этом флэшмоб – совершенно добровольное занятие. Но самое главное, что все участники флэшмоба не знают и не должны знать истинной причины организации той или иной акции. Важнейший смысл смартмоба как «новой социальной революции» заключается в том, что подобные акции формируют модели необдуманного, навязанного «маяком», поведения больших масс людей. В момент флэшмобов происходит спектаклизация реальности, индивид утрачивает собственно индивидуальность, превращаясь в легко управляемый винтик социальной машины.

Роль соцсетей не ограничивается формированием смарттолпы. Существенное влияние они оказали на общественное сознание в период политических кризисов, в ряде случаев закончившихся сменой политических режимов. Так, везде, где происходили события «арабской весны», для привлечения союзников протестующие использовали новые Интернет-приложения и мобильные телефоны, перебрасывая ресурсы из киберпространства в городское пространство и обратно. Для посетителей социальных сетей создавалось впечатление, что в протестные действия включились миллионы. Однако в действительности число реально протестующих и протестующих в Сети отличаются многократно. Достигается это с помощью специальных программ.

Фактически сегодня активно внедряются новые технологии социальной инженерии, создающие неведомые ранее модели принятия решений, изменяющие когнитивный базис современного человека. А Интернет, будучи планетарной информационной магистралью, превращает такие проекты, как WikiLeaks, Facebook и Twitter, в инструмент борьбы за влияние и конкретно смены политических режимов в странах-мишенях. При помощи Интернет-технологий происходит, словами А. Грамши, молекулярная агрессия в культурное ядро конкретного режима, разрушается основа национального согласия, накаляется до предела ситуация внутри страны и в ее окружении. И все это укладывается в концепцию «мягкой силы» [3].

Конечно, социальные сети сами по себе не продуцируют «вирус революции», но являются прекрасным каналом его распространения. Возьмем, к примеру, Twitter. Это, собственно, не социальная сеть, скорее социальный медиасервис. Причина, по которой Twitter можно рассматривать как инструмент разогрева общественного мнения, сокрыта в его интерфейсе. Благодаря конструкции этого коммуникативного канала пользователь оказывается в потоке однотипных сообщений, в том числе «закольцованных», повторяющихся при помощи так называемых «ретвиттов» в режиме нон-стоп. Кроме того, Twitter формирует деградантный язык «словесных жестов».

Социальные сети выполняют сегодня не столько роль площадки для общения, сколько

детонатора информационного взрыва, способного распространять данные по всему миру за считанные секунды, ускоряя тем самым ход той или иной операции. Это вовсе не означает, что телевидение и радио теряют популярность. В современных условиях происходит симбиоз крупнейших телевизионных гигантов с такими сетями, как WikiLeaks, Facebook, Twitter, YouTube, усиливающий в конечном итоге эффект информационных операций, выводя на улицы сотни тысяч манифестантов.

Один из главных способов сформировать soft power США – это создать привлекательный образ страны в глазах граждан всех остальных стран мира. American dream, Pax Americana, Hollywood – примеры того, как формулируется soft power. Численность иностранных студентов – одна из главных метрик этой характеристики: чем больше студентов к тебе приехало, тем больше вероятность того, что привитые системой образования ценности они увезут в свои родные страны, и там их будут распространять. По данным Института международного образования, 4607 студентов из России приехало учиться в США в 2010–2011 учебном году, 36,6% приходится на студентов бакалавриата. Это на 4,6% меньше, чем в 2009–2010 году. Для сравнения, из Китая приехало 157558 студентов: большинство иностранных студентов, поступивших в американские колледжи и университеты в прошлом году, были китайцами.

Сайт <http://theoryandpractice.ru> [4] представляет интервью со специалистом, которая работала в консультационном центре по образованию в США, проводила семинары для поступающих студентов и посетила несколько десятков американских университетов и колледжей, о том, чем она там занималась. Консультационный центр образован на деньги госдепа США; основная деятельность – предоставление наиболее полной информации по самостоятельному поступлению в американские университеты.

– Зачем создаются подобные консалтинговые центры?

– Центры помогают набирать популярность американскому высшему образованию во всем мире, предлагая полную и своевременную информацию о возможностях обучения в высших учебных заведениях США. Эти центры – NGO,

некоммерческие организации, все информационные услуги – бесплатные. Хотя для страны это и способ заработать – иностранные студенты тратят много денег. Стоимость обучения в государственных университетах для иностранных студентов намного выше, чем для самих американцев. Один год обучения и проживания, допустим, в California State University для жителей штата составляет \$6882, а иностранцы платят \$18042.

– Что за люди приходят в центр?

– Старшеклассники с родителями, которые хотят, чтобы их дети продолжали образование в США, студенты и выпускники гуманитарных и технических вузов Москвы. Отдельно я бы выделила студентов Физтеха и Бауманки – большинство из них поступает на PhD в американские университеты. Если брать студентов старших курсов и аспирантов, то они, как правило, точно знают, чего хотят и куда собираются поступать, их больше интересуют технические моменты поступления. Школьники выбирают, ехать учиться в США или в Англию, и очень часто, благодаря консультационной работе сотрудников Центра, делают свой выбор в пользу американского образования. Приходят молодые профессионалы, которые собираются поступать в американские бизнес-школы.

– Как вы работаете с теми, кто хочет учиться в США?

– Несколько раз в месяц проводятся общие лекции об основных моментах выбора и поступления в американские колледжи и университеты. Можно сходить на индивидуальную консультацию, на которой студенту помогают выработать стратегию поступления с учетом бюджета и пожеланий. В Центре проводятся семинары по подготовке к стандартизированным тестам TOEFL, SAT, GRE, GMAT. Там же можно самостоятельно позаниматься с тестами на компьютере, посидеть с учебниками, взять некоторые из них с собой домой. Постоянно приезжают представители как крупных государственных университетов, так и небольших частных колледжей, чтобы выступить с презентацией и встретиться со студентами. Затея еще в том, что есть возможность пообщаться с единомышленниками – такими же студентами в поиске образования на Западе.

– Есть ли какие-то особенности у высшего образования в США?

– В США можно менять выбранную специализацию, брать курсы из других факультетов, получить одновременно два диплома по совершенно разным специальностям, так называемые double major degrees. Это то, что привлекает студентов первого года. Один мой знакомый получил одновременно степень бакалавра по информационным технологиям и по международной политике в Washington and Lee University. Обучаясь в одном университете, студенты могут посещать лекции в университете, расположенном неподалеку. Так, студенты из Ithaca College могут посещать курсы в Cornell University, студенты MIT посещают лекции в Гарварде.

– А грант получить реально?

– Американские университеты очень щедры в плане стипендий и грантов, это не секрет. Выделяются они не только за академические успехи; при начислении стипендии учитывается также активная социальная позиция, лидерский потенциал кандидата. Шесть самых престижных американских университетов и колледжей поддерживают так называемую need-blind admission: если студент подходит по всем критериям, предъявляемым университетами, но у него нет денег, чтобы оплатить все расходы, связанные с обучением, университет выделяет для него средства из собственных стипендиальных фондов. Такая опция есть у Massachusetts Institute of Technology in Massachusetts, Harvard University in Massachusetts, Princeton University in New Jersey, Yale University in Connecticut, Dartmouth College in New Hampshire, Amherst College in Massachusetts.

– Кому проще получить стипендию: математику или менеджеру?

– Лучше всего финансируются информационные технологии, математика, физика, химия, биология. По таким специальностям, как бизнес, юриспруденция, медицина, получить финансовую помощь от учебных заведений практически нереально.

– Как студентам живется в США?

– На моем веку студенты уезжали на учебу в США, прихватив с собой домашних питомцев: кошек, собак. Одна студентка умудрилась увезти с собой лошадь. Самостоятельная студенче-

ская жизнь вдали от родителей сильно меняет вчерашних школьников. Так, один из них мне рассказывал, как мама учила его жарить курицу по скайпу, проверяя ее готовность по изображению в веб-камере.

– Вы бы сами в какой вуз поступили?

– Я бы хотела учиться в Georgetown University в Вашингтоне и изучать там социальные медиа. Эта специальность преподается там на очень высоком уровне. Мне очень понравился сам Georgetown своей стрельчатой готической архитектурой, красивым кампусом, академической атмосферой.

Данное интервью свидетельствует о важности вопроса образования как элемента мягкой силы и роли, которую США ему отводят в системе влияния на информационную, идеологическую атмосферу крупных социальных групп – молодежи, научного сообщества в других странах.

Петер Бахмайер, доктор наук, в своем докладе на конгрессе «Мужество по этике» в Фельдкирхе, Австрия, 3 сентября 2010 обращает внимание на следующее. «Была весна 1998 года, в Словакии шла полным ходом подготовка к одной из первых «цветных» революций в Восточной Европе, но об этом тогда никто не знал. США готовили большую войну на Балканах, об этом тоже никто не знал. Америке нужны были гарантии пролета через воздушное пространство Словакии, где у власти был упрямый и «прорусский» премьер Владимир Мечар, пользовавшийся массовой поддержкой населения. Мечар мешал, Мечара решено было сменить, и под знакомым американским слоганом «мы хотим перемен» послом США в Словакии была собрана и построена в боевой порядок антимечаровская коалиция. Я был в то время главным редактором одного общественно-политического еженедельника. Ко мне вдруг обратился американский дипломат, второе или третье лицо посольства, с неожиданным предложением.

– А почему бы Вам не создать неправительственную организацию?

– А что это такое? – поинтересовался я.

– Как, вы не знаете? – удивился американец. – Все знают, а вы нет!

Я признался в своем невежестве и выслушал лекцию длиной в четверть часа. Ее суть: если я создам новую неправительственную организацию, которая так или иначе будет ангажирована против Мечара, то посольство США предлагает деньги. Я был удивлен, но не отказался сразу. Мечара я в то время критиковал открыто и последовательно – не за прорусскость, а за политический утопизм. Причем, как показало время, критика была вполне обоснованной. Но деньги за такого рода творчество мне никто никогда не предлагал. Я был сам издателем своих книг, остаюсь им по сей день.

Через два дня американец появился с кипой бумаг весом килограмма в полтора и с предложением их заполнить. Заметив, что я не склонен этого делать, он сказал, что мне помогут его сотрудники. Надо просто зайти в посольство. После чего я засунул бумаги в самый нижний ящик стола и забыл об этом. Но ненадолго. Антимечаровскую кампанию в Словакии 1998 года тогда никто не воспринимал как «цветную революцию». Никаких майданов не было, была просто политическая кампания всех, объединившихся против одного – популярного Мечара. Но за ней стояли США со всем своим мягким влиянием в кулаке. И шансов у Мечара не было» [1].

Суть soft power – это не мягкая сила. И тем более не мягкая власть. Это американская технология взятия власти в чужой стране и ее передачи нужным в данный момент людям. Технология переворотов. Технология ненасильственная – и это главное, что отличает soft power от революции со штурмом Зимнего дворца. Технология soft power не берет власть, чтобы ее удерживать или, не дай бог, что-то реформировать. Хотя слово «реформа» многие годы было священным заклинанием во всех посткоммунистических странах, Россию не исключая. soft power используется для того, чтобы, взяв власть ненадолго, забрать собственность надолго, а еще лучше навсегда. Слово «огрابتь» звучит не деликатно, но точно описывает суть процесса.

После свержения Мечара в 1998 году, который хотя и выиграл выборы, но ему не дали сформировать правительство, в рекордные сроки в руки США были переданы все стратегические предприятия Словакии, которые Америку интересовали. Прежде всего, металлургический

комбинат ВСЖ в городе Кошице, смешавший карты в игре за европейские рынки. Комбинат отдал концерну US Steel.

Кроме отъема собственности, с помощью soft power добиваются и других результатов – как правило, стратегического значения. Нужна, например, военная база – и в Средней Азии начинают вдруг бороться за свободу; нужно контролировать транзит нефти и газа – и за свободу будут бороться то Кавказ, то Турция, то Греция. Бороться будут все – soft power умеет привлекать массы к борьбе за американские ценности.

За последние два десятилетия произошла переориентация американского стратегического мышления: война определяется больше не чисто военными способами, а осуществляется информационными и психологическими методами, которые указываются как «психологическое военное руководство» или «культурная война». Эти методы имеют долгую предысторию. Американский военный стратег Лидделл Харт развил уже до второй мировой войны стратегию косвенного воздействия [6, с. 98].

1. Во время Второй мировой войны американские и британские вооруженные силы применяли «психологическую войну» против Германии, которая впоследствии использовалась для перевоспитания немецкого народа. После войны ЦРУ и министерство обороны учредили по образцу Тавистокского института человеческих отношений (Tavistock Institute of Human Relations) специализированный институт психологической войны в Англии, мозговые фабрики, такие как корпорация Рэнд (RAND Corporation), Институт Хадсона (Hudson Institute) Германа Кана и другие, направленные главным образом против Советского Союза.

Методы в этих центрах были разработаны рядом социально-научных учреждений. *Американские эмпирические социальные науки*, т.е. социология, политология, психология, антропология, исследование коммуникаций и т.д. возникли в их нынешнем виде по инициативе и финансированию военных и разведывательных органов в 40-е и 50-е гг.

2. Другой источник – это крупные фонды, такие, как Корпорация Карнеги (Carnegie Corporation), Фонд Форда (Ford Foundation)

и Фонд Рокфеллера (Rockefeller Foundation). Это были известные научные центры, такие как новая школа социальных исследований в Нью-Йорке (New School for Social Research in New York), бюро прикладных социальных исследований в Принстонском университете (Bureau of Applied Social Research in Princeton) (возглавляемое Паулем Лазарсфельдом), Институт социальных исследований (возглавляемый Максом Хоркхаймером и Теодором В. Адорно, который вернулся во Франкфурт в 1949 году), Центр международных исследований (Center for International Studies) (CENIS) Массачусетского технологического института (Massachusetts Institute of Technology), а также основанный Майклом Мерфи и Григори Батсоном альтернативный Эсаленовский институт в Калифорнии – центр антикультуры, который также участвовал в организации Вудстокского фестиваля 1968 г., – все они получили эти заказы. Ключевые институты коммуникационных наук, в частности, были созданы программами по психологическому военному руководству.

Эти институты издавали такие журналы, как «Ежеквартальное общественное мнение» (Public Opinion Quarterly) (POQ), «Американское социологическое обозрение» (American Sociological Review), «Американское обозрение политических наук» (American Political Science Review) и др. В этих институтах работали эксперты, большей частью эмигранты из Германии и Австрии, которые приобрели себе позднее большие имена в науке, – такие, как Пауль Лазарсфельд, Оскар Моргенштерн, Лео Ловенталь, Герберт Маркузе, Вальтер Липпманн, Гарольд Лассвелл, Габриель Алмонд, Даниель Лернер, Даниэль Белл, Роберт Мертон и многие другие. Это были те же самые эксперты и институты, которые были также ответственны по перевоспитанию народа в Германии. Некоторые из этих проектов были заняты также подготовкой культурной революции шестидесятых лет в сопровождении рок-музыки, культуры употребления наркотиков и сексуальной революции.

Таким образом, концепция мягкой силы в США имеет давнюю историю. Можно сказать, что именно в этой стране она зародилась и развивалась на протяжении XX века, хотя отдель-

ные элементы мягкой силы или «культурной гегемонии», согласно Грамши, были использованы ранее. В настоящее время, soft power США не только играет первостепенную роль во всем мире, но и создает подобные идеологические конструкции в Европе.

1. Бахмайер П. Soft Power (мягкая власть) – культурная война США против России [Электронный ресурс] URL: <http://www.juvenaljustice.ru/>.
2. Говард Р. Умная толпа. [Электронный ресурс] URL: http://modernlib.ru/books/reyngold_govard/umnaya_tolpa/read/.
3. Грамши А. Тюремные тетради. Часть первая. – М.: Издательство политической литературы, 1991, 235 с.
4. Долгополова М. Soft power: зачем США нужны иностранные студенты. [Электронный ресурс] URL: <http://theoryandpractice.ru>.
5. Кара-Мурза С.Г., Александров А.А., Мурашкин М.А., Телегин С.А., Революции на экспорт, Москва, Красная линия, 2006, 298 с.
6. Лидделл Хард Б., Стратегия не прямых действий, М.: Эксмо, 2008, 464 с.
7. Най Дж., Связанный, чтобы руководить: изменяющийся характер американской власти, Москва, Basic Books, 1990, 350 с.
8. Най Дж., Трансформированное лидерство и великая стратегия США, Foreign Affairs, т. 85, No. 4, июль/август 2006, с. 139–148.
9. Платонов О.А., Россия под властью масонов, Москва, 2000, 354 с.
10. Росс Джонсон А., Юджин Парта, Радиовещание холодной войны: воздействие на Советский Союз и Восточную Европу, Международный центр Вудро Вильсона, Вашингтон 2010, 192 с.
11. Симпсон К., Наука принуждения: исследование коммуникаций и психологическая война, 1945–1960, Нью-Йорк, Ок-

сфорд U.P. 1994, 400 с.

12. Сондерс Фр. С., ЦРУ и мир искусств: культурный фронт холодной войны, Москва, Кучково поле, 2013, 311 с.
13. Хиллард П. Власть средств массовой информации на службе у мондиализма, Париж 2009, 270 с.

1. Bakhmayer of the Item Soft Power (the soft power) – cultural war of the USA against Russia [Electronic resource] URL: <http://www.juvenaljustice.ru/>.
2. Howard R. clever crowd. [Electronic resource] URL: http://modernlib.ru/books/reyngold_govard/umnaya_tolpa/read/.
3. Gramsci A. Prison writing-books. Part one. – M.: Publishing house of political literature, 1991, 235 pp.
4. Dolgopolova M. Soft power: why the USA are necessary foreign students. [Electronic resource] URL: <http://theoryandpractice.ru>.
5. Kara-Murza S.G., Alexandrov A.A., Murashkin M.A., Telegin S.A. Revolutions for export, Moscow, Red line, 2006, 298 pp.
6. Liddell Hard B., Strategy of indirect actions, M.: Eksmo, 2008, 464 pp.
7. Nai Dzh. Connected to direct: changing character of the American power, Moscow, Basic Books, 1990, 350 pp.
8. Nai Dzh. the Transformed leadership and great strategy of the USA, Foreign Affairs, t. 85, No. 4, July/August 2006, p. 139–148.
9. Platonov O.A. Russia under the power of masons, Moscow, 2000, 354 pp.
10. Ross Johnson A. Eugene Parta, Broadcasting of cold war: impact on the Soviet Union and Eastern Europe, Woodrow Wilson's International center, Washington 2010, 192 pp.
11. Simpson K., coercion Science: research of communications and war of nerves, 1945–1960, New York, Oxford U.P. 1994, 400 pp.
12. Saunders Fr. Page, CIA and world of art: cultural front of cold war, Moscow, Kuchkovo field, 2013, 311 pp.
13. The Hillard P. Vlast of mass media on service of a mondializm, Paris 2009, 270 pp.

SOFT POWER OF USA

Bestsenyi Ivan Sergeevich,

Ural Federal University, named after the First President of Russia B.N. Yeltsin, Institute of social-political sciences, magistrant, Ekaterinburg, Russia, E-mail: bsc-ivan_serg@mail.ru

Annotation

This article contains the policy analysis of the soft power in USA. The main feature is that the United States the first applied soft power as the tool in the XX century. In article the contribution of the American intelligence services, research communities, educations in realization in practice of this policy is considered.

Key words:

digitalization, soft power, color revolution, cultural hegemony.

КОНЦЕПЦИЯ «МЯГКОЙ СИЛЫ» ВО ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ БРАЗИЛИИ

Антоничев Олег Игоревич,

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Институт социально-политических наук,
магистрант,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: polpolit@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается зарождение и развитие «мягкой силы» в Бразилии, анализируются конкретные особенности бразильской «soft power». Наглядно показывается, что в последние годы «мягкая сила» обретает новую привлекательность, в сравнении с «hard power». Основными ключевыми элементами soft power в Бразилии являются: торгово-экономические, научные, технологические и культурно-массовые инструменты. Наряду с этим анализируются отрицательные моменты этой концепции в специфике Бразилии для России и взаимодействие этих двух стран в ключе «мягкой силы».

Ключевые слова:

soft power, Бразилия, Россия, бразильская модель soft power.

Значение «мягкой силы», считающейся одним из атрибутов мировых держав, в последние годы все больше осознается бразильской политической элитой, подчеркивающей важность учета и применения данного фактора в целях продвижения национальных приоритетов на глобальном и региональном уровнях.

Бразильский политолог У.В. Биасотто констатирует, что «в отличие от США, России и Англии Бразилия стала экономической державой, не став, однако, военной державой... Бразилия применяет «мягкую силу», которая открывает гораздо больше возможностей в сфере торговли, науки и технологий, чем винтовка... Величие державы – это то, что начинают читать и слышать за рубежом (благодаря нашим музыкантам и писателям), величие, которое строится благодаря «мягкой силе», пониманию того, что мы – одна человеческая раса... чем «мягче» мы будем с менее обеспеченными (самыми обездоленными), тем больше нас будут уважать...» [1, с. 1].

Осознанное, целенаправленное применение «мягкой силы» во внешней политике

Бразилии связано с восстановлением в стране гражданской формы правления (после длительного периода военных режимов) и началом демократических преобразований. Приход в марте 1985 года к власти конституционно избранного Президента Ж. Сарнея ознаменовался пересмотром прежней политики и «разворотом» Бразилии к СССР. Однако говорить о реальном появлении первых ростков «мягкой силы» во внешнеполитической деятельности Бразилии можно лишь во время президентства Фернанду Энрике Кардозу (1995–2002 гг.). Более четкие очертания бразильская «мягкая» дипломатия стала приобретать в период правления Президента Л. Лулы (2003–2010 гг.).

Бразильская исследовательница и политолог Ана Лусиа Гедес, говоря о применении «мягкой силы» во внешней политике Бразилии, дает следующую характеристику: «Ф.Э. Кардозу отдавал себе отчет в стратегических и экономических ограничениях Бразилии, в отличие от Л. Лулы, который игнорирует или недооценивает структурные ограничения, например, бюджета и сокращение числа воен-

нослужащих. Пример этому – Африка, Кардозу ограничивался тем, что поддерживал политику сотрудничества с этим регионом и не совершал поспешных действий, в то время как Л. Лула перешел к активной политике солидарности, разница заключается в позиции принимать мир таким, какой он есть, – в случае с Кардозу и, напротив, изменить мир – в случае с Л. Лулой» [2, с. 80–81].

Политика «мягкой силы» Бразилии продолжает процесс становления и после 2011 года при новом Президенте Дилме Роуссефф, которая стала первой женщиной-президентом в истории Бразилии. Через научно-исследовательские центры, общественные и неправительственные организации Бразилия позиционируется как один из лидеров развивающихся экономик, государство, ратующее за устойчивое развитие, сочетающее сбалансированный экономический рост с охраной окружающей среды (так называемая «зеленая экономика»). Все большее число сторонников, особенно среди латиноамериканских соседей, завоевывает прагматическая (по сути, социал-демократическая) модель развития Бразилии, демонстрирующая приемлемые экономические показатели при успешной реализации социально ориентированных программ.

В то же время следует отметить, что при наличии отдельных элементов «мягкой силы» во внешней политике Бразилии национальная доктрина на данном направлении окончательно не сформулирована. Концепция внешней политики Бразилии до сих пор находится в стадии разработки. Хотя, по имеющимся данным, в этом документе будут обозначены общие задачи по использованию и продвижению политики «мягкой силы». При этом в последние годы в ряде научных статей и публикаций бразильских политологов, дипломатов и ученых все чаще делаются ссылки на «мягкую силу».

Так, экс-министр иностранных дел Бразилии С. Аморим в 2013 году в одной из статей отмечал: «Не существует никаких сомнений, что миролюбивая внешняя политика служит интересам Бразилии. Страна использует свой статус для укрепления мира и сотрудничества в Латинской Америке и во всем мире. Ее кон-

структивные подходы основаны на фундаментальных ценностях демократии, социальной справедливости, экономического развития и охраны окружающей среды. Уникальная способность Бразилии продвигать эти идеалы является важным инструментом ее «мягкой силы» и выражается в широкой международной поддержке, которая позволила бразильцам войти в ряды руководителей международных организаций, таких как Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО) и Всемирная торговая организация (ВТО)» [3, с. 1].

Бразильский политолог АLINE Павандус Сантус идет дальше в конкретизации национальной идеи «мягкой силы», отмечая следующее: «Посредством анализа внешней политики и действующей конъюнктуры будут определяться атрибуты, присущие «мягкой силе» в модели международной деятельности Бразилии, например, предоставление государственной помощи международному сообществу, выбор в пользу многосторонних решений, формирование привлекательной повестки дня, которая бы включала такие вопросы, как защита прав человека, демократия и возможность индивидуальных доходов» [4, с. 45–46].

Надо признать, что наиболее зримо политика «мягкой силы» проявляется в деятельности Бразилии в различных региональных и международных организациях. Консолидируя свои позиции в качестве общепризнанного южноамериканского лидера, одного из ведущих игроков в мировой политике, сильного кандидата в постоянные члены Совета Безопасности ООН, Бразилия активно использует потенциал «мягкой силы» в продвижении интеграционных процессов и своих подходов в различных многосторонних структурах и региональных объединениях. В первую очередь речь идет о МЕРКОСУР [5], БРИКС [6], «Группе 20» [7].

Исходя из концептуальной установки бывшего Президента Л. Лулы о необходимости применять все формы интеграции, которые бы укрепляли историческое, социальное и культурное своеобразие страны, Бразилия, по мнению авторского коллектива в составе Л. Бижос

и В. Арруда, должна использовать «мягкую силу» «в формировании регионального лидерства, выполняя роль главного актора в регионе за счет финансирования Национального банка экономического и социального развития для проведения работ в области инфраструктуры в других странах.

В поиске лидерства в регионе с целью достижения своих глобальных интересов Бразилия находится во главе миротворческих сил ООН на Гаити, направляет финансовые ресурсы на цели развития и социальные проекты, подготавливает свои военные силы, стремясь ориентировать основополагающие принципы бразильской внешней политики на международную обстановку, что принесет ей большие результаты и конкретные преимущества для общества» [8, с. 42].

Торгово-экономические инструменты «мягкой силы»

Хотя главным проводником «мягкой силы» Бразилии в отношении многих государств мира, включая Россию, остается официальная дипломатия, в последнее время к этой деятельности подключаются различные коммерческие и общественные структуры, в том числе торгово-экономического профиля. В частности, речь идет о Федерации промышленников и предпринимателей Бразилии (и крупных городов страны – Рио-де-Жанейро, Сан-Паулу), торговых палатах Бразилии с зарубежными странами (применительно к нашей стране – Палата Бразилия–Россия по торговле, промышленности, культуре и туризму), целом ряде профильных ассоциаций (в том числе мясной, текстильной, швейной, обувной, туристической отраслях), Агентстве по продвижению экспорта и инвестиций, Международном бизнес-центре и др. Проведение по их инициативе научно-практических конференций, семинаров, «круглых столов» по тематике двусторонних торгово-экономических и инвестиционных связей содействует формированию общего благоприятного климата для запуска и реализации конкретных проектов сотрудничества в приоритетных областях.

Научные инструменты «мягкой силы»

Мощный заряд в проведении политики «мягкой силы» Бразилии несет в себе деятельность национальных научных, исследовательских и академических центров, занимающихся международной, региональной проблематикой, включая вопросы сотрудничества в ООН, «Группе 20», БРИКС, урегулированием различных интернациональных и локальных конфликтов (Сирия, Иран, Ирак, Ливия, БВУ). Наиболее интересные труды и исследования бразильских специалистов переведены на иностранные языки, в том числе русский, испанский, английский, и, в конечном счете, оказывают влияние на ход образовательного и научного процессов.

Отдельно следует упомянуть Центр изучения и исследований стран – членов БРИКС (ЦИИ БРИКС) (BRICS Policy Center). Учреждение ЦИИ БРИКС стало результатом совместного проекта местной префектуры и Папского католического университета. Так, за три года существования ЦИИ провел несколько десятков научных конференций, «круглых столов», семинаров по широкому кругу вопросов деятельности БРИКС, в которых принимали участие кроме бразильских специалистов представители научных и академических кругов из стран – членов этого объединения, включая Россию. Основной задачей Центра является содействие сотрудничеству и обмену информацией между соответствующими специалистами из стран – участниц БРИКС с целью создания в перспективе своего рода «научного пула» в области изучения данной группы стран, играющих все более важную роль в формировании нового международного порядка.

Технологические инструменты «мягкой силы»

Эффективным инструментом бразильской «мягкой силы» становятся современные информационные технологии, включая Интернет-ресурсы. В данном контексте заслуживает внимания создание специального канала МИД Бразилии на видеохостинге «YouTube» ([http://](http://www.youtube.com/mrebrasil)

www.youtube.com/mrebrasil), где имеется доступ к видео- и аудиопрограммам, интервью главы бразильского внешнеполитического ведомства, других дипломатов и представителей официальных властей по тематике внешней политики [9, с. 1]. К ряду подобных примеров следует отнести официальный сайт посольства Бразилии в Москве – его содержательные политический, экономический, консульский, культурный и туристический контент востребованы среди российских граждан, частных и государственных организаций.

Обладая рядом бесспорных преимуществ (широкий охват аудитории, молниеносная передача информации, возможность общения в режиме он-лайн), бразильские официальные и общественные веб-страницы являются сильным и одновременно гибким средством воздействия на самосознание и формирование общественного мнения.

Культурно-массовые инструменты «мягкой силы»

К проявлениям «мягкой» дипломатии Бразилии можно отнести и линию, последовательно проводимую не только официальными властями федерального, регионального и муниципального уровней, но и здешними общественными и неправительственными организациями в целях позиционирования крупнейших городов страны (в первую очередь Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу) в качестве весьма привлекательных и комфортных мест для проведения крупных международных общественно-политических, экономических и спортивных мероприятий. Так, Рио-де-Жанейро вошел в двадцатку крупнейших мегаполисов мира по количеству ежегодно проводимых международных и региональных форумов, конференций, симпозиумов, семинаров, выставок, ярмарок, «круглых столов» и т. п. По данному показателю, согласно сведениям Международной ассоциации конгрессов и конференций, Рио-де-Жанейро в 2012 году завоевал первенство во всей Бразилии: из 304 мероприятий, состоявшихся в стране, почти четверть прошла в этом городе (в Бразилии

в недавнем прошлом состоялись и в ближайшем будущем предстоят важные события многостороннего формата: V Всемирные военно-спортивные игры в Рио-де-Жанейро в июле 2011 г., Кубок мира по пляжному футболу в Сан-Паулу в мае 2012 г., Международная конференция ООН по устойчивому развитию «Рио+20» в Рио-де-Жанейро в июне 2012 г., Всемирные дни молодежи под патронажем Ватикана в Рио в июле 2013 г., чемпионат мира по дзюдо в Рио в августе-сентябре 2013 г., чемпионат мира по виндсерфингу в Рио-де-Жанейро в ноябре 2013 г., чемпионат мира по футболу в 2014 г., международный чемпионат по дзюдо в Сан-Паулу в 2015 г., летние Олимпийские игры в Рио-де-Жанейро в 2016 г., летняя Универсиада в г. Бразилиа в 2019 г.).

Специфика взаимодействия с Россией

Применительно к бразильской «мягкой силе» в отношении России наиболее распространенными формами ее использования являются различные общественно-политические и культурные мероприятия, включая демонстрацию в нашей стране широко известных бразильских телевизионных сериалов (бразильские теленовеллы снискали в нашей стране огромную популярность с выходом на телеэкраны в 1988 г. сериала «Рабыня Изаура»; после этого около 20 бразильских телевизионных саг приковывали внимание российских телезрителей), организацию фестивалей современного бразильского кино, 10 выставок живописи и т. д. К «мягкой» дипломатии Бразилии, очевидно, можно отнести и такие бразильские явления, как всемирно известный и набирающий с каждым годом большую популярность (в том числе среди россиян) карнавал, а также футбол. В последние годы несколько маститых бразильских футболистов с успехом выступают в Российской футбольной лиге. Речь идет о Вагнере Лаве, который в 2004–2011 гг. играл в качестве форварда за московский ЦСКА. С 2009 г. другой бразильский футболист Рафэл Кариока из команды «Васко да Гама» (г. Рио-де-Жанейро) выступает за «Спартак» (г. Москва), а с 2010 г. игрок клуба «Флуминенсе» (г. Рио-

де-Жанейро) Маркес Майкон защищает цвета московского «Локомотива». В 2011 г. с популярным футболистом Роберто Карлосом подписал контракт клуб «Анжи» (г. Махачкала), за который он играл в качестве левого защитника и являлся капитаном команды. В нашей стране имеется немало поклонников бразильского футбола, даже есть объединение фанатов самой популярной в Рио-де-Жанейро команды «Фламенго», имеющее свой собственный сайт. Все это, безусловно, оказывает влияние на умонастроения россиян, особенно молодежи, и в целом на формирование позитивного образа Бразилии в нашей стране.

Несмотря на общую позитивную и отвечающую российским интересам заряженность, бразильская «мягкая сила» может иметь и негативные для нашей страны проявления, в первую очередь в правозащитной и демократической сферах. В данном контексте уместно привести выдержку из новой Концепции внешней политики Российской Федерации: «Усиление глобальной конкуренции и накопление кризисного потенциала ведут к рискам подчас деструктивного и противоправного использования «мягкой силы» и правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека за рубежом» [10].

Отрицательные моменты Бразильской «мягкой силы» для России

В качестве недавних примеров подобной отрицательно направленной для интересов России демонстрации бразильской «мягкой силы» можно привести кампанию в социальных сетях Интернета и серию манифестаций и акций протеста у дипломатических миссий нашей страны в Бразилии со стороны представителей местного ЛГБТ-сообщества и активистов «Гринпис». В частности, в августе-сентябре у российских дипмиссий (посольства

в Бразилиа, генконсульств в Рио-де-Жанейро и Сан-Паулу) состоялись манифестации представителей здешнего ЛГБТ-сообщества, в которых участвовало от нескольких десятков до сотни человек (протестовали против якобы гонений и притеснений сексменьшинств в России и принятия в Санкт-Петербурге закона о пропаганде нетрадиционных сексуальных отношений среди несовершеннолетних). В октябре 2013 г. прошли акции протеста активистов «Гринпис» (30–50 чел.), выступавших против задержания в России членов экипажа «Арктик Санрайз», совершивших нападение на нефтяную платформу «Приразломная». В дальнейшем также нельзя исключать организацию подобных недружественных к России выступлений местной неформальной общности, в связи с чем все большую актуальность приобретает необходимость плотного мониторинга развития ситуации по «чувствительным» темам с целью своевременного информационного реагирования и, по возможности, упреждения – для минимизации эвентуальных имиджевых последствий для нашей страны.

Итоги

Подводя итог, можно констатировать повышение роли «мягкой силы» во внешней политике ведущих государств мира, включая Бразилию. Бразильское руководство приобретает вкус к большой политике, стремится включать «мягкую силу» в свои внешнеполитические стратегии с целью создания благоприятных внешних условий для внутреннего развития, решения практических вопросов модернизации и расширения ареала своего влияния. Вместе с тем, очевидно, что путь «мягкой силы» достаточно тонкий и длительный, требующий немалых экономических и интеллектуальных вложений.

Все большую актуальность приобретает выработка методологии и критериев, позволяющих измерять «мягкую силу» конкретного государства (в данном случае Бразилии), оценивать ее потенциал и возможности реального влияния, в том числе в исторической перспек-

тиве. При этом следует исходить из того, что «мягкая сила» представляет сложное многокомпонентное явление, занимающее важное самостоятельное место в системе внешнеполитических координат.

В свете изложенного объективно возрастает значение задачи изучения, анализа и прогнозирования различных составляющих (негативных и позитивных) «мягкой силы» во внешней политике Бразилии в целях ее учета и использования в интересах обеспечения геополитических (стратегических) позиций России в мире в целом и в регионе Латинской Америки и Карибского бассейна, в частности.

1. Biasotto Wilson Valentim. Ai como é grandeomeuBrasil. 2013. P. 1.
2. Guedes Ana Lúcia. Aplicação do conceito de «poderbrando» napolíticaexternabrasileira. Brasil, 2005. Pp. 80–81.
3. AmorimCelso. Robustecendo o poderbrando do Brasil. 2013. P. 1.
4. Pavan dos Santos Aline. Inserçãointernacional do Brasil: o «poderbrando» e a políticaexterna do governo Lula. SãoPaulo, 2009. Pp. 45–46.
5. <http://www.mercosur.int/>.
6. <http://www.g20civil.com/>.
7. <http://ru.g20russia.ru/>.
8. Bijos Leila, ArrudaVerônica. A diplomacia cultural

9. Pimenta de Faria Carlos Aurélio, Nogueira Joana Laura Marinho. Coordenaçãointragovernamental para a implementação da políticaexternabrasileira. 2012. P. 3.
10. Концепция внешней политики Российской Федерации// <http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f.s.20>.

1. Biasotto Wilson Valentim. Ai como é grandeomeuBrasil. 2013. P. 1.
2. Guedes Ana Lúcia. Aplicação do conceito de «poderbrando» napolíticaexternabrasileira. Brasil, 2005. Pp. 80–81.
3. AmorimCelso. Robustecendo o poderbrando do Brasil. 2013. P. 1.
4. Pavan dos Santos Aline. Inserçãointernacional do Brasil: o «poderbrando» e a políticaexterna do governo Lula. SãoPaulo, 2009. Pp. 45–46.
5. <http://www.mercosur.int/>.
6. <http://www.g20civil.com/>.
7. <http://ru.g20russia.ru/>.
8. Bijos Leila, ArrudaVerônica. A diplomacia cultural comoinstrumento de políticaexternabrasileira. P. 42.
9. Pimenta de Faria Carlos Aurélio, Nogueira Joana Laura Marinho. Coordenaçãointragovernamental para a implementação da políticaexternabrasileira. 2012. P. 3.
10. Koncepcija vneshnej politiki Rossijskoj Federacii// <http://www.mid.ru/bdomp/ns-osndoc.nsf/e2f289bea62097f9c325787a0034c255/c32577ca0017434944257b160051bf7f.s.20>.

THE CONCEPT OF «SOFT POWER» IN FOREIGN POLICY OF BRAZIL

Antonichev Oleg Igorevich,

The Ural federal university name of the first President of Russia B.N. Eltsin, Institute of sociopolitical sciences, магистрант, Ekaterinburg, Russia, E-mail: polpolit@gmail.com

Annotation

The article examines the emergence and development of «soft power» in Brazil, analyzed the specific characteristics of the Brazilian «soft power». Have demonstrated that in recent years, «soft power» finds a new attraction, compared with «hard power». Some of the key elements of soft power in Brazil are: trade and economic, scientific, technological and cultural tools. Along with these negative aspects are analyzed this concept in Brazil for the specifics of Russia and the interaction of these two countries in the vein of «soft power».

Key words:

soft power, Brazil and Russia, the Brazilian model of soft power.

ЭЛЕМЕНТЫ ЮЖНОКОРЕЙСКОЙ МЯГКОЙ СИЛЫ

Жидков Владислав Олегович,

Уральский федеральный университет им. Первого Президента России Б. Н. Ельцина,
магистрант,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: politologvld@mail.ru

Аннотация

В статье рассматриваются основные элементы мягкой силы Южной Кореи, отмечаются ведущие имиджевые элементы.

Ключевые слова:

мягкая сила, Южная Корея.

Корея – это быстроразвивающаяся страна, занимающая одну из ведущих ролей в экономике мира и в глобализирующемся пространстве. Одним из важнейших элементов успеха Кореи на мировом и внутреннем пространстве стала так называемая «soft power». В данной статье я попробую проанализировать значение этой мягкой силы в Коре, ее основные составляющие.

Когда речь идет о мягкой силе, одним из самых распространенных и доступных информационных ресурсов является журнал *Monocle*, дающий довольно подробную информацию по странам и составляющий рейтинг стран по их влиянию. Конечно, существует множество рейтингов и показателей, с помощью которых возможно отследить мягкую силу, но об этом ниже. Южная Корея в рейтинге журнала *Monocle* занимает в последнее время места во второй десятке, что является неплохим показателем. Например, в 2011 году Южная Корея была на 14 месте. Технологии дали толчок стране, а теперь эстафету перехватила поп-культура. Южная Корея сегодня быстро развивается: аналогично кардинальной экономической трансформации в послевоенные годы, страна набирает активы «мягкой силы» семимильными шагами. В придачу к своему статусу – как ведущему технологическому хабу, дипломатическому авторитету, полученному после проведения саммита большой двадцатки и успешного продвижения бренда «Сделано в Коре», страна может гордиться свободными выборами, демократией, свободой

слова – вещами, которые учитывая географию страны, не должны восприниматься как нечто само собой разумеющееся. Так, всем известный *Freedom house* отмечает, что страна свободна, гражданские права соблюдаются почти полностью (2 из 7, где 1 – это отличный результат), политические права вообще отмечаются на высший балл [1]. Естественно, что имея такие замечательные оценки от ведущих экспертов по правам человека и гражданским свободам, Корея является притягательной для рассмотрения и знакомства с ней, особенно если учитывать окружающий колорит. Вокруг Кореи расположены такие страны как КНДР, Китай и др., по сравнению с которыми она кажется островком надежды и счастья, демократии. Этот фактор как нельзя лучше воздействует на выбор туристами места отдыха (ведь лучше поехать туда, где тебя не будут трогать и будут защищать, зачем лезть в тоталитарный КНДР). Нельзя не отметить усилия страны в части экспорта своей культуры – от кимчи до к-попа. «Корейская волна» в кино является самой крупной историей успеха в области «мягкой силы» в регионе, став глобальным феноменом. К нему следует добавить экспорт поп-культуры – от музыки, сериалов, корейской еды до аниме и компьютерных игр.

Туризм как элемент мягкой силы

В Республику Корею приезжает ежегодно порядка 10 миллиона туристов, что на фоне

50 млн. населения выглядит внушительно, и наблюдается довольно большой рост туристического потока (+14%) [2], связанный с формированием хорошего имиджа государства, отсутствием бюрократических препон и развивающимся туристическим кластером, хорошей развлекательной инфраструктурой. Конечно, объем туристического потока несравним с такими странами, как США, Франция и др., но увеличивающиеся объемы туристов а) говорят о хорошей обстановке в стране, что Корея интересна и заманчива; б) бывшие в стране люди уже будут больше осведомлены о Коре, о ее нравах, об обществе и т.д., что повлияет на других людей и будет дополнительным плюсом в «копилку» имиджу государства.

Корея занимает 21 место в списке стран по доходам от туризма. Это очень неплохой показатель. Основной поток туристов приходит в нее из стран Азиатско-тихоокеанского региона. Корея со своим бурным экономическим ростом, гарантированными свободами и социальной обеспеченностью выглядит даже лучше, чем многие страны-соседи. Люди видят, что Корея добилась огромного технического и социального прогресса после многих лет зависимости и войн, видят попытки Южнокорейского правительства идти на мирные переговоры с КНДР, но при этом видят и их жесткость. Это заставляет уважать и интересоваться Кореей. Участие Кореи в Министерских заседаниях по туризму для упрощения визового режима, а также в создании Международной организации STEP (инициатива называлась «Устойчивый туризм в целях искоренения нищеты») и была выдвинута в 2002 году). Эта новая организация была создана после принятия решения 20-й сессией Генеральной ассамблеи ЮНВТО о преобразовании существующего Фонда STEP в полноценную международную организацию со штаб-квартирой в Сеуле, Республика Корея. Чтобы наглядно показать рост потока туристов, приведу статистику доходов от туризма Всемирной туристической организации в млрд. долларов США:

Таблица 1 – Доходы от туризма

Республика Корея	2000	2005	2010	2011	2012
	6,8	5,8	10,4	12,5	14,2

Как мы видим, – увеличение в 2 раза всего за десять с небольшим лет. Туристы едут с охотой еще и потому, что в Коре 10 памятников Юнеско, являющихся объектом мирового наследия. Также туристам интересна корейская культура, их еда, она интересна как родина промышленных и IT-гигантов. К-поп заставляет людей не только наслаждаться им дома, но и увидеть его родину.

Экономика как мягкая сила

Республика Корея – страна с 50-миллионным населением, ВВП почти в 1,3 триллиона долларов США и доходом на душу населения свыше 31 000 долларов, что является отличным показателем [3]. Основными отраслями являются высокотехнологичное производство и машиностроение (то есть самые востребованные отрасли). Всем известны такие бренды, как Samsung, LG, Daewoo, Kia, Hyundai. Эти монстры мировой индустрии производят широчайший ассортимент продукции: начиная от моторов и турбин, кончая смартфонами и другими высокотехнологичными продуктами. Samsung же вообще является одной из самых успешных и дорогих компаний мира, производящих IT-продукты. Многие, не только в Азиатско-тихоокеанском регионе, но и во всем мире, желают заполучить продукцию корейских концернов, так как она ассоциируется с надежностью, отличными качествами и относительной дешевизной. Естественно, что это не просто стечение обстоятельств, но и целенаправленная работа государства по формированию у себя благоприятного бизнес-климата. Корея отмечается всеми экспертами, как страна с одной из самых инновационных экономик мира, что приводит к росту инвестиционной привлекательности. А если в страну идут бизнес и деньги, значит у страны имидж надежный. Инфраструктура, построенная государством, и гарантии предпринимателям находятся на высоком мировом уровне. С учетом направленности корейского образования на технические науки бизнесмены с легкостью могут основывать и развивать бизнес в этой стране. Распространение множества заводов на территории других государств также

является причиной влияния на положительный имидж страны. Там, где есть корейские заводы, там пользуется она спросом, что неизбежно влияет на хорошее отношение к продукции и стране в целом. Куда ни взглянешь, по всему миру есть либо телефон от Samsung, либо трактор от Hyundai. Марка «сделано в Корее» теперь не пустой звук, а настоящий бренд.

Образование как элемент мягкой силы

Известное дело, чтобы экономика работала, нужны кадры, чтобы государство процветало, – нужна демократия. Все это достигается путем образования населения, где Корея достигла немалых успехов. Корея постоянно наращивает свои расходы на образование, которые сейчас достигают 5% ВВП, что является огромной суммой [4]. Справедливости ради сказать, корейцы основное внимание уделяют техническим специальностям, востребованным у работодателей по всему миру. К примеру, таблица, показывающая какие деньги правительство уделяет высшему образованию, и доля гуманитарного образования в общем объеме финансирования (см. Таблицу 2).

Таблица 2 – Распределение денег по учебным заведениям Кореи и общие доли гуманитарных и нетехнических наук [5] (Unit: KRW Billion, Percentage)

	2007	2008	2009	2010	2011	Subtotal	Share
Univ & Colleges	553	646	726	929	1,140	1,305	69.2
PRIs	217	297	387	502	589	1,991	23.0
Industry	3	5	7	6	9	30	0.4
Etc.	48	24			20	92	1.3
Total	913	1,052	1,323	1,648	1,923	6,860	1
Humanities & Social Science Subtotal	148	161	166	181	209	864	12.6

Общественные и гуманитарные институты

Как мы видим, корейцы решили сделать ставку на технологический прогресс как фактор развития. Это есть и недостаток, но и большой плюс. Недостаточность гуманитарного образования не дает сформировать класс интеллигенции, который «владел» бы умами, что выражается в неостребованности

южнокорейской философии или политических исследований. В то же время, «технари», создавая свои продукты, являются лучшими рекламщиками страны, да еще и приносящими осязаемый доход. Ясное дело, что гуманитарии в Корее есть, но они не достигли мировых высот, как их «технические» собратья-ученые. Крупнейшими и лучшими университетами страны, входящими в списки лучших, являются Pohang University of Science and Technology (Pohang University of Science and Technology, 53 в списке), Korea Advanced Institute of Science and Technology (KAIST) (94), Seoul National University (124) [6]. Множество корейских институтов открывает свои представительства по региону, например, Ханьянский университет (314 место) открывает отраслевые филиалы в Малайзии на 2500 студентов. Также Корея открывает их в Китае, собирается в Индонезии, Пакистане, Саудовской Аравии. Большинство из университетов предлагает большой выбор программ обучения, согласуемых с западными стандартами, а также обеспечивает работой своих выпускников. Распространена практика, когда концерны за свои деньги обучают студента, с обязательством работы на него по кон-

тракту. В Корее почти 85 процентов населения имеет по крайней мере среднее образование. На фоне стран Европы это немного, что говорит о наличии у Кореи проблем в этой сфере (в той же России – 94%). В то же время это страна с одним из самых высоких показателей по выпускникам технических специальностей и по расходам на разработку (даже больше чем у США). Особо стоит выделить корейский институт международного образования, предо-

ставляющий исследовательские гуманитарные разработки, налаживающий связи между университетами за рубежом и обеспечивающий приток иностранных студентов.

Культура как элемент мягкой силы

Новые средства массовой информации, такие как Интернет и спутниковое телевидение доказали свое жизненно важное значение в распространении корейской культуры на таких рынках, как Ближний Восток, в Европе и за ее пределами. Интеразиатская культурная близость также играет важную роль распространение корейской культуры за рубежом. Азиатский зритель определяет себя более с корейской культурой, чем с западной культурой. Корейская поп-культура сочетает в себе традиционно азиатские и западные элементы, что дает нам возможность говорить о ее гибридности и смешанности. Эта двоякость является ключом к успеху: ее не считают враждебной, а интересной. С 1990-х корейская культура становится все более глобальной. Сочетание хип хоп, репа, металла, перепетые на корейский лад дает огромный успех. К примеру певец Сео Тайцзи или PSY, у которого было самое большое количество просмотров в мире. Число музыкальных альбомов в глобальном топ 50–2. Кроме певцов, бойс- и герлсбэндов, корейцы развивают сферу развлекательной индустрии в виде онлайн игр, пользующихся спросом по всему миру, а так же фильмов и сериалов (даже Симпсонов рисуют в Корее). В целом же, легкая, ненавязчивая культура К-попа является главным имиджмейкером Кореи в культурном плане. Корейское кино еще не развилось в таком масштабе, чтобы захватывать мировые рынки, оно сильно на внутреннем рынке и рынке региона.

Международная активность как элемент мягкой силы

На международной арене правительство Южной Кореи ведет активную деятельность по налаживанию международных связей, улучшению коммуникации. Республика Корея явля-

ется членом 52 международных организаций, из которых 16 входят в состав ООН, а также многих международных неправительственных органов. Как было озвучено выше, Корея была инициатором создания STER, заключила договор о свободной торговле с ЕС (что привело к большему товарообороту и большой взаимопонимаемости), является участницей и принимающей стороной G20. Созданный в 1991 г. Корейский фонд координирует и оказывает содействие в реализации широкого круга программ международных культурных обменов. На территории страны проводятся международные форумы и выставки, такие как саммит глав стран АТЭС, престижная международная выставка ЭКСПО 2012, осуществляет 16 культурных миссий по всему миру. Республика Корея способствует достижению Целей развития тысячелетия, утвержденных ООН, и для этого планирует постепенно расширять свою официальную помощь в целях развития (ОПР). В 2008 г. Южная Корея предоставила 797 млн. долларов США (предварительные цифры) на ОПР, и в настоящее время разрабатываются планы о расширении этой помощи к 2012 г. до 0,15%, а к 2015 г. до 0,25% от валового национального дохода. Кроме того, Южная Корея прилагает усилия для вступления к 2010 г. в Комитет содействия развитию Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Система управления ОПР Республики Корея включает оказание содействия на двустороннем и на многостороннем уровнях. Двусторонняя помощь подразделяется на гранты и льготные кредиты. Предоставление грантов, состоящих из программ безвозмездных ссуд и технического содействия, осуществляет Корейское агентство международного сотрудничества (KOICA, основана в 1991 г.) в соответствии с директивными указаниями Министерства иностранных дел и внешней торговли Республики Корея. Программы безвозмездной помощи осуществляются исключительно Корейским агентством международного сотрудничества, а некоторые проекты технического содействия реализуются другими государственными агентствами и организациями. Предоставлением льготных

кредитов занимается Фонд экономического развития и сотрудничества по программам, разработанным Экспортно-импортным банком Республики Корея под контролем Министерства стратегического планирования и финансов. В сентябре 2007 г. Южная Корея начала реализацию программы взносов в фонд солидарности – так называемый Вклад в ликвидацию нищеты в мире. Согласно программе сбор в размере 1000 корейских вон взимается со всех пассажиров международных авиалиний, вылетающих из Республики Корея. Полученные средства используются в рамках глобальных усилий, направленных на ликвидацию нищеты и борьбу с болезнями в развивающихся странах. В основном средства были вложены в проекты Объединенной программы ООН по ВИЧ/СПИДу (ЮНЭЙДС) и НКО для борьбы с болезнями в Африке. Также не стоит забывать, что с 1 января 2007 года должность Генерального секретаря ООН занимает бывший министр иностранных дел Кореи Пан Ги Мун. Нахождение у власти корейца в такой важной организации, как ООН показывает, насколько доверяют Кореи, делает страну популярней. Благодаря деятельности Пан Ги Муна можно познакомиться с основными тезисами внешнеполитической деятельности страны, хотя в несколько урезанном варианте. Особое внимание Южная Корея уделяет Азиатско-тихоокеанскому региону, сотрудничеству с Вьетнамом, Малайзией, Индонезией. Это объясняется тем, что страна только начинает расширять границы контактов, и для начала ей необходимо укрепиться в регионе, создавая позитивный образ отзывчивого и добрососедского партнера. В январе 2009 года был создан Президентский комитет по национальному брендингу в целях повышения национального статуса и престижа Республики Корея. Его цель – формирование имиджа Кореи, как «ответственной нации, которую все любят». Комитет призван играть роль «диспетчера» во всех программах, связанных с продвижением позитивного имиджа Кореи, проводить в жизнь план «управления национальной репутацией» и учитывать общественное мнение в странах-партнерах. Несмотря на разразив-

шийся глобальный финансовый кризис, на проведение этой программы было ассигновано 74 млн. долл. в год с целью достижения 15-го места в глобальном Индексе национальных брендов (сейчас – 30-е место) [7].

Спорт как элемент мягкой силы

Южная Корея, как представительница Азии, славится своими боевыми искусствами: Тхэквондо сейчас является единоборством, которому обучают военнослужащих, Хапкидо, Тхэккён. Культура азиатских единоборств воспета множествами фильмов и произведений. Система профессиональных и любительских ассоциаций боевых искусств распространяют корейскую философию по всему миру. Но невозможно говорить о спорте в Корею, не упомянув Олимпийские игры, главное спортивное и, пожалуй, мировое событие мира. В 2018 году в Пхенчане пройдут Зимние Олимпийские игры, что может послужить драйвером для узнаваемости Кореи, многократно увеличить поток туристов, привлечь к себе внимание всего мира, а соответственно добавить в копилку мягкой силы еще один «плюс». Южная Корея к тому же стабильно хорошо выступает на Играх, а в таких видах спорта, как конькобежный, шорт-трек вообще считается одним из мировых лидеров. Естественно наличие собственной хорошей сборной, да и на домашних Играх есть источник формирования хорошего мнения.

В заключение скажу, что говорить о мировом влиянии Южной Кореи пока еще рано, возможно только касаясь к-попа. Корея ассоциируется с бурным прогрессом, обеспечением демократических и гуманитарных свобод, технологическим развитием. К-поп стал известен в мире довольно хорошо, так же, как и продукция корейских корпораций, но этого явно недостаточно для действенной мягкой силы. Концепция технологического прорыва и «ползучей интеграции» работает, но она ограничена темпами, она не гибка, так как не затрагиваются еще множество аспектов мягкой силы. Основной ареал действия распространяется на азиатско-тихоокеанский регион,

что показывает, – Корея только отрабатывает основные методики, «расширяясь» от границ закрытого азиатского государства до всемирно признанного лидера. Корею необходимо в первую очередь уделять внимание своим ученым-гуманитариям, ибо они способны разработать многосторонний проект по влиянию Южной Кореи мягкими методами. Я считаю, что заслуженные места в рейтинге (как правило, это середина 2-го десятка) объективно отображают влияние корейцев, и не могу увидеть кардинального изменения позиции при существующем развитии дел и существующем финансировании и внимании на имиджевые проекты.

1. <http://freedomhouse.org/report/freedom-world/2013/south-korea#.U4i31vmt4bc>.
2. <http://media.unwto.org/ru/press-release/2013-05-15/v-2012-godu-dokhody-ot-mezhdunarodnogo-turizma-vyrosli-na-4>.
3. <http://unstats.un.org/unsd/snaama/dnltransfer.asp?fid=2>.
4. <http://www.topuniversities.com/university-rankings-articles/asian-university-rankings/korean-education-miracle-continues>.
5. http://www.nrf.re.kr/nrf_eng/cms/show.jsp?show_no=100&check_no=99&c_relation=0&c_relation2=0.
6. <http://www.timeshighereducation.co.uk/world-university-rankings/2011-12/world-ranking>.
7. http://www.koreabrand.net/en/util/util_about_pcnb.do.

ELEMENTS OF SOUTH KOREAN SOFT POWER

Zhidkov Vladislav Olegovich,

The Ural federal university After the name of the First President of Russia B.N. Eltsin, magistrant, Ekaterinburg, Russia, E-mail: politologvlad@mail.ru

Annotation

In article basic elements of soft power of Southern Korea are considered, are marked strong and weaknesses of Korea in the given direction, elements of image.

Key words:

soft power, South Korea.

МЯГКАЯ СИЛА ИНДИИ

Гуляр Денис Дмитриевич,

Уральский Федеральный Университет им. Первого Президента России Б.Н. Ельцина,
магистрант,
г. Екатеринбург, Россия,
e-mail: gdanis@yandex.ru

Аннотация

Данная научная статья повествует о применении политического метода «мягкой силы» в Индии, причинах и возможных прогнозах этого явления.

Ключевые слова:

мягкая сила, Индия, Болливуд, глобализация.

Республика Индия, миновав несколько десятилетий независимого развития, сегодня стоит на пороге превращения в региональную сверхдержаву. По прошествии уже более чем пятидесяти лет Индия трансформируется в государство, способное повлиять на глобальный геополитический баланс.

Все это время в научной литературе широко обсуждается экономический рост данной страны, но её новому курсу внешней политики уделяется гораздо меньше внимания в отечественных научных трудах. Индийские лидеры старались в какой-то степени скрыть свои новые внешнеполитические уловки, и в последние годы руководство страны неустанно трудилось над повышением регионального статуса в Юго-Восточной Азии и в мире в целом [5]. Дели ведёт очень усердную работу, чтобы скорректировать взаимоотношения с близлежащими соседями: найти пути сосуществования с Китаем и Пакистаном, которые являются основными конкурентами Индии в регионе, и восстановить позиции в ближнем зарубежье: в некоторых частях Африки, Центральной и Юго-Восточной Азии, в регионах Персидского залива и Индийского океана. Одновременно Индия не забывает о развитии своих отношений с крупными игроками международных отношений, в особенности с США и РФ.

Согласно международной статистике Республика Индия занимает седьмую строчку

в списке по территории и второе место по населению [9]. На протяжении большей части своей истории данная страна выступала центром важных торговых маршрутов, славилась своими богатствами и высоким уровнем культуры. Именно в Индии зародились индуизм, джайнизм и сикхизм.

Говоря об экономической составляющей Индии, стоит отметить, что с 1991 года в данной стране был проведён ряд либеральных экономических реформ, позволивший открыть рынок и уменьшить правительственный контроль в экономической сфере [1]. Благодаря этому ВВП Индии в данный момент составляет \$1,857 трлн., что помещает данную страну на десятую позицию в списке сильнейших экономик мира согласно данным ООН [4]. Если измерять ВВП по ППС, то страна обладает третьим по величине ВВП (ППС) в мире – \$4,491 трлн., если верить данным МВФ [6].

Рассмотрим мягкую силу Индии с точки зрения комплексного подхода, в который входят такие показатели, как культура, дипломатия, политика, человеческий потенциал и экономика.

Важной частью целой системы индийской культуры, распространившей своё влияние на весь мир, является индийская кухня. Индийская еда разнообразна, как и сама Индия. Индийские кухни используют большое количество ингредиентов, преподносят широчайший

ассортимент как готовой пищи, так и кулинарной техники. Салаты, соусы, вегетарианские блюда, мясные, острые специи, мягкие пряности – индийская кухня невыразимо сложна и в то же время уникальна, поэтому и привлекательна, что может объяснить её распространённость и популярность в мире.

Во многих индийских ресторанах, находящихся за пределами самой Индии, меню, как правило, не содержит огромного многообразия индийских блюд. Есть рестораны, специализирующиеся на кухне из регионов Индии, хотя их немного. Исторически сложилось, что индийские специи и травы были одной из главных целей поиска представителей других народов.

Мощным ресурсом и источником soft power Индии является её кинематограф – знаменитый на весь мир Болливуд. В XX веке индийская киноиндустрия, наряду с Голливудом и Китаем, стала глобальным явлением. В конце 2010 года по годовому производству фильмов Индия заняла первое место среди конкурентов. Нынче индийские фильмы демонстрируются в кинотеатрах более 90 стран мира.

За 2009 год в Индии было выпущено в целом около 2500 фильмов, из них 1280 художественных фильмов. За счёт 100% прямых иностранных инвестиций удалось сделать индийский кинорынок более привлекательным для зарубежных компаний, таких как «20th Century Fox», «Sony Pictures», «Walt Disney Pictures» и других. Индия богата талантливыми кинодеятелями, признанными во всём мире. Среди известных индийских кинематографистов есть такие фамилии, как Вишванатх, Бапу, Сатьяджит Рай, Ийер и прочие [12].

В последнее время предпочтения аудитории претерпели сильные изменения, что связано напрямую с открытостью индийского сектора экономики, а также внешнего давления мировой киноиндустрии на национальную. Кроме того, многоформатные кинотеатры, или же мультиплексы, появились во многих крупных городах самой Индии, чем поменяли саму систему индийского мировоззрения на домашний кинематограф, предоставив аудитории огромные потоки зарубежного кино, отталкивающего

индийцев от их собственного. Этот факт может показаться странным, учитывая, что за рубежом он, напротив, имеет колоссальный успех, как в прокате, так и на телевидении.

Эффективным инструментом индийской культурной мягкой силы выступает йога. Само понятие «йога» в индийской культуре в широком смысле означает совокупность массы духовных, ментальных и физических практик, существующих в различных направлениях индуизма и буддизма и нацеленных на контроль психических и физиологических функций организма с целью получения индивидуумом возвышенного духовного и психического состояния.

В Европе первопроходцем в области изучения философии йоги был Шопенгауэр, бравший за основу источники философских взглядов из Упанишад. После же известного выступления Вивекананды на Чикагском конгрессе религий и прочтения курса лекций по йоге в конце XIX века в Нью-Йорке интерес к этой диковинной духовной практике на Западе больше не ослабевал. Следующий всплеск интереса пришёлся на первую половину-середину XX в. [3].

Политическая составляющая мягкой силы Индии строится вокруг набравшей популярность в самой стране стратегии (политики) «Смотри на Восток» («Look East»). Данная программа начала проводиться в Индии ещё с 1991 года. В программе содержится предположение о необходимости стратегического сдвига Индии в сторону Юго-востока. Политика заручилась поддержкой правительства Нарасимха Рао [5].

С философией «Look East» сходится понимание, что Индия находит своё предназначение во все более и более тесных контактах со своими азиатскими партнёрами, и что в интересах Индии входит всё большая интеграция с Восточной и Юго-Восточной Азией.

Говоря об образовании в Индии, стоит упомянуть, что эта страна лидирует в мире по количеству специалистов в области информационных технологий. Но всё же большой

уровень безграмотности и тяжёлое социальное положение населения влияют на международный рейтинг мягкой силы. В сфере образования в Индии не всё так гладко. Она занимает 146-е место согласно рейтингу стран мира по уровню образования, составляемому в рамках программы развития образования при ООН. Индекс Индии в этом списке указан как «0,45» [8].

По рейтингу мягкой силы, составленному на 2010 год, Индия занимала второе место с показателем «20,4». На первом месте находился и сейчас находится Китай [7]. На это повлиял тот факт, что на Западе проживает очень большая индийская диаспора, владеющая английским языком. К примеру, одна треть Силиконовой долины в США состоит из выходцев из Индии. Также страна лидирует по показателям «верховенства закона» (законопослушности), свободы и миграции.

Какой вектор развития в данной ситуации выберет Индия, безусловно, покажет время, но уже сегодня с определенностью можно сказать, что Дели не станет загонять себя в какие-либо рамки. Даже если этими условными рамками окажется «стратегическое партнёрство». Это видно на примере того, что уже шестьдесят лет, с тех пор, как страной была обретаена независимость, Индия сулит себе бесспорное лидерство в Юго-восточной Азии, что в условиях современного миропорядка даже не требует от лидеров страны и политических элит скрывать собственные амбиции.

Условия глобализации активно способствуют реализации проекта глобального доминирования Индии, занимающей, надо сказать, «не блестящее» геополитическое положение, если иметь в виду географические границы этого государства. При рассмотрении современной системы международных отношений, кардинально преобразующейся на фоне глобальных геополитических изменений, отчетливо прослеживается стремление Индии занять одно из ключевых мест на политической карте Южной Азии. Здесь Индия стремится стать признанным лидером региона и играть все более важную роль в его развитии. Планы и намерения индийского руководства основа-

ны на таких объективных факторах, как более чем миллиардное население страны, выгодное геополитическое положение, существенные военно-политические возможности, прежде всего обладание ядерным оружием, а также значительный экономический потенциал и довольно прочные позиции в перспективной сфере информационных технологий. Опираясь на вышеперечисленные факторы, Индия может позволить себе проводить активную внешнюю политику в различных районах мира. Одним из них является Центральная Азия, развитию политических и экономических отношений с которой Дели придает большое значение [10].

1. Гусева Н.Р. Индия в зеркале веков / Гусева Н.Р. – М.: Вече, 2002.
2. Шадже А.Ю. Диалог как условие сохранения разнообразия в глобализирующемся мире // Материалы II Международного научного конгресса «Глобалистика – 2011: пути к стратегической стабильности, и проблема глобального управления». М.: МАКС-Пресс, 2011. Т. 2. С. 102.
3. Элиаде М. Йога. Бессмертие и свобода. СПб.: Лань, 1999.
4. ВВП стран мира. Ссылка на таблицу. Официальный сайт Организации Объединённых Наций [Электронный ресурс] <http://unstats.un.org/unsd/snaama/dnltransfer.asp?fID=2> (дата обращения: 27.05.14).
5. Геополитическая стратегия Индии относительно стран Центральной Азии статья из электронного журнала «Научные статьи Казахстана». [Электронный ресурс] <http://articlekz.com/node/1113> (дата обращения: 30.05.2014).
6. Доклад МВФ о состоянии ВВП (ППС) стран мира. Официальный сайт МВФ. [Электронный ресурс] <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/01/weodata/weorept.aspx> (дата обращения: 27.05.14).
7. Рейтинг мягкой силы Индии на английском языке. Экономический интернет портал «EY». [Электронный ресурс] <http://www.ey.com/GL/en/Issues/Driving-growth/Rapid-growth-markets-soft-power-index-Results> – country-analyses (дата обращения: 28.05.2014).
8. Рейтинг стран мира по уровню образования – Информация об исследовании. [Электронный ресурс] <http://gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info> (дата обращения: 28.05.2014).
9. Список стран по населению. Википедия, электронная энциклопедия. [Электронный ресурс] http://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_населению (дата обращения: 26.05.14).
10. James L. Watson. Globalization. – Encyclopedia Britannica, 2009.

1. Guseva N.R. Indiya v zerkale vekov / Guseva N.R. – М.: Veche, 2002.
2. Shadzhe A.Yu. Dialog kak uslovie soxraneniya

raznoobraziya v globaliziruyushhemsya mire // Materialy II Mezhdunarodnogo nauchnogo kongressa «Globalistika – 2011: puti k strategicheskoy stabil'nosti, i problema global'nogo upravleniya». М.: МАКС-Press, 2011. Т. 2. С. 102.

3. E'liade M. Joga. Bessmertie i svoboda. SPb.: Lan', 1999.

4. VVP stran mira. Ssylka na tablicu. Oficial'nyj sajt Organizacii Ob'edinyonnyx Nacij [E'lektronnyj resurs] <http://unstats.un.org/unsd/snaama/dnltransfer.asp?fID=2> (data obrashheniya: 27.05.14).

5. Geopoliticheskaya strategiya Indii otnositel'no stran Central'noj Azii stat'ya iz e'lektronnogo zhurnala «Nauchnye stat'i Kazaxstana». [E'lektronnyj resurs] <http://articlekz.com/node/1113> (data obrashheniya: 30.05.2014).

6. Doklad MVF o sostoyanii VVP (PPS) stran mira. Oficial'nyj sajt MVF. [E'lektronnyj resurs] <http://www.imf.org/external/pubs/ft/weo/2014/01/weodata/weorept.aspx> (data obrashheniya: 27.05.14).

<http://www.ey.com/GL/en/Issues/Driving-growth/Rapid-growth-markets-soft-power-index-Results> – country-analyses (data obrashheniya: 27.05.14).

7. Rejting myagkoj sily Indii na anglijskom yazyke. E'konomicheskij internet portal «EY». [E'lektronnyj resurs] <http://www.ey.com/GL/en/Issues/Driving-growth/Rapid-growth-markets-soft-power-index-Results> – country-analyses (data obrashheniya: 28.05.2014).

8. Rejting stran mira po urovnyu obrazovaniya – Informaciya ob issledovanii. [E'lektronnyj resurs] <http://gtmarket.ru/ratings/education-index/education-index-info> (data obrashheniya: 28.05.2014).

9. Spisok stran po naseleniyu. Vikipediya, e'lektronnaya e'nciklopediya. [E'lektronnyj resurs] http://ru.wikipedia.org/wiki/Список_стран_по_населению (data obrashheniya: 26.05.14).

10. James L. Watson. Globalization. – Encyclopedia Britannica, 2009.

SOFT POWER OF INDIA

Gulyar Denis Dmitrievich,

The Ural federal university named after first President of Russia B.N. Yeltsin, Student, undergraduate degree in social and culture activity, Ekaterinburg, Russia, E-mail: gdanis@yandex.ru

Annotation

The following scientific article is about the use of «soft power» by Indian Republic in context of modern system of international relations, about its reasons and possible consequences.

Key words:

soft power, India, Bollywood, globalization.

ПОЛИТИКА SOFT POWER В ШВЕЙЦАРСКОЙ КОНФЕДЕРАЦИИ

Глухова Елена Валерьевна,

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Институт искусствоведения и культурологии,
магистрант,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: eelenna@mail.ru

Аннотация

В статье рассматривается концепт понятия «мягкая сила» на примере Швейцарской конфедерации.

Ключевые слова:

soft power, Швейцарская конфедерация.

«Мягкая сила» – способность привлекать. Привлечение часто ведет к усилению взаимопонимания [1, с. 59].

В данной статье мы проанализируем soft power Швейцарской Конфедерации.

По результатам ежегодного исследования журнала Monocle (№ 69, декабрь–январь 2012/2013) Швейцария занимает 8 место в мировом рейтинге «мягкой силы». Слова «Made in Switzerland» имеют огромный резонанс во всем мире и являются определенным гарантом качества [2, с. 87].

Основными направлениями деятельности, обеспечивающими высокий рейтинг страны с позиции использования инструментов soft power, являются:

- Банковское дело (швейцарские банки как бренды и залог надежности);
- Туристический сервис (экскурсионные, горнолыжные, панорамные, лечебные, комбинированные туры);
- Известные бренды авиалиний (Baboo, Belair, Darwinairline, Hello, Edelweiss Air);
- Миротворческая деятельность в горячих точках;
- Образовательная сфера (80 тыс. иностранцев обучается ежегодно в вузах страны);
- Часовое производство;
- Производство сыров.

По данным мировых рейтинговых систем банки Швейцарской конфедерации занимают третью строчку на протяжении нескольких лет, что является гарантом стабильности и привлекательности страны в мировом пространстве [3].

Следующим сильным источником мягкой силы Швейцарии является высокий уровень развития курортно-туристического направления. Швейцария привлекает туристов множеством различных горнолыжных и лечебных курортов. Здесь имеется возможность отдохнуть высоко в горах, поплавать в кристально чистых озерах, осмотреть исторические достопримечательности. Являясь традиционной страной туризма, Швейцария удерживает в этой сфере прочные позиции в Европе.

Туризм в Швейцарии – важная сфера экономики. В бюджет страны за счёт туризма поступает \$1,5 млрд. ежегодно, что является важной его составляющей.

Самыми популярными туристическими городами в Швейцарии считаются: Цюрих, Берн, Люцерн, Базель, Женева.

Важным источником и ресурсом soft power Швейцарии являются швейцарские авиалинии, которые также являются своеобразным брендом и частью создания привлекательного имиджа страны. По данным мирового рейтинга

aviakompaniya.info, Швейцарские авиалинии занимают почетное третье место.

1. Валлерстайн, И. «Постамериканский период» мировой истории: [Текст] / И. Валлерстайн // Международные процессы. – 2009. – № 3. – С. 40–45.

2. Власть, взаимозависимость и негосударственные субъекты мировой политики: [Текст] / под ред. Хелен В. Милнер и Эндрю Моравчика. – Принстон: Принстон Юниверсити Пресс, 2009. – 320 с.

3. Открытый бизнес [Электронный ресурс] http://www.openbusiness.ru/html_euro/switzlnd_open5.

1. Vallerstajn, I. «Postamerikanskij period» mirovoj istorii: [Tekst] / I. Vallerstajn // Mezhdunarodnye processy. – 2009. – № 3. – S. 40–45.

2. Vlast', vzaimozavisimost' i negosudarstvennye sub'ekty mirovoj politiki: [Tekst] / pod red. Xelen V. Milner i E'ndryu Moravchika. – Princeton: Princeton Yuniversiti Press, 2009. – 320 s.

3. Otkrytyj biznes [E'lektronnyj resurs] http://www.openbusiness.ru/html_euro/switzlnd_open5.

POLICY OF SOFT POWER IN THE SWISS CONFEDERATION

Gluhova Elena Valerievna,

Ural Federal University named after the First president of Russia B.N. Eltsin,
Institute of Art and Culture,
magistrant,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: eelenna@mail.ru

Annotation

The article discusses the concept of the concept of «soft power» in the case of the Swiss Confederation, analyzes the impact of foreign policy instruments on the world community.

Key words:

soft power, Swiss Confederation.

МЯГКАЯ СИЛА АВСТРИИ

Ловкова Анастасия Евгеньевна,

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Институт социально-культурной деятельности,
Аудиовизуальные коммуникации и медиа-технологии,
магистрант,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: anastasiaLovkova@gmail.com

Аннотация

В статье рассматривается политика и инструменты «мягкой силы» («Soft power») Австрии, в которой раскрываются экономическая привлекательность, образование и наука, культурный капитал, дипломатические и политические инструменты «мягкой» силы, туристическая привлекательность. Активное использование инструментов «мягкой силы» в рамках данного государства представляет Австрию высокоинтеллектуальным государством, государством с высоким уровнем жизни, развитой экономикой, военным и политическим нейтралитетом, экономической и политической стабильностью.

Ключевые слова:

soft power, Австрия, экономика Австрии, политика Австрии, культура Австрии, туризм Австрии, образование и наука Австрии.

Политика «мягкой силы» является гарантом успешного продвижения, правильного позиционирования и привлекательности страны или государства для мирового сообщества. В данной связи акцентируется внимание на положениях, связанных с привлекательностью экономики («Economic Soft Power»), системы образования и науки («Human Capital Soft Power»), культурных ценностей («Cultural Soft Power»), привлекательностью и уровнем развития политических институтов и демократии («Political Soft Power»), а также дипломатической репутации страны («Diplomatic Soft Power») [2, с. 54].

Австрия – альпийская страна, расположенная в сердце Европы. Здесь вы найдете горнолыжные склоны и альпийские луга, многообразную флору и фауну. Австрия благоприятна для проживания, работы, обучения молодого поколения. Австрии присущи независимость, безопасность, традиционные устои и консервативность, высокий уровень жизни, политическая и экономическая стабильность, богатое историческое наследие, высокий уровень экологии, туризм, что привлекательно для большого количества частных лиц и инвесто-

ров, желающих создать на данной территории свой бизнес.

Австрия обладает достаточно высоким уровнем «мягкой силы», занимая по данным 2012 года, 18 место. Данная статистика опубликована в журнале «Monocle» [41]. В статье мы раскроем показатели мягкой силы Австрии, аргументирующие положение Австрийского государства в данном рейтинге.

Political Soft Power

Мягкая сила Австрии обладает сильным и устойчивым институтом демократии, активно использует «консенсусную демократию», «социальное партнерство», «неокопоративизм», а также политический нейтралитет, как основу независимости государства. Данные положения образуют «Political Soft Power», наделяющие Австрию стабильностью практически во всех сферах.

Австрийская республика является парламентской федеративной республикой, основанной на демократических институтах, утвержденных в соответствии с Государственным договором от 15 мая 1955 [1, с. 2]. Демократическая

система Австрии, «консенсусная демократия», направлена на отрицание силовых методов решения общественно-политических проблем. Данная демократия позволяет Австрийской власти вести разумный диалог с обществом, осуществлять взвешенные выводы [11]. Это способствует наибольшей активности и организованности Австрийского общества, создающего массовость партийных, молодежных и других объединений. Кроме того, в стране широко распространены новые социальные движения.

На фоне развитой демократической системы и диалога слоев общества (XIX–XX в.) были приняты специальные законы о создании «Палаты предпринимателей», «Палаты занятых в сельском хозяйстве», «Палаты наемных работников», а также добровольные общественные организации («союзы предпринимателей», «профсоюзы работников различных отраслей народного хозяйства», «людей свободных профессий»). Созданные палаты значимы в обществе и обладают правом законодательной инициативы [11].

В Австрии широко распространен принцип «социального партнерства» и «неокопоративизма». В первом случае происходит «соучастие в управлении» работников предприятий. В связи с этим реализуются регулярные встречи представителей палат и добровольных организаций с Федеральным канцлером, где обсуждаются вопросы цен, труда, зарплаты. В случае неокопоративизма осуществляется сотрудничество государства, труда и капитала. Граждане Австрии принимают участие в политической и экономической жизни страны через профессиональные группы, к которым они принадлежат [11]. Современная политическая система Австрии постоянно совершенствуется и образует понятие «качество демократии», состоящее из представительной демократии (федеральные и земельные выборы) и прямой демократии (высказывание по проблемам политической жизни в опросах и референдумах).

В Австрии уровень доверия к избранной власти очень высок. Показатель общественного доверия правительству и участия граждан в политической жизни определяется явкой избира-

телей при голосовании и составляет (во время последних выборов) 75%, что выше среднего показателя по ОЭСР (72%) [9].

Однако даже хорошо выстроенная политическая система не спасает общество от коррупции. Общий уровень коррупции в Австрии относительно низок. Так в 2013 г. в рейтинге по оценке «индекса восприятия коррупции» («The Corruption Perceptions Index»), составляемой международной неправительственной организацией «Transparency International», Австрия заняла 26 место в списке из 175 стран. Методика исследования включала в себя изучение показателей политических и социальных процессов [19].

Основные положения, касающиеся прав и свобод граждан, закреплены в конституции или «Федеральном конституционном законе» («Bundes-Verfassungsgesetz») [1]. Отсутствие в данном законе раздела, посвященного правам человека, не означает отсутствие норм контроля и ограничений, значимых для безопасной жизни граждан.

Нормы по правам человека присутствуют в различных законах «Федерального конституционного закона» и указываются в международных актах, о чем, в частности, свидетельствует часть 3 ст. 8 Конституции Австрии: «Конвенция о защите прав человека и основных свобод остается незыблемой» [22]. Граждане Австрии защищены международными актами ООН и ЕС, причиной является членство Австрии в данных организациях [1, с. 16].

Австрия – доброжелательна и толерантна по отношению к иностранным гражданам, благодаря развитой сфере туризма. По показателям 2013 года на территории государства проживают 11,9% иностранных граждан от общего числа населения (8,4 млн.) [26]. Президиум парламента выпустил обращение: «Мы решительно отвергаем какую бы то ни было враждебность в отношении иностранцев, в особенности любого рода насилие, и привержены терпимости при решении возникающих проблем. Более того, мы настаиваем на признании всеобщих прав человека, без которых невозможно мирное существование общества, достойного человека» [11]. При прибытии на территорию госу-

дарства эмигрантам предоставляются льготы, права граждан государства.

Австрия также является многонациональной страной. На территории государства проживает 89% немецкоязычных австрийцев, 11% хорватов, венгров, словенцев, чехов и сербов. Религиозный состав включает: 74% – католики, 5% – протестанты, 4% – мусульмане, 17% – исповедуют иные религии или являются атеистами. Австрия действительно является миролюбивым государством, уважающим права и свободы, верования иностранных граждан.

Условия получения гражданства, с одной стороны, достаточно сложны, с другой стороны – почти к каждому правилу имеются исключения и дополнения, упрощающие данное условие. Например, для получения гражданства необходимо прожить в Австрии более 30 лет, однако через 4–6 лет заявление на получение гражданства Австрии могут подать иностранцы, рожденные на территории страны, получившие статус беженца от австрийских властей, а так же высококвалифицированные специалисты, ученые, деятели искусств и т.п., в резидентстве которых заинтересовано само государство.

Существует также два «несложных» способа получить гражданство Австрийского государства: получение статуса беженца (предоставляется жилье, работа или выплата по безработице, страховка на бесплатное медицинское обслуживание, образовательные и языковые курсы для всей семьи, бесплатное среднее образование для детей); бизнес иммиграция – взнос в австрийскую экономику 8–10 млн. евро (по 1,5 млн. евро в каждую отрасль). При этом все средства остаются полностью подконтрольными финансируемому лицу. Другие основания и условия вы можете найти в Законе о Гражданстве от 1965 года [14].

Внутренняя безопасность является важной частью семейной политики Австрии. Австрия – одна из наиболее безопасных стран Европы. Уровень мелкой преступности составляет выше среднего, но не достигает высоких показателей. В том случае, если данный показатель возрастает, а стражи порядка не справляются, то гражданам по собственной инициативе организуют патрульные группы. В рамках внутренней

безопасности с каждым годом ужесточается порядок приобретения оружия [28].

Economic Soft Power

Австрия – одна из самых обеспеченных и инвестиционно привлекательных стран мира, обладающая одной из самых развитых экономик в Европе. Австрия – член Европейского союза, одного из самых крупных в мире интеграционных экономико-политических объединений [21].

Показатель уровня ВВП на душу населения высок и составляет \$44290 (2014 г.), средний уровень инфляции (около 2,1% за 2013 г.) и невысокий уровень безработицы (около 7,7% по данным «Trading economics») [6].

Государственная экономическая политика формируется рыночной моделью экономики, предоставляя возможность вложения капиталов в перспективные направления производства, деятельность промышленных предприятий. Наличие «социального партнерства» играет стабилизирующую роль в области ценовой политики и заработной платы.

В Австрии развит индустриальный сектор, сельское хозяйство (аграрный сектор). Промышленность составляет 32,3%, а сельское хозяйство – 1,7%. Основную долю в экономике страны составляет сфера услуг – 65,8% [40].

В сельском хозяйстве широкое распространение получили молочное животноводство, виноградарство и плодоводство, производство зерновых культур, образуя экологически чистые продукты питания. Сельскохозяйственные площади занимают более 50% площади страны (около 4,1 млн. гектаров). Индустриальный сектор включает наиболее развитое машино- и автомобилестроение, металлургическую, горную, текстильную, электротехническую, пищевую, химическую и деревообрабатывающую, целлюлозно-бумажную промышленность. Строительная индустрия представлена жилыми, административными зданиями, промышленными предприятиями, мостами и электростанциями, тоннелями, железнодорожными и автомобильными магистралями в условиях сложного горного рельефа [40].

Австрия активно проводит внешнеторговую политику (более чем с 150 странами мира). В Вене находятся штаб-квартиры множества банков и коммерческих международных корпораций. Главными торговыми партнерами Австрии в 2012 году оставались страны – члены ЕС. Рост экспорта (движущая сила экономики) был обусловлен увеличением количества поступивших заказов на австрийские товары и услуги из Германии. Помимо Германии к числу важных торговых партнеров страны относятся Италия, Швейцария, США, Чехия, Китай, Франция, Венгрия, Великобритания, Польша [40].

Политика австрийского правительства в отношении сделок с недвижимостью состоит в защите интересов ее жителей, в предотвращении роста цен (стабильность), в обеспечении доступности недвижимости. Стоит отметить, что недвижимость практически всегда востребована в целях аренды, с которой можно получить большой доход [40].

При решении о покупке недвижимости иностранцем принимаются во внимание социальные и экономические интересы каждой конкретной Федеральной земли. Договоры о купле-продаже рассматриваются учреждениями, ответственными за земельную собственность («Grundverkehrsbehorde») и управляющим сенатом («Verwaltungssenat») [28].

В Австрии наблюдается значительная разница в доходах между самыми богатыми и самыми бедными слоями населения – доход 20% наиболее обеспеченной части общества примерно в четыре раза превышает доход 20% самых бедных его представителей. По данным «Organization for Economic Cooperation and Development» чистый семейный скорректированный доход после уплаты налогов на душу населения составляет 29256 долларов США в год, что превышает средний показатель по ОЭСР (23938 долларов США в год) [9].

Австрия известна высококачественной продукцией из новых коллекций. Провести хороший шопинг в Вене или в Австрии – залог экономии и качества. В сегменте одежды самые популярные «Palmer's» и «Wolford» – производители мужского и женского нижнего белья,

чулочно-носочных изделий и купальников. «Wolford» также производит аксессуары – шарфы, накидки, пояса.

Для занятий активными и экстремальными видами спорта бренды «FIREFLY», «Fischer», «Löffler» производят мужскую и женскую горнолыжную одежду и снаряжение, аксессуары для сноубординга, лыж и серфинга. В сегменте обуви известным брендом считается «Hogel», где качество, удобство и стиль обуви зарекомендовали себя на высоком уровне для клиентов среднего звена.

Австрию представляют известные личности и их торговые марки, бренды, достигшие мирового признания. В сегменте аксессуаров первое место занимает «Swarovski». Данная фирма производит украшения, статуэтки и другие предметы с применением кристаллов Сваровски. В Австрии располагается единственный в мире музей «Кристаллические миры Swarovski», посещение которого занимает одно из первых мест в Европе, а бренд стал достоянием нации [34].

В сегменте производства фарфора Augarten Porzellan занимает первое место и изготавливает не только посуду, но и уникальные статуэтки из белого фарфора. Фабрика является визитной карточкой Австрии.

В качестве спонсора и организатора спортивных соревнований и конкурсов (авто-, мото-, велоспорта, сноубординга) известна компания «Red Bull GmbH», являющаяся производителем энергетического напитка «Red Bull» [34].

Экономическая мягкая сила Австрии показывает нам стороны, раскрывающие положительный и привлекательный образ Австрии с точки зрения экономики: высокий уровень жизни Австрийского общества, высокий уровень ВВП, активность и организованность граждан (участие в экономике страны), участие в развитии страны, социальная защита граждан государством «социальное партнерство», стабильность цен на недвижимость. Все данные показатели демонстрируют заинтересованность и государства, и различных экономических объединений, и организаций. Наличие мировых брендов поднимает уровень популярности страны на мировом рынке.

Tourist Soft Power

Австрия – горнолыжная «мекка» для европейцев, страна традиционного зимнего туризма. Экономика государства в большей степени сосредоточена на туризме, являющимся основным источником дохода, покрывающим (традиционно) отрицательное торговое сальдо [28]. По статистическим данным в 2013 году столицу Австрии Вену посетило 17,2 млн. туристов [9].

Туристический сезон в Австрии длится весь год. Среди востребованных видов туризма в Австрии представлены: экскурсионный туризм, активный отдых, лечение, отдых на озерах [8].

Наибольшее внимание туристов привлекают активные виды спорта: австрийский лыжный спорт и пеший туризм. На территории Австрии расположено более 800 центров зимнего спорта. Все они оснащены снежными пушками, поэтому катание гарантировано в любую погоду. Отдыхать на местных курортах комфортно, так как задействовано современное оборудование – трассы, первоклассные отели известны на весь мир. Лыжный сезон длится с середины декабря по конец марта, а в некоторых районах и до середины мая.

В Эцтале находятся лидеры австрийского горнолыжного туризма – курорты «Зельден» и «Хохзельден». Эти города принимают до 18% всех туристов земли Тироль. Основные трассы ведут на ледники Реттенбах, Тифенбах и Гайслахголь. К ним ведет самая высокая в Европе «панорамная» дорога (2800 м). В глубине долины находится самый высокогорный альпийский курорт – Обергургль (1930 м) [37]. Более детально изучить окружающий ландшафт Австрии – от культурных прогулок по городам до высокогорных дорог вдоль ледника – вам позволит «пеший туризм».

Лечение на оздоровительных курортах Австрии проходит при помощи минеральных, термальных источников, лечебных грязей, а также чистого воздуха и живописной природы. В долине Эцталь расположен четырехзвездный люкс-отель, первые термы в Тирольских Альпах – «Аква Дом».

В термах находится теплая термальная вода, прогретая до 34–36 °С [31].

Самым популярным местом лечения является курорт «Баден». Курорт известен своими природными сернистыми источниками, воды которых содержат магний, кальций, натрий, сульфат и хлорид. С их помощью лечат ревматические заболевания, дегенеративные заболевания позвоночника [8].

Туризм в Австрии обеспечивает занятость 70 тыс. средних и мелких туристских предприятий (гостиницы, рестораны, курортно-лечебные учреждения, бассейны и пляжи). Туристический бизнес предоставляет рабочие места для 350 тыс. человек. По удельному весу валовых поступлений от туризма в ВВП (более 6%) Австрия занимает одно из ведущих мест в мире, а по доходам от туристского сектора экономик малых стран Европы прочно удерживает лидирующие позиции. В Австрии давно сформирована и отлажена система обслуживания туристов. Многие небольшие города и деревни, такие как Бад-Гаштайн, Милштат, Ишгль, Санкт-Антон-ам-Арльберг и Майрхофен превратились в крупнейшие европейские курорты, а бывшие сельские жители занимаются гостиничным бизнесом. Развитие туризма создало в сфере услуг многие рабочие места, способствовало развитию гостиничного бизнеса, привлекающего в Австрию большое количество иностранных граждан. Туризм изменил Австрию и австрийцев, сегодня для них это жизнь и надежда на будущее [41].

Human Capital Soft Power

Австрия – высокоразвитая и интеллектуальная страна, которая, согласно индексу развития, занимает 18 место [30]. Как показало исследование, 82% от взрослого населения Австрии в возрасте от 25 до 64 лет имеют диплом о полном среднем образовании, что превышает средний показатель по странам ОЭСР (75%) [9]. В Австрии развита система образования и научная деятельность.

Основу высшего образования в Австрии заложили «Закон об университетском образовании» 1966 г. и «Закон об университетах»

1975 г., контролируемый Федеральным министерством науки и исследований. На образование граждан выделяется более 7 млрд. долларов в год (5,5% от ВВП).

Обучение для австрийских граждан является бесплатным и финансируется за счет государства. Уровень образования в университетах Австрии высокий. Однако университеты Австрии, в частности «Венский университет», занимают лишь 170 место в рейтинге «The World University Rankings 2013–2014» по версии «The times higher education» [29]. В рейтинге университетов, которые специализируются в области искусства и социальных наук, Австрия занимает 35 место в рейтинге «Top 100 universities for arts and humanities 2013–2014» по версии «The times higher education» [44].

Несмотря на низкий рейтинг, университеты Австрии отличаются своим уровнем преподавания, дипломы имеют международный статус, образование является качественным и доступным для иностранцев. Лучшие университеты страны находятся в Вене, Зальцбурге и Граце.

В Австрии находится 21 университет: 15 государственных и 6 университетов искусств. Среди них есть Государственные университеты, профессиональные высшие школы и частные университеты. Университеты содержат направления практически во всех областях науки, среди них представлены следующие: «Венский Университет», «Венский Экономический Университет», «Венский Медицинский Университет», «Венский Технический Университет», «Венский Университет Прикладных Наук», «Ванский Университет Прикладных Искусств» и др. [4, с. 16].

В университетах Австрии обучаются свыше 210 тыс. студентов. Во время зимнего семестра 2012/2013 года число иностранных студентов составило 88440 человек – 25% от регулярных студентов государственных университетов, 35% частных ВУЗов [20].

Государственные университеты финансируются из государственного бюджета и находятся в ведении Федерального министерства науки и спорта [36]. Однако государство

не готово оказать студентам финансовую поддержку, предоставляя общежитие или плату за съемную жилую площадь, компенсируя это отсутствием платы за обучение [29].

Стоимость обучения в ВУЗах Австрии зависит от гражданства иностранного студента, от условий самого университета. Иностранцам студентам Армении, Азербайджана, Беларуси, Грузии, Казахстана, Киргизстана, Украины и др. (страны ЕС, Литва, Латвия, Эстония) предоставлена возможность бесплатного обучения в Венском университете, оплачивая только взнос студенческого комитета – 17 евро в семестр [29].

Учёба в Австрии предполагает право выбора учебных дисциплин, тем курсовых и дипломных работ, сроков сдачи экзаменов, выбор экзаменатора. Принцип «свободы обучения» требует от студентов самостоятельности и организованности, а также хорошей ориентации в учебном материале.

Преимущества обучения в Австрии: наличие более 300 факультетов на выбор, всемирное признание престижного европейского образования, возможность одновременного обучения на нескольких факультетах, возможность поступления без знания немецкого языка и вступительных экзаменов (исключения составляют творческие специальности и медицина), изучение языка начинается после поступления в ВУЗ Австрии, прохождение стажировок в различных компаниях студентами по специальности еще до окончания учебы, невысокая стоимость или полное отсутствие платы за обучение, отсутствие возрастных ограничений для абитуриентов [29].

«Венский университет» («Universität Wien») является крупнейшим научно-исследовательским и учебным учреждением в Австрии. В настоящее время в нем обучаются 92500 студентов на 187 факультетах по специальностям. В Венском университете ежегодно преподают и работают 9500 сотрудников, 6700 из которых имеют ученые степени. Преподавательский состав Венского Университета знаменит лауреатами Нобелевской премии – Эрвин Шредингер и Виктор Гесса, в области медицины – 9 лау-

реатов. В своё время доцентами Венского Университета были С. Цвейг и З. Фрейд.

Венский Университет имеет партнёрские соглашения с 310 ведущими учебными заведениями Европы, входит в состав ряда авторитетных международных сетей («UNICA», «ASEA-UniNet», «EUA»), является одним из организаторов и постоянным участником «ERASMUS/SOCRATES» [42].

В университетах Австрии широко распространены программы обмена студентами, финансируемые ЕС. Например, программа «ERASMUS» и EILC – «Erasmus Intern Language Courses». Целью данной программы является укрепление международных связей между ВУЗами различных европейских стран, языковая практика, обмен знаниями в области науки и образования [33].

Обязательным условием участия в программе является аккредитация бакалаврской, магистерской или докторской программы Карлова Университета или МГУ им. Ломоносова и СПбГУ, и быть зачисленным на второй курс [33].

Наиболее известная программа обмена студентов «Study Austria» также предназначена для изучения иностранного языка. Целью программы является языковая практика и посещение лекций и семинаров в университетах Австрии, получение диплома международного образца. Во время обучения вам предлагают принять участие в международных симпозиумах, семинарах, лично пообщаться с работодателями, узнать требования к будущим специалистам [4].

Австрия богата Нобелевскими лауреатами в различных областях науки и искусства таких, как: физика, химия, литература, медицина, экономика, премия мира. В Австрии насчитывается 13 лауреатов: Берта Зуттнер – «Премия мира 1905», Альфред Фрид – «Премия мира 1911», Роберт Барани – «Премия по медицине 1914», Фридрих Хайек – «Премия по экономике 1974», Эльфрида Елинек – «Премия по литературе 2004» и др. [24].

Вена имеет высокий коэффициент научно-обеспечения (отношение количества научных учреждений к территории города)

и является центром университетов, учебных и исследовательских институтов. В столице находятся Австрийская Академия Наук, Деловой и научно-исследовательский центр. В городке ООН созданы «Первый венский технопарк» и «Бизнес-парк».

В 2001 году был создан Венский фонд развития научных исследований мэром Вены, доктором М. Хойплем и доктором Б. Гёргом. Бюджет годового проекта составляет семь миллионов евро и складывается из спонсорских финансовых средств для «Центра инноваций и технологий» (ЦИТ).

Научная работа институтов и университетов открыта для граждан Австрии и охватывает все спектры жизни австрийцев. Ученые-медики разрабатывают новые вакцины, аналитики прогнозируют будущие тенденции в экономике. Детей с младых лет привлекают к науке, научной деятельности и образованию, чему способствует «Детский университет» [13].

Таким образом, в Австрии осуществляется развитие науки, используются новые технологии, образование является доступным и применяется система свободы образования. Среди множества государственных и частных университетов можно найти университет, соответствующий вашим интересам и специализации, принять участие в программе обмена, выиграть грант и получить финансирование для реализации научного проекта. Аспекты, рассмотренные в «Human Capital Soft Power» показывают, что Австрия является высокоинтеллектуальной и развитой страной. На протяжении многих лет Австрия остается одной из самых мирных и благополучных стран Европы, как в экономике, экологии, так и в области международных отношений.

Diplomatic Soft Power

Нейтралитет Австрии определил границы внешней политики, не изолирующей государство от мировой политики. Австрия является членом ЕС и НАТО (программа «Партнерство во имя мира») и имеет возможность, после подписания Амстердамского

договора (1998 г.), пользоваться преимуществами оборонной политики ЕС.

Начиная с семидесятых годов, Австрия ведет политику «активного нейтралитета», пропагандируя мир и не вмешиваясь в международную политическую и военную обстановку [10]. В связи с этим Австрия занимает 79 место в рейтинге стран по «численности вооруженных сил», из которых государственные вооруженные силы состоят из сухопутных и военно-воздушных и содержат 50 тыс. чел. [35].

В результате хорошо продуманной внешней политики Австрия выступает на международной арене как «страна, несущая мир». Именно поэтому в Вене расположены представительства международных организаций: МАГАТЭ, ЮНИДО, ОПЕК, а так же сонет ОБСЕ и его секретариат [10]. В Вене также расположены штаб-квартиры трех учреждений ООН и лаборатория ядерных исследований. Австрия является членом международных финансовых организаций ЕС.

Австрия соблюдает правила договоренностей международной торговли и экономического сотрудничества, выступает посредником на переговорах между странами-соперниками. Австрия – одна из первых стран, выступивших за тесное сотрудничество России и ЕС, настаивающая на заключении с РФ масштабных долгосрочных соглашений [10].

В рейтинге «миролюбия стран мира» в 2013 году, осуществляемым «The Institute for Economics and Peace», Австрия занимает 4 место из 162 стран, принимающих участие [17].

Австрия осуществляет гуманитарную помощь «мирным» странам, попавшим в военное положение. Например, Австрия выделила 2 млн. евро для помощи сирийскому народу, пострадавшему от вооруженного восстания. Согласно оценкам ООН в гуманитарной помощи нуждались более 2,5 млн. человек в Сирии, и более 250 тыс. сирийских беженцев [7].

В связи с последними событиями на Украине Австрия решила оказать гуманитарную помощь в виде партии высококачественных гробов. Данная форма – это «дань давним традициям сотрудничества между

странами, начиная со Второй мировой войны. Во время военных действий на Украину из Германии поставляли военную форму, а из Австрии – высококачественные гробы» [18]. Альтернатива австрийкой военной службе является «Австрийская служба памяти жертв Холокоста», где проходящие службу заняты в сохранении и защите наиболее важных памятников Холокоста [3].

Дипломатия мягкой силы Австрии использует политику «активного нейтралитета» и позиционирует себя как страна, «несущая мир», тем самым привлекая иностранных граждан и страны к сотрудничеству. Австрия обладает свободой от политических и военных конфликтов, тем самым освобождает граждан от психологической напряженности и конфликтов внутри государства. Австрия миролюбивая страна – оказывает гуманитарную помощь (денежные, материальные средства) странам, оказавшимся в сложной экономической, военной ситуации. Австрия сотрудничает со многими европейскими странами, а также с Россией, соблюдая все правила международных договоров об экономическом сотрудничестве и др.

Cultural Soft Power

Инструменты культурного влияния мягкой силы («Cultural Soft Power») Австрии привлекают туристов со всей планеты. Центром политики и культуры Австрийского государства является Вена.

Культура Австрии имеет богатое музыкальное наследие. Здесь создавали шедевры музыкального искусства великие венские композиторы, венский симфонический оркестр. Венская государственная опера – знаменитая сцена, предлагающая ежедневную программу: свыше 60 опер в течение 285 дней в сезоне [12].

Музыкальная жизнь Австрии тесно связана с немецкой музыкальной культурой. Композиторы старой венской школы способствовали расцвету венского классического стиля. Австрия является родиной многих знаменитых композиторов: Вольфганга Амадея Моцарта, Й. Гайдна, Ф. Шуберта,

А. Брукнера, И. Штрауса и Г. Малера, Людвиг ван Бетховена, а также членов второй венской школы (А. Шенберга, А. Веберна и др.).

Традиционная музыкальная культура Австрии представлена горловым пением, разрабатанным в Альпах – «Йодле» («juchazn»).

Современная музыкальная культура Австрии, по данным 2014, представлена выступлением и победой на музыкальном конкурсе «Евровидение 2014» Кончиты Вурст. Кончита Вурст использует женский образ австрийского поп-певца Томаса Нойвирта (нем. Thomas Neuwirth) [23].

В Австрии распространены музеи различной тематической направленности. Кристальные миры Сваровски (в г. Ваттенс) – подземный кристальный мир, охраняемый великаном. В музее находится 14 комнат, где выставлены произведения искусства из кристалла: картины, скульптуры и инсталляции известных авторов (Б. Ино, К. Харинг, Сальвадор Дали, Ники де Сен-Фалль, Дж. Брекке, С. Шмегнер, Дж. Уайтинг). Стоимость билета составляет 9,5 евро.

Музей Вены содержит княжеские коллекции Лихтенштейн, считающиеся значительным частным собранием произведений искусств. Разнообразие картин, скульптур, мебели, фарфора в сочетании с архитектурой паркового дворца Лихтенштейн, создают благородную, возвышенную атмосферу семейной коллекции. В музее представлены многочисленные шедевры Рубенса, Рембрандта и Ван Дейка [43]. Вы также можете посетить на сайте виртуальные залы и галереи.

Музей З. Фрейда демонстрирует место работы и жизни основателя психоанализа. Подлинные предметы интерьера и вещи, принадлежащие Фрейду, позволяют воссоздать атмосферу, где родилась новая наука о человеке [25].

«Nonseum» – музей изобретений, которые никому не нужны, содержит от чехла на высокий тонкий каблук и зубных протезов для третьих зубов до переносной дыры.

Могущество империи, память о великих победах и свершениях отображается в стенах австрийских замков, привлекающих туристов.

Построенные как оборонительные сооружения, замки стали истинным украшением австрийских земель [32].

Ландшафтное и культурное многообразие страны создаёт уникальную культуру фестивалей. По всей стране ежегодно проводятся более 200 музыкальных и танцевальных фестивалей – от мероприятий мирового масштаба до небольших фестивалей, связанных с регионом проведения: они несут отпечаток особенной истории страны, взаимодействия окружающего их ландшафта, привлекательности городов и разнообразия кулинарных традиций, характера живущих людей [38].

Ежегодный масштабный фестиваль австрийского кино в Москве содержит четыре программы, три площадки, включающих кинотеатры, музей современного искусства. Из программ представлены: секция «Премьеры»; ретроспектива «Выбор режиссеров»; 10 сеансов «музейного» видео-арта; документальное кино.

Австрия узнаваема по личностям, прославившим государство при помощи достижений в различных областях. Среди них актеры, режиссеры, политики, ученые, спортсмены. Австрию прославили В. А. Моцарт, Франц Кафка, З. Фрейд, К. Вальц, А. Шварцнегер, М. Шелл и др.

В Австрии проживает Феликс Баумгартнер – первый в мире человек, преодолевший скорость звука в свободном падении без летательного аппарата. Компанией «Red Bull» разработан проект «Red Bull Stratos», нацеленный на установление рекорда прыжка с парашютом с высоты границы с космосом.

Феликс Баумгартнер и команда Red Bull Stratos поставили несколько мировых рекордов: максимальная скорость человека в свободном падении (1 342,8 км/ч), впервые человеком преодолено число Маха без летательного аппарата (1,24 М), наибольшая высота полета пилотируемого летательного аппарата (39 020 м), наибольшая высота прыжка с парашютом (38 800 м). Мировые рекорды позволили повысить показатель Австрии в рейтинге soft power в 2013 г. [39].

Особое проявление австрийского менталитета – венская кофейня, где ощущается история

и стиль жизни Австрии. Здесь все располагает к неспешному отдыху за чашкой кофе со знаменитым «яблочным штруделем», чтением газет и настольными играми.

Австрия – консервативное государство и предпочитает все традиционное, к нововведениям проявляется недоверие, негативный характер. Вена более подходит людям среднего, старшего возраста. Знакомство австрийцы завязывают быстро и непринужденно. Люди Австрии – доброжелательные, учтивые, общительные, любят хорошо питаться, побеседовать.

В Вене существуют распространенные выражения: «золотое венское сердце», «венская застенчивость», которые отражают суть национального характера. Такие фразы, как «целую вашу ручку», «уважаемый господин», «мое почтение», «госпожа доктор медицины» венцы считают важным, а также уважают людей, если они обладают титулами и званиями, степенями.

Следует быть осторожным при применении международно-американского жеста «О.К.». Подобная комбинация пальцев означает у венцев «зад» [5].

Таким образом, Австрийское государство активно использует мягкую силу для привлечения иностранных граждан, создания заинтересованности граждан Австрии, создания положительного имиджа страны. Высокие показатели уровня развития Австрии в области политики (показатель общественного доверия правительству и участия граждан в политической жизни), экономики, туризма, богатое культурное и историческое наследие, а также создание условий, обеспечивающих комфортное проживание и нахождение в стране (защита, льготы), делают Австрию гостеприимным и высокоразвитым государством.

Реализуя политику государства, пропагандирующего мир, Австрия защищает граждан и государство от разрушения, военных действий, агрессии. Размеренная и мирная жизнь, стабильность во всех сферах, разнообразный туризм, высокий уровень экологии, наличие рабочих мест и заработная плата, достойная для проживания, позволяют Австрии занять восьмое место в рейтинге стран по «The Happy Planet Index» по результатам исследования

Американского исследовательского центра «The Earth Institute» при Колумбийском университете. Данный комбинированный показатель измеряет уровень счастья в странах мира, изучая экономические и социальные процессы [15].

Жители Австрии удовлетворены своей жизнью и считают, что они испытывают больше положительных эмоций (ощущение спокойствия, гордость за достигнутые успехи, радость и т. д.), чем отрицательных (боль, беспокойство, грусть, скука и т. д.) – это является главным показателем успешно реализованной мягкой силы Австрии.

1. Австрийская республика. Конституция и законодательные акты. Федеральный закон 1985 г. пер. с нем. – М.: 2010 г. – 165 С.

2. Русакова О.Ф. Soft Power как стратегический ресурс и инструмент формирования государственного бренда: опыт стран Азии / О.Ф. Русакова // Известия Уральского федерального университета. Сер. 3, Общественные науки. – 2013. – № 3 (118). – С. 52–61.

3. Австрийская служба памяти жертв Холокоста. [Электронный ресурс]. URL: <http://urls.by/2j1n>.

4. Австрийские университеты в Вене. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studyaustria.ru/university/avstrijskie-universitetys>.

5. Австрия – культура, религия, традиции. [Электронный ресурс]. URL: <http://styria.ru/avstriya/kul-tura-religiya-traditscii/avstriya-spravochnik-religiya-prazdniki-obychai-tualety-v-vene.html>.

6. Австрия – Уровень безработицы. Trading economics. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.tradingeconomics.com/austria/unemployment-rate>.

7. Австрия удваивает гуманитарную помощь сирийцам. [Электронный ресурс]. URL: <http://urls.by/2j1t>.

8. Австрия. Виды туризма [Электронный ресурс]. URL: <http://urls.by/2j1r>.

9. Австрия. Как жизнь? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/countries/austria-ru/>.

10. Австрия: Внутренняя и внешняя политика. [Электронный ресурс]. URL: <http://urls.by/2j5o>.

11. Величко О.И. Россия и Австрия: одна дорога к демократии. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ng-politics/2011-02-01/14_austria.html.

12. Венская государственная опера. [Электронный ресурс]. URL: m.wien.info/ru/music-stage-shows/opera-operetta/state-opera.

13. Венская наука в мировом сообществе, отдых в Инсбрук Австрия осенью. [Электронный ресурс]. URL: http://mosintour.ru/venskaja_nauka_v_mirovom_sobshhestve.

14. Вид на жительство в Австрии. Austria-partner. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.austria-partner.net/permit.php>.

15. Всемирный индекс счастья – информация об исследовании. [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/happy-planet-index/info>.

16. Высшее образование за рубежом. Австрия. Список университетов Австрии. [Электронный ресурс]. URL: <http://go>

to-europe.ru/spisok-universitetov-avstrii.

17. Глобальный индекс «миролюбия стран». The global peace index. [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/global-peace-index/global-peace-index-info>.

18. Егорова А. Гробы для Украины – гуманитарная помощь из Австрии. [Электронный ресурс]. URL: <http://urls.by/2j1v>.

19. Индекс восприятия коррупции. Transparency International, 2013. Corruption Perceptions Index 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/12/03/6442>.

20. Иностранцы студенты в Австрии. VIA Service. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.viaservice.eu/inostrannye-studenty-v-avstrii>.

21. Инфляция Австрии по данным CIA World Factbook. [Электронный ресурс]. URL: www.ereport.ru.

22. Классификация прав и свобод человека и гражданина, духовно-нравственные права и свободы человека и гражданина [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iventev.narod.ru/page5.html>.

23. Кончита Вурст. Биография и фото. [Электронный ресурс]. URL: <http://urls.by/2jxa>.

24. Лауреаты нобелевской премии. Австрия. [Электронный ресурс]. URL: <http://urls.by/2j1w>.

25. Музей З. Фрейда. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.freud-museum.at/e/index.html>.

26. Население Австрии выросло благодаря иммигрантам. [Электронный ресурс]. URL: www.openaustria.ru.

27. Недвижимость Австрии: туристы бьют рекорды по посещаемости в отелях Вены. [Электронный ресурс]. URL: <http://urls.by/2j2s>.

28. Об Австрии. AustriaReal. [Электронный ресурс]. URL: <http://urls.by/2j5>.

29. Образование за рубежом: обучение в Австрии. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.academconsult.ru/?id=1170>.

30. ООН опубликовала индекс человеческого развития в странах мира 2013 года. [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/03/14/5622>.

31. Первые термины в Австрии. [Электронный ресурс]. URL: <http://u.to/wCX-Bw>.

32. Посольство Австрии в Москве. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bmeia.gv.at/ru/botschaft/moskau>.

33. Программа обмена студентами ERASMUS и EILC – Erasmus Intern. Language Courses. [Электронный ресурс]. URL: <http://medstudenty.cz/2012/11/erasmus-elic/>.

34. Сделано в Австрии! Австрийские высококачественные бренды. [Электронный ресурс]. URL: <http://austria-time.ru/sdelano-v-avstrii-avstrijskie-vysokokachestvennye-brendy>.

35. Список стран по численности действующих войск. [Электронный ресурс]. URL: <http://urls.by/2j5q>.

36. Список университетов Австрии. [Электронный ресурс]. URL: <http://go-to-europe.ru/spisok-universitetov-avstrii>.

37. Туризм в Австрии. [Электронный ресурс]. URL: <http://urls.by/2iyn>.

38. Фестивали на любой вкус. Обрети новые силы. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.austria.info/ru/iskusstvo-kultura-avstrija/festivalkultur-oesterreich-2225977.html>.

39. Человек впервые преодолел скорость звука в свободном падении. Ежедневная общероссийская газета «Новые известия». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newizv.ru/fotoreport/foto/11381/>.

40. Экономика Австрии в 2012 году. Портал внешнеэкономической информации. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/at/about_at/ved_at/.

41. Monocle magazine soft power ranking. Who rules the

world? The top 20 in full [Электронный ресурс]. URL: <http://u.to/Ws0CCA>.

42. Education Austria. Ganz einfach [Электронный ресурс]. URL: <http://educationaustria.ru/index.php?page=venskij-universitet>.

43. Palais Liechtenstein. The Princely Collection. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.palaisliechtenstein.com/de/startseite.html>.

44. Top 100 universities for arts and humanities 2013–2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.language-travel.ru/01.01.04.01/381.aspx>.

1. Австрийская республика. Конституция и законотворительные акты. Федеральный закон 1985 г. пер. с нем. – М.: 2010 г. – 165 С.

2. Rusakova O.F. Soft Power kak strategicheskij resurs i instrument formirovaniya gosudarstvennogo brenda: opyt stran Azii / O.F. Rusakova // Izvestiya Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. 3, Obshchestvennye nauki. – 2013. – № 3 (118). – S. 52–61.

3. Австрийская служба памяти жертв Холостокта. [Электронный ресурс]. URL: <http://urls.by/2j1n>.

4. Австрийские университеты в Вене. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.studyaustria.ru/universitety/avstrijskie-universitety>.

5. Австрия – культура, религия, традиции. [Электронный ресурс]. URL: <http://styria.ru/avstriya/kul-tura-religiya-traditsii/avstriya-spravochnik-religiya-prazdniki-obychai-tualety-v-vene.html>.

6. Австрия – Уровень безработицы. Trading economics. [Электронный ресурс]. URL: <http://ru.tradingeconomics.com/austria/unemployment-rate>.

7. Австрия удваивает гуманитарную помощь сиротам. [Электронный ресурс]. URL: <http://urls.by/2j1t>.

8. Австрия. Визит туриста [Электронный ресурс]. URL: <http://urls.by/2j1r>.

9. Австрия. Как жизнь? [Электронный ресурс]. URL: <http://www.oecdbetterlifeindex.org/ru/countries/austria-ru/>.

10. Австрия: Внутренняя и внешняя политика. [Электронный ресурс]. URL: <http://urls.by/2j5o>.

11. Velichko O.I. Rossiya i Avstriya: odna doroga k demokratii. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ng.ru/ng_politics/2011-02-01/14_austria.html.

12. Venskaya gosudarstvennaya opera. [Электронный ресурс]. URL: m.wien.info/ru/music-stage-shows/opera-operetta/state-opera.

13. Venskaya nauka v mirovom soobshestve, otdyx v Insbruk Avstriya osen'yu. [Электронный ресурс]. URL: http://mosintour.ru/venskaja_nauka_v_mirovom_soobshestve.

14. Vid na zhitel'stvo v Avstrii. Austria-partner. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.austria-partner.net/permit.php>.

15. Vsemirnyj indeks schast'ya – informatsiya ob issledovanii. [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/happy-planet-index/info>.

16. Vysshee obrazovanie za rubezhom. Avstriya. Spisok universitetov Avstrii. [Электронный ресурс]. URL: <http://go-to-europe.ru/spisok-universitetov-avstrii>.

17. Global'nyj indeks «mirolyubiyi stran». The global peace index. [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/ratings/global-peace-index/global-peace-index-info>.

18. Egorova A. Groby dlya Ukrainy – гуманитарная помощь из Австрии. [Электронный ресурс]. URL: <http://urls.by/2j1v>.

19. Indeks vospriyatyya korrupcii. Transparency International,

2013. Corruption Perceptions Index 2013. [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/12/03/6442>.

20. Inostrannye studenty v Avstrii. VIA Service. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.viaservice.eu/inostrannye-studenty-v-avstrii>.

21. Inflyatsiya Avstrii po dannym CIA World Factbook. [Электронный ресурс]. URL: www.ereport.ru.

22. Klassifikatsiya prav i svobod cheloveka i grazhdanina, duxovno-nravstvennye prava i svobody cheloveka i grazhdanina [Электронный ресурс]. URL: <http://www.iventev.narod.ru/page5.html>.

23. Konchita Vurst. Biografiya i foto. [Электронный ресурс]. URL: <http://urls.by/2jxa>.

24. Laureaty nobelevskoj premii. Avstriya. [Электронный ресурс]. URL: <http://urls.by/2j1w>.

25. Muzej Z. Frejda. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.freud-museum.at/e/index.html>.

26. Naselenie Avstrii vyroslo blagodarya immigrantam. [Электронный ресурс]. URL: www.openaustria.ru.

27. Nedvizhimost' Avstrii: turisty b'yut rekordy po poselshchast'yu v otelyax Veny. [Электронный ресурс]. URL: <http://urls.by/2j2s>.

28. Ob Avstrii. AustriaReal. [Электронный ресурс]. URL: <http://urls.by/2j5>.

29. Obrazovanie za rubezhom: obuchenie v Avstrii. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.academconsult.ru/?id=1170>.

30. OON opublikovala indeks chelovecheskogo razvitiya v stranax mira 2013 goda. [Электронный ресурс]. URL: <http://gtmarket.ru/news/2013/03/14/5622>.

31. Pervye termyny v Avstrii. [Электронный ресурс]. URL: <http://u.to/wCX-Bw>.

32. Posol'stvo Avstrii v Moskve. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bmeia.gv.at/ru/botschaft/moskau>.

33. Programma obmena studentami ERASMUS i EILC –

Erasmus Intern. Language Courses. [Электронный ресурс]. URL: <http://medstudenty.cz/2012/11/erasmus-elic/>.

34. Sdelano v Avstrii! Avstrijskie vysokokachestvennye brendy. [Электронный ресурс]. URL: <http://austria-time.ru/sdelano-v-avstrii-avstrijskie-vysokokachestvennye-brendy>.

35. Spisok stran po chislennosti dejstvuyushix vojsk. [Электронный ресурс]. URL: <http://urls.by/2j5q>.

36. Spisok universitetov Avstrii. [Электронный ресурс]. URL: <http://go-to-europe.ru/spisok-universitetov-avstrii>.

37. Turizm v Avstrii. [Электронный ресурс]. URL: <http://urls.by/2iyn>.

38. Festivali na lyuboj vkus. Obreti novye sily. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.austria.info/ru/iskusstvo-kultura-avstrija/festivalkultur-oesterreich-2225977.html>.

39. Chelovek v pervye preodolel skorost' zvuka v svobodnom padenii. Ezhednevnyaya obshherossiyskaya gazeta «Novye izvestiya». [Электронный ресурс]. URL: <http://www.newizv.ru/fotoreport/foto/11381/>.

40. E'konomika Avstrii v 2012 godu. Portal vneshnee'konomicheskoy informatsii. [Электронный ресурс]. URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/at/about_at/ved_at/.

41. Monocle magazine soft power ranking. Who rules the world? The top 20 in full [Электронный ресурс]. URL: <http://u.to/Ws0CCA>.

42. Education Austria. Ganz einfach [Электронный ресурс]. URL: <http://educationaustria.ru/index.php?page=venskij-universitet>.

43. Palais Liechtenstein. The Princely Collection. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.palaisliechtenstein.com/de/startseite.html>.

44. Top 100 universities for arts and humanities 2013–2014. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.language-travel.ru/01.01.04.01/381.aspx>.

SOFT POWER OF AUSTRIA

Lovkova Anastasia Evgenyevna,

Ural Federal University named after the First resident of Russia B.N. Eltsin, Institute of social and cultural activity, Audiovisual communications and media technologies, magistrant, Ekaterinburg, Russia, E-mail: anastasiaLovkova@gmail.com

Annotation

In the article the politics and the «soft power» tools of Austria is discussed, in which economic attractiveness, education and science, cultural inheritance, diplomatic and political «soft power» tools, touristic attractiveness. The active usage of «soft power» tools in the frames of this state represents Austria as highly intellectual state, with high well-fare level, advanced economics, military and political neutrality, economical and political stability.

Key words:

economic soft power, human capital soft power, cultural soft power, political soft power, diplomatic soft power, tourist soft power.

НОРВЕГИЯ – СТРАНА СЕВЕРНОЙ СКАЗКИ И МЯГКОЙ СИЛЫ

Хайрутдинова Елена Рашитовна,

Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,
Институт искусствоведения и культурологии,
магистрант,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: lena.music@mail.ru

Аннотация

В статье акцентируется внимание на усилении влияния «мягких» инструментов воздействия на систему международных отношений. Что наглядно демонстрируется на примере Норвегии.

Ключевые слова:

soft power, дипломатия, международные отношения, экономика, культура.

В последние годы, сначала на Западе, а потом и в России, исследователи стали активно обращаться к теме «мягкой власти», видя в ней потенциальный ресурс для расширения возможностей оказания влияния на международные процессы. Были созданы государственные компании, призванные работать на укрепление «мягкой власти», например, ТВ и радиовещание, культурные и обменные программы, молодежные фонды, однако вопрос о том, что именно заставляет одни проекты быть более успешными, чем другие, оставался открытым.

Современная ситуация в мировой политике характеризуется усилением влияния «мягких» инструментов воздействия на систему международных отношений. Акцент на использование государствами военной силы в качестве приоритетного средства обеспечения собственной безопасности смещается в сторону гибких факторов. Стратегии не прямых действий и «мягкой силы» в настоящее время являются наиболее эффективными средствами ведения геополитической борьбы на международной арене, которые используются в целях ослабления реальных и потенциальных государств-противников. Термин «мягкая сила» (soft power) впервые ввел в оборот профессор Гарвардского университета США Джозеф Най

в 1990 году в ряде политологических публикаций. Это понятие подразумевало использование нематериальных ресурсов, культуры, убеждения и политических идеалов для оказания необходимого влияния на население зарубежных стран без задействования более традиционных элементов силового, в том числе военного, давления. В дальнейшем этот термин получил официальную трактовку. «Мягкая сила» – это комплекс дипломатических, экономических, политических, военных, юридических и культурологических инструментов несилового воздействия на обстановку в иностранных государствах с целью оказания на нее влияния, отвечающего интересам национальной безопасности США [1, с. 34].

Мягкая сила дает возможность скрытно влиять на международные процессы даже тем странам, которые имеют ограниченный набор традиционных ресурсов влияния, например, не являющиеся членами Совета Безопасности ООН, не обладают ядерным оружием или находятся на географической периферии.

В рамках данной статьи на примере Норвегии будет продемонстрирован весь инструментарий «мягкой силы» данной страны.

Норвегия – небольшая страна, в которой проживает чуть более четырех миллионов че-

ловек. В то же время по территории Норвегия довольно большое государство с невысокой плотностью населения: тринадцать человек на квадратный километр. Норвегия – молодое государство: в течение 400 лет, вплоть до 1814 года, она входила в состав королевства Дания, затем, до получения независимости в 1905 году, состояла в союзе со Швецией. Кроме того, с 1940 по 1945 год страна находилась в немецкой оккупации. И хотя опыт национальной независимости невелик, в настоящее время Норвегия является государством стабильной парламентской демократии. Более того, страна развилась в процветающее общество, в котором в течение последних шестидесяти лет правительство возглавляли социал-демократы. Норвегия имеет глубокие традиции мирного компромисса между группами, представляющими различные интересы. Такие традиции родились, возможно, благодаря существованию сильного гражданского общества и сильных законных посреднических организаций между государством и гражданами.

В политико-административном устройстве Норвегии выделяют три уровня: национальный, окружной с 19 округами и муниципальный, состоящий из 435 муниципалитетов. Основные статьи экспорта – нефть и нефтепродукты, природный газ, суда, рыба, бумага, древесная масса, продукция машиностроения [2].

Экономический подъем, который начался в Норвегии в конце 2010 года, продолжался на протяжении большей части 2013 года. Вместе с тем отрицательное воздействие на норвежскую экономику оказало замедление развития экономик стран-членов ЕС и стран-членов ОЭСР (основных торговых партнеров Норвегии), развитие банковского кризиса в отдельных странах-членах ЕС и, как следствие, снижение спроса на энергоносители и продукцию норвежской промышленности, что способствовало снижению объемов традиционного экспорта.

Рост норвежской экономики опирался на три основных фактора:

- устойчивые государственные финансы, которые позволяли проводить более эффек-

тивную финансовую политику, чем в соседних странах;

- растущая доходность добычи углеводородов, сопровождающаяся сохранением высокого спроса со стороны нефтегазового сектора;

- высокая трудовая иммиграция, стимулирующая повышение внутреннего спроса на товары и услуги [6].

Жизненный уровень Норвегии – один из самых высоких в мире. 23 место в рейтинге стран и территорий по размеру ВВП (259,1 млрд.). По данным ВТО на 2012 год доля Норвегии в мировой торговле выражается следующими показателями: экспорт товаров/услуг – 0,87%/1,14%, импорт товаров/услуг – 0,49%/1,15%. В мировом торговом рейтинге, без учета внутреннего товарооборота в Евросоюзе, Норвегия занимает 21/24 места по экспорту/импорту товаров и 13/16 место по экспорту/импорту услуг, при этом страна находится на 117 месте по населению [7, с. 10–12].

Преимущество норвежской экономики состоит в том, что эта страна занимает лидирующую позицию по производству нефти и добыче газа в Северной Европе. Энергетические потребности покрываются за счёт хорошо развитой гидроэнергетики. Созданы нефтяные фонды, которые предназначены для развития будущих поколений. В стране большой запас минералов. Хорошо развит торговый флот. Отличительной чертой Норвегии является низкий уровень инфляции – 3% и безработицы – 3% [6].

Слабыми сторонами экономики Норвегии является её отдалённое расположение и сильная зависимость от нефтяного производства. Из-за северного климата и скалистой почвы развитие сельского хозяйства довольно затруднительно. Кроме этого, в Норвегии отмечается малое количество высококвалифицированных специалистов во многих областях.

Норвегия занимает второе место в мире по экспорту нефти. Торговля нефти и газом составляют 1/3 государственного дохода. Норвегии принадлежат несколько буровых платформ в Северном море, где располагается

самое крупное месторождение природного газа [3].

В стране большое количество территории покрыто лесами, что создаёт благоприятные условия для деревянной промышленности. Большое внимание уделяется производству алюминия, магния, добыче железа, меди, цинка, мрамора, гранита и прочих полезных ископаемых. В стране широко развито химическое и техническое производство. Среди машиностроения особую долю занимает судостроение. Рыбообрабатывающая промышленность очень важна для экономики Норвегии [6].

Экономические бренды Норвегии:

- нефть и газ, добываемые на шельфах;
- норвежская гидроэнергетика;
- норвежский лосось (рыба, морепродукты).

Все активнее инструменты мягкой силы применяются в Норвегии. В течение буквально нескольких десятилетий Норвегия превратилась из страны, экономика которой основывалась на природных ресурсах, в общество высоких технологий. Норвежские компании работают над развитием эффективных, экологически безопасных и высокотехнологичных методов в целях роста продуктивности индустрии и повышения квалификационного потенциала. Приоритет исследовательской и инновационной деятельности и совместным предприятиям с зарубежными компаниями способствовал накоплению национального опыта и знаний в новых областях, включая программное обеспечение и коммуникационные технологии, космические и инженерные отрасли и биотехнологии. Индустрия информационных и коммуникационных технологий (ICT) – новейший национальный флагман. В настоящее время информационные и коммуникационные технологии являются второй по величине отраслью в Норвегии с точки зрения сбыта продукции. Норвежские компании также предприняли революционные попытки в области телемедицины и дистанционного обучения.

По результатам ежегодного исследования журнала *Monocle* (№ 69, декабрь – январь

2012/2013) Норвегия занимает 12 место в рейтинге политики «мягкой силы». За последнее время Норвегия принимает участие в мирных переговорах в Филиппинах, на Балканах, Колумбии, Гватемале, в Шри-Ланке и на Ближнем Востоке. Норвежцы объясняют, что это происходит от их лютеранского наследия, но роль миротворца ассоциирует Норвегию с ценностями, которые разделяют другие развитые страны, место Норвегии за многими столами мирных переговоров обеспечивает ее полезность и ценность для больших стран [7].

Отдельного внимания заслуживает вопрос о развитии публичной дипломатии как самостоятельного и действенного сегмента государственной политики и разработки долгосрочной информационно-пропагандистской стратегии по формированию позитивного облика Норвегии в мире. Воздействие мягкой силы более эффективно, если оно реализуется в формате диалога, который в этом случае является инструментом преодоления барьера взаимодействия. В диалоге культур, диалоге цивилизаций взаимодействуют не абстрактные государства и политические системы, а конкретные люди и группы людей, принадлежащие к разным культурам, конфессиям и цивилизациям и имеющие разные ценностно-мировоззренческие установки.

Основные предстоящие приоритеты внешней политики:

- укрепление безопасности Норвегии, анализ угроз и их предотвращение;
- поддержка торгово-экономических интересов за рубежом, в том числе и энергетической безопасности;
- поддержка хороших отношений с соседними государствами и укрепление регионального сотрудничества.

На территории Норвегии, по состоянию на 2012 год, расположены 7 объектов из списка Всемирного наследия ЮНЕСКО, что составляет 0,7% от общего их числа (981 на 2013 год) [9]. Норвегия ратифицировала Конвенцию об охране всемирного культурного и природного наследия 12 мая 1977 года. Первыми объектами, включёнными в список Всемирного наследия,

стали в 1979 году средневековая ставкирка в Урнесе и исторический портовый квартал в городе Бергене. Из семи объектов Всемирного наследия в Норвегии шесть включены в список по культурным критериям, тогда как седьмой – по природным. Кроме этого, по состоянию на 2012 год, 6 объектов на территории Норвегии находятся в числе кандидатов на включение в список Всемирного наследия.

Культура Норвегии прочно связана с историей и географическим положением страны. Корни норвежской культуры восходят к традициям викингов, средневековой «эпохе величия» и сагам. Хотя обычно норвежские мастера культуры испытывали влияние западноевропейского искусства и впитали многие его стили и сюжеты, тем не менее, в их творчестве отражалась специфика родной страны. Уникальная крестьянская культура, сохранившаяся и по сей день, возникла благодаря скудности природных ресурсов, обусловленной холодным климатом и гористым ландшафтом, но также на неё во многом повлияли средневековые скандинавские законы. Бедность, борьба за независимость, восхищение природой – все эти мотивы проявляются в норвежской музыке, литературе и живописи (в том числе декоративной). Природа всё ещё играет важную роль в народной культуре, об этом свидетельствуют необычайное пристрастие норвежцев к спорту и жизни на лоне природы.

Норвегия известна как один из самых крупных экспортеров музыки стиля Блэк-метал. Большое количество групп, играющих в этом стиле, а также его родоначальников родом из Норвегии. Среди самых известных стоит отметить: Burzum, Darkthrone, Mayhem, Immortal, Dimmu Borgir, Emperor, Gorgoroth, The Kovenant, Satyricon. Отдельно хотелось бы отметить участие Норвегии в конкурсе песни Евровидение. Всего Норвегия 53 раз принимала участие в конкурсе [5].

Страна выигрывала три раза:

- в 1985 «*BobbySocks*» с песней «*La det swinge*»;
- в 1995 «*Secret Garden*» с песней «*Nocturne*»;

• в 2009 году Александр Рыбак с песней «*Fairytale*».

Следующим в перечне основных факторов, обуславливающих успех «мягких» инструментов внешнего воздействия государства и его умения расположить к себе международное сообщество, является возможность дать высшее образование иностранным студентам в своих вузах.

Норвежская образовательная политика основана на принципе всеобщих равных прав на образование для всех членов общества, независимо от их социально-культурной принадлежности и места проживания. Основной задачей учебных заведений является не только внедрение знаний и прививание культурных навыков, но и удовлетворение общественных потребностей, обеспечение всеобщего благосостояния. Преподавание в норвежских школах ориентировано на индивидуальное развитие способностей и навыков учеников. Специальное обучение предусмотрено для людей с физическими или умственными недостатками, а также для тех, у кого в силу каких-либо обстоятельств нет возможности посещать школу с обычным преподаванием. Согласно условиям, выдвигаемым норвежской политикой образования, особое внимание должно уделяться потребностям тех учеников, которые относятся к языковому меньшинству, чтобы дать им возможность получить полное среднее образование, продолжить высшее и устроиться на работу [5].

Высшее образование предоставляют шесть университетов Норвегии – это Университет Осло (старейший и крупнейший), Бергенский Университет, Норвежский Университет Науки и Техники (NTNU) в Тронхейме, Университет в Тромсё, Университет в Ставангере и Норвежский Университет биологических наук (UMB) в Осло. Шесть специализированных институтов – это Норвежская школа экономики и делового администрирования в Бергене и находящиеся в Осло Норвежская академия музыки, Норвежская высшая спортивная школа, Норвежская высшая ветеринарная школа, Норвежская высшая школа теологии (MF),

а также Высшая школа архитектуры и дизайна в Осло. Кроме того, существует два национальных института искусств, расположенных, соответственно, в Осло и Бергене. Кроме того, многие институты предлагают программы подготовки для соискателей магистерских и докторских степеней. Нередко студенты сочетают обучение в университете с обучением в институте. Норвегия является одной из первых европейских стран, приступивших к выполнению задач в области высшего образования, поставленных в рамках Болонского процесса. Кроме того, Норвегия осуществила трехлетнюю программу реформы качества высшего образования, которая была завершена в 2003 г. и цель которой, помимо прочего, заключалась в повышении студенческой мобильности и в развитии международного сотрудничества в сфере образования. Благодаря введению новой системы научных степеней студентам, получившим полное или частичное образование в Норвегии, стало проще получить признание своих дипломов в других странах [4].

Норвежские высшие учебные заведения с радостью приветствуют заявки от компетентных студентов всего мира. Почти 10000 иностранных студентов зарегистрировано в настоящее время на этом уровне образовательной системы Норвегии. Международные студенты могут получить доступ к различным программам обучения для старшекурсников и выпускников. Некоторые университеты и колледжи предлагают специально созданные программы для иностранных студентов. Эти программы преподаются на английском языке, и поступление не требует постоянного места жительства. Иностранцы определяют так же, как и все студенты без постоянного места жительства, принятые в Норвегии. Существует три категории иностранных студентов: самофинансируемые студенты; студенты по обмену; студенты, участвующие в различных программах стипендий. Право на обмен или программу стипендий обычно определяется на основе национального и двустороннего регионального соглашения и выполнении минимальных требований [5].

По результатам проведения исследований сформирован международный рейтинг лучших вузов мира, где Норвегию представляют Университет Осло, занимающий 185 место. Второй важный показатель индекс уровня образования стран мира [4], где Норвегия занимает второе место с показателем 0,99. По результатам исследования Humanity Global Peace Index уровень грамотности в стране – 100%.

Перспективным является развитие ещё одного жизненно важного для государства аспекта – туризма. Ежегодное число туристов в Норвегии достигает 4,7 млн. человек. Норвегия – это самые разнообразные возможности проведения отпуска. Для туристов представлен самый широкий спектр достопримечательностей, от народных музеев до уникальных природных объектов. Независимо от того, какая область вас интересует – история, геология, флора или фауна – вы найдете возможность расширить свой кругозор за время пребывания в Норвегии. Разнообразие даст вам свободу выбора, и вы выберете оптимальный для себя способ проведения отпуска. Среди основных достопримечательностей – викингские музеи, величественные фьорды, великолепные водопады, саамская культура норвежского Севера, средневековые деревянные церкви и многое другое. Эта страна невероятно красивая, здесь популярны легенды и сказки. Местное население очень гостеприимно встречает путешественников и с удовольствием рассказывает о поверьях и загадочных чудесах.

Все иностранцы, которые намереваются пробыть в Норвегии более 3 месяцев без работы, должны иметь вид на жительство.

Вид на жительство в Норвегии может быть выдан иностранцу, который:

- а) хочет учиться в Норвегии;
- б) рождён норвежскими родителями.

Вид на жительство также может быть выдан в особых случаях, когда веские общечеловеческие соображения требуют этого или иностранец имеет особую связь с Норвегией.

1. Най Дж. «Мягкая сила» и американско-европейские отношения // Свободная мысль – XXI, 2004, № 10.

2. Все о Норвегии. URL: <http://www.norge.ru/fnorge> (дата обращения: 31.05.2014).

3. Дмитрий Семущин: «Мягкая сила» Норвегии. ЛГБТ-философы САФУ – от марксизма-ленинизма к гомосексуализму/ URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1772645.html> (дата обращения: 31.05.2014).

4. Международные рейтинги лучших вузов мира // Times Higher Education, 2013. № 5 (32). С. 64.

5. Норвегия. URL: <http://www.balticlive.ru/?p=49&count=3> (дата обращения: 31.05.2014).

6. Портал Внешнеэкономической информации/ URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/no/about_no/eco_no/ (дата обращения: 31.05.2014).

7. Рейтинг стран «Мягкая сила» // Monocle. 2013/2014. № 69.

8. Система образования в Норвегии // THE World University Rankings. 2013–2014. № 2 (14).

9. Список объектов Всемирного наследия ЮНЕСКО в Норвегии. URL: <http://whc.unesco.org/en/statesparties/no> (дата обращения: 31.05.2014).

2. Vse o Norvegii. URL: <http://www.norge.ru/fnorge> (data obrashheniya: 31.05.2014).

3. Dmitrij Semushin: «Myagkaya sila» Norvegii. LGBT-filosofy SAFU – ot marksizma-leninizma k gomoseksualizmu/ URL: <http://www.regnum.ru/news/polit/1772645.html> (data obrashheniya: 31.05.2014).

4. Mezhdunarodnye rejtingi luchshix vuzov mira // Times Higher Education, 2013. № 5 (32). S. 64.

5. Norvegiya. URL: <http://www.balticlive.ru/?p=49&count=3> (data obrashheniya: 31.05.2014).

6. Portal Vneshnee'konomicheskoy informacii/ URL: http://www.ved.gov.ru/exportcountries/no/about_no/eco_no/ (data obrashheniya: 31.05.2014).

7. Rejting stran «Myagkaya sila» // Monocle. 2013/2014. № 69.

8. Sistema obrazovaniya v Norvegii // THE World University Rankings. 2013–2014. № 2 (14).

9. Spisok ob'ektov Vsemirnogo naslediya YuNESKO v Norvegii. URL: <http://whc.unesco.org/en/statesparties/no> (data obrashheniya: 31.05.2014).

1. Naj Dzh. «Myagkaya sila» i amerikano-evropejskie otnosheniya // Svobodnaya mysl' – XXI, 2004, № 10.

NORWAY – THE COUNTRY OF THE NORTHERN FAIRY TALE AND SOFT POWER

Hayrutdinova Elena Rashitovna,

Ural Federal University named after the First president of Russia B.N. Eltsin,
Institute of Art and Culture,
magistrant,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: lena.music@mail.ru

Annotation

In article the attention is focused on strengthening of influence of «soft» instruments of impact on system of the international relations. That is clearly demonstrated on the example of Norway.

Key words:

soft power, diplomacy, international relations, economy, culture.

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ МАКРОРЕГИОНАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ: УРАЛЬСКИЙ СЛУЧАЙ*

Щербаков Алексей Юрьевич,

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук,
младший научный сотрудник,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: all_rubicon@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена методологическим проблемам изучения региональных идентичностей российских регионов на примере Уральского макрорегиона и Челябинской области. В данном исследовании выделены основные факторы, оказывающие влияние на формирование макрорегиональной идентичности, определены акторы, влияющие на возникновение макрорегиональных идентичностей, а также определение и изменение их административных и символических границ.

Ключевые слова:

макрорегиональная идентичность, Уральский макрорегион, Челябинская область, региональные атрибуты.

Большое количество отечественных исследователей региональной идентичности определяют регион, как административную единицу или непосредственно субъект Российской Федерации. Данный подход во многом можно считать обоснованным, особенно если учесть тот факт, что именно государство является основным актором в формировании коллективных и индивидуальных идентичностей, и фактически, и нормативно закрепляя критерии и атрибуты для самоопределения различных индивидов и групп.

С одной стороны, при использовании именно административного подхода в определении региона существенно упрощаются процедуры получения эмпирических данных, так как существуют значительные массивы информации, собираемой и обобщаемой именно по данному принципу различными органами государственной власти. При выборе такого подхода с самого начала исследователь становится потенциальным обладателем практически всех необходимых сведений о регионе-субъекте, так как на протяжении периода его существования представители различных

научных отраслей уже провели значительный объем исследований и выделили его уникальные, а также схожие с остальными атрибуты. С другой, административная граница способствует локализации в строго очерченных рамках исторических, культурных, экономических и иных процессов, определяет иные особенности функционирования территории. С третьей, через непосредственное участие государства в определении границ и правил их установления/изменения в регионах определяются атрибутивные характеристики «региональных элит», которым отводится роль одного из ключевых акторов в процессе формирования региональной идентичности.

Иными словами, приступая к исследованию региональной идентичности, в рамках существующих административных образований, в нашем распоряжении имеется практически любая необходимая или подходящая для целей исследования информация, в том числе и о том, что составляет своеобразие и уникальность данного региона.

Несколько сложнее ситуация складывается с субрегионами, состоящими из нескольких

субъектов и не имеющими четких административных границ, таких как Поволжье, Сибирь, Урал, Дальний Восток и другие. Применительно к данному исследованию для обозначения «составных» субрегионов будет использоваться термин «макрорегион», чаще всего применяемый в экономике и экономисткой географии для определения крупных экономических зон страны с характерными природными и экономическими условиями развития производительных сил [1].

Спецификой макрорегионов, кроме отсутствия четких административных границ, является то обстоятельство, что основными атрибутами выступают ландшафтно-географические особенности территории (реки, горы, тайга, море и др.). Кроме того, к числу особенностей макрорегиона, фиксируемых в массовом сознании, можно отнести и различные, преимущественно положительные, человеческие качества: здоровье, характер, гостеприимство, радушие, вспыльчивость и др. Такие качества, по устоявшемуся мнению населения, характерны для большинства жителей конкретного макрорегиона. Также в числе особенностей макрорегионов могут фигурировать отдельные уникальные атрибуты, присущие только некоторым регионам, относимым к числу их составляющих: представители профессий, преобладающие отрасли материального производства, культурные феномены и т. д.

Еще одной характерной чертой макрорегиона выступает отсутствие выраженной макрорегиональной элиты и, соответственно, акторов, ориентированных на формирование макрорегиональной идентичности, последующую её эксплуатацию в собственных интересах и опосредованно в интересах населения территории. Принимая во внимание данное обстоятельство можно утверждать, что ведущим актором, влияющим на развитие макрорегиональных идентичностей, является непосредственно само государство, центральная власть, которые в определенные исторические моменты осуществляют целенаправленные действия в отношении своих территорий, обозначая и выделяя их в качестве макрорегионов. Следствием такого воздействия, не считая получения от территорий необходимых

государству ресурсов, становится введение макрорегионов в национальную информационную повестку, сначала в научный, а затем и в повседневный дискурс, установление основных атрибутов этих макрорегионов и их значения в определённые исторические моменты для развития государства (присоединение Кавказа, голод в Поволжье, покорение Сибири, развитие горно-заводского дела на Урале). К топониму, обозначающему обширную территорию, содержащую несколько административно-территориальных единиц, добавляются исторические атрибуты национального и субнационального масштаба, тем самым формируя дополнительные отличия данного макрорегиона от остальной территории государства и устанавливая символические границы между макрорегионами.

При этом в дополнение к сказанному можно сделать вывод, что общность исторического развития в формировании макрорегиона является одним из ключевых факторов, которые оказывают влияние на развитие данной территориальной идентичности.

В отличие от административных границ регионов, составляющих макрорегион, символические границы макрорегионов подвержены существенно меньшим изменениям, так как в качестве их базиса выступают география и история, которые неотделимы от данной территории. Административно-территориальные образования, их границы, наименования, иные уникальные атрибуты наоборот являются более подверженными деформации и могут претерпевать кардинальные изменения, вплоть до формального исключения (отделения) региона от макрорегиона или же объединения с отличным по формальным атрибутам регионом: по историческому или экономическому характеру развития, по этническому составу и др.

Такие региональные трансформации в своем подавляющем большинстве происходят вследствие решений, принимаемых национальным правительством, которые, как правило, объясняются потребностью в обеспечении управляемости территорией всего государства в конкретный исторический период в зависимости от его текущих нужд и понимаемой эффективности.

* Статья подготовлена при поддержке научного гранта Свердловской области и РФФИ-Урал № 13-06-96004 «Глобальный потенциал региональной идентичности»

Макрорегиональные идентичности естественным образом сохраняются даже при смене политических режимов государства, на территории которого они расположены. Из этого следует, что макрорегиональная идентичность обладает большей устойчивостью и укорененностью, нежели просто региональная (административная). Вместе с тем, в повседневной жизни, граждане государства и одновременно жители конкретных субъектов находятся соответственно в информационных пространствах, формируемых представляющими их властными акторами. Более того, подавляющее большинство социальных институтов, с которыми индивиду приходится взаимодействовать в течение всей его жизни, функционируют в той же системе координат – административного деления и уровней власти, установленных государством. Следствием такого взаимодействия становится то обстоятельство, что для жителей макрорегиона актуальность в массовой идентификации возникает только при неординарных ситуациях (например, война, природные катаклизмы) или в случае появления упоминаний макрорегиона в риторике главы государства и иных представителей федерального центра.

В случае же публичного обращения к макрорегиональным атрибутам со стороны руководства субъекта (регионального актора), входящего в состав макрорегиона, актуальность данной коллективной идентичности может возникнуть только среди той части населения, которая проживает на территории соответствующего субъекта. Получение эффекта от эксплуатации макрорегиональных атрибутов в этом случае будет также локализовано в пределах территории субъекта. Другими словами, оперируя макрорегиональными атрибутами, региональный актор рассчитывает на привлечение ресурсов для осуществления собственных, ограниченных административными границами, целей, а не всех субъектов, относимых к макрорегиону.

Таким образом, можно выдвинуть предположение, что действия федерального центра (общенационального субъекта) оказывают влияние на весь макрорегион и соответственно коллективную идентичность всех его жителей, в то время как использование макрорегиональных

идентификаторов отдельными региональными акторами влияет на сужение его символических границ до административных границ их субъекта [2].

Изменение символических границ территориальной идентичности в данном исследовании предлагается рассмотреть на примере одного из самых молодых – Уральском макрорегионе.

Обособление Урала в самостоятельный макрорегион происходит в первой половине 18 века, после того, как на этой территории стало активно развиваться горнозаводское дело. Данная отрасль материального производства стала во многом преобладающей.

Несмотря на то, что на протяжении всего периода развития региона, вплоть до нашего времени, административные границы регулярно претерпевали изменения, основными атрибутами территорий, из которых формируется Уральский регион, наряду с общим географическим положением, сохранялась металлургия, тяжелая промышленность и другие смежные отрасли. Последующий исторический цикл, то есть практически вся мифология советского периода, основывается именно на различных аспектах, характерных для данного вида промышленного производства: Опорный край державы, Эвакуация заводов на Урал, Уральский добровольческий корпус, танки, «Танкоград», мотоциклы, грузовики, Сказы П. Бажова, Завод заводов, закрытые города и т. д.

Базисом (маркерами) для макрорегиона являются топоним и историческое развитие горнодобывающей и горноперерабатывающей промышленности на склонах Уральских гор, которые возникают почти одновременно под влиянием деятельности одного государственного деятеля – В. Татищева. Именно наличие этих двух атрибутов (маркеров) позволяет вновь образованному региону (Челябинской области) стать неотъемлемой частью Уральского макрорегиона, но только в советский исторический период, так как основные металлургические предприятия (ММК, ЦТЗ, ЧЦЗ) появляются в 30-е годы прошлого века. И сам город Челябинск, являясь административной столицей региона, получает второй Уральский атрибут – переработку железа, ранее являясь исключительно транзитным

городом в торговле со Средней Азией, о чем свидетельствует исторический герб города с навьюченным верблюдом. В отличие от других региональных центров – Перми и Екатеринбурга, которые изначально закладывались, как города-заводы – Челябинск получает возможность называться уральским городом спустя столетие после своего основания. Закрепляют уральскую прописку за регионом действия национального правительства в начале 40-х годов, продиктованные внешней агрессией, когда в Челябинскую область в рамках эвакуации на Урал, перемещаются промышленные производства и рабочая сила из европейской части страны.

Таким образом, можно утверждать, что расширение символических границ макрорегиона в отдельных случаях является следствием деятельности национальных акторов, реализуемой через создание макрорегиональных атрибутов в административных регионах со сходным физико-географическим положением.

Еще одним подтверждением, но требующим дополнительного исследования этого утверждения, могут служить изменения административного закрепления макрорегиональных границ на территории государства – создание федеральных округов. Анализ возникновения этих

территориальных образований объясняется, как уже отмечалось, осуществляемыми государством региональными трансформациями, проводимыми для обеспечения потребности в управляемости территорией всего государства, но в силу того, что кроме административных границ других изменений не происходит, то и смены макрорегиональной идентичности у населения данных регионов не фиксируется. Яркими примерами в рамках рассмотрения Уральского макрорегиона являются Пермский край и сложносоставная Тюменская область, жители которых в первом случае сохраняют уральскую идентичность, а в другом – остаются носителями сибирской.

1. Экономическая география России. Учебник [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/economicheskaya-geografia/index.htm> (дата обращения: 21.09.2014 г.).

2. Киселёв К.В., Щербakov А.Ю. Урал: к вопросу об идентификационной динамике бренда // Вестник Пермского университета. ПОЛИТОЛОГИЯ. 2013. № 1. С. 138–150.

1. E'konomicheskaya geografiya Rossii. Uchebnik [E'lektronnyj resurs]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/economicheskaya-geografia/index.htm> (data obrashheniya: 21.09.2014 g.).

2. Kiselyov K.V., Shherbakov A.Yu. Ural: k voprosu ob identifikacionnoj dinamike brenda // Vestnik Permskogo universiteta. POLITOLOGIYA. 2013. № 1. S. 138–150.

SYMBOLIC BOUNDARIES OF A MACRO REGIONAL IDENTITY: URAL CASE

Scherbakov Alexey Yurjevich,

Institute of Philosophy and Law,
Ural Branch of the Russian Academy of Sciences,
Ekaterinburg, Russia,
E-mail: all_rubicon@mail.ru

Annotation

The article is devoted to methodological problems of studying regional identities of Russian regions by the example of the Urals macro-region and of the Chelyabinsk region. This study identified the main factors that influence the formation of macro-regional identity, defined actors influencing the occurrence of macro-regional identities, as well as the definition and changing their administrative and symbolic boundaries.

Key words:

soft power, diplomacy, international relations, economy, culture.

К ВОПРОСУ ОБ ИДЕНТИЧНОСТИ СВЕРДЛОВСКОЙ ОБЛАСТИ*

Киселев Константин Викторович,

Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук,
к. филос. н., доцент,
заместитель директора ИФиП УрО РАН по научным вопросам,
г. Екатеринбург, Россия,
E-mail: kiselevkv@yandex.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу проблем становления и развития региональной идентичности в Свердловской области. Выделяются основные тенденции и периоды развития системы региональных идентификаторов. Прослеживается корреляция процессов формирования региональной идентичности и политических процессов, связанных с противостоянием региональных и федеральных элит, различием региональных и федеральных интересов. Определяется содержание сложившейся системы региональных идентификаторов. Выдвигается гипотеза о формировании в Свердловской области системы идентификаторов, способной к саморазвитию и не требующей сколько-нибудь значимого вмешательства региональной власти.

Ключевые слова:

региональная идентичность, Свердловская область, выборы, региональные интересы, федерализм, губернатор, Урал, Уральская республика, столица.

В силу того, что о региональной идентичности, в том числе Урала, Екатеринбурга и Свердловской области, написано достаточно много научных и публицистических текстов, а также в силу общей признанности целого ряда исследовательских утверждений, имеет смысл изложить именно в тезисной форме как уже известные и апробированные гипотезы, так и новые предположения, связанные с динамикой идентификационных процессов в Свердловской области. Большинство положений статьи основаны на многолетних социологических исследованиях, проводимых как самим автором, так и его коллегами. При этом очевидно, что многие из нижеследующих тезисов требуют дополнительной особой научной проработки, проверки и с помощью социологических инструментов, и временем.

1. Проблемы идентичности в практическом контексте Свердловской области были поставлены несколько ранее, чем в иных

субъектах Российской Федерации Уральского региона. Условной точкой отсчета современных процессов формирования идентичности можно считать референдум о поднятии статуса Свердловской области до уровня республики, состоявшийся 25 апреля 1993 г. Тогда в нем приняло участие более двух третей всех избирателей, из которых «за Уральскую республику» проголосовало более восьмидесяти процентов.

Для сравнения можно сказать, что в Челябинской области только запрос на уникальность возник лишь во второй половине «нулевых» годов XXI века, то есть спустя более чем десять лет с момента образования и разгона Уральской республики [3].

2. Принципиальным основанием для процесса становления региональной идентичности стало политическое противостояние региональных элит с элитами федеральными. Символом борьбы региона за свои интересы, отличными от интересов «Центра», стал Э. Россель, от-

страненный от должности Указом Президента № 1890 в ноябре 1993 г. и выигравший губернаторские выборы в 1995 г., несмотря на отчаянное сопротивление федеральной власти.

3. Особую роль в процессах становления идентичности сыграл конкурентный дизайн политической системы Свердловской области, нормативно закрепленный в Уставе Свердловской области и иных региональных законах. В итоге с учетом федеральных выборов в Свердловской области с 1993 г. по 2012 г., т. е. за двадцать лет, референдум и выборы, затрагивающие всю территорию области, проходили практически ежегодно. Масштабных электоральных кампаний не было лишь в 1997, 2001, 2005 и 2009 гг.

Совершенно очевидно, что избирательные кампании не могли не формировать общеобластную повестку, ощущение причастности к областным проблемам, т. е. влиять на становление общей идентичности региона. Соответственно, верно и обратное: отсутствие региональных выборов, их формальность «убивает» идентичность, «разделяет» область на «местечки», связанные друг с другом только юридической принадлежностью к «абстрактному» региону.

4. Частота выборов и первоначально либеральное избирательное законодательство, позволявшее участвовать в выборах региональным партиям и блокам, вызвали к жизни целый ряд избирательных объединений, активно использующих региональные символы, «играющих» исключительно на региональной тематике, противопоставляющих интересы региона интересам «Центра».

Даже сами названия этих объединений уже подчеркивали их статус «защитников региональных и/или местных интересов»: «Преображение Урала», «Горнозаводской Урал», «Наш дом – наш город», «Коммунисты Свердловской области», «Единство Урала», «Союз бюджетников Урала», «За Родной Урал» и т. д.

Такие объединения, как «Промышленный Союз», «Май», «Социальная помощь и под-

держка», «Объединение работников образования» и другие, хотя в своих названиях и не использовали региональные идентификаторы, но по факту эксплуатировали именно региональную тематику, способствуя тем самым формированию региональной идентичности.

5. Более того, элиты Свердловской области в своем позиционировании фактически присвоили не только символы собственно региональной идентификации (например, местные топонимы, имеющие символическое значение: Свердловск, Екатеринбург, Ирбитская ярмарка и иные; или экономические идентификаторы: металлургия, танкостроение и т. д.), но и основные символы субрегионального значения. К таковым идентификаторам относится, прежде всего, принадлежность к Уралу, «уральскость» [2].

6. В отличие от других мощных регионов Свердловской области и ее столице Екатеринбургу удалось благополучно миновать болезнь «столичности» [1] в позиционировании при формировании региональной идентичности. «Третьих» и иных столиц в России оказалось столь много, что они все потерялись и на фоне первых двух, и на фоне друг друга.

7. Очевидно, что несмотря на во многом единую повестку, периодически устанавливаемую на территории области через выборы, через единые и/или контролируемые региональной властью СМИ и т. д., процессы идентификации в различных муниципалитетах протекают не равномерно. Прежде всего этому способствует углубляющаяся неравномерность экономического развития. Сегментация экономического пространства приводит к тому, что сегментируется и система идентификаторов. Региональные идентификаторы уступают место временным, социальным и «местечковым» (муниципальным, поселенческим).

8. Екатеринбург, как локомотив идентификации, выбрал, во многом благодаря наличию развитой гуманитарной среды, позиционирование на европейскость, на международность, на современность. Во многом этому помогла предварительная его раскрутка как консуль-

* Статья подготовлена при поддержке научного гранта Свердловской области и РФФИ-Урал № 13-06-96004 «Глобальный потенциал региональной идентичности»

ского и логистического центра, находящегося на границе Европы и Азии. «Екатеринбург – территория Европы», «Екатеринбург – территория свободы» – два основных маркера идентичности, которые активно продвигались самыми разными способами. И естественно не могли не затронуть и иные города области. Например, в Березовском была разработана и реализована целая программа «TerraLibera».

9. Что касается содержания собственно региональных идентификаторов, то оно не было неизменным, эволюционируя, во-первых, от традиционных (металлургия, опорный край державы и т. п.) к более современным (европейскость, торговый центр, самый динамичный и развитый город и т. д.), во-вторых, от достаточно компактного набора символов к все более дифференцированной символической системе.

10. Что касается географических идентификаторов, то основной из них остается неизменным на протяжении долгих лет. Это расположение области и ее столицы на границе между Европой и Азией. По отношению к граничности остальные играли и играют факультативную роль: горы, Седой Урал, Конжаковский камень, гора Волчиха и т. д. Стоит отметить, что во многом благодаря усилиям А. Иванова в число таких идентификаторов стали входить реки Урала. И прежде всего – Чусовая.

11. Промышленные или экономические идентификаторы претерпевают однозначную динамику. Если ранее это: металлургия, заводы, завод заводов, отец заводов, Уралмаш, танки, железная руда, горнозаводское дело, опорный край державы и т. д., то сейчас появляются и все больше входят в систему разделяемых идентификаторных ценностей иные: логистический центр, банковский центр, торговый центр и т. д. При этом и идентификаторы первичные, и новые вполне мирно сосуществуют.

12. Историческая символика в системе региональной идентичности представлена, но не занимает в ней доминирующего места: отсутствие крепостного права, Ермак, Демидовы, горная промышленность, «ковка» победы в Великой отечественной войне, танковый кор-

пус и т. д. Пожалуй, самое значимое событие в этом ряду исторических идентификаторов – убийство царской семьи.

13. В области искусства налицо серьезная идентификационная динамика. Традиционные П. Бажов и уральские сказки, Д. Мамин-Сибиряк и «горное гнездо» закономерно уходят в прошлое. Писатели советского периода заметного следа в идентичности не оставили, несмотря на славные имена и названия. «Уральский следопыт», «Урал», конкурс «Аэлита», хотя и держатся, но конкуренции не выдерживают. Зато Свердловская область и особенно Екатеринбург все активнее поддерживают достаточно новые «бренды» и «бренды» прошлого, зазвучавшие по-новому: А. Иванов, создаваемый музей Невьянской иконы (который только сейчас входит в число известных брендов!), художники М. Брусиловский, В. Волович, Г. Метелев и другие (памятник «Горожане»), екатеринбургский стрит-арт, «уличный художник» Тимофей Радя, драматург и режиссер Николай Коляда, композитор А. Пантыкин, группа «Чайф» и иные, команды КВН, «Красная Бурда» и т. д.

Особо стоит отметить, что большинство идентификационных брендов в сфере искусства возникли не при однозначной и существенной поддержке власти, но самостоятельно. Никакого сравнения в этом контексте с гигантским проектом «Пермь – культурная столица России» М. Гельмана, возникшем под патронажем губернатора О. Чиркунова.

14. Явно существенно проигрывают иным (географическим, промышленным) идентификаторам символические системы, связанные со спортом. Тогда как в соседних регионах они принципиально значимы. Можно отметить, что, условно говоря, между «старым» футбольным «Уралмашем» и новым «Уралом» образовался некий идентификационный вакуум. Хоккей с мячом, когда-то очень популярный, вообще ушел из спортивной повестки. «Уралочка» Н. Карполя также прошла символический «пик символической формы». Сегодня заметно некое, а иногда и значимое, возрождение

интереса к спортивным идентификаторам, но оно очевидно слабее того, что есть в соседних областях макрорегиона.

15. Одной из символических логик, в том числе определяющих систему идентификаторов, стала логика особого уральского характера, мужественности и, в силу этого, превосходства.

Здесь и то, что уже упоминалось (Уральская республика, горнопроходчество, опорный край державы и т. д.), и необсуждаемое признание того, что Екатеринбург – самый динамичный город субрегиона, а то и страны, и чувство превосходства над пермяками, челябинцами, не говоря уже о «тюменцах» и более отдаленных регионах, и даже признание особенности и «крутости» уральской мафии.

16. Для Свердловской области очень важна тема и идентификаторы самостоятельности и свободы: отсутствие крепостного права, Уральская республика, Э. Россель, Е. Ройзман, борьба за сохранение прямых выборов в Екатеринбурге и т. д. Даже знаменитое в последнее время выражение «Тагил рулит» и то имеет под собой смысловые логики, связанные с самостоятельностью и обоснованием свободы поведения и деятельности.

Заметим, что тема самостоятельности и свободы в Свердловской области имеет отчетливый оттенок «сопротивления чему-либо»: системе, Центру, несправедливости, чужому и т. д. Наглядное проявление такого сопротивления – неприятие «губернаторов-варягов». Еще несколько примеров такого рода: «оборона Сагры» против несправедливости и милицейского беспредела, борьба с застройкой площади Труда против произвола нового губернатора, защита Егора Бычкова против опять-таки произвола правоохранителей, голосование против всех и низкая явка в самых разных муниципалитетах и т. д.

Можно предположить, что в основе всей современной идентичности региона лежит конфликтность. Как внутренняя, так и внешняя. Фактически, любая идентичность и развивается через конфликт, но в Свердловской

области это особенно заметно, ибо характер конфликтов иной. Образно говоря, если где-то конфликт проявляется в форме интриги или скандала, то в Свердловской области и Екатеринбурге в форме прямого и открытого «боестолкновения». Практически любая биография известного человека – история выживания, борьбы, смерти: А. Башлачев, М. Брусиловский, Н. Карполь, Г. Метелев, Н. Коляда, Э. Неизвестный, Е. Ройзман, Э. Россель, Б. Рыжий и многие, многие другие.

17. Очевидно, что система идентификаторов много сложнее. И едва ли можно в небольшой статье детально описать и субординировать все. Здесь и город небоскребов, и самый компактный европейский миллионник, и столица рок-музыки, и самый конкурентный город, и столица конструктивизма, и многое иное. Но стоит отметить, что сложность и разветвленность системы идентификаторов есть безусловное благо для развития региональной идентичности, ибо есть свидетельство и гарантия ее устойчивости.

18. Две гипотезы в качестве выводов.

Первая гипотеза оптимистична. Идентификационная система Свердловской области, и прежде всего Екатеринбурга, являющегося двигателем всего процесса региональной самоидентификации, сегодня достигла того уровня развития, когда она особо и не нуждается во властном стимулировании. Она стала саморазвивающейся, самодостаточной, способной к производству новых символов и смыслов.

Вторая гипотеза преисполнена пессимизма. Пока Свердловская область и Екатеринбург имеют некоторый запас «идентификационной» прочности. Производятся смыслы, совершенствуются практики. Город и область пока самостоятельно, без поддержки власти, но вопреки ее унифицирующему влиянию, отвечают на современные вызовы идентичности. Пока еще способны. Но вскоре может сложиться ситуация, когда сопротивление естественного организма будет сломлено политическими методами, а от региональной идентичности останутся лишь воспоминания.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Требования к оформлению статей и сообщений, представляемых в редакцию научного журнала Дискурс-Пи

1) Автор направляет рукопись по электронной почте.

2) Текст статьи представляется на русском языке объемом до 19 100 знаков (без учета пробелов, включая сноски). Формат файла – Microsoft Word 97–2003. Шрифт – Times New Roman Cyr, 14 кегль (включая название). Межстрочный интервал – одинарный. Поле со всех сторон – 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи или сообщения (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью соответствующей компьютерной программы, т. е. не вручную (не пробелами или табуляцией).

3) В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.

4) Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов и должны иметь последовательную нумерацию. Электронный вариант каждой иллюстрации представляется в отдельном файле.

5) Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц – сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения.

6) Название статьи указывается посередине текста 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные – строчные. В правом верхнем углу над названием статьи указывается фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы) занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), город.

7) Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 28]), в конце статьи – библиографический список в алфавитном порядке.

8) Библиографические ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».

9) Для нормативных актов в списке указывается начальная и последняя редакция.

10) Статья должна быть классифицирована – иметь УДК.

11) Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.

12) Помимо текста статьи автором представляются отдельным файлом в электронном виде на русском и английском языках:

- краткая (до 300 печатных знаков) аннотация с обязательным указанием названия статьи, фамилии и инициалов автора;
- ключевые понятия и словосочетания (не более пяти);
- сведения об авторе – Ф.И.О. (полностью), должность и место работы или учебы, ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон).

Статьи или сообщения, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию и редактированию не принимаются.

Решение о публикации направленных в журнал материалов принимается в течение трех месяцев со дня регистрации рукописи в редакции.

Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии.

Рукописи не возвращаются.

Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».

Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в научном журнале «Дискурс-Пи» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.

Дискурс-Пи: Научный журнал / учредитель
Уральское отделение Российской академии
наук, Институт философии и права Уральского
отделения Российской академии наук; под
ред. О. Ф. Русаковой. – Екатеринбург: ИД
«Дискурс-Пи», 2014, № 2–3 (15–16) 2014. – 214 с. –
ISSN 1817-9568

DISCOURSE-P
Дискурс-Пи
Научный журнал

PHILOSOPHY –
ФИЛОСОФИЯ
POLITICAL SCIENCE –
ПОЛИТИЧЕСКАЯ НАУКА
PAST & PRESENT –
ПРОШЛОЕ И НАСТОЯЩЕЕ
PUBLIC RELATIONS –
СВЯЗИ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ
PHILOLOGY –
ФИЛОЛОГИЯ

**IP&L INSTITUTE of
PHILOSOPHY & LAW**

THE RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
URAL DEPARTMENT • 1988

**Институт философии и права
Уральского отделения
Российской Академии наук**

Рекомендовано к изданию

*Ученым советом Института философии и права
Уральского отделения Российской Академии наук,
Екатеринбург, 2014*

Главный редактор
О. Ф. Русакова

Дизайн обложки
В. В. Рушаков

Компьютерная верстка
GEO

Подписано в печать 03.10.2014 г.

Формат 60x84^{1/8}

Печать офсетная

Усл. печ. л. 21,62

Тираж 300 экз. Заказ № 000

Издательский Дом «Дискурс-Пи»

620102, Екатеринбург, ул. Посадская, 21, оф. 233

Тел.: +7 902 870-86-06

<http://www.discourse-p.ru>

e-mail: info@discourse-p.ru, info@idipi.ru

Отпечатано в типографии ИРА УТК

620146, г. Екатеринбург, ул. Шаумяна, 83.

DISCOURSE-P
ДИСКУРС-ПИ